ВЛАДИМИР ДАЙНЕС

ФЕЛЬДМАРШАЛ МАНШТЕЙН

ЛУЧШИЙ ПОЛКОВОДЕЦ ГИТЛЕРА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Его величают «лучшим полководцем Гитлера», «гениальным стратегом» и «первым оперативным умом Вермахта». Племянник фельдмаршала Гинденбурга, выходец из семей потомственных прусских офицеров (16 его предков по прямой генеалогической линии были генералами немецкой и русской службы), Эрих фон Манштейн (Левински) с рождения предназначался для военной карьеры. Герой Первой Мировой, тяжело раненный на русском фронте, он был награжден Железными крестами 2-го и 1-го классов и Рыцарским крестом с Мечами. Но «звездными годами» Манштейна стала Вторая Мировая война – это ему принадлежал план молниеносного разгрома Франции, это он захватил Крым и штурмовал Севастополь, безуспешно пытался спасти из Сталинградского «котла» армию Паулюса и взял реванш за эту неудачу в третьей битве за Харьков, командовал немецкими войсками на южном фасе Курской дуги и в битве за Днепр. Сломало эту блестящую карьеру Корсунь-Шевченковское побоище, где Манштейн нарушил волю Гитлера, отдав своим войскам несанкционированный приказ об отступлении, что спасло остатки немецкой группировки от полного истребления. За это сражение он был награжден Мечами к Железному кресту с Дубовыми Листьями, а на следующий день отстранен Гитлером от должности и отправлен в резерв. После войны трибунал осудил фельдмаршала Манштейна как военного преступника и приговорил к 18 годам тюрьмы за тактику выжженной земли и «недостаточное внимание к защите мирного населения», однако он вышел из тюрьмы уже через 3 года и доживал свой век в почете и покое. А знаменитые мемуары Манштейна «Утерянные победы» стали настольной книгой любого офицера и любителя военной истории, хотя и грешат умолчаниями и недомолвками. Первая русская биография прославленного полководца заполняет эти «черные дыры» и «белые пятна», воздавая ему должное за все успехи и просчеты, победы и поражения.

- Владимир Дайнес
  - ○
  - ○ Глава 1
  - ○ Глава 2
  - ○ Глава 3
  - ○ Глава 4
  - ○ Глава 5
  - ○ Глава 6

- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Приложения
  - Приложение № 1
  - Приложение № 2
  - Приложение № 3
  - Приложение № 4
  - Приложение № 5
  - Приложение № 6
- Список использованной литературы и источников

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32

- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76

- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120

- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164

- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208

- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252

- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296

- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340

- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384

- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428

- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472

- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516

- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544

Владимир Дайнес
Фельдмаршал Манштейн – лучший полководец Гитлера

© Дайнес В.О., 2013
© ООО «Издательство «Яуза», 2013
© ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Глава 1
Офицер имперской армии и рейхсвера

В 1806 г. между коалицией европейских держав (Великобритания, Россия, Пруссия, Саксония, Швеция) и Францией началась война, в которой союзники планировали изгнать французские войска с захваченных ими территорий и восстановить дореволюционные порядки во Франции. Однако Наполеон в сражениях под Йеной и Ауэрштедтом разбил в октябре прусскую армию герцога К. Брауншвейгского и за шесть недель занял почти всю Пруссию с ее столицей Берлином. В этом сражении принимал участие штандарт-юнкер фон Левински, дед будущего генерал-фельдмаршала Эриха фон Манштейна. В дальнейшем фон Левински сражался против французов уже в качестве офицера.

По стопам отца пошли и оба сына, завершив военную карьеру командирами корпусов. Один из них, генерал-лейтенант Эдвард (Эдуард) Эвальд Эрих фон Левински, женился на Хелене фон Шперлинг. Супруги жили в согласии, воспитывая девять детей, четверо из которых также стали офицерами. 24 ноября 1887 г. в Берлине в семье фон Левински родился десятый ребенок, нареченный при крещении Фридрихом. Сразу же после его появления на свет родители телеграфировали майору Георгу фон Манштейну и его супруге Хедвиг, урожденной фон Шперлинг: «Сегодня родился ваш здоровый мальчик. Мать и дитя в полном здравии. Сердечно поздравляем! Хелен и Левински» [1].

Читатель, ознакомившись с этой телеграммой, пребывает в неудомении: кто же родитель ребенка? Все очень просто. Сестры Хелена и Хедвиг фон Шперлинг были неразлучны с детства. Хедвиг не могла иметь ребенка, а потому сестры решили, что в случае появления на свет мальчика в семье фон Левински он будет передан бездетной паре. Так и поступили после крестин малыша. Приемные родители окружили его глубокой и нежной заботой. Мальчика теперь величали Фриц Эрих фон дер Левински, названный фон Манштейн. В ходе дальнейшего повествования мы будем его именовать Эрихом фон Манштейном, ибо под этим именем он более всего известен, как на Западе, так и в России. Сам он впоследствии спокойно отнесся к тому, что попал в семью фон Манштейнов. *«Я узнал, что мама с папой не являются моими физическими родителями, уже в раннем*

детстве, – пишет Эрих фон Манштейн. – *Благодаря тесным семейным связям в нашем роду я не страдал ни от какого внутреннего конфликта. Так как я с первых сознательных дней своей жизни находился в доме своих приемных родителей, они, само собой разумеется, заняли в моем сознании места моих отца и матери*» [2]. Для Эриха авторитет приемного отца, придававшего большое значение таким понятиям, как долг и честь, был непререкаемым.

Итак, из одной семьи потомственных военных Эрих попал в другую, имевшую увесистый послужной список. Георг фон Манштейн, по утверждению Эриха фон Манштейна, являлся выходцем из рода вождей древних пруссов. Шестнадцать предков по прямой генеалогической линии фон Манштейна были генералами прусско-немецкой или русской службы. Среди них полковник гвардии русской службы, генерал-майор прусской службы Кристоф Герман фон Манштейн, автор труда «Записки историческия, политическия и военныя о России с 1727 г. по 1744 год, сочиненныя г. Манштейном, бывшим в русско-императорской и прусско-королевской службах», опубликованного в 1770–1772 гг. в Лейпциге, Амстердаме, Париже и Лондоне, а затем в Санкт-Петербурге [3]. Его потомок Альбрехт-Густав фон Манштейн (1805–1877) был генералом от инфантерии прусской службы, отцом Георга фон Манштейна. По приглашению Петра I на службу в русскую армию прибыл генерал прусской службы Эрнст-Себастиан фон Манштейн, который стал генерал-поручиком. Добавим еще, что Эрих фон Манштейн состоял в дальнем родстве с генерал-фельдмаршалом П. фон Гинденбургом-Бенкендорфом, будущим президентом Веймарской республики.

Семьи фон Манштейна и фон Левински не были богачами в прямом смысле этого слова, но и не бедствовали. После франко-прусской войны 1870–1871 гг. император Вильгельм I по представлению рейхстага пожаловал им пенсии, которые позволили вести безбедную жизнь.

Эрих, по собственному признанию, был физически слабым ребенком. Однако приемные родители сделали все возможное для того, чтобы укрепить его здоровье. В результате при поступлении в кадетский корпус Эриха признали «условно годным». Он был довольно живым и восприимчивым мальчиком, с легким характером, что особенно сказывалось во время учебы в лицее в Страсбурге. Учителя не раз отмечали, что Эрих «совершенно неусидчив» и «при большем прилежании с его способностями он мог бы учиться гораздо лучше». Но природная одаренность позволила Эриху показывать хорошие результаты в

учебе, чем он неоднократно удивлял своих учителей. Еще одной чертой характера Эриха, по его утверждению, являлось очень развитое чувство справедливости, которое объединялось в душе с сильным духом противоречия. С этим утверждением можно согласиться, так как в последующем фон Манштейн не раз высказывал свое несогласие с Гитлером по оперативно-стратегическим вопросам.

Родословная, несомненно, повлияла на выбор профессии Эрихом, который воспитывался в доброй прусской традиции. В 1899 г. он окончил лицей, а в следующем году поступил в кадетский корпус. Два года учился в городе Плене, а затем еще четыре – в главном кадетском корпусе в Лихтерфельде. Вспоминая о том времени, фон Манштейн отмечал, что воспитание было строгим, а полученное образование в известном смысле однобоким, так как кадетов готовили в первую очередь к будущей профессии солдата. Врожденное честолюбие не позволяло ему прятаться от физической нагрузки за спинами товарищей, что сделало Эриха достаточно выносливым. *«Жесткая муштра со стороны командиров рот и старших по комнатам, наверное, была не слишком приятна,* – пишет он, *– но отнюдь не вредила нашей подготовке. В любом случае здесь мы получали куда лучшее и более современное физическое воспитание, чем в гражданских школах. Ну, а с точки зрения науки наше образование соответствовало уровню реальной гимназии»* [4].

В марте 1906 г. после окончания кадетского корпуса Э. фон Манштейн получил звание прапорщика и был определен в элитный 3-й прусский полк пешей гвардии. Он был сформирован в мае 1860 г. и имел славную боевую историю. Личный состав полка принимал участие в войнах против Дании (1864 г.), Австрии (1866 г.) и Франции (1870–1871 гг.). Гвардия, по воспоминанию фон Манштейна, в те времена не являлась парадным учреждением. К офицерам гвардии предъявлялись высокие требования, что не позволяло им расслабляться. 21 января 1907 г. фон Манштейну было присвоено воинское звание лейтенант (со стажем с июня 1905 г.). Он последовательно прошел должности гимнастического инструктора, адъютанта батальона [5], был избран членом офицерского суда. Должность адъютанта батальона позволила ему постичь основы штабной службы, которые впоследствии пригодились при прохождении военной лестницы.

Фон Манштейн живо интересовался всем тем, что происходило в развитии военной мысли того времени. В Германии тогда преобладали взгляды генерал-фельдмаршалов Х. Мольтке (Старшего) и А. фон Шлиффена, генералов Ю. Верди

дю Вернуа, З. Шлихтинга, К. фон дер Гольца и Ф. Бернгарди.

Мольтке (Старший) в своих трудах проводил мысль о неизбежности войн и их «цивилизующей» роли. Он считал необходимым использовать все возможности страны в интересах ведения войны, упреждать противника в мобилизации армии и развертывании ее на границе, внезапно открывать военные действия, двигаясь к одному пункту с разных направлений («врозь идти, вместе драться»), охватывать врага с флангов. Особо подчеркивалось, что необходимо разгромить противника в одном генеральном сражении, атаковав с фронта и с флангов, и тем самым добиться победы в быстротечной войне. Мольтке (Старший) понимал, что Германия уступает своим вероятным противникам в силах и средствах, а потому одновременная война против Франции и России могла стать опаснейшим испытанием для молодой Германской империи. В этих условиях он считал быстрое окончание войны «величайшим благом» [6].

Концепция скоротечной, молниеносной войны («блицкриг» – нем. Blitzkrieg, от Blitz – «молния», Krieg – «война») нашла свое яркое выражение в работах фон Шлиффена. В меморандуме «Война против Франции» (декабрь 1905 г. – январь 1906 г.), ставшем позднее известным как план Шлиффена, отмечалось, что война Германии с Францией должна была быть скоротечной и закончиться через несколько недель поражением Франции. После этого планировалось сосредоточить основные силы против России для достижения победы в короткие сроки. Фон Шлиффен отстаивал идею окружения армий противника путем стратегического охвата и разгрома его в большом генеральном сражении. Его взгляды о характере ведения будущей войны были возведены правящими кругами Германии в ранг государственной военной доктрины, получившей в исторической литературе наименование «доктрины Шлиффена».

Идеи Мольтке (Старшего), фон Шлиффена и их последователей наложили отпечаток на систему боевой подготовки и обучения командных кадров. Войска обучались, в первую очередь, умению вести наступательный бой. В германском Строевом пехотном уставе 1906 г. отмечалась необходимость выработать у личного состава навыки безостановочного наступления под лозунгом «Вперед на противника, чего бы это ни стоило». Для этого рекомендовалось стягивать к полю сражения все силы до последнего батальона и сразу вводить их в бой. Такая тактика обеспечивала разгром противника при успехе, но при неудаче могла привести к разгрому собственной армии [7].

На тактических занятиях фон Манштейн приобрел навыки

осуществления стремительного охватывающего маневра на флангах с целью окружения противника. Он получил хорошие практические навыки в изучении и оценке местности и обстановки, выборе позиций, отдаче приказаний и распоряжений. Одновременно командный состав уделял внимание охране своих флангов, используя для этого конницу, специальные части и резервы. Слабым местом в подготовке войск было ведение боя в окружении, который не предусматривался уставами и не был разработан. Фронтальный удар и фронтальное наступление с целью прорыва считались нецелесообразными вследствие трудности их осуществления в условиях, когда армии противников обладали значительной огневой мощью. Особое значение придавалось ведению разведки противника путем использования конницы, привязных аэростатов, самолетов, наземного наблюдения, подслушивания и агентуры. Фон Манштейн уделял большое внимание обучению одиночного бойца, действиям в составе подразделений в различных условиях обстановки.

При обучении войск и командиров определенное внимание уделялось вопросам организации и ведения оборонительного боя. В теоретическом плане проблема соотношения наступления и обороны решалась немецкой военной мыслью в целом правильно. Однако Бернгарди, фон дер Гольц и фон Шлиффен все время подчеркивали, что оборона противоречит не только всему опыту военной истории Германии, но и особенностям самого национального характера немецкого солдата. Оборона признавалась важным видом боевых действий «там, где она стратегически необходима». Она должна быть активной и маневренной. На тактических занятиях и учениях отрабатывались вопросы подготовки и проведения контратак и контрударов с целью нанесения противнику наиболее чувствительных потерь и создания необходимых предпосылок для перехода в контрнаступление. Это соответствовало требованиям фон Шлиффена, подчеркивавшего, что современная оборона – это контрнаступление, или что «наступление является лучшим способом обороны» [8].

Иногда фон Манштейну предоставлялась возможность выступать на собрании офицеров с докладами и сообщениями по военной истории и различным вопросам боевой подготовки.

Более двух лет фон Манштейн настойчиво овладевал навыками штабной службы, достигнув на этом поприще немалых результатов. И не случайно 1 октября 1913 г. его направляют на учебу в Военную академию (Preußische Kriegsakademie). Она была основана в октябре 1810 г. известным прусским реформатором

генералом Г.И.Д. фон Шарнгорстом (Шарнхорст) для подготовки офицеров с высшим военным образованием.

К моменту поступления фон Манштейна в академию мир уже стоял на пороге мировой войны. Германия, игравшая главную роль в Тройственном союзе [9], преследовала несколько целей. К ним относились: разгром Англии и захват ее колоний; разгром Франции и закрепление за собой Эльзаса и Лотарингии; нанесение поражения Бельгии и Голландии и захват колоний этих держав; ослабление России и захват Польши, Украины и Прибалтики; подчинение своему влиянию Турции и Болгарии; прочное укрепление на Балканах совместно с Австро-Венгрией.

Тройственному союзу противостояли Англия, Франция и Россия. Союз между Россией и Францией был оформлен в 1891–1893 гг. В апреле 1904 г. Англия и Франция заключили «сердечное согласие» («l'Entente cordiale») [10]. В 1908 г. было завершено образование военно-политического блока России и Англии [11]. В итоге был создан военно-политический блок, получивший наименование Антанта. Англия планировала устранить Германию как конкурента, а вместе с тем ослабить своих союзников – Францию и Россию. Франция намечала вернуть Эльзас и Лотарингию, а Россия – задержать экспансию Австро-Венгрии в Сербию, Герцеговину и Боснию, овладеть Босфором и Дарданеллами, закрепить свои позиции на Балканах.

С началом Первой мировой войны завершилась учеба фон Манштейна в академии, так как ее закрыли, а слушателей отправили на фронт. Фон Манштейн 2 августа 1914 г. получил назначение на должность адъютанта 2-го гвардейского резервного полка. Эта должность была очень ответственной, так как в обязанности полкового адъютанта входили не только вопросы управления личным составом, но также разработка мобилизационных мероприятий и многое другое. Фон Манштейн принимал участие в наступлении из Верхней Силезии на Вислу и в тяжелых боях под крепостью Ивангород (Демблин). В данном случае речь идет о Варшавско-Ивангородской наступательной операции, проведенной войсками русских Северо-Западного и Юго-Западного фронтов с 15 (28) сентября по 26 октября (8 ноября) 1914 г. с целью разгрома германской и австро-венгерской армий на Средней Висле.

Командующий русской 4-й армией генерал А.Е. Эверт сумел в ночь на 27 сентября (10 октября) переправить свои войска за Вислу. Здесь у левобережных укреплений крепости Ивангород с 11 (24) октября развернулись ожесточенные бои с германскими войсками. Им на помощь поспешила австро-венгерская 1-я армия генерала В. Данкля фон Красника. Однако командующий русским

Юго-Западным фронтом сумел неожиданно для противника перебросить на левый берег Вислы 4-ю и 9-ю армии, которые 11 (24) октября нанесли удар по 1-й армии с обоих флангов. В результате она была разгромлена во встречном сражении и в беспорядке отступила. 14 (27) октября начался общий отход противника на исходные позиции. В ходе Варшавско-Ивангородской операции был развеян миф о непобедимости германской армии. Однако она сумела избежать окончательного разгрома из-за того, что русское командование не проявило должной твердости в руководстве войсками.

Фон Манштейн вместе с частями 1-й гвардейской резервной дивизии под непрерывными ударами русских войск отходил к границе Верхней Силезии. В одном из боев он был тяжело ранен. Это произошло следующим образом.

Вечером 16 ноября 1914 г. связисты 1-й гвардейской резервной дивизии перехватили русские радиограммы, в которых содержались сведения о возможном отходе русских частей. Командир дивизии, стремясь не допустить этого, приказал создать в каждом полку специальный отряд силой до батальона с задачей в течение ночи начать преследование противника. Обер-лейтенант фон Манштейн добился у командира полка полковника фон Крамера разрешения принять участие в операции в качестве адъютанта батальона, которым командовал майор фон Бассевитц. Однако радиограммы оказались ложными. Батальон, в котором находился фон Манштейн, у Катовице (Верхняя Силезия) наткнулся на оборонительную позицию. Полагая, что там находится арьергард русских, гвардейцы перешли в атаку. В это время неожиданно началась контратака русских подразделений. Фон Манштейн, шедший впереди батальона вместе с фон Бассевитцем и знаменосцем, был ранен. Спас фон Манштейна один из гвардейцев, убив лежавшего на нем врага.

Рана оказалась тяжелой. Более полугода фон Манштейн лечился в госпитале. 17 июня 1915 г. его выписали и назначили адъютантом и офицером Генерального штаба в армейскую группу «Гальвиц» [12]. Ею командовал генерал артиллерии Макс-Карл-Вильгельм фон Гальвиц фон Дрейлинг (1852–1937), ранее возглавлявший Гвардейский резервный корпус. Фон Манштейн, получив в июле звание капитана, принимает участие в наступлениях в Северной Польше и в Сербии.

В конце марта 1916 г. генерал фон Гальвиц был переведен на Западный фронт, где возглавил Западную группу войск, действовавшую под крепостью Верден на левом берегу р. Маас. Он к тому времени высоко оценил способности фон Манштейна, а потому добился разрешения об его переводе на Запад. В составе

Западной группы фон Манштейн летом 1916 г. принял участие в одном из самых кровопролитных сражений Первой мировой войны – Верденском сражении. На верденской «мясорубке», или «мельнице» Маасского района, как ее называл начальник германского Генерального штаба генерал пехоты Э. фон Фалькенгайн, было перемолото до 120 дивизий, в том числе 69 французских и 50 германских [13]. Обе стороны потеряли до 1 млн человек.

Фон Манштейн, испытав тяжелое поражение под Верденом, стал участником еще одного грандиозного сражения, теперь на р. Сомма. В июне 1916 г. он назначается адъютантом и офицером Генштаба 1-й армии, которой командовал генерал Ф. фон Белов. Операция на Сомме с самого начала приняла характер методичного прогрызания английскими и французскими войсками германской обороны. Здесь впервые фон Манштейну довелось увидеть применение англичанами в сентябре нового боевого средства – танков. Из 50 боевых машин в поддержке атаки пехоты приняло участие только 18 единиц, остальные либо застряли в грязи, либо остановились из-за поломки механизмов. С помощью танков на фронте в 10 км за пять часов английская пехота продвинулась вперед на 4–5 км. Танки произвели на германскую пехоту огромное психологическое воздействие. Она в панике бросала оборонительные позиции и убегала, прячась в укрытиях или сдаваясь в плен. Английские войска, наступавшие за танками, без особых потерь захватывали оставленные окопы, брошенные пулеметы и орудия.

Однако английским и французским войскам в ходе сражения не удалось полностью прорвать оборону германских войск. Они сумели лишь вклиниться в нее в полосе шириной до 35 км и на глубину до 10 км. В середине ноября 1916 г. из-за плохой погоды и истощения ресурсов боевые действия на Сомме были прекращены. В их орбиту было втянуто 150 дивизий, до 10 тыс. орудий, 1 тыс. самолетов и много другой техники. Французы потеряли 341 тыс. человек, англичане – 453 тыс., а потери германцев достигли 538 тыс. человек [14], из них 105 тыс. пленными. Для Германии эти потери были столь значительными, что она впоследствии не смогла восстановить прежнюю боеспособность и моральный дух войск.

Операция на Сомме вскрыла несостоятельность теории прорыва позиционного фронта, основанной на ударе в одном пункте и методических атаках. Удар в одном пункте при несовершенных средствах и методах позволял германскому командованию снимать войска с других участков, перебрасывать их в район прорыва и закрывать образовавшиеся бреши.

Наращивание сил и средств обороняющимися, инженерное усиление обороны на направлении наступления происходили быстрее, чем продвижение наступающих войск. Методизм наступления обрекал атаки на затухание, локализацию, расчленение общей атаки на ряд разрозненных и изолированных атак. Наступление, проводившееся густыми волнами стрелковых цепей, останавливалось сильным пулеметным огнем. Контратаки и контрудары резервов окончательно локализовали успехи, достигнутые в ходе атак.

Личные наблюдения и опыт позиционных сражений за Верден и на р. Сомме оказали значительное влияние на представления фон Манштейна о войне и его взгляды на руководство операциями и войсками. Но об этом мы скажем позднее.

Германское командование, не имея сил для отражения наступления союзников, а также учитывая трудность удержания разрушенных артиллерией позиций на р. Сомме, решило в начале февраля 1917 г. отвести свои войска на заранее подготовленную и хорошо укрепленную позицию «Зигфрид». Ее строительство началось еще в сентябре 1916 г. по линии Аррас, Сен-Кантен, Ла-Фер на р. Эна, срезая Нуайонский выступ. Это давало возможность высвободившимися войсками усилить важный центральный участок фронта и пополнить его резервы.

9 апреля 1917 г. в 5 часов 30 минут союзники приступили к проведению операции Нивеля с целью прорвать линию «Зигфрид» и добиться решительного перелома на Западном фронте [15]. Первыми нанесли вспомогательный удар английские войска у Арраса на 20-километровом фронте южнее Живанши. 12 апреля началось наступление на обеспечивающем направлении французских 4-й и 3-й армий. 16 апреля в сражение на главном направлении вступили французские 5-я и 6-я армии. Однако германское командование, которому стал известен план операции противника, укрепило резервами свои войска первой линии. В результате союзные войска, несмотря на неоднократные атаки, не смогли прорвать линию «Зигфрид». По настоянию французского правительства, извещенного об огромных потерях, операция Нивеля 5 мая была прекращена. В «бойне Нивеля» французы потеряли только убитыми и ранеными 180 тыс. человек, англичане – 160 тыс. Потери германской армии составили 163 тыс. человек, из них 29 тыс. пленными [16].

Фон Манштейну, получившему значительную практику штабной службы в оперативном звене, была предоставлена возможность проявить себя на тактическом уровне. 1 октября 1917 г. его назначили первым офицером Генерального штаба (начальник штаба и оперативного отделения) 4-й кавалерийской

дивизии, которая действовала в Курляндии. В своих воспоминаниях фон Манштейн отмечает, что здесь впервые познакомился с большевизмом, к которому у него осталась стойкая неприязнь.

4 мая 1918 г. фон Манштейна переводят на Западный фронт на должность первого офицера Генерального штаба 213-й пехотной дивизии. Германское верховное командование, стремясь отвлечь часть расположенных в Пикардии и во Фландрии резервов Антанты, решило в конце мая предпринять наступление в районе Шмен-де-Дам на участке между Реймсом и р. Уазой, а затем возобновить операции против английских войск на Сомме или во Фландрии. Для этого привлекались 18-я, 7-я, 1-я армии группы армий кронпринца Вильгельма. К 27 мая германское командование сосредоточило в районе планируемого наступления 34 дивизии, 5263 орудия, 1233 миномета и около 500 самолетов [17]. Им противостояла 6-я французская армия, располагавшаяся на 90-километровом фронте. Она имела 1400 орудий. Германские войска создали на участке прорыва двойное превосходство над противником по количеству дивизий первого эшелона и почти четырехкратный перевес в артиллерии.

Условия для наступления были довольно сложными. Германским войскам предстояло преодолеть реки Эллет, Урк, Вель и Марну. Местность изобиловала возвышенностями и благоприятствовала ведению обороны. Однако французы, считая свои позиции достаточно сильными по природным условиям, не уделили должного внимания их оборудованию в инженерном отношении. Тактическая глубина французской обороны была от 8 до 12 км. Первая укрепленная полоса глубиной до 4 км состояла из трех-четырех линий окопов. За ней находилась вторая оборонительная полоса, состоящая из двух-трех линий окопов. В 5–6 км позади второй полосы имелись отдельные узлы сопротивления [18].

27 мая в два часа ночи внезапно, без предварительной пристрелки, германские войска начали артиллерийскую подготовку с использованием химических снарядов. В результате оборона частей 6-й французской армии была полностью подавлена. В 4 часа 40 минут под прикрытием двойного огневого вала германская пехота пошла в наступление. К 11 часам части 7-й армии, почти не встречая сопротивления, продвинулись на 8 км, овладев Шмен-де-Дамом и выйдя на р. Эна. Они, захватив мосты через реку, переправились на южный берег и к исходу дня достигли р. Вель и местами форсировали ее. Это вынудило союзников в спешном порядке перебросить из Фландрии и Пикардии к месту прорыва 10 пехотных и 3 кавалерийские

дивизии французской 5-й армии [19].

Германские войска, достигнув значительного успеха, продолжили наступление. В ночь на 29 мая они захватили Суассон. Французское командование вынуждено было направить в район сражения еще 10 пехотных дивизий из состава Северной группы армии, а также 4 пехотные дивизии и 2-й кавалерийский корпус из своего резерва [20]. Все это позволило сдержать продвижение германских войск. 5 июня оно было прекращено сначала на флангах, а затем и в центре.

В результате наступления 27 мая – 5 июня германские войска взломали оборонительную систему французов на 80-километровом фронте, продвинувшись на глубину до 60 км. До Парижа оставалось менее 70 км. Цель операции – оттянуть с английского фронта резервы – была достигнута, хотя общий замысел верховного командования – разгромить англичан наступлением к северу от р. Уаза – так и не был осуществлен. В ходе боевых действий союзники потеряли около 127 тыс., а германские войска – 98 тыс. человек [21].

В последующем 213-я пехотная дивизия принимала участие в наступлении в Шампани, а затем вела оборонительные бои. 8 ноября 1918 г. комиссия по перемирию во главе со статс-секретарем германского ведомства иностранных дел М. Эрцбергером прибыла на станцию Ретонд в Компьенском лесу, где была принята верховным главнокомандующим союзными войсками маршалом Ф. Фошем. Германской комиссии были зачитаны условия перемирия. Они предусматривали прекращение военных действий, эвакуацию в течение 14 дней оккупированных германскими войсками районов Франции, территорий Бельгии и Люксембурга, а также Эльзас-Лотарингии. Войска Антанты занимали левый берег Рейна (причем содержание оккупационной армии целиком возлагалось на Германию), а на правом берегу предусматривалось создание демилитаризованной зоны. Германия обязывалась немедленно возвратить на родину всех военнопленных, а также эвакуировать свои войска с территории стран, входивших ранее в состав Австро-Венгрии, из Румынии, Турции и Восточной Африки. В ночь с 9 на 10 ноября кайзер Вильгельм II бежал в Голландию. К власти пришел Совет народных уполномоченных, состоящий из правых социал-демократов Ф. Эберта, Ф. Шейдемана и О. Ландсберга и независимых социал-демократов Г. Гаазе, В. Дитмана и Э. Барта. 11 ноября в 5 часов утра по французскому времени были подписаны условия перемирия.

На этом завершилось участие фон Манштейна в Первой мировой войне. Он зарекомендовал себя смелым, инициативным

офицером, познавшим во всех тонкостях штабную службу в звене от полка до армии, что позволило ему организовывать боевые действия на тактическом и оперативном уровнях. Его заслуги были отмечены Железными крестами 2-го (октябрь 1914 г.) и 1-го (ноябрь 1915 г.) классов, а также прусским Рыцарским крестом с мечами (1918 г.).

Как же отнесся фон Манштейн к крушению монархии? В своих мемуарах он писал:

«Когда 9 ноября 1918 года император и король отрекся от престола и бежал в Голландию, для солдат, в отличие от штатских, это было чем-то бóльшим, чем просто изменением формы государственного правления. По крайней мере, для прусской армии это было крушением всего мира. Мы были армией императора – то есть сама армия была нерушимо связана с личностью монарха. Присяга, данная королю, означала нечто куда большее, чем чисто политическое обязательство. Она была обязательством морального плана.

Король, в отличие от абстрактных понятий "государство" или "народ", был для армии точкой, в которой сходились чувство верности и долга. Никто в армии не говорил о "государственной службе". Речь шла только о "службе государю". При этом личность непосредственного монарха почти что не оценивалась критически. Служили не Вильгельму II, а "императору". Короли создали армию, их власть обуславливала ее существование. Ни в какой другой монархии не существовало такой тесной связи между короной и армией.

В тот день, когда под давлением революции последнему прусскому королю и германскому императору пришлось отречься от короны, немецкий солдат безвозвратно лишился своего прошлого. Идея прусской императорской власти погибла 9 ноября, не оставив наследника, который мог бы ее воскресить» [22].

После условий перемирия 213-я пехотная дивизия под руководством фон Манштейна отошла в район Седана. Затем ее направили во Франкфурт, где личный состав был восторженно встречен жителями. В начале января 1919 г. дивизию расформировали. Фон Манштейн уехал в Берлин, в свой 3-й прусский полк пешей гвардии. Однако он не остался без дела. Его умения и способности офицера Генерального штаба вскоре оказались востребованными. В феврале фон Манштейн получил назначение на должность офицера Генштаба при пограничном командовании «Восток» в Бреславле (Вроцлав), которое почти сразу же было распущено. Фон Манштейн был назначен помощником председателя комиссии по организации будущих Сухопутных войск [23]генерала Ф. фон Лоссберга [24].

В связи с тем, что идея прусской императорской власти перестала существовать, ей на смену пришла новая идея – «Рейх» (государство, империя). По мнению фон Манштейна, это было абстрактное понятие, объединившее народ, страну и государство, призванное защитить и сохранить всю триаду. Для решения этой задачи нужны были хорошо организованные, технически оснащенные и обученные вооруженные силы. Попытка их создания была предпринята Веймарским национальным собранием, которое 6 марта 1919 г. приняло закон о создании временного рейхсвера [25]численностью 400 тыс. человек.

Однако план создания временного рейхсвера пришлось вскоре пересмотреть. 28 июня 1919 г. министр иностранных дел Германии Г. Мюллер и министр почты И. Белл подписали в Версальском дворце мирный договор. Согласно договору Германия лишалась всех своих колониальных владений, 10 % населения и 13 % довоенной территории. К Франции отошли Эльзас и Лотарингия, к Дании – Северный Шлезвиг, к Бельгии – округа Эйпен, Мальмеди и область Морене, к Польше – большая часть территории провинций Познань и Западной Пруссии, а также небольшие территории в Померании, Восточной Пруссии и Верхней Силезии. В пространстве, отделявшем Восточную Пруссию от остальной Германии, был создан так называемый «польский коридор». Данциг, населенный немцами, объявлялся «вольным городом» под управлением Лиги Наций, под контроль которой на 15 лет передавалась богатая каменным углем Саарская область. На западной границе Германии левобережье Рейна оккупировали войска Антанты, а на его правом берегу была создана демилитаризованная зона шириной до 50 км.

Вооруженные силы Германии подлежали существенному сокращению. Статья 160 Версальского договора гласила: *«Самое позднее с 31 марта 1920 года германская армия не должна будет насчитывать более семи дивизий пехоты и трех дивизий кавалерии. С этого момента общий численный состав армии государств, образующих Германию, не должен превышать ста тысяч человек, включая офицеров и нестроевых, и будет исключительно предназначен для поддержания на территории порядка и для пограничной полиции. Общий численный состав офицеров, включая персонал штабов, каково бы ни было их построение, не должен будет превышать четырех тысяч… Германский Большой Генеральный штаб и всякие иные подобные формирования будут распущены и не могут быть восстановлены ни в какой форме…».*

В статье 173 отмечалось: *«Всякого рода всеобщая обязательная военная служба будет отменена в Германии. Германская армия может строиться и комплектоваться только путем*

добровольного найма…». Статья 175 требовала: *«…Вновь назначенные офицеры должны принять обязательство состоять на действительной службе, по меньшей мере, в течение двадцати пяти лет без перерыва…»*, а статья 180 – *«Все сухопутные укрепления, крепости и укрепленные места, расположенные на германской территории к западу от линии, начертанной в пятидесяти километрах к востоку от Рейна, будут разоружены и срыты… Система укреплений южной и восточной границ Германии будет сохранена в ее современном состоянии…»* [26].

Несмотря на ограничения, наложенные Версальским договором, правительство Веймарской Республики не отказалось от планов создания рейхсвера. При этом предусматривалось в будущем на его базе развернуть массовую армию. Для управления соединениями, разрешенными Версальским договором, были сформированы две войсковые (армейские) группы. Первая, находившаяся в Берлине, включала 4 пехотные и 2 кавалерийские дивизии, а вторая, расположенная в Касселе, имела 3 пехотные и одну кавалерийскую. Кроме того, создаются семь военных округов, в каждом из которых находилось по одной пехотной дивизии численностью в 12 тыс. человек. В соответствии с Версальским договором и разработанным на его основе военным законом от 23 марта 1921 г. численность рейхсвера была сокращена до 115 тыс. чел. (100 тыс. в Сухопутных войсках и 15 тыс. в Военно-морских силах) [27]. Одновременно принимаются меры по тайной подготовке командных кадров и постепенному перевооружению армии и флота. Ввиду того что Германии запрещалось иметь собственную военную промышленность, производство оружия и военной техники было организовано за границей. По проектам немецких конструкторов во многих странах строились самолеты, подводные лодки и надводные корабли новейших типов.

Наряду с официальным рейхсвером существовал так называемый «черный рейхсвер». Он включал отряды местной самообороны (Heimwehr), различного рода солдатские и офицерские союзы, союзы ветеранов, в том числе «Стальной шлем» («Stahlhelm»), «Викинг» («Wiking»), «Младогерманский орден» («Jungdeutsche Orden»), «Национальный союз немецких офицеров». Кроме того, в «черный рейхсвер» входили военизированные молодежные и спортивные союзы и клубы, объединявшие несколько миллионов человек и действовавшие под руководством командования рейхсвера. Резервом рейхсвера являлись также официально разрешенные части пограничной охраны (около 100 тыс. человек) и полицейские формирования (200 тыс. человек). Их организация, вооружение и боевая

подготовка строились по армейскому принципу и находились под контролем министерства рейхсвера.

В создании рейхсвера активное участие принял фон Манштейн. 13 августа 1919 г. его переводят на должность офицера Генштаба при командовании II войсковой группы в Касселе, которое возглавлял генерал Лоссберг. Отдел, в котором служил фон Манштейн, участвовал в подавлении восстания в Тюрингии.

В январе 1920 г. фон Манштейн сочетался законным браком с Юттой Сибиллой фон Лёш, которая подарила ему дочь Гизелу, сыновей Геро и Рюдигера.

1 октября 1921 г. фон Манштейн назначается командиром 6-й роты 5-го пехотного полка, которой командовал в течение двух лет. Это было обязательным условием для штабного офицера. Фон Манштейн получил возможность реализовать на практике боевой опыт, приобретенный в Первой мировой войне. *«Обучение молодых людей специализированным военным дисциплинам,* – вспоминал он, *– это одно из самых прекрасных заданий, которое может получить молодой офицер. Моей задачей было не только обучить молодых солдат хорошей службе, но и прививать им навыки руководства на случай возможного дальнейшего расширения армии»* [28].

С учетом этого были приняты меры по улучшению социально-бытового положения военнослужащих и повышению качества их обучения [29]. Все армейские бараки были отремонтированы и превращены в удобные квартиры. Каждому унтер-офицеру полагалась отдельная комната, а одна спальня была рассчитана на 4–8 солдат. Правительство приняло меры по увеличению жалованья военнослужащим, улучшению их питания. Для своего физического развития солдаты могли пользоваться специальными помещениями, оборудованными спортивным инвентарем. Свободное от службы время они проводили в комнатах солдатского отдыха, войсковых библиотеках и солдатских клубах. Для повышения образовательного уровня создается сеть курсов, позволявшая солдатам приобрести профессию, которая могла им пригодиться после завершения военной службы. Система обучения была построена таким образом, чтобы каждый солдат, унтер-офицер и офицер мог подняться на следующую ступень военной лестницы. Так, рядовых готовили к должности командира отделения, унтер-офицеров – командира взвода, лейтенантов – командира роты и т. д. Главное внимание обращалось на привитие солдатам навыков самостоятельных, инициативных действий, а также действиям в составе боевой группы.

Пока фон Манштейн обучал солдат вверенной ему роты, командование рейхсвера искало пути и способы его развертывания, подготовки кадров, оснащения более современным оружием и военной техникой. Бóльшая часть военного руководства и крупного капитала выступала за нормализацию отношений с Советской Россией, которая характеризовала Версальский договор как «грабительский мир» [30]. Главнокомандующий сухопутными силами генерал-полковник Г. фон Сект (Зект) был наиболее последовательным сторонником сближения с РСФСР. В своих записках, направленных правительству 10 января и 17 февраля 1920 г., он подчеркивал необходимым в политике по отношению к России учитывать «обоюдность» российских и германских интересов, вытекающих из того факта, что Россия ведет борьбу за свое существование против враждебной Германии Антанты. «Только путем установления прочных связей с Великой Россией, – отмечал фон Сект, – Германия может рассчитывать на восстановление своих позиций как мировой державы» [31]. В конце того же года фон Сект в беседе с представителем Советской России в Германии В.Л. Коппом предложил установить более тесный контакт между германским Генштабом и военными властями Советской России. Фон Сект выступал за участие военных специалистов Германии в создании военной промышленности РСФСР с целью использования ее в последующем как «источника вооружения для разоруженной Германии при столкновении ее с Антантой». В свою очередь, руководство партии большевиков также выступало за более тесное сотрудничество с Германией, в том числе и в военной сфере. Политбюро ЦК РКП(б) на своем заседании 5 ноября 1920 г. с участием В.И. Ленина (Ульянов), Л.Д. Троцкого (Бронштейн), Л.Б. Каменева (Розенфельд), К.Б. Радека (Собельзон), Н.Н. Крестинского и М.И. Калинина приняло решение об открытии «немецких командных курсов» вне Москвы [32].

Переговоры между Германией и Советской Россией, начавшиеся в 1921 г., завершились подписанием 16 апреля 1922 г. на Генуэзской конференции в Рапалло (Италия) договора. Он предусматривал немедленное восстановление в полном объеме дипломатических отношений, отказ от взаимных претензий, связанных с военными расходами и нанесенным ущербом [33]. Позднее, 29 июня, обе страны подписывают тайное военное соглашение в качестве предварительной торговой конвенции, ратифицированное в феврале 1923 г [34]. По решению германского правительства рейхсверу для развертывания военного производства в России было выделено 250 млн марок,

в том числе 140 млн на строительство авиационного завода в Филях под Москвой. Осенью были подписаны договоры с фирмой «Юнкерс» о поставке самолетов и постройке на территории СССР авиазавода, с командованием рейхсвера о совместной постройке «завода по выделке иприта». В следующем году через фирму «Метахим» промышленность Советского Союза приняла заказ от рейхсвера на изготовление 400 тыс. снарядов для артиллерийских орудий [35].

Фирма «Юнкерс» в 1923–1925 гг. построила в Филях под Москвой авиационный завод и выпустила там 170 цельнометаллических самолетов «Junkers-20» и «Junkers-21». Фирма «Kruppwerke» наладила на ряде советских предприятий выпуск крупнокалиберных снарядов. Однако на этом сотрудничество в области военной экономики фактически прекратилось. Фирма «Junkers» не была заинтересована в налаживании массового производства самолетов в Советском Союзе. Поэтому в 1925 г. она разорвала заключенный с ним концессионный договор. Фирма «Kruppwerke» в 1926 г. прекратила свою деятельность в СССР, так как об этом сотрудничестве стало известно в Великобритании и Германии. Германо-советское акционерное общество «Берсоль», основанное в 1923 г., намечало построить под Куйбышевом завод по производству боевых отравляющих веществ. Но это мероприятие не было полностью реализовано, ибо руководство рейхсвера нашло фирмы в самой Германии, готовые удовлетворить его потребности в химическом оружии.

После прохождения двухгодичного стажа командования ротой фон Манштейн 1 октября 1923 г. назначается офицером Генштаба при командовании II военного округа в Штеттине. Вскоре, в ноябре, в Германии произошел путч, руководителем которого стал бывший ефрейтор А. Гитлер (Шикльгрубер), тайный осведомитель в мюнхенской контрразведке рейхсвера. Гитлер в 1919 г. был одним из организаторов, а с 1920 г. фюрером (вождем) Национал-социалистической рабочей партии Германии (Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei – NSDAP). Он совместно с генералом Э. Людендорфом организовал путч в Мюнхене с целью ликвидации Веймарской республики. После провала путча был арестован и приговорен к 5 годам тюремного заключения. В тюрьме написал книгу «Моя борьба» («Mein Kampf»), ставшую идеологической и политической программой германского фашизма. Фон Манштейн в последующем так выразил свое отношение к этому событию: *«Выступления Каппа* [36] *и Гитлера показали, что в критические моменты истории существование не только режима, но и всей страны зависит от*

того, сохранит ли армия верность своим знаменам. Невозможно сделать армию предметом политических спекуляций без того, чтобы не разрушить фундамент самого государства» [37]. Фон Манштейн в то время даже и предполагать не мог, что бывший ефрейтор станет у руля Германии, а сам он будет исполнять его волю.

1 октября 1924 года фон Манштейн был назначен офицером Генштаба при IV военном округе в Дрездене, а осенью 1927 г. – при IV пехотном командовании в Магдебурге. Официально он значился инструктором «помощников руководителей». В этом качестве фон Манштейн принимал участие в подготовке молодых офицеров, занимаясь преподаванием тактики и военной истории на курсах с трехлетним сроком обучения. Это было связано с тем, что в соответствии с версальскими ограничениями военная академия была закрыта. В течение первых двух лет такая подготовка проходила в штабах округов, а на третий год – в министерстве рейхсвера в Берлине.

Деятельность фон Манштейна по обучению командных кадров совпала с активизацией сотрудничества между Германией и СССР в военной области. 15 апреля 1925 г. начальник Управления ВВС РККА П.И. Баранов и уполномоченный рейхсвера полковник Х. фон дер Лит-Томзен подписали протокол соглашения об устройстве в Липецке авиационной школы и складов авиационных материалов. Руководство школой осуществлял офицер рейхсвера, а ее деятельность направляла «инспекция № 1» (авиационная инспекция) оборонного управления военного министерства Германии. В школе обучали летчиков, летчиков-наблюдателей (корректировщиков) и инструкторов с использованием истребителей «Fokker D-XIII», часть которых была переделана под истребители-бомбардировщики. Одновременно школа использовалась как полигон для испытания боевых самолетов, созданных в Германии, авиационного вооружения, приборов управления и бомбометания. Всего в 1925–1933 гг. было подготовлено около 120 пилотов и до 100 летчиков-наблюдателей.

2 октября 1926 г. Х. фон дер Лит-Томзен и начальник Разведывательного управления РККА Я.К. Берзин (П. Кюзис) подписывают договор о создании в Казани совместной танковой школы. Немецкая сторона брала на себя вопросы организации школы и ее содержания, а советская сторона – выделяла технический персонал, рабочих и охрану. В связи с тем, что создание танковой школы было нарушением Версальского договора, она в немецких источниках именовалась как «объект Кама», а в советских – «КА», «РА», «Казань», «курсы ТЕКО» и др.

В школе обучались курсанты Красной Армии и рейхсвера. Одновременно она использовалась как испытательный полигон и научно-исследовательский центр. Всего в танковой школе было подготовлено 30 офицеров, в том числе будущий генерал-полковник Г. Гудериан [38].

В 1926 г. между рейхсвером и Красной Армией заключается договор о проведении совместных «газовых опытов» с целью испытания новых приборов, методов применения отравляющих веществ, способов и средств дегазации зараженной местности. Первоначально испытания проводились в Подосинках (Московская область), а затем на полигоне «Томка» (школа химической войны), который располагался в Самарской области, недалеко от Вольска.

Руководство рейхсвера и Красной Армии применяло и такие формы сотрудничества, как обмен военными делегациями, взаимное обучение комсостава в военных академиях, участие в маневрах и на учениях. Особенностью такого сотрудничества было то, что большинство командиров РККА, побывавших в Германии, были в последующем объявлены «шпионами» и расстреляны, а офицеры рейхсвера, посетившие СССР, стали видными военачальниками вермахта и воевали против Красной Армии.

Осенью 1925 г. заместитель начальника Штаба РККА М.Н. Тухачевский во главе военной делегации посетил Германию. Она принимала участие в маневрах рейхсвера, в деле организации которых, по мнению Михаила Николаевича, «мы можем и должны многому поучиться у рейхсвера». В 1926 г. для обучения на германских академических курсах были приняты преподаватели Военной академии РККА М.С. Свечников и С.Н. Красильников. В 1927–1928 гг. на этих курсах обучалась группа командиров во главе с командующим войсками Северо-Кавказского военного округа И.П. Уборевичем (Уборявичюс) и начальником Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе Р.П. Эйдеманом. В 1928 г. в Германии находилась группа командиров Красной Армии под руководством командира и военного комиссара 5-го стрелкового корпуса А.И. Тодорского.

Представители рейхсвера и рейхсмарине неоднократно посещали СССР с целью изучения опыта строительства армии и флота, а также инспектирования военно-учебных заведений. Так, в 1926 г. капитан К. Штудент [39], подполковник Вильберг [40]и ротмистр Ешоннек [41]знакомились с деятельностью Липецкой авиационной школы, опытного химического полигона под Москвой и авиационного завода в Филях. В 1928 г. в СССР прибыл начальник организационного отдела штаба Сухопутных войск

полковник Х. фон Миттельбергер, который высоко оценил перспективы военно-экономического и политического сотрудничества СССР и Германии. В том же году Советский Союз посетил начальник Генерального штаба рейхсвера генерал В. фон Бломберг.

В начале 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б), обсудив предложение военного министра Германии В. Гренера возобновить отношения между ВМФ СССР и рейхсмарине, постановило отнестись к этому «сдержанно, допустив контакт в единичных и выгодных для РККФ [42](конструкторские достижения в области подводных лодок и т. д.) случаях. Проникновения немцев в РККФ не допускать» [43]. Тогда же в Советский Союз прибыли генерал К. фон Хаммерштейн-Экворд [44]и начальник разведывательного отдела рейхсвера полковник Э. Кюленталь, которые встретились с наркомом по военным и морским делам К.Е. Ворошиловым, оценившим положительно взаимоотношения обеих армий.

Успехи, достигнутые фон Манштейном на преподавательском поприще и штабной работе, не остались без внимания. 1 октября 1929 г. его переводят на должность офицера Генштаба в Войсковое управление [45], в отдел Т1 (оперативный отдел). На этот отдел возлагались задачи по разработке планов обороны Германии, обучения высшего командного состава, подготовки и проведения командно-штабных и тактических учений. Отдел возглавлял генерал-майор В. Адам [46].

Одной из ответственных задач, которую пришлось решать фон Манштейну, было осуществление призыва в рейхсвер 100 тыс. человек. Под руководством начальника отдела Т2 (организационный отдел) В. Кейтеля [47]был разработан и доведен до сведения командования военных округов план мобилизации. Согласно плану намечалось дополнительно развернуть девять пехотных дивизий, в том числе восемь «кадрированных», не имевших вооружения. Фон Манштейн, ознакомившись с этим планом, посчитал, что он не позволит создать боеспособную армию. Поэтому под его руководством сотрудники отдела Т1 разработали штатное расписание мирного времени, которое предусматривало увеличение в три раза количества войсковых частей и соединений. Генерал В. Адам и генерал К. фон Хаммерштейн-Экворд, возглавивший в 1929 г. Войсковое управление Сухопутных войск, одобрили штатное расписание. Фон Манштейну было поручено представить соответствующий доклад министру рейхсвера К.Э.В. Гренеру. Он, хотя и скептически отнесся к ценности этого мероприятия, но все-таки допустил его возможность. Союзники оставили без вмешательства эти мероприятия, проведенные совершенно

открыто.

Фон Манштейн, обосновывая впоследствии необходимость проведения мобилизации, ссылался на опасность для Германии со стороны ее главных противников. К ним в то время относились Франция, Польша и Чехословакия. Как пишет фон Манштейн, Германия тогда не собиралась с ними воевать, но опасалась, что «кто-то из соседей ввиду слабости Германии мог поддаться соблазну и предъявить претензии на немецкие территории». Причем опасность неспровоцированного нападения исходила скорее от восточных соседей Германии, преимущественно от Польши. Поэтому цель военных мероприятий Германии, пишет фон Манштейн, «состояла исключительно в том, чтобы обеспечить минимальную безопасность государства в случае неспровоцированного акта агрессии со стороны кого-либо из восточных соседей» [48].

Эти мероприятия также предусматривали организацию охраны границ с Польшей и Чехословакией добровольцами из пограничного населения. В случае военной опасности планировалось начать производство большего количества вооружения и создать небольшие Военно-воздушные силы. Укрепление государственной территории намечалось дополнить устройством заграждений, а также созданием слабых оборонительных рубежей на Востоке, вдоль Одера и в Восточной Померании. Учитывая, что Германии не разрешалось сооружать пограничные укрепления, фон Манштейн разработал план создания так называемых «хейльсбергских укреплений» – линии из колючей проволоки и полевых укреплений, а также легких бетонированных бункеров. Она должна была защищать область старой крепости Кенигсберг, включая Самбию [49], по образцу восточнопрусских редутов и дать возможность слабым восточнопрусским силам продержаться как можно более длительное время. «Хейльсбергский треугольник» был единственным укреплением в Пруссии, которое Германия смогла построить, соблюдая Версальский договор. Все эти меры фон Манштейн характеризовал как первый маленький шаг на пути к обеспечению безопасности.

С целью совершенствования подготовки высших командных и штабных кадров командующий Сухопутными войсками ежегодно проводил большие командно-штабные и полевые учения. Их целью являлось ознакомление с теми территориями Германии, которые в будущем могли стать театрами военных действий. На фон Манштейна возлагались организация учений и разработка для них исходных вводных. Главным была отработка вопросов стратегической обороны государства в случае нападения. Наряду

с этим отрабатывались и наступательные операции.

Замысел первого командно-штабного учения предусматривал такое развитие политической ситуации, при которой польская армия могла совершить нападение на Восточную Пруссию или Верхнюю Силезию. По предложению фон Манштейна в учении приняли участие представители министерства иностранных дел Германии. Государственный секретарь министерства иностранных дел Б. фон Бюлов выступал в роли зрителя, а руководитель политического отделения МИД тайный советник Кепке – председателя Совета Лиги Наций. По одному из старших служащих министерства иностранных дел играли роли министров иностранных дел Польши и Германии. За руководителей военных учреждений этих стран выступали офицеры Войскового управления.

По замыслу условный противник (Польша) проводил тайные акции, спровоцировавшие нарастание политического напряжения, которое привело к вмешательству армии, то есть к войне. Военное руководство «польской армии» разработало план агрессии против Германии, а «рейхсвера» – план ее эффективной обороны. Одновременно «министры иностранных дел» обеих стран направили в совет Лиги Наций ноты с целью оказать на нее влияние в интересах своих «государств». Советник посольства в Женеве фон Ринтелен доказывал, что все мероприятия, проводившиеся «польской стороной», обусловлены «исключительно немецкими провокациями», а «представитель Германии» требовал от членов Лиги Наций обратить внимание «на возрастающую польскую угрозу». Кепке, игравший роль «председателя Совета Лиги Наций», не давал никаких обещаний, в том числе по вопросу о создании комиссии для рассмотрения спорных проблем. По оценке фон Манштейна, командно-штабное учение дало пример урегулирования командованием рейхсвера вопросов военного конфликта преимущественно политическими методами.

В начале 30-х годов продолжился обмен военными делегациями Советского Союза и Германии. 24 февраля 1930 г. в Берлин прибыла официальная военная делегация под руководством командующего морскими силами Черного моря В.М. Орлова [50]. Члены делегации посетили ряд военно-морских объектов, военно-учебные заведения, корабли и встретились с начальником Главного штаба германского флота контр-адмиралом Ф. Брутцером. Последний во главе делегации рейхсмарине в июле – августе нанес ответный визит в СССР с целью «получить четкое представление о достигнутых успехах, уровне боевой подготовки и дисциплине российского флота».

В ноябре 1931 г. подполковник Э. фон Манштейн в составе делегации офицеров рейхсвера под руководством генерала В. Адама участвовал в переговорах в Москве с наркомом по военным и морским делам СССР К.Е. Ворошиловым и его заместителем М.Н. Тухачевским [51]. На этих переговорах обсуждались планы сотрудничества Красной Армии и рейхсвера. М.Н. Тухачевский на встрече с членами делегации рейхсвера отметил, что, несмотря на некоторые достижения, темпы работы совместных предприятий все же чрезвычайно медленны, а техническая база настолько узка, что эффект от совместного сотрудничества крайне неудовлетворительный и не оправдывает себя ни со стороны материальных затрат, ни с политической стороны. Генерал Адам заверил Ворошилова в том, что «рейхсвер твердо уверен в продолжении в будущем тех же дружественных отношений, которые существуют между нами до сих пор». Ворошилов, в свою очередь, отметил, что «дальнейшие наши дружественные отношения будут развиваться и крепнуть» [52]. Сотрудничество с рейхсвером, по мнению руководства Красной Армии, давало «возможность следить за развитием техники в Германии и на Западе вообще и перенимать то, что полезно для нас» [53].

В 1932 г. фон Манштейн прошел переподготовку в Московском и Ленинградском военных округах. Здесь он впервые ознакомился с тем, как в Красной Армии на практике решается задача по овладению «формами глубокого боя с одновременным поражением боевого порядка противника на всю его глубину» [54]. В сентябре фон Манштен совершил поездку в Ростов для участия в качестве гостя на маневрах Красной Армии. Тогда он и предполагать не мог, что вернется в СССР, но уже в качестве завоевателя.

Фон Манштейн, оценивая в последующем военное сотрудничество между рейхсвером и Красной Армией, писал: *«То, что впоследствии военное руководство укрепляло эти связи в интересах безопасности государства (в частности, в противовес польским претензиям) вплоть до неких форм прямого военного сотрудничества с Красной Армией, о чем было известно президенту рейха, рейхсканцлеру и военному министру, – это не противоречит истине. Но точно так же происходило сотрудничество и в области экономики. До договора Локарно* [55] *подобная опора на великую восточную державу была единственным возможным направлением внешнеполитической деятельности ввиду бедственного положения государства. Когда Штреземан* [56] *, подписав договор Локарно, указал очевидный курс на запад, Секту пришлось смириться с этим – хотя контакты с Красной Армией с ведома правительства*

сохранились. Тайна, которой по понятным причинам окружалось это сотрудничество, придавала ему большее политическое значение, чем оно имело на самом деле. С немецкой стороны интерес заключался в возможности развития и испытания новых вооружений, а с русской – во влиянии на формирование нашего Генерального штаба» [57].

После возвращения из Советского Союза фон Манштейн обратился к командованию с просьбой назначить его на командную должность. Все-таки он был дальновидным человеком, ведь успешная военная карьера во многом зависела от прохождения офицером всех ступенек командной и штабной работы. 1 октября 1932 г. подполковник фон Манштейн назначается командиром егерского батальона 4-го пехотного полка, дислоцированного в Кольберге.

Глава 2
«Лучший оперативный ум» вермахта

29 октября 1929 г. на нью-йоркской бирже произошло катастрофическое падение котировок. Это положило начало мировому экономическому кризису, завершившемуся лишь в 1933 г. Его последствиями стали разорение массы мелких и средних предприятий, крестьянских хозяйств, невиданная по своим масштабам безработица, нарастание социальной напряженности во многих странах, каждая из которых стремилась путем усиления регулирующей роли государства преодолеть возникшие трудности. Этим воспользовалось руководство Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП), которое активной пропагандой своих программных требований, критикой существующей системы правления сумело создать себе широкую социальную базу. На внеочередных выборах в рейхстаг в ноябре 1932 г. она набрала 11,7 млн голосов [58]. Представители германской тяжелой промышленности, финансировавшие партию А. Гитлера, стали требовать от рейхспрезидента П. фон Гинденбурга «передать правление самой сильной национальной партии», утверждая, что это будет отвечать «высшему принципу демократии». 30 января 1933 г. фон Гинденбург поручил Гитлеру сформировать так называемое правительство национальной концентрации, открыв тем самым путь к установлению в Германии диктаторского режима. В августе следующего года, после смерти фон Гинденбурга, Гитлер стал одновременно и президентом Германии, сосредоточив в своих руках законодательную и исполнительную власть.

Фон Манштейн, характеризуя Гитлера, писал, что он обладал необузданной жаждой власти и переоценивал свои возможности, чему способствовали его несомненные политические успехи, лизоблюдство видных партийных деятелей, а также некоторых окружавших его лиц. *«Это было также в значительной мере следствием того,* – отмечает фон Манштейн, – *что он по отношению к несогласным с ним военным деятелям был не только главой государства, но и верховным главнокомандующим всеми вооруженными силами, т. е. их высшим прямым начальником. К тому же он блестяще умел в споре со своими военными партнерами бросать на чашу весов политические и экономические аргументы, которые последним нелегко было опровергнуть, ибо для их оценки решающее слово также имели не военные, а государственные деятели»* [59].

Фон Манштейн уже после окончания Второй мировой войны окончательно сформулировал свое отношение к Гитлеру и к НСДАП. Фон Манштейн пишет, что солдаты положительно оценивали национальную позицию партии, ее отношение к Версальскому договору и к бескомпромиссной борьбе с коммунизмом. В то же время солдатам, то есть военным, претило, что партия не всегда придерживалась собственных принципов, а также они осуждали насильственные методы политической борьбы. С точки зрения рейхсвера, положительной стороной было то, что в гитлерюгенде [60]и СА [61]заботились о физической закалке и спортивной подготовке молодежи. Назначение Гитлера рейхсканцлером, пишет фон Манштейн, «было воспринято армией если не с воодушевлением, то с чувством облегчения». Во главе правительства армия увидела «сильную руку», появления которой многие в Германии ждали с нетерпением [62].

Далее фон Манштейн отмечает:

«Что касается отношения солдат к Гитлеру, то для них он был избранным народом главой государства, а также главнокомандующим, которому все военнослужащие принесли присягу. Как бы они ни относились к Гитлеру лично, но присяга была реальностью, которая привязывала солдат к "вождю германской нации". Затем нужно отметить, что мы, солдаты, как и бóльшая часть немецкого народа – да и многие из неглупых иностранцев, были заворожены внутриполитическими и внешнеполитическими успехами тех лет. Так что голову Гитлера осенял нимб, который стал еще ярче, когда ему удалось провести аншлюс Австрии и одержать победу в Судетах, не пролив ни капли крови. Даже если бы он затеял политическую игру посерьезнее, все же у людей создалось впечатление, что он в любой ситуации интуитивно чувствует границы дозволенного. Поэтому понятно, что мы, солдаты, как и бóльшая часть немцев, приписывали дурные и неутешительные проявления режима делам не Гитлера, а его приближенных. Это ошибочное мнение тогда было сильно распространено. В отличие от Сталина, Гитлер предоставлял своим соратникам свободу действия – хотя знал и об их недостатках, и о злоупотреблениях. В какой степени он сам был инициатором их дурных начинаний, было неизвестно. Его успехи затмевали все» [63].

В этих словах видно стремление в определенной степени обелить руководство вооруженными силами, снять с него ответственность за все, что произошло в последующем в Германии и за ее пределами.

После прихода к власти Гитлера началось стремительное продвижение по службе Эриха фон Манштейна. Этому

способствовала и его дружба с главой военного министерства генерал-полковником В. фон Фричем. 1 декабря 1933 г. фон Манштейну было присвоено воинское звание полковник, а 1 февраля следующего года он назначается начальником штаба III военного округа (Берлин). Округом командовал генерал Э.И. фон Вицлебен. *«Мы были хорошо знакомы благодаря совместной работе преподавателями офицеров штаба в Дрездене,* – вспоминал фон Манштейн. – *Он обладал способностью быстро ухватывать общую картину происходящего, но не имел склонности брать всю инициативу на себя. С точки зрения подчиненного, ценящего самостоятельность, это было прекрасное качество в начальнике. Наше сотрудничество не было омрачено ни тенью недовольства, ни расхождением взглядов. Он с явной антипатией относился к НСДАП – особенно к ее сомнительным представителям, с которыми нам приходилось вести общие дела»* [64]. Командование военного округа имело двойные функции. С одной стороны, командующий был командиром 3-й дивизии, которая позднее была развернута в 3-й армейский корпус. С другой стороны, он являлся высшим военным начальником на подчиненной ему территории.

Гитлер, придя к власти, предпринял шаги к установлению тесной связи с руководством рейхсвера. 3 февраля 1933 г. он провел первое совещание с высшим командованием. На нем Гитлер изложил основные пункты программы возглавляемого им правительства: «искоренение марксизма», «устранение раковой опухоли – демократии», установление «жесточайшего авторитарного государственного руководства», «введение всеобщей воинской повинности» и «приобретение союзников», «борьба против Версаля», «отвоевание новых рынков сбыта», «захват нового жизненного пространства на Востоке и его безжалостная германизация».

В конце марта 1933 г. состоялось еще одно совещание высшего руководства рейхсвера, в котором принимал участие и фон Манштейн. На совещании с докладом выступил Гитлер. О том, какое впечатление произвело это выступление на фон Манштейна, он пишет в своих мемуарах:

«Не могу сказать, что оно произвело на меня сильное впечатление. Гитлер начал с заявления о своей решимости вырвать государство из уз Версальского договора. Предпосылкой к освобождению стало бы внутреннее единство народа и гарантированная армией внешняя безопасность государства. Его идея обеспечения немецкому народу достаточного жизненного пространства звучала сомнительно. Тем не менее она производила впечатление лишь мечты о далеком будущем, так как наши

тогдашние силы не давали надежды на ее скорое осуществление. Во всяком случае, я воспринял его слова лишь как своего рода "captatio benevolentiae" [65] *руководства СА и СС* [66] *, которое могло быть плохо знакомо с военным положением Германии. Охарактеризовав "национальную революцию" как завершенную, Гитлер перешел к внутриполитическим вопросам – что можно было считать предупреждением руководству СА. По существу все, что он говорил, сводилось к необходимости дружеских отношений между рейхсвером и СА. Целью его обращения был мир. Гитлер подчеркнул, что вермахт был и останется "единственным носителем оружия" нации. К компетенции СА и "Гитлерюгенда", в свою очередь, относились политическое воспитание, допризывная и послевоенная подготовка лиц, годных к военной службе. Он требовал лояльного сотрудничества обеих сторон»* [67].

Гитлер, одержимый идеей захвата жизненного пространства на Востоке, взял курс на резкое сокращение экономических и ликвидацию военных связей с СССР. В то же время фюрер принимал меры к тому, чтобы не довести дело до полного разрыва отношений между Германией и Советским Союзом. Он лицемерно заверял советское руководство, что германское правительство намерено поддерживать с Советским Союзом «дружественные взаимовыгодные отношения» [68]. В подтверждение этого рейхстаг в мае 1933 г. утвердил навечно действие германо-советского договора о нейтралитете 1926 г. Позднее, 14–19 октября 1933 г. правительство Германии объявило о своем выходе из Лиги Наций и отозвало свою делегацию с конференции по разоружению. В результате оно развязало себе руки для подготовки к ведению захватнических войн. 26 января 1934 г. Германия и Польша подписали «Декларацию о необращении к силе». Согласно этой декларации, в случае французско-чешского нападения Германия уже могла не опасаться обязательного присоединения поляков к противостоящей стороне. В результате основными потенциальными противниками Германии теперь считались Франция и Чехословакия.

Руководство НСДАП, придя к власти, начало преследование своих противников и евреев. Это в какой-то мере коснулось и фон Манштейна. Он пишет, что в 1934 г. выступил против дискриминации военнослужащих-евреев, но благодаря покровительству фон Фрича никаких мер к нему принято не было. Это можно расценивать как весьма либеральное отношение к фон Манштейну, ибо в роду фон Левинских также были евреи. Но, видать, новое руководство Германии было заинтересовано в сохранении опытных командных кадров, а потому фон Манштейн

избежал преследований.

После сосредоточения в руках Гитлера всей полноты власти в Германии произошли большие перемены в политической и военной сферах. Еще в 1932 г. командование рейхсвера, мечтавшее о возрождении военной мощи Германии, разработало план «А» (от нем. Aufbau – «строительство»), предусматривавший формирование к 1937 г. двадцати дивизий, которые должны были составить костяк 300-тысячной сухопутной армии мирного времени. В соответствии с планом «А» к октябрю 1934 г. было завершено развертывание 21 пехотной дивизии, численность армии увеличилась до 300 тыс. человек, быстрыми темпами развивались ВВС (нем. Luftwaffe) и танковые войска.

Фон Манштейн, оценивая эти и последующие шаги по развертыванию вооруженных сил, отмечал: *«Без сомнения, создание таких сил было целесообразно и никоим образом не представляло собой предпосылку наступательной войны. Тем более что даже такая армия отнюдь не исчерпывала военного потенциала Германии. Однако мы, солдаты, в интересах внутреннего укрепления нового рейхсвера считали, что формирование 36 дивизий должно быть поэтапным и последовательным. Значительное увеличение армии и введение воинской обязанности вместо системы добровольцев должны были кардинально изменить характер армии. До сих пор рейхсвер оставался замкнутой и внутренне духовно единой системой. Вместе с потоком военнообязанных в армию вливались и общественные политические воззрения. Офицерский корпус неизбежно должен был потерять сплоченность из-за возвращения огромного количества отставленных ранее офицеров»* [69].

1 марта 1935 г. официально были легализованы созданные ранее Военно-воздушные силы и Главное командование ВВС (ОКЛ, от нем. Oberkommando der Luftwaffe). Их возглавил Г. Геринг, одновременно занимавший пост имперского министра авиации и другие важные должности в системе управления нацистского режима. 16 марта Германия, в одностороннем порядке аннулировав военные статьи Версальского договора, ввела всеобщую воинскую повинность. Количество дивизий намечалось довести до 36, а общую численность Сухопутных войск – до 550 тыс. человек. Германские вооруженные силы получили новое название – вермахт (нем. Wehrmacht, от Wehr – «оборона», Macht – «сила»). Министр рейхсвера генерал-фельдмаршал В. фон Бломберг стал военным министром, в функции которого входило непосредственное руководство вермахтом в качестве его Главнокомандующего, подчиняясь лишь Гитлеру как Верховному главнокомандующему. Для управления

Сухопутными войсками было создано Главное командование (ОКХ, от нем. Oberkommando des Heeres). Главнокомандующим Сухопутными войсками был назначен генерал-полковник В. фон Фрич. В состав ОКХ был включен легализованный 1 июля Генеральный штаб Сухопутных войск, сформированный на основе управления Сухопутных войск рейхсвера. Генеральный штаб возглавил генерал Л.А.Т. фон Бек. Имперский морской флот с 1 июня получил официальное наименование «Военно-морские силы» (Kriegsmarine), которыми управляло теперь Главное командование ВМС (ОКМ, от нем. Oberkommando der Kriegsmarine), а командующий военным флотом гросс-адмирал Э. Редер стал называться Главнокомандующим ВМС.

С апреля 1935 г. командование вермахта приступило к разработке планов агрессии против соседних государств. В связи с тем, что Чехословакия считалась одним из наиболее вероятных противников Германии, фон Бломберг 2 мая подписал директиву «Schulung» о подготовке нападения на эту страну. В директиве, в соответствии с концепцией «молниеносной войны», предусматривалось нанести стремительный удар основной массой самых боеспособных соединений против слабого противника (Чехословакия) на одном стратегическом фронте и ведение, если в этом возникнет необходимость, «чисто оборонительных боев» минимальным количеством войск против сильного противника (Франция) [70]. Этот план в последующем подвергся изменениям.

В развертывании вермахта и разработке планов военных действий фон Манштейн сыграл не последнюю роль. 1 июля 1935 г. он возглавил I (оперативный) отдел Генерального штаба Сухопутных сил, а 6 октября 1936 г. в звании генерал-майора стал 1-м обер-квартирмейстером Генштаба, заместителем генерала фон Бека. Это была весьма ответственная должность. Если Генштаб, по определению маршала Советского Союза Б.М. Шапошникова, является «мозгом армии», то оперативный отдел (управление) – «мозгом Генштаба». На эту должность, как правило, назначают офицеров, обладающих острым умом, интуицией, умением предвидеть перспективы развития вооруженных сил и военной теории, высокой работоспособностью и организованностью.

Всеми этими качествами фон Манштейн обладал сполна. Дань его исключительным военным дарованиям отдают и коллеги по Генштабу, а также те, к кому он относился сдержанно. Начальник штаба Верховного главнокомандования вооруженными силами Германии (ОКВ) [71]В. Кейтель в мемуарах, написанных незадолго до казни в Нюрнбергской тюрьме, отмечал:

«Я очень хорошо отдавал себе отчет в том, что у меня для роли… начальника генерального штаба всех вооруженных сил рейха не хватает не только способностей, но и соответствующего образования. Им был призван стать самый лучший профессионал из сухопутных войск, и таковой в случае необходимости всегда имелся под рукой… Я сам трижды советовал Гитлеру заменить меня фон Манштейном: первый раз – осенью 1939 г., перед Французской кампанией; второй – в декабре 1941 г., когда ушел Браухич; и третий – в сентябре 1942 г., когда у фюрера возник конфликт с Йодлем и со мной. Несмотря на частое признание выдающихся способностей Манштейна, Гитлер явно боялся такого шага и его кандидатуру постоянно отклонял» [72].

Это подтверждает и генерал Г. Гудериан:

«…Гитлер был не в состоянии терпеть близко около себя такую способную военную личность, как Манштейн. Оба были слишком разными натурами: с одной стороны – своевольный Гитлер со своим военным дилетантством и неукротимой фантазией, с другой – Манштейн со своими выдающимися военными способностями и с закалкой, полученной в германском генеральном штабе, трезвыми и хладнокровными суждениями – наш самый лучший оперативный ум. Позднее, когда я был назначен начальником генерального штаба сухопутных войск, я неоднократно предлагал Гитлеру назначить Манштейна вместо Кейтеля начальником главного штаба вооруженных сил, но каждый раз напрасно. Конечно, Кейтель был удобен для Гитлера: он пытался по глазам Гитлера читать его мысли и выполнять их, прежде чем последний выскажет их. Манштейн был неудобен: у него было свое мнение, которое он открыто высказывал. В конце концов Гитлер заявил на мои предложения: “Манштейн, возможно, и является самым лучшим умом, рожденным генеральным штабом, но он может оперировать только свежими, хорошими дивизиями, а не развалинами, которыми мы сегодня только и располагаем. Так как я не могу дать ему сегодня ни одного свежего, способного к действиям соединения, назначение его не имеет смысла”. Он просто не хотел этого назначения и маскировался такими уклончивыми объяснениями» [73].

Генеральный штаб включал 13 отделов. 1-й обер-квартирмейстер (O.Qu.I) руководил оперативным и организационным отделами, фортификацией, отделом картографии и отделом, занимающимся обобщением и распространением опыта технического развития. 2-му обер-квартирмейстеру (O.Qu.II) подчинялись отдел снабжения и транспортный отдел. Ведомство 3-го обер-квартирмейстера (O.Qu.III) получало и обрабатывало информацию об иностранных

армиях Востока и Запада. 4-й обер-квартирмейстер (O.Qu.IV) отвечал за боевую подготовку офицеров и войск. Начальнику Генерального штаба непосредственно подчинялись военно-исторический отдел, Военная академия и центральный отдел, ведавший личными делами офицеров Генштаба, а также назначением, совместно с начальником отдела личного состава, офицеров на все должности Генерального штаба в случае мобилизации.

В оперативном отделе работали майор А.Э. Хойзингер, капитаны Генерального штаба З. Вестфаль, Х. фон Тресков и Б. фон Лоссберг. В последующем они занимали достаточно высокие посты в вермахте. Фон Тресков стал генерал-майором, начальником штаба группы армий «Центр». 20 июля 1944 г. после провала покушения на Гитлера он подорвал себя гранатой. Вестфаль был командующим армией, начальником штаба при генерал-фельдмаршалах Г. фон Рундштедте и А. Кессельринге. Фон Лоссберг, сын бывшего начальника фон Манштейна, возглавлял отдел в Генеральном штабе вермахта. А.Э. Хойзингер после войны станет генеральным инспектором бундесвера.

5 марта 1936 г. начальник Генерального штаба Сухопутных войск поставил начальникам оперативного и организационного отделов задачу разработать срочно приказы о вводе по решению Гитлера войск в Рейнскую демилитаризованную зону. В тот же день необходимые документы были подготовлены. 7 марта 1936 г. войска вермахта вошли в демилитаризованную зону. Французское правительство отказалось от принятия к Германии «мер чисто военного порядка» и обратилось в Совет Лиги Наций с просьбой оказать на нее «коллективное международное воздействие» как на нарушительницу договоров. Совет Лиги под влиянием позиции Англии, выступившей против применения каких-либо санкций к Германии, ограничился констатацией нарушения Германией своих договорных обязательств [74].

Столь же успешно фон Манштейн справился с разработкой ряда документов о подготовке вермахта к возможной войне, а также планов операций, в том числе «Fall Grün» («Зеленый план») и «Fall Rot» («Красный план»).

24 июня 1937 г. фон Бломберг подписал директиву «О единой подготовке вермахта к войне», срок действия которой определялся с 1 июля 1937 г. до 30 сентября 1938 г. [75]. В директиве отмечалось, что в настоящее время не существует «прямой угрозы нападения на Германию какой-либо из европейских стран», а сама Германия «не заинтересована в развязывании европейской войны». В то же время нестабильная обстановка на мировой арене, чреватая вооруженными

конфликтами и неспровоцированными инцидентами, требует постоянной боевой готовности вооруженных сил Германии, чтобы «отразить любое нападение» и «быть в готовности использовать в военных целях возникающие благоприятные политические возможности». Подготовка к войне подразделялась на подготовительные мероприятия общего характера, на разработку стран вероятного противника и планов оперативно-стратегического развертывания, на проведение спецмероприятий в форме изучения боевого опыта стран вероятного противника. Подготовительные мероприятия общего характера касались решения следующих военно-политических проблем: постоянная мобилизационная готовность вермахта до завершения полного перевооружения и приведения армии в состояние полной боеготовности; дальнейшая разработка программы «Мобилизационных приготовлений без оповещения общественности» для нанесения внезапного удара по противнику; дальнейшая обработка планов передислокации боеспособных полевых частей из Восточной Пруссии в рейх; разработка мероприятий на случай неожиданного вторжения на суверенную территорию рейха и при возникновении непосредственной угрозы вторжения. В последнем случае «организация вооруженного отпора агрессивным устремлениям противника» должна была осуществляться без дополнительных указов, приказов и директив. При этом главнокомандующие соответствующими категориями войск должны были применять любые средства на свое усмотрение для защиты пограничных районов от посягательства противника, независимо от того, имеются ли к этому моменту необходимые законодательные предпосылки или нет. В то же время категорически запрещалось пересекать и перелетать государственную границу рейха, а также вторгаться на суверенную территорию сопредельного государства без специального приказа фон Бломберга.

В директиве были определены возможные варианты ведения боевых действий, подлежащие оперативной разработке: «Fall Rot» – война на два фронта с главным направлением удара на западе; «Fall Grün» – война на два фронта с главным направлением удара на юго-востоке. Специальные мероприятия предусматривались в случае проведения: особой операции «Fall Otto» (вторжение в Австрию); особой операции «Fall Richard» (военное вмешательство против Красной Испании); особой операции «Fall Grün/Fall Rot» (выступление против Германии трех стран – Англии, Польши и Литвы). В директиве отмечалось, что при осуществлении некоторых особых планов Германия может рассчитывать на одного или нескольких союзников, но возможно,

что ей придется сражаться в одиночку.

В директиве излагались основные положения планов особых операций. «Fall Rot» предусматривал, что главным противником на западе является Франция, которая может нарушить предполагаемый нейтралитет Бельгии и Люксембурга. Главная угроза для Германии на востоке могла исходить от России и Чехословакии при нейтралитете на определенном этапе Польши и Литвы. Кроме того, Германия могла рассчитывать, по меньшей мере, на благожелательный нейтралитет Австрии, Италии, Венгрии и Югославии. Сценарий развития событий представлялся разработчикам плана следующим образом. Французская армия при поддержке авиации нанесет внезапный удар по Германии, а французский флот проведет частную операцию. От Чехословакии ожидалась сдержанность на начальном этапе, но не исключалась возможность того, что она, уступая политическому давлению СССР, предпримет при поддержке ВВС Советского Союза активные боевые действия против Германии. В данном случае не исключалось и участие в операции военно-морского флота СССР. В этой обстановке главная стратегическая задача вермахта будет заключаться в том, чтобы успеть развернуть основные силы против Франции, удерживая оборону на востоке с минимальным развертыванием вооруженных сил на этом направлении. Сухопутные войска должны на западном направлении своими действиями сковать главные силы противника оборонительными боями в пограничных районах и не дать ему прорвать оборонительные позиции на Рейне и в Шварцвальде, удерживая любой ценой линию западного района Рейна, северного района Мозеля. В случае соблюдения Бельгией нейтралитета следовало захватить и удержать Айфель в качестве главной операционной базы вермахта. При организации активной обороны требовалось наносить контрудары по французской армии. Оборона восточных и южных рубежей Германии возлагалась на части пограничной охраны и прикрытия границы, а также на дивизии ландвера.

Согласно плану «Fall Grün», предусматривалось в случае крупномасштабного вторжения превосходящих сил антигерманской коалиции нанести молниеносный превентивный удар по Чехии. При этом предполагалось, что Польша и Литва займут нейтральную или выжидательную позицию. Одновременно Германия могла рассчитывать на благожелательный нейтралитет Австрии, Италии и Югославии. На стороне Германии ожидалось выступление Венгрии. В то же время предполагалось, что Франция и СССР займут откровенно враждебные антигерманские позиции, причем Советский Союз

задействует для поддержки Чехословакии свои боевую авиацию и флот. Важнейшей предпосылкой успешной реализации плана «Fall Grün» являлось соблюдение нейтралитета Великобританией. Главная стратегическая задача вермахта заключалась в завершении мобилизационных мероприятий и организации передислокации войск таким образом, чтобы «обрушить на Чехию молниеносный удар небывалой мощи, развернув на западном направлении минимальные силы тылового прикрытия чешской наступательной операции». В ходе проведения данной операции планировалось главными силами Сухопутных войск разгромить вооруженные силы Чехословакии, ввести оккупационные войска вермахта на территорию Богемии и Моравии, ликвидировать угрозу нанесения ударов с тыла, выключить Чехию из войны на все время западной кампании, одновременно лишив военно-воздушные силы СССР их главной операционной базы на территории Чехословакии. При этом не исключалась возможность вступления вермахта на территорию Австрии («Fall Otto») в ожидании политического решения проблемы партийно-государственным руководством рейха. Вторжение в Австрию намечалось осуществить под предлогом реализации планов восстановления монархии и возвращения на трон престолонаследника эрцгерцога Отто фон Габсбурга. Цель интервенции заключалась в том, чтобы силой оружия принудить австрийцев к отказу от идеи реставрации.

Особая операция «Fall Richard» предусматривала участие в боевых действиях против Красной Испании эскадр немецкого подводного флота, а также оказание материально-технической и кадровой поддержки Белой Испании.

Особая операция «Fall Grün/Fall Rot» была разработана на случай выступления Англии, Польши и Литвы на стороне противников Германии, как раздельно, так и вместе. Особую опасность представляла Англия с ее развитым военно-промышленным потенциалом, которая могла оказать существенную поддержку Франции силами военно-воздушного и военно-морского флотов. Не исключалась возможность захвата Англией Бельгии или Голландии в качестве главной операционной базы своих вооруженных сил. Выступление Польши против Германии на стороне Советского Союза считалось маловероятным. В случае начала военных действий на суше от Польши ожидались оккупация Восточной Пруссии и попытка захвата Силезии в союзе с Чехословакией. Литва могла служить главной операционной базой ВВС Советского Союза. Ведение сухопутной войны против Германии допускалось со стороны Литвы только в союзе с Польшей или после вступления

сухопутных войск СССР на территорию страны.

Фон Манштейн в своих мемуарах пытается доказать, что планы «Fall Grün» и «Fall Rot» не имели никакого отношения к более поздним намерениям Гитлера, в том числе по захвату Чехословакии. *«Оба плана, “Рот” и “Грюн”, были созданы на случай сопротивления агрессии,* – подчеркивает фон Манштейн. – *Все военные учреждения прекрасно осознавали, что состояние немецких вооружений потребует максимального уклонения от военных действий в течение ближайших лет. Судя по отзывам Гитлера, в этом его мнение все-таки совпадало с мнением руководства вооруженных сил. Какие бы милитаристские настроения ни существовали в военном или политическом руководстве страны, все хорошо понимали, что любая война означала для Германии войну на несколько фронтов – из-за ее опасного промежуточного положения в Европе, о котором не давал забыть опыт Первой мировой войны»* [76].

Планы, разработанные при участии фон Манштейна, проходили проверку на учениях. Правда, он отмечает, что только на одном из этих учений была разыграна кампания против Чехословакии в рамках стратегической обороны против франко-чешской коалиции, разработанной на базе плана «Fall Grün». Вероятно, речь идет о военной игре, состоявшейся в конце ноября 1936 г. По ее итогам был сделан вывод о необходимости, наряду с массированным применением танков, моторизованных и других соединений Сухопутных войск, нанесения по Чехословакии удара с воздуха силами авиации. План в то время остался пока на бумаге, так как в распоряжении верховного командования вермахта еще не имелось достаточных сил и средств для его претворения в жизнь. На всех остальных учениях, по утверждению фон Манштейна, прорабатывались варианты сопротивления войск вермахта «агрессивному удару проникших глубоко на территорию Германии французской или чешской армии». Разница состояла в том, что если еще совсем недавно решающие бои рейхсвера против французов планировались где-нибудь в Тевтобургском или Тюрингском лесу, то теперь контрудары вермахта должны были осуществляться значительно ближе к границе.

Однако, как известно, Франция не совершила нападения на Германию. Наоборот, она усилила свои дипломатические и военные шаги. 26 августа 1936 г. Гитлер в секретном «Меморандуме о задачах четырехлетнего плана» потребовал в течение четырех лет подготовить экономику Германии к войне, а вермахт привести в боевую готовность. Этот план был одобрен в сентябре на съезде нацистской партии. *«Если бы Урал со своими многочисленными сырьевыми запасами,* – заявил на съезде Гитлер,

– Сибирь с ее богатыми лесами и Украина с ее неизмеримыми площадями под зерновыми культурами находились в подчинении Германии, под руководством национал-социалистов, то немцы жили бы в изобилии. Мы стали бы производить столько, что каждый немец имел бы для жизни более чем достаточно» [77].

Свои решения Гитлер подкрепил внешнеполитическими шагами. 25 ноября 1936 г. в Берлине были подписаны германо-японское «Соглашение против Коммунистического интернационала» и дополнительный протокол к нему. Одновременно Германия и Япония подписали «Дополнительное секретное военное соглашение». Обе стороны обязались «не предпринимать каких-либо мер, которые могли бы способствовать облегчению положения Союза Советских Социалистических Республик» в случае его «неспровоцированного нападения» на Германию или Японию, а также «без взаимного согласия не заключать с Союзом Советских Социалистических Республик каких-либо договоров, которые противоречили бы духу настоящего соглашения» [78]. Так возник Антикоминтерновский пакт [79].

Наряду с разработкой планов развертывания вермахта и операции, фон Манштейн решал вопросы, связанные с укреплением обороны границ Германии. В 1934 г. на востоке страны началось создание так называемой дуги Одер – Варта. Она предназначалась для защиты столицы Германии и вынуждала противника разделить свои силы в случае дальнейшего развития наступления после овладения этой дугой. Это позволило бы вермахту разгромить противника по частям. В том же году фон Манштейн разработал меморандум, в котором предлагал провести обширные мероприятия по аналогии с французской линией Мажино с целью укрепления территории Германии на западе. По мнению фон Манштейна, «удовлетворительное укрепление границы от Швейцарии до Люксембурга (а еще лучше – до Бельгии) в высшей степени способствовало бы сохранению мира». В связи с тем, что установление демилитаризованной зоны исключило возможность создания линии пограничных укреплений и даже укреплений на Рейне, фон Манштейн, в соответствии с планом расширения дуги Одер – Варта, предложил «улучшить шансы нашей обороны на западе, преградив доступ противника к тем областям, для защиты которых требовались минимальные усилия». С этой целью действия французской армии на юге должны были связываться усилением заграждений в Шварцвальде. Во всех случаях речь шла об использовании лесов в горной местности, где было ограничено применение противником артиллерии и танков.

Однако после ввода сил вермахта в демилитаризованную зону предложения фон Манштейна потеряли свою актуальность. Теперь предстояло принять меры по созданию сильных пограничных укреплений на швейцарской и люксембургской границах. Фон Манштейн, учитывая, что строительство укреплений по типу линии Мажино потребует значительных материальных затрат, пошел по другому пути. Он предложил возводить более легкие и мелкие укрепления в тех местах, где не стоило ожидать артиллерийского огня противника. Генеральный штаб планировал завершить строительство западных укреплений в 1942 г. Однако недостаток материалов, машин и рабочих рук привел к тому, что окончание строительства было перенесено на 1945 г.

Но вскоре все эти планы подверглись существенным изменениям. Гитлер, вдохновленный ремилитаризацией Рейнской зоны, 5 ноября 1937 г. на совещании с военным министром фон Бломбергом, главнокомандующими Сухопутными войсками, Военно-воздушными и Военно-морскими силами и министром иностранных дел К. Нейратом объявил о намерении начать большую войну с нападения на Францию. Но первоначально следовало захватить Австрию и Чехословакию, чтобы исключить фланговую угрозу во время наступления на западе. Одновременно с Францией Гитлер назвал «заклятым врагом» и Англию, выразив уверенность в том, что Германия сумеет силой забрать у нее утраченные в годы Первой мировой войны немецкие заморские владения [80].

В соответствии с указаниями Гитлера военный министр фон Бломберг в дополнение к директиве «О единой подготовке вермахта к войне» подписал 7 декабря 1937 г. еще одну директиву. В ней говорилось, что в случае обострения международной обстановки планы «Fall Grün» и «Fall Rot» будут объединены. Если в течение 1938 г. международное положение Германии серьезно не ухудшится, то фон Бломберг оставлял за собой право пересмотра плана «Fall Rot» (направление главного удара на западе) после завершения мобилизационного периода сухопутной армии 1937/38 г. Одновременно были уточнены политические цели плана «Fall Grün» и задачи данной операции.

Планы, которые были разработаны в Генеральном штабе Сухопутных войск с участием фон Манштейна, получили свою реализацию на практике. В марте 1938 г. Германия осуществила аншлюс (присоединение) Австрии, ставшей германской провинцией. После этого была активизирована работа по созданию массовой армии и ее оснащению современными средствами ведения боевых действий. При этом, по

воспоминаниям фон Манштейна, наметились две точки зрения. Он отмечал, что Гитлер «с самого начала лелеял мысль о наступательной войне, хотя и тщательно скрывал подобные планы от нас». Поэтому фюрер делал ставку на увеличение численности армии, количества дивизий, разработку и производство современного оружия. В отличие от Гитлера, военное командование стремилось расширением вооруженных сил лишь обеспечить безопасность государства, но одновременно должна была возрасти их способность к нападению. В этой связи командование Сухопутными войсками намечало существенно увеличить масштабы подготовки и тренировок военнослужащих, что было важнее механического увеличения численного состава армии.

Одним из важных направлений развития Сухопутных войск было создание запрещенных до сих пор Бронетанковых войск. В этом заслуга принадлежит прежде всего, генерал-полковнику Г. Гудериану, считающемуся создателем германских танковых войск. Генеральный штаб внимательно наблюдал за использованием крупных самостоятельных бронетанковых соединений в английской армии и Красной Армии. В 1935 г. на больших учениях в присутствии генерала фон Бека отрабатывалось использование танкового корпуса, хотя его в это время просто не существовало. В плане «Fall Grün» уже предусматривалось использование танковой армии. К началу Второй мировой войны вермахт располагал 4 действующими танковыми дивизиями и импровизированной пятой, 4 легкими дивизиями и 4 моторизированными пехотными дивизиями для ведения самостоятельных оперативных действий.

Фон Манштейну принадлежит идея создания штурмовой (самоходной) артиллерии (нем. Sturmgeschütz – «штурмовое орудие»), предназначенной для поддержки пехоты на поле боя. В 1935 г. он отмечал, что по опыту Первой мировой войны атака пехотных дивизий приносит решающий успех только при самых благоприятных условиях. Несмотря на максимально плотное сосредоточение средств нападения и ураганный огонь артиллерии, воюющим сторонам редко удавалось добиться оперативного прорыва. Учитывая это, фон Манштейн пришел к выводу, что пехота нуждается во вспомогательном вооружении, которое могло бы сопровождать в наступлении передовые части, подавлять своим огнем неожиданно возникающие препятствия и огневые точки противника и обеспечивать их преодоление пехотой. С этой целью предлагалось создать бронированную артиллерию сопровождения на самодвижущихся лафетах.

Фон Манштейн в своей памятной записке представил план

создания «штурмовой артиллерии». Он доказывал, что обычная артиллерия больше не может эффективно поддерживать пехоту на поле боя, так как она не всегда способна издалека уничтожать небольшие и неожиданно возникающие цели. Поэтому предусматривалось в каждой дивизии создать подразделение «штурмовой артиллерии». Ее орудия должны были устанавливаться на самодвижущиеся лафеты и защищаться броней, чтобы сопровождать пехоту на поле боя. Поскольку такие самоходные орудия не предназначались для самостоятельных действий в отрыве от пехоты, а должны были следовать вплотную за первой линией войск, то можно было отказаться от вращающейся башни. Это позволяло использовать орудие калибром 7,5 см, а также открытое боевое отделение для улучшения обзора и наблюдения за полем боя. При оснащении некоторым количеством бронебойных боеприпасов эти орудия вдобавок могли стать лучшим средством противотанковой обороны. Кроме того, штурмовые орудия предполагалось использовать для усиления дивизионной артиллерии, так как они могли вести огонь с закрытых позиций.

Начальник Генштаба генерал фон Бек и главнокомандующий Сухопутными войсками генерал-полковник фон Фрич поддержали идею фон Манштейна. Осенью 1937 г. фон Фрич подписал приказ о создании штурмовой артиллерии. К осени 1939 г. во всех активных пехотных дивизиях намечалось сформировать по одному дивизиону самоходных штурмовых орудий. На 1940 г. планировалась организация дивизионов штурмовой артиллерии и в резервных дивизиях в случае мобилизации. В дальнейшем их создание предполагалось и в танковых дивизиях. В штат разведывательных отрядов всех дивизий предлагалось ввести по одному взводу штурмовой артиллерии [81].

После увольнения фон Фрича и отставки фон Манштейна из Главного командования Сухопутных войск издание соответствующего приказа было отложено новым командующим Сухопутными войсками. В результате только несколько дивизионов штурмовых орудий оказались в составе армейских подразделений.

Одной из сложных проблем являлась организация управления вооруженными силами в мирное и военное время. Ситуацию усугубляло то, что между Главным командованием Сухопутных войск и Верховным главнокомандованием вермахта постоянно возникали различного рода трения. Фон Манштейн, считавшийся заклятым врагом В. Кейтеля, вел активную борьбу за то, чтобы Главное командование Сухопутными войсками заняло подобающее ему место в системе органов высшего военного

управления в случае войны. По поручению начальника Генерального штаба Сухопутных войск фон Манштейн в 1937 г. подготовил меморандум о структуре командования военного времени [82]. В нем предусматривалось разделение функций военного министра, стратегического и оперативного руководства во время войны. На военного министра предлагалось возложить полномочия по учету, организации и использованию всех сил и материальных средств для ведения войны, руководство отраслями военного управления и осуществление политического представительства вермахта.

Наконец, в руках военного министра объединялись бы отрасли военного управления, которые не обязательно должны были соответствовать отдельным управлениям вермахта. Таким образом, можно было бы достичь значительной экономии персонала, денег и имущества.

Фон Манштейн, учитывая, что основным видом вооруженных сил являются Сухопутные войска, считал необходимым сосредоточить руководство военными операциями на континентальном театре в руках главнокомандующего этими войсками. С целью обеспечения взаимодействиями с другими видами вооруженных сил намечалось включить в состав Генерального штаба Сухопутных войск представителей ВВС и ВМФ. При этом Главнокомандующий Сухопутными войсками мог в отношении флота и авиации определять только наиболее значимые для данного момента стратегические и оперативные цели, а также рассчитывать необходимое для их достижения количество сил. Фон Манштейн был противником создания Генерального штаба вермахта, так как это могло привести к дублированию его функций и Генштаба Сухопутных войск, а в конечном счете – к снижению ответственности за исход операций.

Генералы фон Бек и фон Фрич согласились с меморандумом и представили его военному министру фон Бломбергу. Он был явно недоволен вмешательством в дела стратегического характера. Чтобы расставить все точки над i, фон Бломберг дал указание провести командно-штабные учения с целью показать, что со стороны военного министра необходимо руководство не только всеми видами вооруженных сил, но в первую очередь действиями Сухопутных войск. В основу замысла учений был положен вариант возникновения войны между двумя блоками: с одной стороны Германия, Австрия, Венгрия и Италия, а с другой – Чехословакия и Франция. При этом союзники Германии должны были отказаться подчинить свои силы на богемско-моравском театре военных действий Главному командованию Сухопутными войсками, а согласовывать свои действия только с Верховным

главнокомандованием вермахта. Тем самым предусматривалось, что командующий Сухопутными войсками управлял только действующими немецкими силами, в то время как австрийская, венгерская армии и вспомогательный итальянский корпус подчинялись приказам Верховного главнокомандования вермахта.

Фон Манштейну было поручено разработать план операции. Он придерживался иной точки зрения, нежели военный министр, по вопросу об управлении войсками в ходе войны. В проекте плана фон Манштейн предусмотрел, что Австрия и Венгрия, если они станут союзниками Германии, вряд ли откажутся подчинить свои армии непосредственно Главному командованию Сухопутных войск. Относительно итальянских вспомогательных корпусов, которые могли быть подчинены Верховному главнокомандованию вермахта, фон Манштейн предложил отказаться от их использования с целью не нарушить единое руководство операциями со стороны ОКХ. Фон Бломберг подверг критике план фон Манштейна, заявив на разборе учения в присутствии Гитлера, что Главное командование Сухопутных войск из соображения престижа вздумало отказаться от помощи ценных итальянских сил. Однако резкие возражения фон Фрича вынудили военного министра извиниться.

Фон Манштейн не случайно скептически высказался о ценности итальянских вспомогательных сил. Для этого у него были веские основания. В 1936 г. он в составе делегации немецких офицеров в качестве наблюдателя присутствовал на маневрах итальянских войск в окрестностях Неаполя. По мнению фон Манштейна, «с военной точки зрения маневры не представляли собой ничего особенного» [83]. Более высокую оценку он дал венгерской и болгарской армиям, наблюдая за их действиями на маневрах осенью 1937 г.

Гитлер, сосредоточив в своих руках всю полноту политической и государственной власти, решил примерить на себя мундир полководца. Благо, для этого подвернулся весьма удобный предлог. Военный министр фон Бломберг сочетался законным браком с Эрной Грун, которая, по данным полиции, привлекалась к ответственности за аморальное поведение. Об этом стало известно Герингу, который поспешил поделиться новостью с Гитлером. Фюрер поручил передать фон Бломбергу, что, если он немедленно расторгнет этот брак, то он найдет способ избежать публичного скандала. Однако фон Бломберг проявил упорство, отказавшись порвать с Эрной, которую любил. В результате фон Бломберг после разговора с Гитлером 26 января 1938 г. был отправлен в отставку.

Гитлер не стал искать преемника фон Бломбергу, а 4 февраля 1938 г. издал указ о своем назначении Верховным Главнокомандующим [84]. Об этом сообщил на совещании представителям генералитета. Фон Манштейн не удержался от того, чтобы не спросить:

– Не учреждается ли таким образом пост очередного начальника Генерального штаба вермахта?

– Вы правы, как всегда, – быстро ответил Гитлер. – В нужное время и в нужном месте мы непременно сделаем это…

Военное министерство было ликвидировано, а вместо него создано Верховное главнокомандование вермахта – ОКВ (от нем. Oberkommando der Wehrmacht), которое фактически стало военным штабом Гитлера. Начальником ОКВ в ранге министра был назначен В. Кейтель. В составе ОКВ было создано управление (с 8 августа 1940 г. – штаб) оперативного руководства (нем. Wehrmachtfuhrungsamt des OKW), которое возглавил генерал А. Йодль.

Своей должности лишился и Главнокомандующий Сухопутными войсками фон Фрич, которого по сфабрикованному Герингом и Гиммлером обвинению в гомосексуальных наклонностях отправили в отставку. Сухопутные войска возглавил генерал-полковник В. фон Браухич. Всего в период с февраля по сентябрь 1938 г. Гитлер снял с занимаемых должностей 60 генералов, оставив на местах или повысив в должности только тех, кого в то время не смог заподозрить в нелояльности.

Гитлер не простил фон Манштейну его реплику относительно учреждения поста начальника Генерального штаба вермахта. 4 февраля 1938 г. фон Манштейн был освобожден от должности 1-го обер-квартирмейстера Генерального штаба Сухопутных сил. Однако планы, разработанные им, были, с изменениями и дополнениями, претворены в жизнь. 12 марта 1938 г. войска вермахта вошли в Австрию, осуществив так называемый «аншлюс» [85]. На следующий день она была включена в состав рейха, что позволило укрепить стратегические позиции Германии перед нападением на Чехословакию. Этот акт предусматривался особой операцией «Otto», но был проведен бескровно.

Гитлер, наказав фон Манштейна, недолго продержал его без дела. В апреле 1938 г. фон Манштейну присвоили воинское звание генерал-лейтенант и назначили командиром 18-й пехотной дивизии, расквартированной в Лигнице (Легница). Новоиспеченный комдив с удовольствием взялся за работу, получив возможность использовать свои знания и боевой опыт для обучения личного состава дивизии.

Гитлер после аншлюса Австрии обратил свой взор на Чехословакию. 29–30 сентября 1939 г. в Мюнхене на специальной конференции главы правительств Германии, Италии, Франции и Великобритании заключили соглашение, которое обязывало правительство Чехословакии с 1 по 10 октября передать Судетскую область в состав Германии. В октябре, в соответствии с планом «Fall Grün», во время непродолжительной «цветочной войны» [86]вермахт успешно осуществил эту акцию. Фон Манштейн смог на практике проверить разработанный им же план, так как возглавлял штаб армии под командованием генерал-полковника Лееба.

В должности командира 18-й пехотной дивизии фон Манштейн находился около полутора лет. За это время ему удалось значительно поднять уровень боеспособности частей дивизии. Венцом стало проведение 13–14 августа 1939 г. дивизионного учения, на следующий день – артиллерийских учений во взаимодействии с авиацией, а 16 августа – полковых учений. Столь высокая активность была обусловлена тем, что вермахт находился в преддверии большой войны. До ее начала оставалось всего полмесяца.

Переговоры в Москве военных миссий Англии, Франции и Советского Союза завершились 21 августа безрезультатно из-за противоречий по вопросам о количестве выставляемых дивизий Красной Армии, о гарантиях оказания помощи союзникам в случае конфликта и праве прохода войск Красной Армии через территорию Польши и Румынии [87]. Почти одновременно в Москве велись переговоры между Советским Союзом и Германией, приведшие к подписанию 23 августа министром иностранных дел Германии И. Риббентропом и наркомом иностранных дел СССР В.М. Молотовым в Москве договора о ненападении [88]. Он включал секретный дополнительный протокол, который предусматривал, что в случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Писса, Нарев, Висла и Сан. Наряду с этим с советской стороны подчеркивался интерес к Бессарабии. Вопрос о сохранении независимой Польши и определении ее границ предполагалось окончательно решить только в ходе дальнейшего политического развития. В том же месяце СССР и Германия подписали кредитное соглашение, по которому взаимный товарооборот достиг 380 млн марок [89]. Подписание договора о ненападении, по мнению фон Манштейна, было большой неожиданностью и произвело на него самое глубокое впечатление.

Гитлер, добившись успеха на внешнеполитической арене, считал, что теперь никто не сможет воспрепятствовать осуществлению его захватнических планов. Еще 10 февраля 1939 г. в своем выступлении перед командованием вермахта он назвал конечные цели Германии: а) господство в Европе, б) мировое господство на столетия. В конце марта Гитлер принимает решение разгромить Польшу так, чтобы «она уже не могла приниматься в расчет как политический фактор» [90].

В соответствии с планом нападения на Польшу «Fall Weiss» («Белый»), сухопутные, военно-воздушные и военно-морские силы Германии были скрытно отмобилизованы и развернуты до начала агрессии. В Восточную Пруссию войска направлялись под предлогом празднования 25-й годовщины победы кайзеровской армии над русскими войсками в августе 1914 г., а в Померанию и Силезию – якобы для выполнения оборонительных работ. Танковые и моторизованные соединения были выведены на учения в Среднюю Германию с таким расчетом, чтобы они в кратчайшие сроки смогли выйти в районы сосредоточения перед самым вторжением в Польшу.

К 1 сентября 1939 г. вооруженные силы Германии насчитывали 1,6 млн человек, 2,8 тыс. танков, 6 тыс. орудий и минометов, 2 тыс. самолетов, а польская армия – 1 млн человек, 870 танков и танкеток, 4,3 тыс. орудий и минометов, 407 боевых самолетов [91]. Таким образом, Германия имела общее превосходство в силах и средствах, а на направлениях главных ударов оно было подавляющим: в танках – в 8 раз, в полевой артиллерии – в 4, а в противотанковой артиллерии – в 7 раз.

Фон Манштейн стал одним из активных участников войны против Польши. 19 августа 1939 г. его вместе с бывшим командующим 1-й группой армий генерал-полковником К.Р.Г. фон Рундштедтом вызвали на совещание. Оно состоялось 21 августа в Оберзальцберге с участием командующих группами армий и армий, их начальников штабов, а также командующих авиационными и военно-морскими соединениями. На совещании Гитлер заявил о своем категорическом решении немедленно разрешить германо-польский вопрос, даже ценой войны. Мирное решение допускалось лишь в том случае, если Польша перед лицом уже начавшегося, хотя еще и замаскированного развертывания вермахта подчинится нажиму Германии. Фюрер был убежден, что западные державы в решительный момент снова не возьмутся за оружие. Оценивая решение Гитлера, фон Манштейн позже отмечал: в 1939 г. был разработан по приказу фюрера первый план агрессивной войны – план нападения на Польшу.

В директиве Главнокомандующего Сухопутными войсками генерала В. фон Браухича о плане нападения на Польшу и развертывании войск, изданной в середине июня 1939 г., отмечалось, что политическое руководство Германии требует начать войну внезапным и мощным наступлением и добиться быстрых успехов. Замысел состоял в том, чтобы неожиданным вторжением на территорию Польши сорвать мобилизацию и сосредоточение ее армии, а затем концентрическими ударами из Силезии с одной стороны, Померании и Восточной Пруссии – с другой разгромить главные силы польской армии, находившиеся западнее рек Висла и Нарев [92]. Решающая роль в достижении этой цели отводилась бронетанковым войскам и авиации.

Для осуществления стратегической наступательной операции были созданы две группы армий («Юг» и «Север») и сосредоточены 42 кадровые дивизии, в том числе 6 танковых и 4 моторизованные. Кроме того, имелось еще 16 дивизий, укомплектованных только после мобилизации [93].

В состав группы армий «Юг» входили 14, 10 и 8-я армии (всего 33 дивизии, из них 4 танковые, 4 легкие [94]и 2 моторизованные). Ее командующим 24 августа был назначен генерал-полковник К.Р.Г. фон Рундштедт. *«Он был блестяще одаренным военачальником,* – пишет фон Манштейн. – *Он умел сразу схватывать самое важное и занимался только важными вопросами. Все, что являлось второстепенным, его абсолютно не интересовало. Что касается его личности, то это был, как принято выражаться, человек старой школы. Этот стиль, к сожалению, исчезает, хотя он раньше обогащал жизнь нюансом любезности. Генерал-полковник обладал обаянием. Этому обаянию не мог противостоять даже Гитлер. Он питал к генерал-полковнику, по-видимому, подлинную привязанность и, как это ни странно, сохранил ее и после того, как он дважды подвергал его опале. Возможно, Гитлера привлекало в Рундштедте то, что он производил впечатление человека минувших, непонятных ему времен, к внутренней и внешней атмосфере которых он никогда не мог приобщиться»* [95].

Начальником штаба группы армий «Юг» стал фон Манштейн. Оперативный отдел возглавил энергичный полковник Генштаба Г. Блюментритт, с которым фон Манштейна связывали узы взаимного доверия.

Группе армий «Юг» предстояло предпринять с территории немецкой Силезии наступление в общем направлении на Варшаву, разгромить польские армии, развернутые на приграничном рубеже, выйти к Висле и во взаимодействии с

группой армий «Север» уничтожить войска, оставшиеся в западной Польше.

Главный удар группа армий «Юг» наносила силами 10-й армии генерал-полковника В. фон Рейхенау, имевшей наибольшее количество танковых и моторизованных соединений, в направлении Ченстохова, Варшава. Используя свои подвижные войска, армии предстояло как можно скорее выйти к Висле на участке между устьями рек Бзура и Вепш. В состав 10-й армии входил 4-й армейский корпус, начальником штаба которого был В. Модель, ставший впоследствии генерал-фельдмаршалом. Его по праву можно назвать воспитанником фон Манштейна, так как он был начальником Моделя во время службы в Генштабе.

Севернее развертывалась 8-я армия генерал-полковника Й. Бласковица, которая имела задачу наступать на Лодзь, а также прикрыть северный фланг 10-й армии. 14-я армия генерал-полковника В. Листа наносила удар в направлении на Краков с целью разгромить польские войска в Верхней Силезии, захватить переправы на р. Дунаец и развивать наступление на Сандомир, стремясь не допустить создания польской армией обороны на рубежах рек Сан и Висла. В резерве фон Рундштедта находилось 5 пехотных дивизий. Действия войск группы армий «Юг» поддерживал 4-й воздушный флот генерала А. Лера.

Группа армий «Север» (командующий – генерал-полковник Ф. фон Бок) в составе 3-й и 4-й армий (всего 21 дивизия, в том числе 2 танковые и 2 моторизованные) должна была наступать с территории Померании и Восточной Пруссии в общем направлении на Варшаву и во взаимодействии с соединениями группы армий «Юг» уничтожить польские войска севернее Вислы. 4-й армии предстояло нанести удар из немецкой Померании, во взаимодействии с соединениями 3-й армии овладеть восточным берегом Вислы в районе Хелмно и развивать наступление в юго-восточном направлении на Варшаву. 3-й армии предписывалось нанести удар из Восточной Пруссии против польских войск севернее р. Нарев, а в дальнейшем наступать на Варшаву и Седльце. В резерв группы армий «Север» были выделены три пехотные дивизии, а ее действия поддерживала авиация 1-го воздушного флота генерала А. Кессельринга.

Между группами армий «Юг» и «Север» по дуге, образуемой реками Одер и Варта, Генштаб Сухопутных войск оставил минимальное количество войск. Они должны были активными действиями ввести польское командование в заблуждение относительно направлений главных ударов и сковать польскую армию «Познань».

Военно-морскому флоту Германии предстояло блокировать

военно-морские базы Польши и уничтожить ее военно-морские силы, нарушить морскую торговлю Польши с нейтральными странами. Кроме того, германский флот должен был обеспечить безопасность морских коммуникаций с Восточной Пруссией, Швецией и прибалтийскими государствами, выделить силы для обороны побережья Северного моря и принять меры на случай вмешательства в конфликт западных держав.

Войскам групп армий «Юг» и «Север» противостояла группировка вооруженных сил Польши, созданная согласно плану «Захуд» («Запад»), разработанному накануне войны. Главный штаб польской армии полагал, что успех в войне с Германией может быть обеспечен только совместными усилиями Польши и западных союзников. Замысел заключался в том, чтобы упорной обороной и контрударами резервов остановить наступление войск вермахта на рубежах, прикрывающих жизненно важные районы Польши, нанести ему максимальный ущерб и выиграть время для развертывания боевых действий англо-французских войск на западе. В последующем польское командование предусматривало подготовить общее контрнаступление и действовать в зависимости от конкретно складывающейся обстановки.

К началу боевых действий польское командование успело развернуть на оборонительных рубежах 24 пехотные дивизии, 8 кавалерийских, одну бронемоторизованную, 3 горнострелковые бригады и 56 батальонов национальной обороны. Фон Манштейн, оценивая план польского командования, отмечал: *«Таким образом, возможно, что в основе плана развертывания польской армии, кроме желания “ничего не отдавать”, вообще не было никакой ясной оперативной идеи; существовал лишь компромисс между необходимостью обороняться от превосходящих сил противника и прежними заносчивыми планами наступления. При этом одновременно впадали в заблуждение, считая, что немцы будут вести наступление по французскому образцу и что оно скоро примет застывшие формы позиционной войны»* [96].

В половине четвертого вечера 25 августа штаб группы армий «Юг» получил от Главного командования Сухопутными войсками шифрованный приказ: «Операция “Вейс”, первый день “Ч” – 26.08, 4.30». Но уже через шесть часов поступает другой приказ: «Открывать военные действия запрещено. Немедленно остановить войска. Мобилизация продолжается. Развертывание по плану “Вейс” и “Вест” (на Западном фронте. – *Авт.*) продолжать, как намечено» [97].

Фон Манштейн, оценивая впоследствии этот приказ, писал: *«О причинах, которые побудили Гитлера, по-видимому, в последний*

момент изменить свое решение начать войну, мы ничего не узнали. Говорили только, что еще ведутся переговоры. Можно легко понять, что мы, солдаты, были неприятно поражены подобными методами главного командования. Ведь решение о начале войны, в конце концов, является самым ответственным решением главы государства» [98].

Все были в ожидании: поступит ли снова приказ о наступлении или нет? Ждать пришлось недолго: в пять часов вечера 31 августа поступила команда: «Ч – 01.09, 04.45».

Нападение на Польшу началось с провокации. Вечером 31 августа группа эсэсовцев ворвалась в здание радиостанции приграничного с Польшей города Глейвиц (Гливице). Инсценируя нападение на германскую территорию, они сделали несколько выстрелов у микрофона и зачитали на польском языке заранее составленный текст, смысл которого заключался в том, что «пришло время войны Польши против Германии». Для большей убедительности эсэсовцы привезли с собой немецких уголовников, переодетых в польскую военную форму, и тут же, в Глейвице, их расстреляли. Тем самым Гитлер надеялся оправдать агрессию против Польши.

Утром 1 сентября войска групп армий «Север» и «Юг» перешли в наступление, стремясь окружить и уничтожить польскую армию в большой излучине Вислы западнее Варшавы. 3 сентября войну Германии объявили Великобритания и Франция. Началась Вторая мировая война.

В тот же день, 3 сентября, И. Риббентроп предложил правительству СССР выступить против польских войск и занять территории, которые «определены в Москве как сфера влияния СССР» [99]. На следующий день нарком обороны СССР К.Е. Ворошилов потребовал от военных советов Ленинградского, Калининского, Московского, Киевского Особого и Белорусского Особого военных округов привести к 15 сентября войска в боевую готовность [100]. 5 сентября Молотов сообщил Риббентропу, что Советский Союз «считает, что время еще не наступило… Чрезмерная поспешность может принести нам вред и содействовать объединению наших врагов» [101]. 6 сентября нарком обороны СССР и начальник Генштаба РККА подписали приказ о проведении мобилизационных мероприятий в Ленинградском, Калининском, Белорусском, Киевском, Московском, Орловском и Харьковском военных округах. На 7 сентября в этих округах намечалось провести большие учебные сборы с привлечением приписного командного и начальствующего состава [102]. Одновременно К.Е. Ворошилов и командарм 1 ранга Б.М. Шапошников подписывают приказ о

порядке взаимодействия с германскими частями. В соответствии с ним советской авиации не разрешалось перелетать западнее линии Белосток, Брест-Литовск, Львов, а вести боевые действия только к востоку от этой линии [103].

Вооруженные силы Польши оказали войскам вермахта упорное сопротивление, пытаясь их остановить и прикрыть основное стратегическое направление. Однако вермахт сумел сломить сопротивление польской армии на рубежах вдоль границы, рассечь ее фронт и осуществить глубокие обходные маневры на флангах. Многие польские соединения к 8 сентября понесли значительные потери и оказались отрезанными от соседей.

9 сентября, отмечает фон Манштейн, был закрыт первый «котел» войны. Войска группы армий «Юг» захватили 60 тыс. пленных и 130 орудий, разгромив 7 польских дивизий [104]. В тот же день в штаб группы армий «Юг» из ОКХ поступила телеграмма, в которой говорилось, что противник быстрыми темпами отводит свою познаньскую группировку на восток и что поэтому не следует опасаться угрозы глубокому флангу 8-й армии. Однако в штабе группы армий «Юг» считали, что южнее Вислы, между Лодзью и Варшавой, в общей сложности находятся еще 10 дивизий противника.

Утром 10 сентября фон Манштейн получил из штаба 8-й армии донесение о том, что 30-я пехотная дивизия неожиданно подверглась нападению значительно превосходящих сил противника с севера. Попытки командующего армией генерал-полковника Бласковица восстановить положение контратаками не принесли успеха. Поэтому он просил срочно перебросить в его распоряжение танковый корпус, чтобы не допустить прорыва противника в южном направлении на город Лодзь, который еще 9 сентября был занят без боя.

Командующий группой армий «Юг», отклонив просьбу генерала Бласковица о присылке подкрепления, принял меры по окружению польских войск. С этой целью в сражение были введены 213-я и 221-я пехотные дивизии, находившиеся в резерве фон Рундштедта. Они нанесли удар по западному флангу противника, атаковавшего 8-ю армию с севера. Для этой же цели была выделена одна легкая дивизия, участвовавшая в подходившем к концу сражении у Радома. Главной же задачей было заставить польские войска перед фронтом 8-й армии вести бой с постоянно меняющимся фронтом. Для этой цели 10-й армии было приказано немедленно повернуть на запад находившийся под Варшавой и южнее ее 16-й танковый корпус, а также следовавший за ним 11-й армейский корпус. Они должны были

нанести по польским войскам удар с востока. Войскам 8-й армии предстояло отражать продолжающиеся атаки противника, а как только они начнут ослабевать, перейти в наступление.

11 сентября на базе войск Белорусского и Киевского Особых военных округов создаются соответственно Украинский (командующий – командарм 1 ранга С. К. Тимошенко) и Белорусский (командующий – командарм 2 ранга М. П. Ковалев) фронты. 14 сентября нарком обороны СССР и начальник Генштаба РККА подписали директиву о задачах войск обоих фронтов. Они должны были к исходу дня 16 сентября скрытно сосредоточиться в готовности перейти в решительное наступление «с целью молниеносным ударом разгромить противостоящие войска противника» (речь идет о польской армии. – *Авт.*) [105].

После ожесточенных боев на Бзуре, в районе южнее Люблина, и попыток польских войск прорваться вначале на юг, затем на юго-восток и, наконец, на восток, их сопротивление 18 сентября окончательно было сломлено. Войска 10-й и 8-й армий захватили 170 тыс. пленных, 320 орудий, 130 самолетов и 40 танков, разгромив 9 польских пехотных дивизий, 3 кавалерийские бригады и частично еще 10 дивизий [106]. Фон Манштейн следующим образом оценивал исход боевых действий: *«Сражение на Бзуре явилось самой большой самостоятельной операцией польской кампании, ее кульминационным, если не решающим моментом. С оперативной точки зрения этим решающим моментом был уже глубокий охват всей польской армии группой армий “Север” с севера и 14 армией с юга. Продиктован ли был этот единственный крупный контрудар командования польской армии надеждой изменить ход сражения в Висленской дуге или он преследовал только одну цель – пробить находившимся южнее Варшавы польским войскам путь на Варшаву, – в судьбе польской армии он уже не мог ничего изменить. Если сражение на Бзуре и не может сравниться по своим результатам со сражениями на уничтожение окруженного противника, проводившимися позже в России, оно является самым большим сражением подобного рода, имевшим место до того времени»* [107].

17 сентября польскую границу перешли части Красной Армии, которые заняли западноукраинские и западнобелорусские земли, войдя в соприкосновение с германскими войсками. 28 сентября войска Красной Армии, почти не встречая сопротивления, выполнили поставленную перед ними задачу. Их действия мотивировались целью защиты украинцев и белорусов, брошенных польским руководством на произвол судьбы. В то же время эти действия были нарушением подписанных советским правительством с Польшей Рижского договора 1921 г. и Договора

о ненападении 1932 г.

После уничтожения самой сильной группировки польских войск часть соединений группы армий «Юг» была переброшена на запад, где французы и британцы, по выражению фон Манштейна, «сложа руки, взирали на уничтожение своего польского союзника». Главные силы группы армий «Юг» развернули наступление на Варшаву. С целью избежать лишних жертв фон Рундштедт приказал 8-й армии обеспечить наступательными действиями создание вокруг Варшавы тесного сплошного кольца, примерно по линии идущей вокруг города кольцевой трассы. Вслед за тем Варшаву планировалось принудить к сдаче в результате обстрела и бомбардировок с воздуха.

25 сентября начался обстрел внешних фортов, опорных пунктов и важнейших баз снабжения Варшавы. На следующий день на город были сброшены листовки, в которых сообщалось о предстоящем обстреле непосредственно Варшавы и содержалось требование сдать столицу Польши. Однако польские войска продолжали оказывать упорное сопротивление. Вечером 26 сентября немецкая артиллерия начала обстрел Варшавы, а 27-го части 8-й армии захватили два внешних форта. Это вынудило защитников города согласиться на капитуляцию.

28 сентября акт капитуляции был подписан польским главнокомандующим и командующим немецкой 8-й армией. По сведениям польского уполномоченного, в Варшаве капитулировало 120 тыс. человек [108]. В результате Польша как независимое государство перестала существовать. Одновременно в Москве представители СССР и Германии подписали договор «О дружбе и границе» [109]. К договору были приложены секретные протоколы и карты, по которым территория Литвы входила в сферу интересов Советского Союза, а Германия получала Люблинское и часть Варшавского воеводства. Этот договор 31 октября был утвержден на внеочередной сессии Верховного Совета СССР. В октябре в Западной Белоруссии и Западной Украине, территории которых контролировались Красной Армией, проводятся выборы в Народные собрания. Эти органы власти незамедлительно провозгласили советскую власть и обратились к Верховному Совету СССР с просьбой принять Западную Украину и Западную Белоруссию в состав Советского Союза.

В ходе боевых действий польская армия потеряла 66,3 тыс. убитыми, 133,7 тыс. ранеными, около 420 тыс. человек попало в плен [110]. Потери вермахта составили 10,6 тыс. убитыми, 30,3 тыс. ранеными и 3,4 тыс. пропавшими без вести [111]. Наибольшие потери понесла группа армий «Юг» – 7014 человек

убитыми, около 20,5 тыс. ранеными и до 4,1 тыс. пропавшими без вести [112].

Фон Манштейн, оценивая итоги войны против Польши, писал: *«Важную роль в достижении высоких темпов проведения кампании сыграли новые принципы использования самостоятельно действующих танковых соединений и поддержка авиации, обладавшей подавляющим превосходством. Но решающим фактором, вероятно, наряду с неоднократно испытанной храбростью немецкого солдата и его готовностью к самопожертвованию, был наступательный порыв, который овладел немецким командованием и войсками. Насколько очевидно, что техническое оснащение армии в значительной степени объясняется энергией Гитлера, настолько же ясно, что одно превосходство в вооружении ни в коей мере не могло обеспечить такой быстрой и решительной победы»* [113]. И далее фон Манштейн отмечает, что вермахт сумел с помощью новых средств борьбы овладеть подлинным искусством ведения маневренной войны. Секрет успеха состоял в том, что всем командирам и отдельным солдатам была предоставлена самостоятельность. В результате они действовали инициативно и решительно, что позволяло быстро решать поставленные задачи.

Вклад командующего группой армий «Юг» и его начальника штаба в достижение победы в войне против Польши был оценен по достоинству. Генерал-полковник фон Рундштедт получил планки к Железным крестам (повторное награждение) и Рыцарский крест, а фон Манштейн – планки к Железным крестам.

3 октября 1939 г. фон Рундштедт был назначен командующим Восточным округом, штаб которого возглавил фон Манштейн. Но вскоре, 24 октября, следует новое назначение: фон Рундштедт возглавил группу армий «А», а фон Манштейн ее штаб. Он располагался в Кобленце, в отеле «Ризен-Фюрстенгоф», на берегу Рейна.

Чем же было вызвано это новое назначение? Еще 27 сентября 1939 г. Гитлер на совещании главнокомандующих видами вооруженных сил и их начальников штабов приказал незамедлительно готовить наступление на Западе. «Цель войны, – подчеркнул он, – поставить Англию на колени, разгромить Францию». 29 сентября Гитлер сообщил о своем намерении разбить Францию еще до наступления зимы [114].

9 октября командующие видами вооруженных сил получили документ под названием «Памятная записка и руководящие указания по ведению войны на западе». В нем на основе концепции «блицкрига» определялись стратегические цели предстоящей кампании, указывалось, что вермахту предстоит

наступать на западе, не считаясь с нейтралитетом Бельгии, Голландии и Люксембурга. 19 октября генерал фон Браухич подписывает директиву о сосредоточении и развертывании сил для проведения операции на западе, которая получила кодовое название «Fall Gelb» («Желтый»). Гитлер вначале требовал начать наступление 15 октября, но затем определил новую дату – 12 ноября. Впоследствии из-за состояния погоды этот срок был снова перенесен.

Согласно директиве от 19 октября, предусматривалось развернуть наступление через Голландию, Бельгию и Люксембург в Северную Францию. Исходя из этого, основные силы Сухопутных войск сосредоточивались на северном фланге. Группа армий «Б» в составе 37 дивизий, в том числе 8 танковых и 2 моторизованные, должна была нанести здесь главный удар, захватить рубежи севернее и южнее Брюсселя, а затем, не теряя времени, наступать на запад, заставив противника отойти от Антверпена в район Брюгге, Гент. Левое крыло развернутой группировки войск вермахта составляла группа армий «А», имевшая 27 дивизий. Ей предстояло прикрыть наступление на главном направлении с юга, правым флангом продвинуться за р. Маас южнее Намюра и расширить прорыв в направлении западнее р. Самбр. На юге группа армий «Ц» (25 дивизий) должна была перейти к обороне от франко-люксембургской границы до Швейцарии.

План кампании неоднократно уточнялся и изменялся. 20 ноября директивой № 8 Верховного главнокомандования вермахта Генштабу Сухопутных войск была поставлена задача разработать новый вариант операции «Fall Gelb», который предусматривал нанесение главного удара в полосе группы армий «А» через горно-лесистый массив Арденн. Одной из причин этого решения явилось раскрытие немецкой разведкой стратегического плана союзников и мобилизационного развертывания англо-французских войск.

По свидетельству фон Манштейна, оперативные замыслы Генштаба Сухопутных войск в основных чертах напоминали знаменитый план Шлиффена 1914 года. По мнению фон Манштейна, ударная группировка вермахта (группа армий «Б» с ее 43 дивизиями) при вторжении в Бельгию встретилась бы с 20 бельгийскими, а если в войну была бы втянута и Голландия, то еще и с 10 голландскими дивизиями. Они опирались на мощные укрепления по обе стороны от Льежа и вдоль канала Альберта, а также на естественные препятствия: в Бельгии – удлиненный до крепости Антверпен оборонительный рубеж канала Альберта, на юге – укрепленный рубеж р. Маас с опорным пунктом Намюром,

в Голландии – многочисленные водные рубежи. Эти укрепления позволяли оказать достойное сопротивление войскам вермахта. Через несколько дней на помощь голландской и бельгийской армиям могли прийти английские и французские войска (танковые и моторизованные дивизии), которые находились на случай германского вторжения в Бельгию у франко-бельгийской границы. *«Таким образом, немецкие силы, наступающие на фланге,* – отмечает фон Манштейн, – *не могли бы получить возможность внезапно совершить оперативный обход крупными силами. С подходом англо-французских сил они должны были бы действовать против равного им по численности противника в лоб. Успех этого первого удара должен был, следовательно, решаться в тактических рамках. Он не был подготовлен оперативным замыслом наступления»* [115].

Замыслу Генштаба Сухопутных войск командующий группой армий «А» и его начальник штаба противопоставили другой вариант, направив еще в октябре памятные записки в ОКХ. Мы не будем подробно рассказывать обо всех перипетиях, связанных с борьбой фон Манштейна против плана ОКХ, а сразу перейдем к сути разработанного начальником штаба группы армий «А» плана. Он изложен в мемуарах фон Манштейна, которые позволим себе процитировать [116].

«1. Целью наступления на западе должно было являться одержание решительной победы на суше. Стремление добиться частной победы, лежащее в основе директив ОКХ, не было оправдано ни с политической (нарушение нейтралитета трех стран), ни с военной точки зрения. Ударная сила германской армии на континенте, в конечном счете, является для нас решающим фактором. Расходовать ее на достижение частных целей недопустимо, если учесть хотя бы такой фактор, как Советский Союз.

2. Главный удар в нашей наступательной операции должна наносить группа армий “А”, а не группа армий “Б”. Если бы удар, как намечалось, наносила группа армий “Б”, она встретила бы подготовленного к нему противника, на которого ей пришлось бы наступать фронтально. Такие действия привели бы вначале к успеху, однако могли быть остановлены на Сомме.

Подлинные шансы группа армий “А” имела при условии нанесения ею внезапного удара через Арденны (где противник не ожидал применения танков ввиду ограниченной проходимости местности) в направлении на нижнее течение Соммы, чтобы отрезать переброшенные в Бельгию силы противника от Соммы с севера. Только таким путем можно было ликвидировать весь северный фланг противника в Бельгии, что являлось предпосылкой

для одержания окончательной победы во Франции.

3. Однако в действиях группы армий "А" заключается не только главный шанс, но и главная опасность для немецкого наступления. Если противник будет действовать правильно, он попытается избежать неблагоприятного для него исхода сражения в Бельгии, отойдя за Сомму. Одновременно он может бросить все имеющиеся в его распоряжении силы для контрнаступления на широком фронте против нашего южного фланга с целью окружения главных сил немецкой армии в Бельгии или южнее Нижнего Рейна. Хотя от французского командования и нельзя было ожидать такого смелого решения и союзники Франции, вероятно, возражали бы против него, все же такой вариант нельзя было не учитывать.

По крайней мере, противнику в случае, если бы он смог остановить наше наступление через северную Бельгию на Сомме, в ее нижнем течении, удалось бы с помощью резервов снова создать сплошной фронт. Он мог бы начинаться у северо-западной границы линии Мажино и проходить восточнее Седана, затем по течению Эн и Соммы до Ла-Манша.

Чтобы помешать этому, необходимо было разбить силы противника, сосредоточивающиеся против нашего южного фланга, примерно в районе южнее и севернее реки Маас или между реками Маас и Уазой. Следовало, прежде всего, прорвать фронт в этом районе, чтобы иметь возможность осуществить позже обход линии Мажино.

4. Группа армий "А", которой предстояло наносить в этой операции главный удар, должна была получить вместо двух армий три, хотя по соображениям ширины фронта в составе группы армий "Б" могло действовать больше дивизий.

Одна армия должна была, как было намечено, наносить вначале удар через южную Бельгию и Маас, затем продвигаться в направлении на нижнее течение Соммы, чтобы выйти в тыл противнику, действующему перед группой армий "Б".

Другая армия должна была действовать в юго-западном направлении с задачей нанести удар по силам противника в случае их сосредоточения для контрнаступления на нашем южном фланге в районе западнее реки Маас.

Третья армия, как было намечено, должна была севернее линии Мажино на участке Сирк – Музон (восточнее Седана) обеспечивать глубокий фланг всей операции.

В связи с переносом направления главного удара, который теперь должна была наносить не группа армий "Б", а группа армий "А", было необходимо включить в состав последней еще одну армию, которая в связи с недостаточной шириной фронта

наступления должна была войти в прорыв позднее, однако с самого начала должна была находиться в ее распоряжении, и крупные танковые соединения».

Фон Манштейн, разрабатывая план нападения на Францию, показал себя действительно настоящим стратегом, умеющим предвидеть ход событий и предлагать меры, направленные на их развитие в благоприятную для вермахта сторону. 3 ноября в штаб группы армий «А» прибыли Главнокомандующий Сухопутными войсками и начальник Генерального штаба. По поручению командующего группой армий фон Манштейн доложил им соображения по поводу плана военных действий на западе. Он также попросил усилить группу армий еще одной армией и крупными бронетанковыми соединениями. Однако генерал-полковник фон Браухич отнесся с предубеждением к плану, отклонил просьбу об усилении группы армий, обещав выделить из резервов ОКХ только одну танковую дивизию и два мотопехотных полка. 6 ноября фон Рундштедт и фон Манштейн еще раз обратились к Главнокомандующему Сухопутными войсками с просьбой принять вышеизложенный план, но успеха не имели.

12 ноября штаб группы армий «А» получил телеграмму следующего содержания:

«Фюрер отдал приказ: на южном фланге 12 армии или в полосе наступления 16 армии ввести третью группу подвижных войск [117] *с задачей наносить удар через открытую местность по обе стороны от Арлона, Тинтиньи и Флоренвиля в направлении на Седан и восточнее его. Состав группы: штаб 19 ак, 2 и 10 тд, одна мотопехотная дивизия, лейб-штандарт, полк “Великая Германия”»* [118].

Перед этой группой ставились следующие задачи:

а) разбить переброшенные в южную Бельгию подвижные силы противника и облегчить тем самым 12-й и 16-й армиям выполнение их задач;

б) в районе Седана или юго-восточнее его внезапно переправиться через Маас и создать тем самым благоприятные предпосылки для продолжения операций, в особенности в случае, если действующие в составе 6-й и 4-й армий бронетанковые соединения не смогут быть использованы.

Эта директива в какой-то мере соответствовала планам командующего группой армий «А» и его начальника штаба. Ведь форсирование р. Маас у Седана позволяло создать удобный плацдарм для переправы южного фланга группы армий «Б» через реку. В то же время такое использование 19-го танкового корпуса генерала Г. Гудериана приводило к дроблению бронетанковых

сил группы армий «А».

21 ноября в штаб группы армий «А» снова прибыли Главнокомандующий Сухопутными войсками и начальник Генерального штаба. Они провели совещание с участием командующих группами армий «А» и «Б» и их командующими армиями. На совещании фон Рундштедт и фон Манштейн снова передали фон Браухичу свои соображения о том, как должно быть организовано наступление. Однако эти соображения не были приняты во внимание. И только на очередную записку штаба группы армий «А» от 30 ноября начальник Генерального штаба Сухопутных войск генерал Гальдер сообщил, что в настоящее время намечается избрать еще одно направление главного удара в районе действий группы армий «А». В случае успешного прорыва через Арденны это могло привести к предложенному фон Рундштедтом и фон Манштейном расширению цели операции и к проведению ее в духе их предложений. Однако все распоряжения командования Сухопутных войск, отданные до этого, не привели к образованию нового направления главного удара, а лишь давали возможность создания такого направления. Ответ Гальдера свидетельствовал о том, что Гитлер оставлял за собой право принимать важнейшие решения в ходе войны, а выбор направления главного удара ставился в зависимость от хода самого наступления.

Фон Манштейн, подробно разбирая все, что связано с борьбой за принятие плана штаба группы армий «А», подчеркивал: *«Мы хотели добиться принятия плана наступления, который отвечал бы нашим взглядам и один был в состоянии обеспечить решительный успех на западе. Наконец в феврале 1940 г., уже после моего ухода с должности начальника штаба группы армий “А”, у меня была возможность во время беседы с Гитлером доложить ему о тех планах, принятия которых штаб группы армий так долго тщетно добивался. Несколько дней спустя ОКХ издало новую директиву о наступлении, которая базировалась на наших планах и предложениях!»* [119]

Еще до встречи с Гитлером начальник штаба группы армий «А» 27 января 1940 г. был отстранен от должности. Главнокомандующий Сухопутными войсками мотивировал это решение тем, что фон Манштейна нельзя больше обходить при назначении новых командиров корпусов, так как генерал Рейнгардт, который имеет меньшую выслугу лет в своем чине, также получает корпус. *«Хотя мое назначение никак не могло рассматриваться как нарушение обычного порядка назначения на должности,* – пишет фон Манштейн, *– в тот момент, когда предстояло большое наступление, такая смена начальников*

штабов выглядела очень странно. Вопрос о выслуге лет, который послужил предлогом для этого, можно было разрешить и иначе. Поэтому вряд ли можно сомневаться в том, что моя отставка с поста начальника штаба группы армий объяснялась желанием ОКХ отделаться от надоевшего ему настойчивого человека, который посмел противопоставить его оперативному плану другой план» [120].

9 февраля 1940 г. фон Манштейн выехал из Кобленца в Лигниц. 15 февраля он был назначен командиром 38-го армейского корпуса. 17 февраля фон Манштейна, как и других только что назначенных командиров, вызвали в Берлин для представления Гитлеру. В их честь был дан завтрак, во время которого, как обычно, главным образом говорил Гитлер. После завтрака он пригласил фон Манштейна в свой кабинет, предложив изложить свою точку зрения об организации наступления на западе. *«Знал ли он уже от своего главного адъютанта о нашем плане и в какой мере он в этом случае был информирован, я не могу сказать,* – отмечает фон Манштейн. *– Во всяком случае, мне оставалось только удивляться тому, с какой поразительной быстротой он разобрался в той точке зрения, которую группа армий отстаивала в течение вот уже нескольких месяцев. Как бы то ни было, он вполне одобрил мои соображения»* [121].

20 февраля была издана новая директива о наступлении, которая в общих чертах содержала основные положения плана фон Манштейна. Она предусматривала нанесение удара силами двух танковых корпусов (19-го и 14-го) в направлении на Маас между Шарлевилем и Седаном и форсирование Мааса на этом участке. Из состава группы армий «Б» в подчинение командующего группой армий «А» передавался штаб 2-й армии, которому предстояло сформировать еще одну армию. Ее намечалось ввести в прорыв, как только это допустит ширина полосы наступления группы армий «А» в результате поворота 16-й армии на юг. Одновременно группе армий «А» подчинялась 4-я армия, входившая в состав группы армий «Б», чтобы обеспечить группе армий «А» возможность осуществить маневр в направлении на нижнее течение Соммы [122].

Фон Манштейн, оценивая эту директиву, отмечал, что направление сосредоточения основных усилий было теперь перенесено на южный фланг и группа армий «А» получила возможность нанести внезапный удар или, как выразился У. Черчилль, «удар серпом» по противнику через Арденны и Маас в направлении на нижнее течение Соммы. Ядро ударной группировки составляли танковые и моторизованные соединения,

действия которых поддерживались крупными силами авиации. Выдвижение сильной группировки союзников в Бельгию (на рубеж р. Диль), о котором стало известно командованию вермахта, по существу облегчало реализацию замысла операции «Fall Gelb». Наиболее боеспособные английские и французские дивизии, выдвигавшиеся в соответствии с планом «Dyle-Plan» [123]в Бельгию, предусматривалось сковать, чтобы обеспечить наступление на главном направлении.

24 февраля Главное командование Сухопутных войск издало директиву, которая содержала окончательный вариант плана «Fall Gelb». Согласно плану, предусматривалось достигнуть следующих военно-политических целей: разбить северную группировку войск коалиции западных держав; захватить территорию Голландии, Бельгии и Северной Франции; использовать захваченные районы как плацдармы для расширения морской и воздушной войны против Англии; создать решающие предпосылки для завершения разгрома французских вооруженных сил, вывода из войны Франции и принуждения Великобритании к выгодному для Германии миру.

Какие же силы были развернуты для выполнения плана «Fall Gelb»? Это были группы армий «А», «Б» и «Ц» (всего 136 дивизий, в том числе 10 танковых и 7 моторизованных), два воздушных флота. Всего эта группировка насчитывала 3,3 млн человек, 2580 танков, 3824 боевых самолета, 7378 артиллерийских орудий калибром 75 мм и выше. Союзники (Франция, Англия, Бельгия, Голландия) на Северо-Восточном фронте имели около 3,8 млн человек, 3099 танков, 14 544 орудия калибра от 75 мм и выше, 3791 боевой самолет [124]. Союзники имели почти двукратное превосходство в артиллерии, незначительное превосходство в живой силе и танках и почти равное соотношение в боевых самолетах.

Группа армий «А» под командованием генерал-полковника фон Рундштедта, которой предстояло нанести главный удар, заняла исходный район в полосе шириной 170 км – от Ретгена (южнее Ахена) до стыка границ Германии, Люксембурга и Франции. Она включала 4, 12 и 16-ю армии (всего 45 дивизий, в том числе 7 танковых и 3 моторизованные). Ей предстояло пройти через Арденны по территории Люксембурга и Южной Бельгии, выйти к Маасу, форсировать его между Динаном и Седаном, прорвать оборону на стыке французских 9-й и 2-й и нанести рассекающий удар в северо-западном направлении к Ла-Маншу. Кроме того, частью сил предусматривалось обеспечение левого фланга наступающей ударной группировки от возможного контрудара противника из укрепленного района Мец, Верден.

Бронированный кулак группы армий «А» составляла расположенная в центре, в полосе 12-й армии, группа генерала Э. фон Клейста. Она включала два танковых и один моторизованный корпуса [125](около 134,4 тыс. человек, 1250 танков, 362 бронеавтомобиля, 39 528 автомашин). Справа, в полосе наступления 4-й армии, должен был действовать танковый корпус генерала Г. Гота (542 танка). Действия группы армий «А» поддерживала авиация 3-го воздушного флота.

В полосе от побережья Северного моря до Ахена была развернута группа армий «Б» под командованием генерал-полковника фон Бока в составе 18-й и 6-й армий (29 дивизий, из них 3 танковые и 2 моторизованные). В ее задачу входили захват Голландии, воспрепятствование соединению голландской армии с силами союзников, прорыв обороны, созданной бельгийцами по каналу Альберта, оттеснение англо-франко-бельгийских войск за линию Антверпен, Намюр и их сковывание активными действиями. В полосе наступления группы армий «Б» в Голландии и Бельгии предполагалась выброска парашютно-десантных групп с целью захвата мостов на маршрутах наступавших войск, аэродромов, дезорганизации управления обороной и осуществления диверсий. Особое внимание уделялось захвату силами воздушного десанта Льежского укрепленного района, который преграждал путь в Центральную Бельгию. С воздуха группу армий «Б» поддерживал 2-й воздушный флот.

Группа армий «Ц» под командованием генерал-полковника фон Лееба в составе 1-й и 7-й армий (19 дивизий) занимала позиции по франко-германской границе. Ей предписывалось обеспечить оборону в полосе шириной 350 км от франко-люксембургской границы до Базеля. Группе армий предстояло активными разведывательными действиями и демонстрацией готовности к наступлению в районе Пфальца ввести в заблуждение французское командование и сковывать на линии Мажино и на Рейне как можно больше французских дивизий. Наряду с этим, войска Лееба должны были оказать содействие в обеспечении южного фланга ударной группировки.

В резерв Главного командования Сухопутных войск были выделены 42 дивизии, предназначенные для наращивания удара на главном направлении. Авиации 2-го и 3-го воздушных флотов предстояло завоевать господство в воздухе, дезорганизовать управление войсками противника и оказать непосредственную поддержку наступающим соединениям. За 20 минут до наступления сухопутных войск примерно одна треть сил воздушных флотов должна была обрушить удары на прифронтовые аэродромы, штабы, центры связи и узлы

коммуникаций союзников в Голландии, Бельгии и Франции. С началом наступления вся авиация переключалась на поддержку наземных войск, в первую очередь танковых корпусов, наступавших на направлении главного удара. В задачу Военно-морского флота входила поддержка наступления сухопутных сил.

В 5 часов 35 минут 10 мая 1940 г. сухопутные войска вермахта начали вторжение в Голландию, Бельгию и Люксембург. В это время фон Манштейн, который длительное время боролся за принятие разработанного им плана, отдыхал в Лигнице. Вечером штабу 38-го армейского корпуса было приказано перейти в Брауншвейг, откуда он 13 мая направился в Дюссельдорф, где корпус поступил в распоряжение командующего группой армий «Б», но уже 16 мая был снова переподчинен группе армий «А». Вскоре штаб корпуса переводится в Люксембург, в живописный небольшой городок Клерф, где ему предстояло руководить переброской нескольких дивизий из числа следовавших за 2-й армией.

В то время как фон Манштейн вместе со своим штабом совершал вояжи, события развивались по разработанному им плану. Главный удар был нанесен через Арденны в обход «линии Мажино» с севера, через Северную Францию. 14 мая капитулировали вооруженные силы Голландии. Танковые соединения вермахта, прорвав оборону в районе Седана, 20 мая вышли к Ла-Маншу. Армия Бельгии, английские экспедиционные силы и часть французской армии были отрезаны во Фландрии. 28 мая капитулировала бельгийская армия.

Накануне, 27 мая, 38-й армейский корпус, подчиненный командующему 4-й армией, получил задачу сменить 14-й танковый корпус, который генерал фон Клейст вместе с 9-й танковой и 2-й моторизованной дивизиями оставил для прикрытия своего тыла в нижнем течении р. Соммы. Корпусу фон Манштейна приказывалось удерживать плацдармы у Амьена и Абвиля. Он, будучи деятельной натурой, не мог довольствоваться тем, что ему отведена роль тактика «оборонительного плана». Фон Манштейн неоднократно предлагал командующему 4-й армией силами двух моторизованных дивизий (или после их смены – двумя пехотными дивизиями) внезапно форсировать Сомму между обоими плацдармами с тем, чтобы охватить с флангов части противника, наступающие на плацдарм, и разбить их. Но все предложения командира 38-го армейского корпуса в расчет не принимались. В результате союзники получили возможность создать сплошной фронт вдоль Соммы между плацдармами.

В эти дни фон Манштейн получил сообщение, что младший

брат его жены Эгберт фон Лёш, командир эскадрильи пикирующих бомбардировщиков, пропал без вести под Брюсселем. В последующем выяснилось, что самолет Эгберта был подбит огнем зенитной артиллерии при переходе в пикирующий полет. Двум членам экипажа удалось выпрыгнуть с парашютом. Один из них был убит бельгийскими солдатами еще в воздухе, другой после приземления. Эгберт и четвертый член экипажа или погибли от зенитного огня, или разбились вместе с самолетом.

Фон Манштейн, получив приказ, организовал устойчивую оборону, которая позволила удержать плацдармы у Амьена и Абвиля. Несмотря на то, что фон Манштейн не принимал участия в активных боевых действиях, ему в установленном порядке 1 июня присвоили звание генерала пехоты. В этом качестве он смог проявить себя в настоящем деле.

На рассвете 5 июня войска группы армий «Б» перешли в общее наступление. Танковая группа генерала Э. фон Клейста, наступавшая с плацдармов у Амьена и Перонна в полосе 6-й армии, не смогла прорвать оборону французской 7-й армии. Успешнее действовал танковый корпус генерала Г. Гота, наносивший удар с плацдарма у Абвиля. Он за сутки продвинулся почти на 10 км, а 6 июня прорвал оборону французской 10-й армии и 8 июня вышел в район Эльбефа (юго-восточнее Руана).

Частям 38-го армейского корпуса было предписано наступать в полосе шириной около 20 км по обе стороны от Пикиньи. Им противостояли две французские дивизии, одна дивизия колониальных войск и 13-я Эльзасская пехотная дивизия. На рассвете 5 июня пехота 38-го армейского корпуса, снабженная надувными лодками, понтонами и штурмовыми мостиками, форсировала Сомму. Фон Манштейн руководил боевыми действиями корпуса с командного пункта 46-й пехотной дивизии, развернутого на южном берегу реки. Он, внимательно наблюдая за развитием событий, вносил при необходимости изменения в ранее принятое решение. От частей корпуса требовалось неотступно преследовать противника. 7 июня фон Манштейн ввел в бой на правом фланге корпуса 6-ю пехотную дивизию, что позволило быстро овладеть городком Пуа. Одновременно командир корпуса вывел в свой резерв 27-ю пехотную дивизию, которая с началом наступления вела самые тяжелые бои. Ее на левом фланге корпуса сменила приданная корпусу 1-я кавалерийская дивизия. С целью быстрейшего выхода к р. Сене, чтобы не допустить отхода за реку противника, фон Манштейн приказал дивизиям первого эшелона выдвинуть моторизованные передовые отряды. За ними следовала основная часть пехоты и артиллерия на конной тяге.

Выполняя приказ фон Манштейна, части корпуса 10 июня преодолели р. Сену. 14 июня германские войска без боя заняли Париж. Корпус фон Манштейна, успешно продвигаясь вперед, 16 июня встретил на рубеже Ферте, Видам, Сенонш, Шатенев организованное сопротивление частей 1, 2 и 3-й механизированных дивизий, двух колониальных бригад (спаги) и одной марокканской дивизии. К вечеру фон Манштейну удалось сломить сопротивление противника, а к 22 июня его соединения форсировали Луару. В тот же день в Компьенском лесу был подписан акт о капитуляции Франции.

За участие во Французской военной кампании фон Манштейн 19 июля был награжден Рыцарским крестом Железного креста. Одновременно он получил приказ перебросить корпус к побережью пролива Ла-Манш для участия в подготовке к вторжению в Англию. Для этого ему были подчинены три пехотные дивизии. Части корпуса ежедневно проходили обучение в прибрежной местности, покрытой дюнами и во многом похожей на участки, где должна была произойти высадка. С прибытием средств переправы (лодки, небольшие рыболовные суда и катера) при спокойной погоде совместно с кораблями военно-морского флота проводились учения по посадке и высадке морских десантов.

После отказа Гитлера от вторжения на Британские острова началась подготовка к войне против Советского Союза. *«…Гитлер всегда был настроен против Советского Союза, хотя он в 1939 г. и заключил договор со Сталиным,* – отмечает фон Манштейн. – *Он не доверял этой стране и одновременно недооценивал ее. Он опасался традиционных экспансионистских устремлений русского государства, которому он, правда, Московским пактом сам снова открыл ворота на запад. Можно предполагать, что Гитлер сознавал, что когда-нибудь оба этих режима, ставшие непосредственными соседями, столкнутся. Далее, политик Гитлер был одержим идеей “жизненного пространства”, которое он считал себя обязанным обеспечить немецкому народу. Это жизненное пространство он мог искать только на востоке. Если обе приведенные мною мысли и допускали отсрочку столкновения с Советским Союзом до более позднего времени, то они должны были с новой силой овладеть умом такого человека, как Гитлер, после того, как он, победив Францию, практически стал хозяином на континенте, тем более что угрожающие скопления советских войск на восточной границе Германии возбуждали сомнения относительно будущей позиции Кремля»* [126].

Свои действия по подготовке к агрессии против Советского Союза Гитлер стремился тщательно замаскировать. 24 июня

1940 г. начальник Генерального штаба Сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер поручил генерал-лейтенанту К. Типпельскирху через германского военного атташе в Москве проинформировать советское руководство о том, что предстоящее перемещение войск вермахта на восток не должно расцениваться как угроза Советскому Союзу. 25 июня, обсуждая итоги Западной кампании с начальником штаба ОКВ, Гитлер сказал: «Теперь мы показали, на что способны. Поверьте мне, Кейтель, поход против России был бы только военной игрой на ящике с песком» [127].

От слов фюрер перешел к делу. Генерал-полковник Гальдер вместе со своими ближайшими помощниками 25 июня приступил к разработке варианта переброски на территорию Польши «ударной силы на Востоке» – 15 пехотных, 6 танковых и 3 моторизованных дивизий [128]. 26 июня был отдан приказ о передислокации 18-й армии на восток. Туда же направлялась танковая группа генерала Г. Гудериана. По мере прибытия частей и соединений 18-й армии в Восточную Пруссию и Польшу им ставились задачи в ускоренном темпе готовить оборонительные районы. 9 июля германский военный атташе в Москве генерал-майор Э. Кестринг посетил заместителя начальника Генерального штаба РККА генерал-лейтенанта И.В. Смородинова. Военный атташе сообщил, что германское командование проводит демобилизацию старших возрастов из частей, находящихся в Восточной Пруссии и на территории бывшей Польши, а взамен демобилизуемых в эти части перебрасываются солдаты молодых возрастов. Одновременно «будет произведена переброска войск на постоянные места дислокации в Восточную Пруссию и для образования на территории Польши новых гарнизонов, так как на Западе теперь держать много войск не нужно. В связи с этим по Восточной Пруссии и по территории Польши будут произведены большие передвижения войск» [129].

18 декабря 1940 г. Гитлер утвердил «Barbarossa Fall» (план операции «Барбаросса»). В директиве № 21 вооруженным силам Германии ставилась задача «разгромить Советскую Россию в ходе одной кратковременной кампании» [130]. Замысел состоял в том, чтобы быстрыми и глубокими ударами мощных подвижных группировок севернее и южнее Припятских болот расколоть фронт главных сил Красной Армии, сосредоточенных в западной части России, и, используя этот прорыв, уничтожить разобщенные группировки советских войск. При этом основные силы Красной Армии намечалось уничтожить западнее линии Западная Двина, Днепр, не допустив их отхода в глубь страны. В дальнейшем планировалось овладеть главными стратегическими объектами – Москвой, Ленинградом, Центральным промышленным районом,

Донбассом – и выйти на линию Архангельск, Волга, Астрахань. Конечная цель кампании состояла в создании «заградительного барьера против азиатской России по линии Волга, Астрахань».

Решающая роль в осуществлении этого замысла отводилась танковым войскам и авиации. Первый удар планировалось нанести силами группы армий «Север» (16-я, 18-я армии и 4-я танковая группа) из Восточной Пруссии на Ленинград. Всего 29 дивизий, в том числе 6 танковых и моторизованных. Наступление группы армий «Север» поддерживал 1-й воздушный флот, имевший 1070 боевых самолетов. Второй удар наносили войска группы армий «Центр» (4-я и 9-я армии, 2-я и 3-я танковые группы) из района Варшавы на Минск, Смоленск и далее на Москву. Всего на центральном направлении было сосредоточено 50 дивизий, в том числе 15 танковых и моторизованных, а также 2 моторизованные бригады. Действия группы армий «Центр» поддерживались 2-м воздушным флотом, насчитывавшим 1680 боевых самолетов. Третий удар предусматривалось нанести группой армий «Юг» (немецкие 6, 17, 11-я армии и 1-я танковая группа, румынские 3-я и 4-я армии и подвижный венгерский корпус) из района Люблина на Житомир, Киев и далее на Донбасс. Всего на этом направлении были задействованы 57 дивизий, в том числе 9 танковых и моторизованных, и 13 бригад. Поддержка группы армий «Юг» возлагалась на немецкий 4-й воздушный флот (около 800 самолетов) и румынские военно-воздушные силы (до 500 самолетов).

31 января генерал-фельдмаршал фон Браухич подписал директиву ОКХ № 050/41 по стратегическому сосредоточению и развертыванию вермахта, а 3 февраля вместе с генералом Гальдером доложил ее Гитлеру. В директиве были определены конкретные задачи всем группам армий, армиям и танковым группам на глубину, которая обеспечивала достижение ближайшей стратегической цели: уничтожение войск Красной Армии к западу от Днепра и Западной Двины. Авторы директивы предусмотрели мероприятия по взаимодействию Сухопутных войск с ВВС и ВМФ, сотрудничеству с государствами-союзниками, переброске войск, сохранению тайны и срокам представления донесений и других документов [131].

С целью уточнения реальности выполнения поставленных объединениям задач и рассмотрения вероятного хода военных действий по рекомендации Генерального штаба Сухопутных войск в группах армий были проведены двусторонние командно-штабные игры. Их итоги обсуждались на совещаниях Главного командования Сухопутных войск с представителями групп армий. Затем штабы групп армий разработали оперативные планы своих

объединений, которые 20 февраля были рассмотрены в Генеральном штабе ОКХ.

План военного нападения на Советский Союз был умело прикрыт дезинформационными мероприятиями. По указанию Гитлера начальник Генерального штаба Верховного Главнокомандования генерал-фельдмаршал В. Кейтель подписал 15 февраля 1941 г. специальную «Директиву по дезинформации противника». В соответствии с нею отдел разведки и контрразведки штаба разработал и осуществил многочисленные акции по распространению ложных слухов и сведений. Перемещение войск на восток подавалось «в свете величайшего в истории дезинформационного маневра с целью отвлечения внимания от последних приготовлений к вторжению в Англию». Были напечатаны и распространены в массовом количестве топографические материалы по Англии. К войскам прикомандировывались переводчики английского языка. Одновременно подготавливалось «оцепление» некоторых районов на побережье проливов Ла-Манш, Па-де-Кале и в Норвегии, а также распространялись сведения о мнимом авиадесантном корпусе. На побережье устанавливались ложные ракетные батареи. В войсках циркулировали сведения в двух вариантах: в первом – что они идут на отдых перед вторжением в Англию, во втором – что немецкие соединения будут пропущены через советскую территорию для выступления против Индии. Чтобы подкрепить версию о высадке десанта в Англию, были разработаны специальные операции под кодовыми названиями «Акула» и «Гарпун». Пропаганда целиком обрушилась на Англию и прекратила свои обычные выпады против Советского Союза. Как всегда, в работу включились дипломаты.

В связи с решением Гитлера расширить масштабы операции «Марита» (нападение на Грецию) в план «Barbarossa Fall» 7 апреля были внесены изменения, предусматривавшие перенесение ее начала на более поздний срок и завершение всех подготовительных мероприятий приблизительно к 22 июня 1941 г. В этот день, согласно решению, принятому 30 апреля на совещании высшего командного состава вермахта, намечалось начать восточный поход. Главнокомандующий Сухопутными войсками генерал-фельдмаршал фон Браухич заверил фюрера, что Красная Армия будет разбита в ходе «ожесточенных приграничных сражений» за четыре недели, после чего «нужно будет считаться лишь с незначительным сопротивлением» [132]. В свою очередь, начальник Генштаба Сухопутных войск генерал-полковник Гальдер заявил: «Советская Россия все равно, что оконное стекло: нужно только раз ударить кулаком, и она вся

разлетится на куски» [133].

Для претворения в жизнь плана «Barbarossa Fall» к 22 июня 1941 г. были развернуты германские группы армий «Север», «Центр», «Юг», отдельная германская армия «Норвегия», финская и две румынские армии, венгерская корпусная группа. Всего в первом стратегическом эшелоне находились 153 дивизии и 19 бригад (из них немецких – 125 дивизий и 2 бригады), свыше 4 тыс. танков и штурмовых орудий, около 4,4 тыс. боевых самолетов, почти 39 тыс. орудий и минометов. Общая численность этой группировки вместе с германскими ВВС и ВМС (192 корабля основных классов) составляла почти 4,4 млн человек. В стратегическом резерве Главного командования Сухопутных войск находилось 28 дивизий и бригад, около 500 тыс. человек, 8 тыс. орудий и минометов, 350 танков [134].

Какие же силы противостояли вермахту? Западные приграничные военные округа Советского Союза насчитывали 170 дивизий, 2 отдельные стрелковые и 12 воздушно-десантных бригад. Эти силы были относительно равномерно распределены вдоль всей границы и рассредоточены на большую глубину. Кроме того, здесь же дислоцировались 7 дивизий, 2 бригады, 11 оперативных полков внутренних войск и 49 пограничных отрядов. На удалении 10–50 км от границы в первом эшелоне армий прикрытия имелось 53 стрелковых и 3 кавалерийские дивизии, 2 отдельные стрелковые бригады. Второй эшелон, располагавшийся в 50—100 км и более от границы, составляли 13 стрелковых, 3 кавалерийские, 24 танковые и 12 моторизованных дивизий. В 100–400 км от границы находились 62 дивизии резерва военных округов, на рубеже рек Западная Двина и Днепр – 13 дивизий, предназначенных для Юго-Западного фронта и армий РГК. В движении находились 10 дивизий внутренних военных округов.

Большинство механизированных корпусов было придано общевойсковым армиям, на которые возлагалось прикрытие государственной границы. Основные силы располагались на широком фронте, в 30–40 км от государственной границы, а дивизии в корпусах находились одна от другой на расстоянии 50—100 км и более. Такое рассредоточение соединений с началом боевых действий потребовало значительных перегруппировок и не позволяло в короткие сроки собрать основные силы механизированных корпусов для нанесения сосредоточенных ударов. Большинство мотострелковых полков не имело в достаточном количестве средств передвижения.

Всего группировка войск Красной Армии на Западном ТВД (театр военных действий. – *Прим. ред.*) с учетом 16 дивизий РГК

насчитывала 3 млн человек, около 39,4 тыс. орудий и минометов, 11 тыс. танков и более 9,1 тыс. боевых самолетов [135].

Таким образом, вермахт имел превосходство в 1,3 раза в живой силе, равное соотношение по орудиям и минометам, но уступал войскам Красной Армии в 2,1 раза по боевым самолетам и в 2,7 раза по танкам. Однако по качеству боевой техники преимущество было на стороне Германии. Кроме того, ее войска были полностью укомплектованы и развернуты, оснащены транспортом и находились в состоянии полной боевой готовности. Войска Красной Армии, выдвинутые к западной границе, по оценке большинства исследователей не были подготовлены ни к обороне, ни, тем более, к наступлению.

Какая же роль отводилась фон Манштейну в операции «Barbarossa Fall»? Ему теперь предстояло выступать в новом качестве. 15 февраля 1941 г. он был назначен командиром 56-го танкового корпуса [136], который включал 8-ю танковую, 3-ю мотопехотную [137]и 290-ю пехотную дивизии. Корпус входил в состав 4-й танковой группы генерал-полковника Э. Геппнера. Ее соединения должны были быстро выйти на рубеж Двины у Двинска (Даугавпилс) и ниже его, чтобы захватить переправы через Двину для дальнейшего наступления в направлении Опочки.

16 июня генерал Геппнер поставил конкретные боевые задачи соединениям группы. Части 56-го танкового корпуса должны были начать наступление из лесов севернее Мемеля (Клайпеда), восточнее Тильзита (Советск) на восток и овладеть северо-восточнее г. Ковно (Каунас) большим шоссе, ведущим в Двинск. Слева от него 41-му танковому корпусу генерала Г. Рейнгардта (1-я, 6-я танковые, 36-я мотопехотная, 269-я пехотная дивизии) предстояло наступать в направлении на переправы через Двину на Якобштадт (Екабпилс). Во втором эшелоне 4-й танковой группы находилась дивизия СС «Totenkopf» («Мертвая голова»).

Фон Манштейн перед вторжением в Советский Союз наслаждался последними днями мирной жизни. Его штаб был развернут в расположенном близко от границы поместье Ленкен, славившемся в Восточной Пруссии своим конным заводом. Здесь фон Манштейн получил для ознакомления ряд документов, которые освобождали солдат и офицеров вермахта от наказания за военные преступления.

В заметках для доклада Главной ставки Гитлера от 12 мая 1941 г. «Обращение с захваченными в плен политическими и военными русскими руководящими работниками» указывалось, что «ответственные политические работники и политические руководители (комиссары) должны устраняться». Решение об

этом должны были принимать офицеры, имеющие право накладывать дисциплинарные взыскания. Политические руководители в войсках не считались пленными и подлежали уничтожению самое позднее в пересыльных лагерях. Технических руководителей хозяйственных учреждений и на производстве следовало задерживать только в том случае, если они оказывали сопротивление вооруженным силам Германии. В тылу войск руководящих политических работников и комиссаров (за исключением политических руководителей в воинских частях) намечалось передавать специальным командам (нем. Einsatzkommando) полиции безопасности.

Согласно распоряжению Гитлера «О военной подсудности в районе “Барбаросса” и об особых полномочиях войск» от 13 мая, все руководящие инстанции вермахта информировались о том, что в предстоящей войне против Советского Союза ни нормы международного права, ни элементарное общеуголовное и дисциплинарное право, действующее в германской армии, соблюдаться не будут и наказания за их нарушения не последует. В распоряжении указывалось, что «преступления враждебных гражданских лиц впредь до дальнейших распоряжений изымаются из подсудности военных и военно-полевых судов». Гитлер требовал беспощадно уничтожать партизан, подавлять с применением самых крайних мер «всякие иные нападения враждебных гражданских лиц на вооруженные силы, входящих в их состав лиц и обслуживающий войска персонал». В отношении населенных пунктов, в которых вооруженные силы «подверглись коварному или предательскому нападению, должны быть немедленно применены распоряжением офицера, занимающего должность не ниже командира батальона, массовые насильственные меры, если обстоятельства не позволяют быстро установить конкретных виновников». Особо подчеркивалось, что «возбуждение преследования за действия, совершенные военнослужащими и обслуживающим персоналом по отношению к враждебным гражданским лицам, не является обязательным даже в тех случаях, когда эти действия одновременно составляют воинское преступление или проступок» [138].

6 июня была издана директива № 44822/41 ОКВ «Указания об обращении с политическими комиссарами». В директиве политические комиссары характеризовались как «инициаторы варварских азиатских методов ведения войны». Они этим документом не признавались в качестве солдат, а потому к ним не должна применяться никакая международно-правовая защита. Поэтому предписывалось действовать по отношению к комиссарам со всей беспощадностью, а в случае вооруженного

сопротивления их уничтожать [139]. Эти указания известны как «приказ о комиссарах».

Фон Манштейн, оценивая «приказ о комиссарах», писал:

«С точки зрения международного права политические комиссары вряд ли могли пользоваться привилегиями, распространяющимися на военнослужащих. Они, конечно, не были солдатами. Я вряд ли стал бы рассматривать как солдата, например, гаулейтера, приставленного ко мне в качестве политического надзирателя. Но равным образом нельзя было причислить этих комиссаров к не участвующим в бою, как, например, медицинский персонал, военных священников или корреспондентов. Напротив, не будучи солдатами, они были фанатическими борцами, а именно, борцами, деятельность которых по традиционным военным понятиям могла лишь считаться нелегальной. В их задачу входило не только осуществлять политический контроль над командирами, но и придать войне самый жестокий характер, который полностью противоречил прежнему пониманию ведения войны. Комиссары были как раз теми людьми, которые в первую очередь ввели те методы ведения войны и обращения с военнопленными, которые находились в явном противоречии с положениями Гаагской конвенции о ведении сухопутной войны. Но какого бы мнения мы ни придерживались относительно статуса комиссаров с точки зрения международного права, их расстрел после взятия в плен в бою противоречил всяким представлениям о солдатской морали. Такой приказ, как приказ о комиссарах, по своему существу противоречил ей. Выполнение этого приказа угрожало не только чести войск, но и их моральному духу. Я был поэтому вынужден доложить моему начальнику, что в моих войсках этот приказ не будет выполняться. Я действовал при этом с согласия командиров частей и в своем корпусе так и поступал. Впрочем, естественно, мои начальники были полностью согласны с моим мнением. Попытки отменить этот приказ привели к успеху только много позднее, когда стало ясно, что единственным результатом приказа о комиссарах было то, что комиссары самыми жестокими способами заставляли войска сражаться до последнего» [140].

О том, как фон Манштейн выполнял «приказ о комиссарах», мы расскажем позже.

21 июня 1941 г. в час дня штаб 56-го танкового корпуса получил приказ о начале наступления. Оно было назначено на три часа утра следующего дня. В своих мемуарах фон Манштейн не стал характеризовать свое состояние и состояние своих подчиненных в ночь перед вторжением на территорию Советского Союза. Он ограничился только кратким: «Кости были

брошены!»…

Глава 3
С маршальским жезлом в ранце

«Каждый солдат носит в ранце маршальский жезл», – сказал однажды Наполеон. Эта крылатая фраза в полной мере применима и к фон Манштейну. Но для того, чтобы заслужить маршальский жезл, необходимо было проявить исключительные способности на войне. Фон Манштейну такая возможность представилась утром 22 июня 1941 г., когда войска вермахта совершили вторжение на территорию Советского Союза. Историки, касаясь этого вопроса, в большинстве случаев пишут, что оно было внезапным, застало Красную Армию врасплох. Надо отдать должное фон Манштейну, который более трезво смотрел на вещи и дал профессиональную оценку событиям начала войны. Самое главное в этой оценке состоит в том, что он не был сторонником тех, кто считал группировку Красной Армии готовой к нанесению превентивного удара по вермахту. *«Общее впечатление от противника было такое,* – пишет фон Манштейн, – *что он во фронтовой полосе не был захвачен врасплох нашим наступлением, но что советское командование не рассчитывало – или еще не рассчитывало – на него и поэтому не сумело быстро подтянуть вперед имевшиеся в его распоряжении крупные силы. Много спорили о том, носило ли развертывание сил Советской Армии оборонительный или наступательный характер. По числу сосредоточенных в западных областях Советского Союза сил и на основе сосредоточения больших масс танков как в районе Белостока, так и в районе Львова, можно было вполне предполагать – во всяком случае, Гитлер так мотивировал принятие им решения о наступлении, – что рано или поздно Советский Союз перейдет в наступление. С другой стороны, группировка советских войск на 22 июня не говорила в пользу намерения в ближайшее время начать наступление… Более всего будет соответствовать правде утверждение о том, что развертывание советских войск, начавшееся уже с развертывания крупных сил в период занятия восточной Польши, Бессарабии и Прибалтики, было “развертыванием на любой случай”. 22 июня 1941 г. советские войска были, бесспорно, так глубоко эшелонированы, что при таком их расположении они были готовы только для ведения обороны»* [141].

В первый день наступления 56-й танковый корпус должен был продвинуться на глубину до 80 км с целью овладеть мостом через р. Дубисса около Айроголы. Фон Манштейн был знаком с

этим участком местности еще с Первой мировой войны. Глубокая речная долина с крутыми склонами представляла собой серьезное препятствие для танков. Командир корпуса понимал, что в случае взрыва большого моста у Айроголы его части будут вынуждены остановиться на этом рубеже. Это позволило бы войскам Красной Армии выиграть время для организации обороны на крутом берегу на противоположной стороне Дубиссы, прорыв которой мог стать серьезной проблемой. Поэтому фон Манштейн требовал от своих подчиненных действовать быстро и решительно.

Части 8-й танковой дивизии под командованием генерала Э. Бранденбергера оправдали надежды фон Манштейна. После прорыва пограничных позиций передовой отряд дивизии, преодолевая сопротивление красных частей глубоко в тылу, к вечеру 22 июня захватил переправу у Айроголы. За танкистами неотступно следовала 290-я пехотная дивизия. В полдень через Мемель (Клайпеда) прошла 3-я мотопехотная дивизия, которую фон Манштейн ввел в бой за переправу южнее Айроголы.

Командующий Северо-Западным фронтом генерал-полковник Ф.И. Кузнецов в 6 часов 10 минут 22 июня принял решение силами 12-го и 3-го механизированных корпусов во взаимодействии с общевойсковыми соединениями нанести контрудар по флангам 4-й танковой группы противника, прорвавшейся в стыке 8-й и 11-й армий. Цель контрудара – «выбросить противника и пленить» [142]. Оба механизированных корпуса, 3-й (командир – генерал А.В. Куркин) и 12-й (командир – генерал Н.М. Шестопалов), на период выполнения боевой задачи были подчинены командующему 8-й армией. О своем решении генерал Кузнецов доложил наркому обороны СССР маршалу Советского Союза С.К. Тимошенко.

Командующий Северо-Западным фронтом, принимая решение о контрударе, еще не обладал достоверными сведениями об обстановке. В своем донесении, направленном наркому обороны в 22 часа 20 минут, он сообщал, что противник развивает наступление на двух направлениях. На первом, в направлении Тильзит, Шяуляй, против 8-й армии действовали до семи пехотных дивизий и двух моторизованных дивизий. Основные усилия были сосредоточены вдоль шоссе Тильзит – Шяуляй. Противник стремительно развивал наступление в северо-восточном и восточном направлениях, создавая угрозу не только 8-й, но и 11-й армии. На втором направлении, на Каунас и Алитус, против четырех стрелковых дивизий 11-й армии были задействованы до семи пехотных, до двух танковых и двух моторизованных дивизий противника. Эти данные не соответствовали действительности, так как не были полностью

учтены силы танковых групп противника.

Соединения 11-й армии, по сведениям генерала Кузнецова, вели упорные бои, отходя на восток, чтобы задержать противника на правом берегу р. Неман. Между Северо-Западным и Западным фронтами образовался разрыв, для прикрытия которого у генерала Кузнецова не было сил, так как «бывшие пять территориальных дивизий мало боеспособны и самое главное – ненадежны». В донесении отмечалось, что подготовка контрудара по тильзитской группировке противника проводится по ранее принятому решению. Войскам 11-й армии предстояло силами пяти стрелковых и одной танковой дивизий сдержать противника на каунасском и алитусском направлениях до перегруппировки сил фронта с шяуляйского на алитусское направление. Генерал Кузнецов просил ускорить подачу приписного состава, помочь закрыть разрыв с Западным фронтом, а также усилить Северо-Западный фронт авиацией [143].

Командующий 8-й армией генерал П.П. Собенников получил директиву командующего фронтом о подготовке контрудара только в полдень 22 июня. До этого, в 8 часов 40 минут, он приказал командиру 12-го механизированного корпуса немедленно направить один мотострелковый батальон со взводом танков 202-й моторизованной дивизии в район Куртувенай, а 28-ю танковую дивизию подготовить к переходу в Ужвентис [144].

После получения приказа командующего фронтом пришлось срочно менять задачи этим дивизиям. В два часа дня генерал Собенников приказал 10-му стрелковому корпусу во взаимодействии с 23-й танковой дивизией уничтожить противника, восстановить положение по переднему краю и быть в готовности частью сил нанести контрудар на Таураге. От 11-го стрелкового корпуса требовалось удерживать занимаемое положение и быть в готовности во взаимодействии с 12-м механизированным корпусом уничтожить врага ударами в направлениях на Таураге и Юрбург. Главная роль в намечаемом контрударе отводилась 12-му механизированному корпусу. Ему предстояло во взаимодействии с 3-м механизированным и стрелковыми корпусами с 4 часов 23 июня нанести удар силами 23-й танковой дивизии в направлении Плунгяны, Кули, а остальными силами – на Таураге с целью полного уничтожения противника. От 3-го механизированного корпуса требовалось, оставив 5-ю танковую дивизию в распоряжении командующего 11-й армией, обеспечить к исходу дня 22 июня за собой переправы через р. Дубисса. К утру 23 июня корпусу предстояло силами 2-й танковой и 84-й моторизованной дивизий выйти в район Расейняя для нанесения удара по противнику во

взаимодействии с 12-м механизированным корпусом и 9-й артиллерийской бригадой противотанковой обороны [145].

Пока шла подготовка к контрудару, Генеральный штаб Красной Армии, не располагая достоверными сведениями об обстановке, издал в 21 час 15 минут 22 июня новую директиву за № 3 [146]. В директиве отмечалось, что противник, нанося главные удары из Сувалковского (правильно Сувалкского. – *Авт.*) выступа на Олита (правильно Алитус. – *Авт.*) и из района Замостье на фронте Владимир-Волынский, Радзехов (правильно Радехов. – *Авт.*), а вспомогательные удары – в направлениях Тильзит, Шяуляй и Седлец, Волковыск, в течение 22 июня понес большие потери и достиг небольших успехов на указанных направлениях. Войскам Северо-Западного фронта приказывалось, прочно удерживая побережье Балтийского моря, нанести мощный контрудар из района Каунаса во фланг и в тыл сувалкской группировки противника, уничтожить ее во взаимодействии с Западным фронтом и к исходу дня 24 июня овладеть районом Сувалки. В полосе от Балтийского моря до государственной границы с Венгрией разрешались переход границы и действия, не считаясь с этой границей. Авиация Главного Командования должна была поддержать Северо-Западный фронт одним вылетом 1-го авиационного корпуса дальнего действия (ДД) и Западный фронт одним вылетом 3-го авиационного корпуса ДД на период выполнения ими задачи по разгрому сувалкской группировки противника.

Пока директива № 3 передавалась в штаб Северо-Западного фронта, командиры объединений и соединений руководствовались прежними указаниями и приказами.

Тем временем войска группы армий «Север» стремились развить достигнутый успех. Вечером 22 июня генерал-фельдмаршал В.Й.Ф. фон Лееб приказал вести «наступление прежними порядками, чтобы настичь и уничтожить отступающего противника еще до Даугавы» [147]. Следовательно, фон Лееб не верил в то, что войска Северо-Западного фронта в состоянии оказать серьезное сопротивление. Действительно, у командующих фронтом, армиями и командиров корпусов не было времени для надлежащей организации контрудара. Его подготовка проводилась в ограниченные сроки, поспешно, при недостатке сведений о противнике. Не удалось должным образом организовать взаимодействие между соединениями, боевые задачи до частей доводились с большим опозданием, так как связь была весьма неустойчивой, а с механизированными корпусами и вовсе отсутствовала.

В контрударах 23 июня приняли участие только две дивизии:

28-я танковая дивизия 12-го механизированного корпуса и 2-я танковая дивизия 3-го механизированного корпуса. Это, естественно, не могло остановить войска группы армий «Север». Они сумели прорвать оборону в полосе 11-й армии и на левом фланге 8-й армии. В стыке между Северо-Западным и Западным фронтами прорыв был расширен до 130 км. В образовавшуюся брешь были введены крупные силы танковых и моторизованных войск, которые к исходу дня 23 июня вышли на рубеж р. Миния, Риетавас, Скаудвиле, Расейняй, Каунас.

Несмотря на то, что войска Северо-Западного фронта теряли боеспособность, генерал Кузнецов по требованию Ставки Главного Командования готовил новый контрудар. В половине седьмого утра 24 июня он приказал войскам 8-й армии окружить группировку противника (до трех пехотных и одной танковой дивизии) в районе Шилели, Скаудвиле, Видукли, Кельмы. Эта задача возлагалась на 23-ю и 28-ю танковые дивизии. Командиру 3-го механизированного корпуса (без 2-й танковой дивизии) предписывалось поступить в распоряжение командующего 11-й армией в готовности очистить от частей противника правый берег р. Неман в районе Каунаса [148]. Однако контрудар успеха не имел. Основными причинами этого являлись: дезорганизация управления частями корпуса вследствие отдачи им приказов различными инстанциями; разновременный переход дивизий в контратаку; большие потери в материальной части.

К вечеру 24 июня соединения группы армий «Север» захватили Каунас и Вильнюс. Главнокомандующий Сухопутными войсками генерал-фельдмаршал В. фон Браухич приказал повернуть 3-ю танковую группу генерала Г. Гота на юго-восток, в сторону Минска. Такой маневр был предусмотрен планом «Barbarossa Fall». Поэтому с 25 июня 3-я танковая группа действовала уже против Западного фронта.

Фон Манштейн, выполняя приказ командующего группой армий «Север», вел свои части быстрыми темпами в направлении Двинска, не обращая внимания на свои фланги. Сосед слева, 41-й танковый корпус, вел тяжелые бои в районе Шяуляя с сильной группировкой войск Северо-Западного фронта, которые с трудом сдерживали его продвижение. Справа от 56-го танкового корпуса левофланговые части 16-й армии пытались захватить Ковно (Каунас).

24 июня части 56-го танкового корпуса, вырвавшись вперед на 170 км, овладели в районе Вилкомерза большой дорогой, ведущей на Двинск. До мостов через Двину оставалось пройти всего 130 км. На их захват фон Манштейн нацелил по шоссе 8-ю танковую дивизию и по обходным путям южнее шоссе – 3-ю

мотопехотную дивизию. Утром 26 июня 8-я танковая дивизия подошла к Двинску.

Фон Манштейн постоянно находился в штабе 8-й танковой дивизии, что позволяло ему на местности оценивать обстановку и при необходимости вносить изменения в ранее принятое решение. *«Наряду с преимуществами, которые частое пребывание на передовой представляло для управления танковым корпусом, оценки боеспособности своих войск и использования благоприятной тактической обстановки, с этим связано еще одно удобство,* – писал он. – *Благодаря ему не чувствуешь себя привязанным к "проводу", к телефону, соединяющему тебя с высшим начальством, а это освобождает от многих излишних запросов и ответов. Как бы ни была необходима телефонная связь для управления войсками, она все же легко превращается в путы, сковывающие свободную инициативу»* [149].

Штаб корпуса, как правило, размещался в палатках и в двух штабных автобусах, которые вместе с немногими легковыми автомашинами, радиостанцией и телефонной станцией одновременно служили и транспортом для технического персонала штаба. Палаточный лагерь разбивался в лесу или в кустарнике недалеко от главной дороги, если возможно – около озера или реки, с тем чтобы после возвращения из поездок на передовую, а также при утреннем подъеме офицеры штаба имели возможность выкупаться в воде.

Фон Манштейн, после получения утренних донесений и отдачи необходимых приказов, сразу же выезжал в дивизии или в передовые части. В полдень он возвращался на командный пункт и после короткого отдыха вновь отправлялся в какую-либо дивизию. И только вечером командир корпуса снова прибывал в палаточный городок. *«Особенно приятно было, когда вместо обычного ужина, состоявшего, как правило, из хлеба, копченой колбасы и маргарина,* – вспоминает фон Манштейн, – *благодаря заботам майора Нимана* [150] *мы получали жареную курицу или даже бутылку вина, которую он выдавал нам из своего маленького запаса. Правда, куры и утки были редкостью, поскольку, хотя мы и были всегда впереди, на них находилось много других любителей. Когда начались ранние осенние дожди и в палатках стало довольно холодно, баня, которую в примитивном виде можно было найти в каждом дворе, доставляла нам приятную и освежающую теплоту»* [151].

Но вернемся на фронт. В 8 часов утра 27 июня фон Манштейну доложили, что оба больших моста через Западную Двину захвачены частями дивизии с помощью диверсионных групп из батальона «Бранденбург-800», переодетых в

красноармейскую форму. Части 3-й мотопехотной дивизии форсировали Западную Двину выше Двинска.

Итак, части 56-го танкового корпуса в гордом одиночестве находились на северном берегу Западной Двины. Соседи, 41-й танковый корпус и левый фланг 16-й армии, отстали на 100–150 км. Фон Манштейну в сложившейся обстановке пришлось рассчитывать только на свои силы. Командующий 4-й танковой группой генерал-полковник Геппнер, прибывший в штаб 56-го танкового корпуса, приказал удерживать переправы в районе плацдарма у Двинска, а также принять меры к расширению этого плацдарма. Такое решение было обусловлено необходимостью ждать подхода 41-го танкового корпуса, который должен был переправиться у Якобштадта (Екабпилс), а также частей левого фланга 16-й армии.

Главные силы 56-го танкового корпуса, переправившись на северный берег Западной Двины, вынуждены были непрерывно отражать контратаки частей Северо-Западного фронта. Фон Манштейн был недоволен тем, что его корпус был остановлен, так как это позволяло командующему Северо-Западным фронтом принять меры для перегруппировки своих сил.

Осложнение обстановки на Северо-Западном и Западном фронтах требовало принятия срочных мер по организации отпора противнику. Маршал С.К. Тимошенко, генерал армии Г.К. Жуков и генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин, проанализировав обстановку, предложили И.В. Сталину силами Группы резервных армий под командованием маршала С.М. Буденного срочно перейти к обороне на рубеже Невель, Могилев и далее по р. Днепр до Кременчуга с задачей быть готовым по указанию Ставки к переходу в контрнаступление. В районы Смоленска и Витебска с Украины намечалось перебросить 16-ю, а с 1 июля и 19-ю армии. Командующим Северо-Западным и Западным фронтами предлагалось силами отходящих армий и фронтовыми резервами занять оборону на рубеже р. Западная Двина от Риги до Краслава, Минского и Слуцкого укрепленных районов, а также немедленно организовать работы по приведению в боевую готовность укрепленных районов на старой государственной границе. Кроме того, планировалось срочно приступить к подготовке тылового оборонительного рубежа силами двух армий из резерва Ставки по линии Селижарово, Смоленск, Рославль, Гомель. И.В. Сталин утвердил 27 июня эти предложения и приказал направить соответствующую директиву в войска.

Решение Ставки Главного Командования о переходе к стратегической обороне показало, что она отказалась от нереальных планов. Основные усилия сосредоточивались на

западном направлении, где надвигалась катастрофа.

Во второй половине 26 июня в район Двинска прибыл 21-й механизированный корпус генерала Д.Д. Лелюшенко, насчитывавший всего 28 танков. Утром 28 июня он атаковал противника. К вечеру, подтянув свежие силы, фон Манштейн вынудил соединения корпуса отойти. Генерал армии Лелюшенко в своих мемуарах следующим образом оценивал ход событий: *«В боях под Даугавпилсом 28 июня 21-й механизированный корпус в тесном взаимодействии с авиацией и десантниками нанес серьезный урон частям 56-го моторизованного корпуса врага. Много танков, орудий и минометов было подбито и уничтожено. Около тысячи вражеских солдат и офицеров остались на поле боя. По тылам и флангам врага одновременно наносили удары части 11-й армии генерал-лейтенанта В.И. Морозова, отходившие от границы. В результате противник был задержан на Западной Двине у Даугавпилса с 28 июня по 2 июля»* [152].

28 июня нарком обороны маршал С.К. Тимошенко потребовал от командующего Северо-Западным фронтом «не позднее сегодняшнего вечера выбить противника из Двинска, уничтожить мосты и прочно занять оборону, не допустив переправы противника на северный берег р. Зап[адная] Двина в районе Двинска» [153]. На следующий день в шесть часов утра командующий 8-й армией приказал командиру 12-го механизированного корпуса передать 28-ю танковую и 202-ю моторизованную дивизии в подчинение командиру 65-го стрелкового корпуса. Через час командир 28-й танковой дивизии полковник И.Д. Черняховский получил от заместителя командующего 8-й армией задачу уничтожить прорвавшиеся танки противника в районе понтонного моста Риги, чтобы обеспечить выход на правый берег Западной Двины оставшихся на ее левом берегу частей 8-й армии. Внезапным фланговым ударом сильно поредевшие части дивизии разгромили врага, закрепившись в районе понтонного моста. Это позволило частям 8-й армии переправиться на правый берег Западной Двины. К этому времени штаб 27-й армии генерала Н.Э. Берзарина вышел в район Резекне, где принял под свое управление 5-й воздушно-десантный и 21-й механизированный корпуса.

29 июня командующий Северо-Западным фронтом получил директиву № 0096 Ставки Главного Командования, в которой требовалось продолжать оборону на фронте Рига, Якобштадт, озеро Лукнас, имея главной своей задачей не допустить прорыва противника со стороны Двинска и от Якобштадта в северном и северо-восточном направлениях. Резервы фронта предписывалось сосредоточить в районах Режица, станция Мадона, Цесис,

Смильтен, а глубокие фронтовые резервы (41-й, 22-й стрелковые, 1-й механизированный корпуса) – в районах Пскова, Острова, Новоржева, Порхова. Эти резервы должны были, опираясь на Псковский и Островский укрепленные районы, подготовить упорную оборону и прочно закрыть направление на Ленинград. В случае отхода с рубежа р. Западная Двина предписывалось принять все меры к сбережению войск фронта и организованному выходу их за укрепрайоны. При отходе на всех путях следовало производить массовые заграждения, уничтожать мосты, железнодорожные сооружения и линии связи [154].

Однако генерал-полковник Ф.И. Кузнецов, вопреки этой директиве, поставил войскам задачу отойти и организовать оборону на рубеже укрепленных районов. В час дня 30 июня он доложил наркому обороны, что сосредоточение 41-го стрелкового корпуса, реорганизация 22-го и 24-го стрелковых корпусов, выдвижение 1-го механизированного корпуса могут быть закончены только к исходу дня 3 июля. К этому же времени или ранее командующий Северо-Западным фронтом ожидал подхода крупных сил противника на якобштадтско-псковском и двинско-псковском направлениях к укрепрайонам на левом крыле фронта. В результате создавалась угроза разгрома 8-й и 27-й армий по частям. Поэтому генерал Кузнецов решил отказаться от удержания рубежа Западной Двины и, сохранив имевшиеся силы, начать отход на укрепленную полосу, энергично приводя ее в боевую готовность. Одновременно намечалось создать сильную ударную группу на псковском направлении для нанесения контрударов по противнику и упорной обороны определенных командующим фронтом направлений [155]. Войскам 8-й армии было приказано в ночь на 1 июля начать отвод войск и к исходу дня 2 июля занять для обороны рубеж Дзени, Гулбенэ, озеро Лубана [156].

30 июня передовые части 1-го и 26-го армейских корпусов немецкой 18-й армии ворвались в Ригу и захватили мосты через Западную Двину. Однако решительной контратакой 10-го стрелкового корпуса генерала И.И. Фадеева они были выбиты из города, что обеспечило планомерный отход 8-й армии через город. 1 июля части немецкой 18-й армии вновь овладели Ригой.

Утром 2 июля 41-й танковый корпус нанес удар в стык между 8-й и 27-й армиями. Одновременно в наступление перешел и 56-й танковый корпус, получивший на усиление дивизию СС «Totenkopf». Основные усилия 4-й танковой группы были сосредоточены в направлении Резекне, Остров, Псков. Вечером в штаб группы армий «Север» из Генерального штаба Сухопутных войск были направлены по телеграфу приказы, согласно которым

4-й танковой группе предстояло овладеть районом между Великими Луками, озером Ильмень и Псковским озером и обеспечить себя заслоном с востока. И только после получения нового приказа Главного командования Сухопутными войсками она должна была продолжать наступление за линию озера Ильмень, Псковское озеро на север с целью закрыть проход между Финским заливом и Чудским озером и отрезать Ленинград в районе между Финским заливом и Ладожским озером [157].

Действия командующего Северо-Западным фронтом генерала Ф.И. Кузнецова вызвали недовольство у И.В. Сталина, который освободил его от должности и назначил командующим 21-й армией. В должность командующего войсками фронта 4 июля вступил генерал-майор П.П. Собенников, а штаб фронта возглавил прибывший из Москвы генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин. Командующим 8-й армией стал генерал-лейтенант Ф.С. Иванов.

В связи с быстрым продвижением 56-го и 41-го танковых корпусов и их глубоким вклинением в позиции войск Северо-Западного фронта 8-я армия вынуждена была отступать на север, а 27-я армия (второй эшелон фронта) – на северо-восток. Направление на Остров и Псков оказалось неприкрытым. В первых числах июля в этот район вышли только части 1-го механизированного корпуса генерал-майора танковых войск М.Л. Чернявского. Остальные силы, предназначавшиеся для обороны Псковского и Островского укрепленных районов, в частности соединения 41-го стрелкового корпуса, находились еще на марше. А между тем подвижные соединения 4-й танковой группы, преодолевая незначительное сопротивление, к вечеру 4 июля вышли на подступы к Острову. Здесь развернулись ожесточенные бои, основная тяжесть которых легла на 1-й механизированный корпус. Начальник Генерального штаба Сухопутных войск генерал Ф. Гальдер, оценивая сложившуюся к этому времени обстановку, сделал в своем дневнике следующую запись: *«В целом следует считать, что противник больше не располагает достаточными силами для серьезной обороны своего нового рубежа, проходящего от прежней русско-эстонской границы по Западной Двине и Днепру и далее на юг. Об этом свидетельствует перехваченный вчера передававшийся по радио русский приказ о том, что на Западной Двине следует располагать лишь отдельные группы на переправах. В ходе продвижения наших армий все попытки сопротивления противника будут, очевидно, быстро сломлены. Тогда перед нами вплотную встанет вопрос о захвате Ленинграда и Москвы»* [158].

Для ликвидации прорвавшихся частей 4-й танковой группы

командующий войсками Северо-Западного фронта приказал в два часа утра 5 июля силами 3-й танковой дивизии 1-го механизированного корпуса и 111-й стрелковой дивизии при поддержке авиации вновь овладеть городом Остров. Части 3-й танковой дивизии сумели прорваться в город, однако не получили поддержки со стороны 111-й стрелковой дивизии, которая опоздала с выходом в этот район. Израсходовав свои боеприпасы, 3-я танковая дивизия под давлением превосходящих сил противника вынуждена была отойти на Порхов. В течение 6 июля она действовала совместно с 22-м стрелковым корпусом, а днем позже ее части были приданы дивизиям 41-го стрелкового корпуса.

Соединения 4-й танковой группы, захватив Остров, развернули наступление на север, к Пскову. 8 июля передовые части танковой группы подошли к древнему русскому городу. К этому времени окончательно выяснилось, что попытка командующего 4-й танковой группой силами 56-го танкового корпуса обойти с востока силы части Северо-Западного фронта, сосредоточенные, по мнению фон Манштейна, в Пскове, не может гарантированно увенчаться успехом. Этому препятствовали болотистая местность и сильное сопротивление противника. Поэтому фон Манштейну пришлось прекратить проведение этого маневра и перебросить штаб корпуса вместе с 8-й танковой дивизией на север в направлении на Остров, куда уже была направлена ранее 3-я мотопехотная дивизия.

Фон Манштейн полагал, что после сосредоточения 4-й танковой группы в районе Острова последует быстрое и массированное наступление на Ленинград: 56-м танковым корпусом через Лугу, а 41-м танковым корпусом – через Псков. Это, по мнению фон Манштейна, позволяло овладеть Ленинградом в кратчайший срок и окружить силы Северо-Западного фронта, отходившие под натиском 18-й армии через Лифляндию в Эстонию. Войскам 16-й армии, следовавшим за 4-й танковой группой, предстояло наступательными действиями обеспечить ее открытый восточный фланг.

Однако командующий 4-й танковой группой, следуя указаниям Главного командования вермахта, принял иное решение. Он приказал 41-му танковому корпусу продвигаться в направлении на Ленинград по шоссе через Лугу. От 56-го танкового корпуса требовалось, снова нанося удар в восточном направлении, продвигаться через Порхов, Новгород, чтобы возможно скорее перерезать в районе Чудово железнодорожную линию Москва – Ленинград. В результате между обоими танковыми корпусами образовался большой разрыв. Кроме того,

сильно заболоченная и в значительной части покрытая лесом местность, отделявшая танковые корпуса от Ленинграда, представляла собою значительное препятствие для подвижных соединений. Из состава 56-го танкового корпуса была изъята дивизия СС «Totenkopf», смененная в районе Себеж, Опочка подошедшей 290-й пехотной дивизией. В распоряжение фон Манштейна снова поступила 3-я мотопехотная дивизия, которая 10 июля в ходе ожесточенного боя взяла Порхов и была направлена дальше по боковой дороге на север. 8-й танковой дивизии фон Манштейн приказал наступать через Сольцы с задачей захватить важный для дальнейшего продвижения переход через р. Мшага у ее впадения в озеро Ильмень.

Город Сольцы расположен в 80 км юго-западнее Великого Новгорода, на левом берегу р. Шелонь, в устье речушки Крутец, в местности, изобилующей солеными источниками. Части 8-й танковой дивизии 13 июля захватили Сольцы и вышли к р. Мшага. Соединения 41-го танкового корпуса встретили упорное сопротивление Лужской оперативной группы войск, что вынудило командующего 4-й танковой группой 12 июля повернуть его на северо-запад, чтобы попытать счастья в нижнем течении Луги. В результате фланги 56-го танкового корпуса оказались неприкрытыми. Этим воспользовался командующий 11-й армией генерал В.И. Морозов. 14 июля он нанес удар по сходящимся направлениям, что позволило окружить 8-ю танковую дивизию и часть сил 3-й мотопехотной дивизии. В течение пяти суток западнее Сольцев шли напряженные бои.

«Нельзя было сказать, что положение корпуса в этот момент было весьма завидным, – вспоминал фон Манштейн. – *Мы должны были задаться вопросом, не шли ли мы на слишком большой риск? Не слишком ли мы под влиянием своих прежних успехов недооценили противника на нашем южном фланге? Но что же нам оставалось, если мы хотели обеспечить себе хотя какие-нибудь шансы для выполнения поставленной задачи? В сложившейся обстановке не оставалось ничего другого, как отвести через Сольцы 8 тд, чтобы уйти от угрожавших нам клещей. 3 мд также должна была временно оторваться от противника, чтобы корпус вновь мог получить свободу действий. Последующие несколько дней были критическими, а противник всеми силами старался сохранить кольцо окружения»* [159].

Фон Манштейну удалось избежать разгрома. На выручку 56-му танковому корпусу были направлены соединения 1-го армейского корпуса. Они сумели остановить войска 11-й армии. 19 июля командующий 4-й танковой группой сообщил фон Манштейну, что 56-му танковому корпусу предстоит наступать

через Лугу на Ленинград. Корпусу была подчинена 269-я пехотная дивизия, находившаяся у Лужского шоссе. Одновременно 1-му армейскому корпусу приказывалось совместно с частями 56-го танкового корпуса овладеть рубежом р. Мшага. Выполняя приказ, оба корпуса отбросили части 11-й армии за эту реку.

Гитлер посчитал генерала Геппнера виновником остановки наступления 4-й танковой группы. В штаб группы армий «Север» был направлен адъютант фюрера полковник Р. Шмундт. Генерал-фельдмаршал фон Лееб объяснил ему, что командующий 4-й танковой группой не виноват: в его действия вмешался противник, упорное и организованное сопротивление которого вынудило генерала Геппнера маневрировать в поисках слабых мест в обороне войск Северо-Западного фронта.

Неожиданно образовавшуюся паузу каждая из сторон стремилась максимально использовать в своих интересах. В то время как Верховное Главнокомандование вермахта разрабатывало план возобновления наступления на Ленинград, советское командование укрепляло оборону города. Генерал-фельдмаршал фон Лееб, оценивая сложившуюся к середине июля обстановку, пришел к выводу, что сопротивление войск Северо-Западного фронта и недостаток собственных сил не позволят овладеть Ленинградом с ходу. Эта задача может быть решена только путем последовательного разгрома русских сил. Поэтому вначале предлагалось овладеть рубежом Новгород, Нарва. Правда, приступить к выполнению этой задачи можно было лишь после того, как 16-я армия завершит разгром окруженных соединений Северо-Западного фронта под Невелем или отбросит их на восток, а значит, когда будет надежно прикрыт правый фланг 4-й танковой группы. По мнению фон Лееба, наступление следовало отложить до 25 июля.

Это вовсе не устраивало Гитлера, который стремился как можно скорее покончить с Ленинградом. 21 июля фюрер прилетел в штаб-квартиру командующего группой армий «Север». Фон Лееб доложил ему, что до подхода достаточных сил пехоты 4-я танковая группа вряд ли может рассчитывать на успех. Гитлер, в свою очередь, считал необходимым срочно захватить Ленинград, что позволило бы очистить все балтийское побережье, а значит, лишить Балтийский флот баз и тем самым обеспечить свободу перевозки шведской руды в Германию. Одновременно удалось бы выиграть и в политическом отношении, так как руководство Советского Союза потеряет город, который, являясь колыбелью большевистской революции, имеет для советского режима особый символ. Кроме того, Гитлер считал важным не

дать советскому командованию возможности вывести войска из района Ленинграда и использовать их на других направлениях. Поэтому фюрер требовал, в первую очередь, перехватить магистрали, ведущие из Ленинграда на восток, и блокировать их выходом войск группы армий «Север» к Ладоге. Он настаивал на сосредоточении основных усилий группы армий на направлении Новгород, Ладожское озеро и привлечении сюда 3-й танковой группы, которая в то время вела тяжелые бои северо-восточнее Смоленска.

Главное командование Сухопутными войсками также полагало, что группа армий «Север» должна перенести свои усилия на направление Новгород, Ладога. Однако оно возражало против переброски 3-й танковой группы, так как это могло привести к ослаблению натиска на московском направлении или даже к отказу от наступления на Москву. В свою очередь, фон Лееб и Геппнер поддерживали идею переброски 3-й танковой группы под Ленинград, но считали необходимым сосредоточить основные силы 4-й танковой группы на ее левом фланге, в полосе 41-го танкового корпуса, ибо на избранном Гитлером направлении местность, по их мнению, была совершенно непригодной для действий крупных подвижных соединений.

Начальник Генерального штаба Сухопутных войск генерал Гальдер, не заинтересованный в переброске 3-й танковой группы, направил в штаб группы армий «Север» своего первого обер-квартирмейстера генерала Ф. фон Паулюса. Он, возвратившись 26 июля в Берлин, сообщил, что генералы Геппнер, фон Манштейн и Рейнгардт единодушно говорят о непригодности местности между озером Ильмень и Чудским озером для действий подвижных соединений. «Не остается ничего другого, – пишет в своем дневнике Гальдер, – как начать наступление в районе озера Ильмень силами пехоты и сосредоточить еще не скованные на фронте подвижные соединения (корпус Манштейна) для ввода в прорыв, достигнутый пехотой» [160]. Этими соединениями являлись 8-я танковая дивизия и дивизия СС «Totenkopf». Таким образом, на новгородском направлении оставался 56-й танковый корпус в составе моторизованной и полицейской дивизий. Однако генерал Гальдер, стремившийся в кратчайшие сроки выйти к Москве, закрывал на это глаза, пытаясь сохранить 3-ю танковую группу в составе группы армий «Центр». 25 июля он сообщил фон Леебу, что 3-я танковая группа прибудет в полосу действий его войск не ранее 5 августа, а спустя три дня этот срок был отодвинут до 15 августа.

26 июля командиру 56-го танкового корпуса была поставлена задача нанести удар через Лугу на Ленинград. Для этого ему

были подчинены 3-я моторизованная и 269-я пехотная дивизии, а также вновь прибывшая полицейская дивизия СС. 8-я танковая дивизия была выведена в резерв командующего 4-й танковой группой. Из подвижных соединений в распоряжении фон Манштейна оставалась всего одна 3-я мотопехотная дивизия.

Начальник Генерального штаба РККА генерал армии Г.К. Жуков, внимательно следя за развитием событий на фронтах, пришел к выводу, что немецкое командование, видимо, не решится оставить без внимания опасный для группы армий «Центр» участок – правое крыло фронта – и будет стремиться в ближайшее время разгромить войска Центрального фронта [161]. Если это произойдет, то противник получит возможность выйти во фланг и в тыл Юго-Западному фронту, нанесет ему поражение и, захватив Киев, получит свободу действий на Левобережной Украине. Поэтому только после того, как будет ликвидирована угроза флангу центральной группировки со стороны юго-западного направления, противник сможет начать наступление на Москву. Что касается северо-западного направления, то Жуков полагал, что противник попытается усилить войска группы армий «Север», чтобы в кратчайшее время овладеть Ленинградом, соединиться с финской армией, а затем также повернуть свои силы на Москву, обходя ее с северо-востока. Эта операция позволяла снять угрозу левому флангу ударной группировки вермахта на московском направлении. О своих предположениях Жуков 29 июля доложил Сталину.

Мы имеем возможность сравнить прогнозы генерала армии Жукова с намерениями Верховного главнокомандования вермахта, которые были изложены в директиве № 34 ОКВ, подписанной 30 июля Гитлером. Она требовала от войск группы армий «Север» продолжать наступление на Ленинград, окружить его и установить связь с финской армией. Группе армий «Центр» предстояло перейти к обороне, на правом фланге провести наступление с ограниченной целью – занять более выгодные исходные позиции. Группе армий «Юг» предписывалось продолжать операции против войск Юго-Западного фронта западнее Днепра, захватить плацдармы в районе Киева и южнее, уничтожить 5-ю армию [162]. Впервые с начала Второй мировой войны войска вермахта вынуждены были перейти к обороне на главном стратегическом направлении. Гитлер считал, что в условиях, когда сопротивление Красной Армии значительно возросло, а потери вермахта увеличились, особенно в танковых группах, невозможно одновременное наступление на Ленинград, Москву и в сторону Донбасса. Поэтому наступление на Москву было временно остановлено.

В тот же день, когда была подписана директива № 34, Гитлер направил в штаб группы армий «Север» генерал-фельдмаршала В. Кейтеля с целью еще раз разъяснить фон Леебу значение наступления на Ленинград. Одновременно он приказал перебросить 8-й авиационный корпус из группы армий «Центр» для поддержки войск фон Лееба. Под давлением обстоятельств командующему группой армий «Север» пришлось назначить начало наступления 4-й танковой группы на 8 августа, хотя 56-й танковый корпус не успевал к этому времени выйти в исходный для наступления район.

А в это время командующие и штабы Северо-Западного направления, Северо-Западного и Северного фронтов напряженно готовились к отражению удара на Ленинград с юга. В конце июня началось создание Ленинградской армии народного ополчения. К 14 июля первые три дивизии народного ополчения общей численностью 31 тыс. человек были переданы в Лужскую оперативную группу. Партийные мобилизации дали фронту свыше 12 тыс. коммунистов – политработников и политбойцов. 24 июля приказом главкома Северо-Западного направления [163]маршала К.Е. Ворошилова при обкоме и горкоме ВКП(б), областном и городском исполнительных комитетах советов была создана комиссия по оборонительным работам под председательством секретаря горкома партии А.А. Кузнецова. На строительстве оборонительных сооружений ежедневно работало до 500 тыс. человек [164].

Итак, взгляды Гитлера и командования Сухопутных войск полностью совпали с оценками советской Ставки Верховного Командования [165]и командования Северо-Западного направления по поводу наиболее выгодного направления удара на Ленинград. Самой опасной советская Ставка считала вражескую группировку, действовавшую на новгородском направлении. Учитывая это, начальник штаба Северо-Западного направления генерал М.В. Захаров представил 28 июля маршалу Ворошилову свои соображения об организации удара по этой группировке. Он предлагал развернуть в районе Луги четыре-пять стрелковых и одну танковую дивизии для удара с севера на Струги Красные. С востока, по замыслу генерала Захарова, на Сольцы должна была наступать 11-я армия. Однако он считал, что для разгрома новгородской группировки названных сил будет недостаточно, а потому предлагал привлечь формируемую 34-ю армию для удара с востока. Наступление планировалось на 3–4 августа, чтобы упредить противника. Но из-за того, что сосредоточение войск затягивалось, оно началось только 12 августа.

Соединения 4-й танковой группы, воспользовавшись этим, 8 августа перешли в наступление. Части 41-го танкового корпуса нанесли удар с лужских плацдармов, а спустя два дня в наступление на новгородском направлении перешел 56-й танковый корпус. В первый день 41-й танковый корпус генерала Рейнгардта продвинулся всего на 5 км. Гитлер приказал ему остановиться и перейти к обороне. Фон Лееб, считая, что на этом направлении невозможно добиться успеха, планировал перенести основные усилия на правый фланг. Но и там соединения группы армий «Север» увязли в упорной обороне войск Северо-Западного фронта. Неожиданно 1-й танковой дивизии 41-го танкового корпуса удалось найти слабое место в этой обороне. Генерал Рейнгардт немедленно перебросил на это направление 6-ю танковую и 1-ю пехотную дивизии, а командующий 4-й танковой группой приказал перебросить 3-ю моторизованную, а затем и 8-ю танковую дивизии.

В результате войска группы армий «Север» получили возможность развить успех и захватить Ленинград. Однако начальник Генерального штаба Сухопутных войск генерал Гальдер был настроен пессимистически. Он, оценивая обстановку, сложившуюся к 11 августа, отмечал, что противник продолжает отводить свои разбитые части перед правым флангом группы армий «Юг». В то же время в полосе наступления немецкой 2-й армии удалось добиться незначительных успехов лишь на участке 24-го моторизованного корпуса. И далее Гальдер пишет:

«Совершенно незначительны успехи первого дня наступления на фронте группы армий “Север”. На всех участках фронта, где не ведется наступательных действий, войска измотаны. То, что мы сейчас предпринимаем, является последней и в то же время сомнительной попыткой предотвратить переход к позиционной войне. Командование обладает крайне ограниченными средствами. Группы армий разобщены для этого между собой естественными границами (болотами). В сражение брошены наши последние силы. Каждая новая перегруппировка внутри групп армий требует от нас крайнего напряжения и непроизводительного расхода человеческих сил и технических ресурсов. Все это вызывает нервозность и недовольство у командования (главком) и все возрастающую склонность вмешиваться во все детали. Всякое же вмешательство в детали, которое в данном случае носит с нашей стороны характер отнюдь не приказа, а пожеланий или рекомендаций, естественно, связано с большой опасностью. Мы не знаем конкретных условий, при которых развиваются события. Когда они развиваются медленнее, чем мы хотим, тогда мы сразу же думаем о недостаточном желании и рвении или даже о злостном

самоуправстве на местах. В особенности это касается танковых соединений, которые в большей степени зависят от технических моментов и условностей, чем соединения других родов войск. Мои усилия помешать или предотвратить вмешательства такого рода, к сожалению, не всегда увенчиваются успехом. Общая обстановка все очевиднее и яснее показывает, что колосс-Россия, который сознательно готовился к войне, несмотря на все затруднения, свойственные странам с тоталитарным режимом, был нами недооценен. Это утверждение можно распространить на все хозяйственные и организационные стороны, на средства сообщения и, в особенности, на чисто военные возможности русских. К началу войны мы имели против себя около 200 дивизий противника. Теперь мы насчитываем уже 360 дивизий противника. Эти дивизии, конечно, не так вооружены и не так укомплектованы, как наши, а их командование в тактическом отношении значительно слабее нашего, но, как бы там ни было, эти дивизии есть. И даже если мы разобьем дюжину таких дивизий, русские сформируют новую дюжину. Русские еще и потому выигрывают во времени, что они сидят на своих базах, а мы от своих все более отдаляемся. Таким образом и получается, что наши войска, страшно растянутые и разобщенные, все время подвергаются атакам противника. И противник потому одерживает местами успехи, что наши войска ввиду растянутости на огромных пространствах вынуждены создавать громадные разрывы на фронте» [166].

Гальдер явно переоценивал силы Красной Армии. В предыдущей главе мы показывали, что к 22 июня 1941 г. западные приграничные военные округа насчитывали 170 дивизий, 2 отдельные стрелковые и 12 воздушно-десантных бригад. В то же время он реально оценивал возможности Красной Армии, которая, несмотря на тяжелые условия, была способна наносить контрудары по агрессору.

12 августа под Старой Руссой в наступление против правого фланга группы армий «Север» перешли войска 11-й и 34-й армий. К 15 августа они продвинулись более чем на 60 км в тыл новгородской группировки немецкой 16-й армии. Это вынудило генерал-фельдмаршала фон Леeба остановить 41-й и 56-й танковые корпуса и направить обе дивизии генерала фон Манштейна на помощь 10-му армейскому корпусу, который подвергся удару войск 11-й и 34-й армий. В результате задача по овладению Ленинградом оказалось под угрозой срыва. В этой связи Гитлер потребовал немедленно перегруппировать под Ленинград как можно больше сил 3-й танковой группы. Генералу Гальдеру пришлось отдать распоряжение о переброске 39-го моторизованного корпуса на новгородское направление.

Командующий группой армий «Север» приказал фон Манштейну перегруппировать в район озера Самро штаб 56-го танкового корпуса и 3-ю мотопехотную дивизию. Части 8-й танковой дивизии и дивизии СС «Totenkopf» должны были продолжать действия в прежнем направлении.

15 августа фон Манштейн, передав участок у Луги командиру 50-го армейского корпуса, отправился в путь. Вечером штаб 56-го танкового корпуса прибыл в указанный район. Тут же поступил приказ командующего 4-й танковой группой немедленно приостановить движение 3-й мотопехотной дивизии и с утра следующего дня срочно возвратиться на юг и доложить о своем прибытии на станцию Дно командующему 16-й армией. В его подчинение передавались 56-й танковый корпус в составе 3-й мотопехотной дивизии и дивизии СС «Totenkopf», которая снималась с ильменского участка.

Совершив перегруппировку, фон Манштейн прибыл в штаб 16-й армии. Здесь ему сообщили, что 10-й армейский корпус, который вел боевые действия на правом фланге армии южнее озера Ильмень, под ударами советской 38-й армии вынужден был отойти. Обернувшись фронтом на юг, корпус вел тяжелые оборонительные бои южнее озера Ильмень. От 56-го танкового корпуса требовалось срочно отвлечь на себя соединения 38-й армии и выручить 10-й армейский корпус. Фон Манштейн к 18 августа скрытно перебросил 3-ю мотопехотную дивизию и дивизию СС «Totenkopf» к западному флангу советских войск. Утром 19 августа они неожиданно нанесли удар по соединениям 34-й армии, опрокинули их и 22 августа вышли к р. Ловать юго-восточнее Старой Руссы.

Заслуги фон Манштейна в боях на ленинградском направлении были оценены по достоинству. 12 сентября в штаб 56-го танкового корпуса, разместившегося на полуразрушенном крестьянском хуторе юго-западнее Демянска, позвонил командующий 16-й армией генерал-полковник фон Буш. Он сказал:

– Поздравляю вас!

– Поздравляете? Но с чем, господин генерал? – спросил удивленный фон Манштейн.

Фон Буш, выдержав паузу, торжественно зачитал только что поступившую телеграмму Главного командования Сухопутными войсками: «Немедленно направить генерала пехоты фон Манштейна в распоряжение группы армий “Юг” для принятия командования 11 армией» [167].

По признанию фон Манштейна, для него это было венцом военной карьеры. Ему теперь предстояло покорить Крым.

Обстоятельства назначения фон Манштейна были таковы. Командующий 11-й армией генерал Р. фон Шоберт утром 12 сентября на самолете «Fieseler Fi.156 Storch» («Шторх») вылетел в одну из дивизий. В полете отказал мотор и самолет пошел на вынужденную посадку. Приземление было неудачным, так как машина угодила на минное поле. В результате и командующего, и пилота буквально разорвало на куски.

17 сентября фон Манштейн прибыл в г. Николаев, к месту расположения штаба 11-й армии. На него также возлагалось руководство румынской 3-й армией, находившейся в оперативном подчинении командующего 11-й армией.

Личный состав штаба 11-й армии встретил нового командующего с некоторой настороженностью. Генерал фон Шоберт по своим манерам был типичным баварцем, и даже грубое слово у него звучало добродушно. О фон Манштейне сложилось мнение как о человеке, отличающемся известной «прусской» холодностью и сдержанностью. В журнале боевых действий армии появилась предостерегающая запись: «Прибывает новый командующий. Он – “господин”, и нам придется нелегко. Но с ним можно говорить открыто».

Крымский полуостров в планах Верховного главнокомандования вермахта рассматривался как плацдарм для вторжения на Кавказ. В директиве, подписанной 21 августа Гитлером, которая, по мнению генерала Гальдера, имела «решающее значение для всей Восточной кампании», важнейшей задачей до наступления зимы определялся «не захват Москвы, а захват Крыма, промышленных и угольных районов на реке Донец [168]и блокирование путей подвоза русскими нефти с Кавказа». На севере предусматривалось окружение Ленинграда и соединение с финскими войсками. От группы армий «Центр» требовалось, чтобы она, не считаясь с планами последующих операций, осуществила разгром 5-й армии Юго-Западного фронта [169].

Для захвата Крыма была выделена 11-я армия. В ее состав входили 30-й армейский корпус генерала Г. фон Зальмута (22, 72, 170-я пехотные дивизии), 54-й армейский корпус генерала Э.П. Ганзена (46, 50, 73-я пехотные дивизии), 49-й горный корпус [170]генерала Л. Кюблера (1-я и 4-я горнострелковые дивизии), моторизованные бригада «Leibstandarte-SS Adolf Hitler» и дивизия «Wiking». Армию поддерживал 4-й авиационный корпус, насчитывавший более 350 самолетов [171].

В связи с угрозой захвата Крыма советская Ставка ВГК директивой № 00931 от 14 августа 1941 г. создала 51-ю отдельную армию (106, 156, 271 и 276-я стрелковые, 40, 42 и 48-я

кавалерийские дивизии) под командованием генерал-полковника Ф.И. Кузнецова. Ему в оперативном отношении подчинялся Черноморский флот. Формирование 51-й отдельной армии осуществлялось в сложных условиях: не хватало оружия, средств связи; личный состав еще не успел завершить обучение; прибывшие с материка две стрелковые и три кавалерийские дивизии были малочисленными. На армию возлагались следующие задачи: не допустить врага на территорию Крымского полуострова с суши, с моря и с воздуха; удерживать Крым до последнего бойца; действиями Черноморского флота воспретить подход и высадку на полуостров десантов противника [172]. Таким образом, генерала Ф.И. Кузнецова ориентировали, прежде всего на противодесантную оборону, хотя опасность надвигалась с севера. Все это отразилось в решении командарма об обороне Крыма.

Войска 51-й отдельной армии были рассредоточены по всей территории Крыма. На перекопском направлении, где была наибольшая вероятность вражеского удара, оборонялись всего три дивизии 9-го стрелкового корпуса: 276-я – на Чонгарском полуострове и Арабатской стрелке; 106-я – в 70-километровой полосе по южному берегу Сиваша; 156-я – на Перекопских позициях. Для отражения высадки вражеских десантов были выделены три кавалерийские (48, 42 и 40-я) и одна стрелковая (271-я) дивизии в районе Симферополя. Оборону побережья осуществляли четыре стрелковые дивизии (172, 184, 320 и 321-я). В результате ни на одном из направлений не было создано превосходства над врагом.

Итак, фон Манштейну снова предстояло сразиться с генерал-полковником Кузнецовым. Но теперь они находились в равных положениях, командуя армиями.

На войска 11-й армии были возложены две задачи, причем на двух расходящихся направлениях. Первая задача состояла в том, чтобы основными силами наступать по северному берегу Азовского моря на Ростов, продолжая преследование отходящих войск Южного фронта на правом фланге группы армий «Юг». Вторая задача заключалась в захвате в кратчайшие сроки Крыма, а после этого силами 49-го горного корпуса продолжении движения через Керченский пролив в направлении на Кавказ. Следовательно, соединения армии должны были действовать на расходящихся направлениях.

Фон Манштейн, оценив обстановку, решил в первую очередь силами 54-го и 49-го армейских корпусов занять Крым. *«Такое решение командования армии означало,* – пишет он, – *конечно, значительное ослабление ее восточного крыла. Для высвобождения*

упомянутых соединений, помимо 22 дивизии, несшей охрану побережья севернее Крыма, могла быть использована только 3 румынская армия. Путем личных переговоров с генералом Думитреску [173] *я добился того, что армия была быстро переброшена через Днепр, несмотря на упомянутые выше соображения румын, не желавших этого. Ясно было, что командование армии шло на большой риск, принимая эти меры, так как противник мог прекратить отход на Восточном фронте армии и попытаться взять инициативу в свои руки. Но без этого мы не могли обойтись, если не хотели начать битву за Крым с недостаточными силами»* [174].

Подготовка 54-го армейского корпуса к наступлению затянулась из-за трудностей с подвозом материально-технических средств. И только 24 сентября он начал операцию, нанося главный удар по перекопским позициям. Безжалостно парящее солнце нависло над безлюдной степью. Части 46-й и 73-й пехотных дивизий, преодолевая упорное сопротивление войск 51-й отдельной армии, 26 сентября прорвали перекопские оборонительные позиции и захватили Армянск. Командующий 51-й отдельной армией возложил задачу по отражению наступления 54-го армейского корпуса на оперативную группу во главе со своим заместителем генералом П.И. Батовым. Он силами двух стрелковых полков (442-го и 417-го) нанес контрудар и захватил Щемиловку и старую крепость. Во второй половине дня 26 сентября в атаку на северную окраину Армянска перешел 865-й стрелковый полк 271-й стрелковой дивизии, подошедший к району боевых действий. С западной стороны наступал полк 172-й стрелковой дивизии. Однако 46-я пехотная дивизия оказала упорное сопротивление. Этим воспользовался командир 54-го армейского корпуса, который, подтянув части 73-й и 50-й пехотных дивизий, нанес контрудар и овладел большей частью Армянска.

Действия войск 51-й отдельной армии вызвали недовольство в Ставке ВГК. 27 сентября начальник Генерального штаба маршал Б.М. Шапошников по указанию И.В. Сталина направил командующему армией директиву № 002369, в которой отмечалось: *«Из донесений штаба не видно, как протекает бой за Перекопский перешеек и какие силы противника атакуют наши войска. Можно только предполагать, что бои носят упорный характер или что вследствие слабого укрепления перешейка противник быстро продвигается вперед. По существу, за один день противник взял Перекоп, овладел Турецким валом и занял Армянск. Такое продвижение противника могу объяснить только недостаточной напористостью в обороне наших частей и, по-*

видимому, разрозненными контратаками группы Батова, не только не сбросившими противника с Турецкого вала на север, но в результате приведшие к оставлению Армянска. Имейте в виду, что с потерей Турецкого вала наступающий получает расширенный плацдарм для развития своих действий» [175].

Маршал Шапошников не ошибся в своих прогнозах. Войска 51-й отдельной армии под натиском соединений 11-й армии к исходу дня 28 сентября вынуждены были отойти на Ишуньские позиции. На следующий день части 49-го горного корпуса и моторизованная бригада «Leibstandarte-SS Adolf Hitler» нанесли удар с юга во фланг войскам советских 9-й и 18-й армий, прорвавшимся на участке 3-й румынской армии и не сумевшим полностью использовать свой успех. В результате удалось здесь восстановить положение. Но тут обострилась обстановка на северном фланге 30-го армейского корпуса, где стала отходить румынская кавалерийская бригада. Фон Манштейн быстро перебросил на это направление бригаду «Leibstandarte-SS Adolf Hitler», что позволило ликвидировать наметившуюся здесь угрозу прорыва.

Для усиления обороны Крыма Ставка ВГК 30 сентября решила эвакуировать из Одесского оборонительного района на полуостров войска Приморской армии генерал-майора И.Е. Петрова. Командующему 51-й отдельной армией приказывалось бросить все силы для удержания Арабатской стрелки, Чонгарского перешейка, южного берега Сиваша и Ишуньских позиций до прибытия войск Одесского оборонительного района [176].

В это время 1-я танковая группа генерала Э. фон Клейста создала угрозу северному флангу войск Южного фронта. 29 сентября она нанесла удар по правому флангу 12-й армии генерал-майора И.В. Галанина, которая, не выдержав массированного удара танков, начала отход, что создало угрозу тылам 12, 18, 9-й армий и Южного фронта. Фон Манштейн, воспользовавшись этим, 1 октября приказал 30-му армейскому корпусу и румынской 3-й армии перейти в наступление или начать преследование советских войск, если они будут отходить. К 4 октября соединения 1-й танковой группы [177]прорвались севернее Орехова, вышли на тылы 12-й и 18-й армий и, развивая наступление на юго-восток, 7 октября части соединились в районе Осипенко с моторизованной дивизией 11-й армии, прорвавшейся через Мелитополь. В результате часть сил 18-й и 9-й армий Южного фронта оказалась в окружении. В плен попало 65 тыс. человек, а в качестве трофеев было захвачено 212 танков и 673 орудия [178]. Фон Манштейн приводит иные данные –

125 танков и свыше 500 орудий [179].

На ишуньском направлении обстановка складывалась для немецкой 11-й армии не столь благоприятно. Войска 51-й отдельной армии к исходу дня 4 октября сумели остановить части 54-го армейского корпуса. Это вынудило фон Манштейна временно прекратить наступление в Крыму.

16 октября была завершена переброска морем войск Приморской армии из Одессы в Севастополь. Она и войска 51-й отдельной армии к 18 октября насчитывали всего около 100 тыс. человек, до 1 тыс. орудий и минометов, 66 танков и 47 самолетов. Для обороны Ишуньских позиций были выделены всего две стрелковые дивизии. На Черном море господствовал Черноморский флот, что исключало возможность высадки морского десанта противника.

В то время как Ставка ВГК принимала меры по усилению войск, действовавших в Крыму, фон Манштейн лишился части своих сил. Ему пришлось передать в состав 1-й танковой армии 49-й горный корпус и бригаду «LeibStandarte-SS Adolf Hitler». Теперь для захвата Крыма он располагал всего двумя армейскими корпусами (30-м и 54-м). Румынская 3-я армия вновь поступала в подчинение маршала Антонеску [180]с задачей нести охрану черноморского и азовского побережий. Однако фон Манштейн, обратившись непосредственно к Антонеску, добился от него согласия на то, что штаб румынского горного корпуса с одной горной и одной кавалерийской бригадой последуют за 11-й армией в Крым для охраны его восточного побережья. Вскоре по просьбе фон Манштейна в состав армии был передан 42-й армейский корпус.

Соединения 1-й танковой армии группы армий «Юг» сумели к 16 октября оттеснить войска Южного фронта к Таганрогу. В результате фон Манштейн получил возможность возобновить всеми силами наступление в Крыму. В 11-й армии насчитывалось около 124 тыс. человек, более 2 тыс. орудий и минометов, свыше 100 танков. Ее поддерживала авиация 4-го воздушного флота (свыше 100 самолетов). 29 октября в состав 11-й армии вошла усиленная танками моторизованная бригада полковника Г. Циглера.

18 октября фон Манштейн возобновил наступление, нанося главный удар четырьмя дивизиями через Перекопский перешеек, а вспомогательный удар – двумя румынскими бригадами через Чонгарский мост. 20 октября войска 11-й армии прорвали оборону 51-й отдельной армии на Ишуньских позициях, но были остановлены на рубеже р. Чатырлык.

22 октября советская Ставка ВГК своей директивой

№ 004055 освободила генерал-полковника Ф.И. Кузнецова от командования 51-й отдельной армией, отозвав его в свое распоряжение. Фон Манштейн снова сумел превзойти своего противника. С целью объединения управления 51-й отдельной, Приморской армиями и Черноморским флотом было создано командование войсками Крыма во главе с вице-адмиралом Г.И. Левченко с подчинением ему в оперативном отношении командования Черноморского флота. Заместителем командующего войсками Крыма по сухопутным войскам стал генерал-лейтенант П.И. Батов, а заместителем командующего Черноморским флотом по вопросам обороны главной морской базы – контр-адмирал Г.В. Жуков [181]. Однако реорганизация структуры управления войсками позитивного влияния на обстановку не оказала.

С целью восстановления положения на ишуньском направлении войска Приморской армии силами трех дивизий 24 октября нанесли контрудар по 11-й армии, но успеха не имели. В свою очередь фон Манштейн, введя в сражение вторые эшелоны, 26 октября нарастил силу удара. Соединения Приморской армии оказывали ожесточенное сопротивление. *«…В бою с противником, упорно обороняющим каждую пядь земли, к наступающим войскам предъявлялись чрезвычайно высокие требования, и потери были значительными,* – вспоминал Манштейн. – *…С беспокойством я видел, как падает боеспособность. Ведь дивизии, вынужденные вести это трудное наступление, понесли тяжелые потери еще раньше у Перекопа, а также в сражении у Азовского моря… 25 октября казалось, что наступательный порыв войск совершенно иссяк. Командир одной из лучших дивизий уже дважды докладывал, что силы его полков на исходе»* [182].

Однако превосходство все-таки было на стороне войск 11-й армии. 28 октября они вырвались на степные просторы и устремились на юг. Ведя непрерывные бои с наседавшими частями 11-й армии, Приморская армия отходила к Севастополю, а 51-я отдельная армия – к Керчи. Фон Манштейн незамедлительно принял меры для того, чтобы не допустить перехода войск Приморской армии к обороне у северных отрогов Яйлы и не дать им возможности укрыться в Севастопольском крепостном районе. Он приказал 30-му армейскому корпусу (72-я и 22-я пехотные дивизии) продвигаться на Симферополь, чтобы установить контроль над прибрежной дорогой Алушта – Севастополь. 54-й армейский корпус (50-я, 132-я пехотные дивизии, моторизованная бригада) получил задачу вести преследование в направлении Бахчисарай, Севастополь с целью

перерезать дорогу Симферополь – Севастополь, а также внезапным ударом захватить Севастополь.

Войска 11-й армии стремительно преследовали отходившие соединения Приморской и 51-й отдельной армий. 1 ноября передовой отряд 72-й пехотной дивизии занял Симферополь. После этого главные силы 30-го армейского корпуса осуществили прорыв по горной дороге к расположенной на южном берегу Алуште и 4 ноября захватили город. Днем раньше, 3 ноября, части 42-го армейского корпуса овладели Феодосией.

Угроза Севастополю вынудила командующего Черноморским флотом перебазировать основные силы в малоудобные порты. 4 ноября сухопутные войска и силы флота, защищавшие Севастополь, были объединены в Севастопольский оборонительный район (СОР). 7 ноября Ставка ВГК направила командующим войсками Крыма и Черноморским флотом директиву № 004433 о мерах по укреплению обороны Крыма. В ней требовалось «с целью сковывания сил противника в Крыму и недопуска его на Кавказ через Таманский полуостров» считать главной задачей Черноморского флота активную оборону Севастополя и Керченского полуострова всеми силами. Особо подчеркивалось: «Севастополя не сдавать ни в коем случае и оборонять его всеми силами». Руководство обороной Севастополя предписывалось возложить на командующего флотом вице-адмирала Ф.С. Октябрьского с подчинением его вице-адмиралу Г.И. Левченко [183]. Заместителем вице-адмирала Октябрьского по сухопутной обороне стал генерал И.Е. Петров. Свыше 15 тыс. севастопольцев добровольно вступили в народное ополчение.

Это были своевременные меры, так как 8 ноября 105-й пехотный полк 30-го армейского корпуса овладел Балаклавой. До Севастополя оставалось пройти полтора десятка километров. На правом фланге 11-й армии была брошена вперед моторизованная бригада полковника Циглера, которая заняла переправы через реки Альма и Кача. Разведывательный батальон 22-й пехотной дивизии, входивший в состав этой бригады, сумел прорваться через горы до южного берега в районе Ялты. Таким образом, все шоссейные дороги, которые советские войска могли использовать для отхода на Севастополь, оказались перерезанными.

Фон Манштейн, внимательно наблюдая за развитием событий на севастопольском направлении, решил ввести в сражение 54-й армейский корпус, следовавший за моторизованной бригадой полковника Циглера. Командиру корпуса приказывалось прорваться через реки Бельбек и Черную и окончательно отрезать путь отступления на Севастополь советским частям, находящимся в горах. Однако корпус неожиданно встретил упорное

сопротивление на подступах к Севастополю между реками Кача и Бельбек, а также при своем продвижении в горах к р. Черная. В результате фон Манштейн вынужден был отказаться от заманчивой идеи взять с ходу Севастополь.

8 ноября по решению Ставки ВГК для оказания помощи командованию войсками Крыма в Керчь в качестве представителя Ставки ВГК был направлен маршал Советского Союза Г.И. Кулик. На следующий день командующему 51-й отдельной армией генералу П.И. Батову была направлена директива Ставки ВГК за подписью маршала Б.М. Шапошникова, в которой требовалось от войск армии вести жесткую оборону, встретить и оказать содействие маршалу Г.И. Кулику [184].

К этому времени войска, оборонявшие Крым и Керченский полуостров, находились в тяжелом состоянии. *«Противник, сосредоточив центр своих усилий на нашем левом фланге, продолжает теснить наши малочисленные, измотанные непрерывными боями, совершенно деморализованные и небоеспособные части,* – докладывал 10 ноября Сталину командующий войсками Крыма вице-адмирал Левченко. *– В связи с выводом из строя проволочных средств связи управление войсками осложняется. Положение исключительно тяжелое и ежедневно осложняется. Части не в состоянии удержать Керченского полуострова. Вызывает большое опасение в данной обстановке возможность потери всей материальной части артиллерии и техники. 302 сд сможет прибыть в Керчь не ранее 3–5 дней. Перебрасываемый из Тамани 825 гсп не в состоянии восполнить понесенных потерь. Прошу разрешения приступить к эвакуации с Керченского полуострова войск, матчасти и техники»* [185].

11 ноября фон Манштейн основными силами 11-й армии предпринял первое наступление на Севастополь. Защитники города оказали решительное сопротивление. За десять дней напряженных боев войскам фон Манштейна удалось лишь на двух участках вклиниться в оборону на 1–4 км. В войсках 11-й армии значительно возросли потери. Это вынудило ее командующего 21 ноября прекратить наступление на Севастополь.

Маршал Кулик, оценив сложившуюся обстановку, 13 ноября доложил Сталину о необходимости в кратчайшее время осуществить эвакуацию войск Приморской армии на Таманский полуостров. Одновременно командующий войсками Крыма представил Сталину и наркому ВМФ адмиралу Кузнецову боевое донесение об обстановке на Керченском полуострове. В нем отмечалось, что войска керченского направления в последнее время понесли большие потери и крайне устали. Фронт

удерживается только двумя полками вновь прибывшей 302-й стрелковой дивизии и группами устойчивых бойцов, оставшихся в дивизиях. Войска, не имея достаточного количества автоматического оружия и минометов, потеряли боеспособность. В этой связи вице-адмирал Левченко решил начать переправу с Керченского на Таманский полуостров ценной техники, тяжелой артиллерии, специальных машин, излишнего автотранспорта [186].

На следующий день, 14 ноября, маршал Шапошников направил вице-адмиралу Левченко и маршалу Кулику директиву № 004842, в которой требовалось удержание района Керчи «ставить не в зависимость от перевозки обозов и тяжелой артиллерии на Таманский полуостров, а от решения удержать Керчь, во что бы то ни стало, и не дать противнику занять этот район». Для достижения этой цели приказывалось перебросить для обороны Керчи, при необходимости, части 302-й стрелковой дивизии [187].

Но все это были запоздалые меры. Части 42-го армейского корпуса активизировали свои действия на Керченском полуострове. Маршал Кулик в половине третьего ночи 15 ноября связался по прямому проводу с Генеральным штабом и доложил, что войска 51-й отдельной армии находятся в исключительно тяжелом состоянии. Из семи стрелковых дивизий только одну (106-ю) можно считать боеспособной на 40 %. Противник прилагает все усилия для того, чтобы в кратчайший срок захватить Керчь. *«Оборонять дальше в данных условиях,* – говорил Кулик, – *когда бои идут на окраинах города, а с юга фактически в городе, это равноценно нести колоссальные потери, в течение двух-трех дней будет разбита 302-я сд, тем более, что ее полки не более усиленного батальона, нецелесообразно»* [188]. Представитель Ставки высказал опасение, что противник, разбив 302-ю стрелковую дивизию, может переправиться на Таманский полуостров, для обороны которого не будет реальных сил. Поэтому он считал необходимым как можно скорее отвести войска на Таманский полуостров и принять меры для его обороны. В половине пятого вечера 15 ноября маршал Шапошников сообщил маршалу Кулику, что Ставка ВГК считает необходимым сначала вывезти артиллерию и технику с Керченского полуострова, а затем отводить стрелковые части. В тот же день части 42-го армейского корпуса захватили Керчь.

В ночь на 16 ноября части 51-й отдельной армии начали переправляться на Таманский полуостров. Переправа проходила в тяжелых условиях штормовой погоды и при морозе 12°. Для обороны Таманского полуострова были выделены наиболее

боеспособные 12-я стрелковая бригада и два полка 302-й стрелковой дивизии. Теперь у фон Манштейна появилась возможность возобновить наступление на Севастополь. Но ждать этого момента ему пришлось почти месяц…

В ходе Крымской оборонительной операции войска Приморской и 51-й отдельной армии во взаимодействии с Черноморским флотом нанесли большой урон немецкой 11-й армии. Войска Приморской и 51-й отдельных армий и Черноморский флот потеряли безвозвратно почти 48,4 тыс. человек, а санитарные потери составили 15 422 человека [189]. Соединения 11-й армии оказались скованными в течение двух месяцев, что позволило советскому командованию усилить сухопутную оборону Севастополя и организовать оборону Таманского полуострова.

Фон Манштейн, планируя операцию по захвату Севастополя, решил силами 54-го армейского корпуса при поддержке тяжелой артиллерии нанести главный удар с севера или северо-востока в направлении бухты Северной. На юге 30-й армейский корпус должен был активными действиями сковать советские войска и не допустить их переброски на главное направление.

Начало операции было назначено на 27 или 28 ноября. *«Но здесь-то нам и помешала русская зима, причем двояким образом, что было особенно плохо,* – пишет фон Манштейн. – *В Крыму начались непрерывные дожди, которые в кратчайший срок вывели из строя все дороги без твердого покрытия… Таким образом, с началом дождей армия практически теряла возможность обеспечивать свое снабжение автогужевым транспортом, во всяком случае, на участке от материка до Симферополя. К 17 ноября уже вышло из строя по техническим причинам 50 % нашего транспорта. На материке же, на севере, уже свирепствовал лютый мороз, который вывел из строя четыре паровоза из пяти, имевшихся тогда в нашем распоряжении южнее Днепра. Таким образом, снабжение армии ограничивалось теперь одним-двумя эшелонами ежедневно»* [190].

Все это вынудило фон Манштейна перенести начало наступления на 17 декабря. Войска 11-й армии, преодолевая упорное сопротивление частей Севастопольского оборонительного района, сумели в районе Мекензиевых гор вклиниться в их оборону. 20 декабря возникла угроза прорыва соединений 11-й армии к Северной бухте. С целью усиления Севастопольского оборонительного района 21 декабря отряд кораблей (2 крейсера и 3 эсминца) доставил в Севастополь из Новороссийска 79-ю отдельную стрелковую бригаду. Она на следующий день контратакой остановила противника. 22–

24 декабря на транспортных и боевых кораблях из Поти и Туапсе прибыли 345-я стрелковая дивизия и танковый батальон, а 28 декабря – 386-я стрелковая дивизия. Войска Севастопольского оборонительного района, поддержанные огнем прибывших боевых кораблей и авиацией, нанесли контрудар и отбросили части 11-й армии на главном направлении, ликвидировав угрозу прорыва.

Большую роль в срыве наступления 11-й армии сыграла начавшаяся 26 декабря Керченско-Феодосийская десантная операция войск Закавказского фронта (51-я, 44-я армии и ВВС фронта) генерал-лейтенанта Д.Т. Козлова. Они насчитывали 62 тыс. человек, 454 орудия и миномета, 43 танка, 500 самолетов. Высадка десантов возлагалась на силы Черноморского флота и Азовской военной флотилии, имевших более 250 кораблей и судов, 161 самолет.

Для обороны Керченского полуострова генерал фон Манштейн выделил части 46-й пехотной дивизии 42-го армейского корпуса, румынские 8-ю кавалерийскую и 4-ю горнострелковую бригады, два танковых батальона. Они в общей сложности насчитывали около 25 тыс. человек, 180 орудий и минометов, 118 танков и около 100 самолетов. Войска Закавказского фронта имели превосходство в 2,5 раза по личному составу, орудиям и минометам, в 5 раз по самолетам, уступая немецким частям по танкам в 2,7 раза. Немецкие и румынские части оборудовали вдоль побережья и в глубине полуострова систему опорных пунктов.

План операции был разработан командующим и штабом Закавказского фронта и представлен 30 ноября И.В. Сталину [191]. Однако Ставка ВГК внесла ряд изменений в план, которые нашли отражение в окончательном его варианте, утвержденном Ставкой 16 декабря [192]. Замыслом операции предусматривалось одновременно высадить десанты войск 44-й и 51-й армий на побережье Керченского полуострова в полосе шириной 250 км от Арабатской стрелки до Феодосии. Главный удар наносился на феодосийском направлении силами 44-й армии во взаимодействии с Черноморским флотом, другой – на керченском направлении войсками 51-й армии во взаимодействии с Азовской военной флотилией и Керченской военно-морской базой.

В соответствии с замыслом, 51-й армии (командующий – генерал-лейтенант В.Н. Львов) предстояло форсировать Керченский пролив, ударом с севера и с юга овладеть городом и портом Керчь, затем – Турецким валом и во взаимодействии с 44-й армией окружить и уничтожить керченскую группировку противника. В дальнейшем 51-я армия должна была наступать на

станцию Ак-Монай и занять северную часть акмонайской позиции.

Войскам 44-й армии (командующий – генерал-майор А.Н. Первушин) предписывалось главными силами высадиться в районе Феодосии, освободить город и порт, овладеть районом Сейтджеут, Кошай, Ак-Монай, Арабат, Владиславовка, Коктебель и оборонять его до уничтожения керченской группировки противника. Частью сил армии предписывалось наступать на Марфовку и содействовать 51-й армии в уничтожении окруженных сил врага, а в дальнейшем развивать наступление на Карасубазар. Кроме того, из состава 44-й армии по одному стрелковому полку планировалось десантировать в районах городов Опук и Коктебель. Высадка всех десантных отрядов обеих армий должна была начаться одновременно за 2 часа до рассвета без огневой подготовки.

При подготовке к операции был допущен ряд серьезных просчетов со стороны командующих и штабов фронта и армий. Из-за слабой организации разведки не удалось добыть достоверные сведения о группировке противника и системе его огня. Не были назначены командиры сил высадки десантов, которым подчинялись бы все силы флота и войска на каждом данном направлении (участке).

23 декабря вследствие осложнения обстановки в Севастополе план операции был уточнен и предусматривал уже последовательное десантирование войск: 51-я армия и два стрелковых полка 44-й армии – 26 декабря; главные силы 44-й армии – 29 декабря. В ночь на 30 декабря выбрасывался воздушный десант для захвата аэродрома в районе Владиславовки.

К началу операции ВВС Закавказского фронта (командующий – генерал-майор авиации С.К. Горюнов) смогли перебазировать на передовые аэродромы лишь 50 % авиационных частей, что лишило советские войска превосходства в воздухе. *«Противник, вероятно, догадывался о возможности высадки десанта в Феодосии,* – отмечал адмирал Н.Г. Кузнецов, *– но, судя по всему, к этому времени уже перестал опасаться его, увидев, какие значительные силы нам пришлось отвлечь на севастопольское направление. Однако он просчитался. Несмотря на сжатые сроки подготовки и недостаточное прикрытие с воздуха, операция была проведена успешно»* [193].

Утром 26 декабря началось десантирование войск 51-й армии. Но из-за сильного шторма, непрерывных огневых ударов авиации и артиллерии противника к исходу дня удалось высадить только часть сил десантных отрядов в районах мысов Зюк,

Тархан, Хрони (около 2500 человек, 3 танка, до 20 орудий и минометов) и в районе Камыш-Буруна (2175 человек). Сильный шторм, разыгравшийся на следующий день, не позволил перебрасывать войска через пролив. И лишь 28 декабря возобновилась перевозка сил и средств. Всего к исходу дня 30 декабря силами Азовской военной флотилии (командующий – контр-адмирал С.Г. Горшков) и Керченской военно-морской базы (командующий – контр-адмирал А.С. Фролов) на восточное побережье Керченского полуострова было доставлено более 17 тыс. человек, 9 танков, свыше 280 орудий и минометов. Десантирование стрелкового полка 44-й армии в районе Опука из-за шторма не состоялось, и он был высажен 28 декабря в районе Камыш-Буруна.

29 декабря в 3 часа утра началась высадка штурмовых отрядов морской пехоты в Феодосии. К исходу дня город был освобожден. В течение 30 и 31 декабря была завершена переброска силами Черноморского флота в порт войск 44-й армии. Всего в Феодосию было доставлено 23 тыс. человек, 34 танка, 133 орудия и миномета. Все это вынудило командира 42-го армейского корпуса генерала графа Х. фон Шпонека принять решение об отходе из Керчи. Части корпуса, опасаясь окружения, в ночь на 30 декабря скрытно оставили город, в который вошли войска 51-й армии и с опозданием начали преследование отходящего противника. Гитлер, недовольный неожиданной утратой Керчи и Феодосии, потребовал отдать фон Шпонека под суд, и тот был приговорен к смертной казни, замененной фюрером заключением в крепости [194].

Известие об оставлении Керчи едва не лишило фон Манштейна дара речи. Ведь под Севастополем события развивались благоприятно для войск 11-й армии. 28 декабря части 54-го армейского корпуса, наступая в направлении на бухту Северная, сумели прорваться в полосу заграждений форта Сталин. Казалось, остается сделать еще один шаг, и Севастополь будет взят. Но фон Манштейн вынужден был принять срочные меры по усилению войск, действовавших на феодосийском направлении. Он приказал прекратить наступление на Севастополь. На Керченский полуостров из состава 30-го армейского корпуса перебрасывалась 170-я пехотная дивизия. К 1 января 1942 г. в районе Феодосии кроме отошедшей 46-й пехотной дивизии действовали части 73-й пехотной дивизии и румынский горнострелковый корпус.

Войска Кавказского фронта [195]к исходу дня 2 января вышли на рубеж Киет, Коктебель, где встретили организованное сопротивление частей 42-го армейского корпуса и перешли к

обороне. В результате Керченско-Феодосийской десантной операции войска Закавказского (Кавказского) фронта освободили Керченский полуостров, Керчь и Феодосию, что позволило впоследствии развернуть здесь войска Крымского фронта и предотвратить угрозу вторжения войск вермахта на Кавказ через Таманский полуостров.

Фон Манштейн, вынужденный прекратить штурм Севастополя, 15 января 1942 г. силами 30-го и 42-го армейских корпусов возобновил наступление на феодосийском направлении. Они 18 января снова захватили Феодосию. В дальнейшем войска 11-й армии вплоть до начала апреля успешно отражали неоднократные попытки советских войск освободить Крым. Наряду с этим фон Манштейн, которому 1 января было присвоено воинское звание генерал-полковника, вел тщательную подготовку к новому наступлению на Севастополь…

В Крыму, как и на других территориях Советского Союза, оккупанты установили режим террора и насилия. В примечаниях к своим мемуарам фон Манштейн подчеркивает, что в 11-й армии, которой он командовал, «приказ о комиссарах» не выполнялся. Правда, делает оговорку о том, что «небольшое число комиссаров, которые, несмотря на это, были расстреляны, не были взяты в плен в бою, а схвачены в тылу как руководители или организаторы партизан». Поэтому с ними обращались согласно военному праву. Здесь фон Манштейн явно пытается обелить себя, произвольно трактуя военное право. Наряду с этим подчеркивается, что в войсках, которыми командовал фон Манштейн, «выдерживались строгие правила, за соблюдением которых постоянно наблюдали», так как для него было немыслимо, чтобы немецкие солдаты участвовали в совершении преступлений. В книге «Манштейн Э. фон. Солдат XX века» отмечается, что на Нюрнбергском и Гамбургском процессах «не удалось, вопреки всем усилиям, найти доказательства преступлений подчиненных ему войск, чтобы привлечь Манштейна к ответственности» [196]. Для доказательства его невиновности утверждается, что фон Манштейн издал особые предписания об обращении с гражданским населением и его защите. С целью подтвердить «отсутствие вины» фон Манштейна приводится выдержка из дневника Геббельса от 28 апреля 1943 г.: *«Генералы-фельдмаршалы Манштейн и Клейст на территориях, которые после нашего ухода снова попали в военное управление, ввели более гуманные правила обращения с населением. Охранные мероприятия… были существенно смягчены»* [197]. Однако это единственный документ, опубликованный защитником фон Манштейна на Гамбургском процессе, а все остальные

доказательства его непричастности к военным преступлениям строятся на утверждениях самого генерал-фельдмаршала.

Для Верховного главнокомандования вермахта комиссары являлись «подлинными носителями сопротивления» и носителями «большевистской идеологии». В развитие приказов и директив, о которых говорилось во второй главе, Верховное главнокомандование вермахта 16 сентября 1941 г. издало приказ № 002060/41 о беспощадном подавлении повстанческого движения и репрессиях против заложников [198]. В приказе требовалось «в зародыше задушить недовольство», принимать самые решительные меры для укрепления авторитета оккупационных властей и предотвращения дальнейшего распространения движения. *«При этом следует иметь в виду,* – подчеркивалось в приказе, – *что человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит, и устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычайной жестокости. Искуплением за жизнь каждого немецкого солдата в таких случаях должна служить, как правило, смертная казнь 50—100 коммунистов. Способы этих казней должны еще увеличивать степень устрашающего воздействия».*

Фон Манштейн, как мы помним, сам признавался, что у него была стойкая неприязнь к большевизму. 20 ноября 1941 г. он подписал по 11-й армии приказ 2379/41, в котором говорилось:

«…Перед немецким солдатом стоит задача не только разгромить военные силы… но и выступить носителем национальной идеи, мстителем за всю жестокость, проявленную к немецкому народу… Солдат должен понимать необходимость наказания еврейства – носителя самого духа большевистского террора. Это требуется и для того, чтобы подавлять в зародыше все беспорядки, которые затеваются преимущественно евреями… Нельзя допускать, чтобы из-за несознательности населения борьба большевиков получала поддержку за линией фронта… Пассивность многочисленных элементов, якобы враждебных Советам, должна смениться ярко выраженной готовностью активно участвовать в борьбе против большевизма. Где такой готовности нет, она должна быть внедрена путем применения соответствующих мер» [199].

Фон Манштейн также выполнял директиву № 1А1388/42 Верховного главнокомандования вермахта от 16 декабря 1942 г. «О борьбе с бандами» [200]. Под «бандами» подразумевались партизаны, против которых следовало применять самые жестокие средства «без ограничения, также против женщин и детей, если это только способствует успеху». При этом «ни один немец, участвующий в боевых действиях против банд, за свое поведение

в бою против бандитов и их сообщников не может быть привлечен к ответственности ни в дисциплинарном, ни в судебном порядке».

На Нюрнбергском процессе были приведены убедительные свидетельства того, что в 56-м танковом корпусе и в 11-й армии, которыми командовал фон Манштейн, все приказы и директивы командования вермахта неукоснительно выполнялись. Заместитель Главного обвинителя от СССР полковник юстиции Ю.В. Покровский 13–14 февраля 1946 г. говорил:

«О наличии предварительного инструктажа свидетельствовал и солдат штабной роты 8-й танковой дивизии Гарри Марек из района Бреславля: “21 июня, за день до начала войны, мы от наших офицеров получили следующий приказ: комиссаров Красной Армии необходимо расстреливать на месте, ибо нечего с ними церемониться… О наличии директивы истреблять политработников Красной Армии свидетельствовал солдат 2-й роты 3-го отряда истребителей танков Вольфганг Шарте из Гердгардсхагена близ Брауншвейга: “Если вы по пути встретите русских комиссаров, которых можно узнать по советской звезде на рукаве, и русских женщин в форме, то их немедленно нужно расстреливать. Кто этого не сделает и не выполнит приказа, тот будет привлечен к ответственности и наказан”».

Мы знаем, что 8-я танковая дивизия входила в состав корпуса, а 3-й отряд истребителей танков действовал в составе 11-й армии. И корпусом, и армией командовал фон Манштейн.

6 января 1942 г. в ноте наркома иностранных дел В.М. Молотова было объявлено о массовых убийствах в Керчи [201]. В акте чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немцев в городе Керчи были приведены многочисленные примеры данных преступлений [202].

После того, как 16 ноября 1941 г. войска Красной Армии оставили Керчь, вся полнота власти в ней перешла в руки командира 42-го армейского корпуса генерала фон Шпонека и его 26-й пехотной дивизии. Непосредственное руководство городом осуществляла военная комендатура. 24 ноября на улицах города был расклеен приказ, требующий от всех евреев под угрозой строгого наказания в трехдневный срок зарегистрироваться в помещениях гестапо и городской управы, а также носить шестиконечные звезды. 28 ноября появился новый приказ военного коменданта, обязавший евреев на следующий день явиться на Сенную площадь города, «имея запас продовольствия на три дня». По воспоминаниям свидетелей, на площади собралось около 7 тыс. человек всех возрастов, немецкие же документы говорят лишь о 2,5 тыс. человек. Все они были отправлены в городскую тюрьму, а затем с 1 по 3 декабря

расстреляны в четырех километрах от города, в противотанковом рву близ поселка Багерово. 28 декабря, уже после высадки на полуострове советского десанта, немцы стали хватать и расстреливать русских и украинцев призывного возраста из поселков Старый Карантин и Камыш-Бурун, находившихся рядом с местами высадки десантов. Всего таким образом было убито не менее 273 мужчин. 30 декабря, при оставлении Керчи, были расстреляны все заключенные, находившиеся в городской тюрьме, – еще около 300 человек. По той же схеме происходили и события в Феодосии, которая 3 ноября была занята войсками 11-й армии. Здесь было расстреляно, согласно показаниям очевидцев, около 2 тыс. человек (по немецким документам их было около 800). 12 декабря было расстреляно 245 крымчаков – горских евреев [203].

11-й армии была придана «Einsatzgruppa D», командование которой в конце декабря 1941 г. сообщало в Берлин:

«Симферополь, Евпатория, Алушта, Карасубазар, Керчь, Феодосия и другие районы Западного Крыма освобождены от евреев. С 16 ноября по 15 декабря 1941 г. 17 646 евреев, 2504 крымчака, 824 цыгана и 212 коммунистов и партизан расстреляны. В общей сложности 75 881 человек был казнен [имеется в виду – с июля 1941 года]. Слухи о казнях в других районах осложнили проведение акции в Симферополе. Отчеты об акциях против евреев постепенно просочились от бежавших евреев, русских, а также из оговорок немецких солдат» [204].

О действиях «Einsatzgruppa D» не мог не знать командующий 11-й армией. Начальник III управления [205]главного имперского управления безопасности О. Олендорф, выступавший в качестве свидетеля на заседании международного военного трибунала, на допросе 3 января 1946 г. показал, что с июня 1941 г. до июня 1942 г. он руководил оперативной группой «D» и был уполномоченным начальника полиции безопасности и СД при 11-й армии.

Полковник Д.Х. Эймен, юрист американской армии, как «прикомандированный обвинитель» от США задал Олендорфу следующий вопрос:

– Скажите Трибуналу, каким образом командующий 11-й армией направлял или наблюдал за деятельностью оперативной группы «D» в то время, как она проводила свои операции по ликвидации?

– В Николаеве был получен приказ 11-й армии, – ответил Олендорф, – касавшийся того, что ликвидация должна проводиться только на расстоянии не менее 200 километров от штаб-квартиры главнокомандующего.

– Скажите, вы помните какие-нибудь другие случаи? – спросил Эймен.

– В Симферополе со стороны армии было дано распоряжение соответствующим оперативным командам, – отвечал Одендорф, – касающееся ускорения ликвидации, причем обосновывалось это тем, что в этой области свирепствовал голод и не хватало жилищ.

– Скажите, знаете ли вы, сколько всего человек было уничтожено и ликвидировано оперативной группой «D» за период вашего руководства?

– С июня 1941 года по июнь 1942 года оперативные команды сообщили, что уничтожено примерно 90 000 человек.

– Участвовали ли в массовых казнях военные подразделения – армейские подразделения, я хочу сказать? – спросил полковник юстиции Ю.В. Покровский.

– Как правило, нет, – ответил Олендорф.

– А как исключение? – задал новый вопрос Покровский.

– Насколько я помню, как в Николаеве, так и в Симферополе время от времени присутствовал представитель от командования армии, присутствовал как зритель.

– С какой целью? – спросил Покровский.

– Этого я не знаю. Вероятно, для личной информации.

– А воинские части выделялись в этих местах для исполнения казни? – последовал вопрос Покровского.

– Официально армия не выделяла никаких подразделений для этой цели, так как армия вообще была против этого мероприятия, – сказал Олендорф.

– А фактически? – спросил Покровский.

– Отдельные подразделения добровольно ставили себя в распоряжение этих команд, – ответил Олендорф. – Однако я не знаю такого случая в армии, исключая вспомогательный состав армии (обоз).

После неудачной высадки советского десанта 7 января 1942 г. за помощь десантникам в Евпатории армейскими частями было расстреляно, по немецким отчетным данным, 1306 человек [206]. В Севастополе и его окрестностях в 11-й армии использовались военнопленные для разминирования. По воспоминаниям старшины 1-й статьи Н.Н. Алексеенко из 279-го отдельного батальона связи 109-й стрелковой дивизии, он содержался в лагере на Куликовом поле. Всего здесь находилось около 4,5 тыс. пленных. В составе группы из 200 человек Алексеенко был взят для разминирования минных полей в районе Мекензиевых гор. Процесс разминирования заключался в том, что пленные двигались по минному полю двумя шеренгами по сотне человек в каждой с расстоянием между людьми в один-полтора метра.

После каждого прохода в первой шеренге оставалось в живых человек 16. Тех, кто получил ранения при подрывах на минах, пристреливали [207].

Еще не завершилась зимняя кампания, а советская Ставка ВГК уже приступила к планированию очередной военной кампании 1942 года. Стратегический замысел теперь сводился к тому, чтобы в мае провести крупную наступательную операцию на юго-западном направлении силами Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов. На остальных направлениях намечалось перейти к стратегической обороне и одновременно осуществить ряд частных наступательных операций с ограниченными целями. В дальнейшем предусматривалось развернуть общее наступление по всему фронту от Балтики до Черного моря.

Верховное главнокомандование вермахта также вело работу по планированию новой кампании. 11 апреля 1942 г. на совещании с командованием Сухопутных войск Гитлер дал указание подготовить документы, необходимые для осуществления плана летнего наступления на южном участке Восточного фронта. Операция получила кодовое наименование «Blau» («Синий») и планировалась в три этапа. На первом этапе («Blau-I») предусматривалось силами группы армий «Юг» осуществить прорыв на Воронеж. На втором этапе («Blau-II») намечалось развернуть наступление по сходящимся направлениям вдоль правого берега Дона и из района Таганрога в общем направлении на Сталинград. На третьем этапе («Blau-III») предполагалось всеми силами вторгнуться на Кавказ. С целью скрыть направление главного удара в летней кампании штаб группы армий «Центр» по указанию руководства вермахта разработал дезинформационную операцию под кодовым наименованием «Кремль». 29 мая был подписан секретный приказ о наступлении на Москву. Он был составлен в 22 экземплярах, в то время как другие приказы составлялись в 10–16 экземплярах. Естественно, что его содержание стало известно командованию Красной Армии – об этом позаботились. Для большей убедительности по плану операции «Кремль» осуществлялись мероприятия, имитирующие подготовку наступления в группе армий «Центр»: аэрофотосъемка московских оборонительных позиций; радиодезинформация; размножение планов Москвы и крупных городов; ложная перегруппировка войск.

Анализ планов двух Ставок показывает, что они ставили перед собой решительные цели, но для их осуществления были избраны различные способы. План Верховного главнокомандования вермахта строился на нанесении упреждающего удара с последовательным разгромом

противостоящих войск Красной Армии и сосредоточением всех усилий на одном решающем стратегическом направлении.

План советской Ставки основывался на принципе: одновременно и обороняться и наступать. А, как известно, за двумя за зайцами погонишься, ни одного не поймаешь. Такое решение усугублялось и рядом других просчетов. Во-первых, неверно оценивался возможный план действий командования вермахта, прежде всего направление его главного удара. Считалось, что германские войска будут снова наступать на Москву. Соответственно определялась расстановка сил, в том числе группировка стратегических резервов. Во-вторых, игнорировались дезинформационные действия противника, которые таким образом достигли своей цели. В-третьих, ошибочно оценивались состояние своих войск и реально складывавшееся соотношение сил, так как считалось, что уже достигнуто существенное превосходство над врагом. Но это не соответствовало истине. К 1 мая 1942 г. в составе действующих фронтов насчитывалось 5,6 млн человек, около 5 тыс. танков, 41 тыс. орудий и минометов, 4,2 тыс. боевых самолетов [208]. Противник на Восточном фронте имел с учетом союзников 6,5 млн человек, 57 тыс. орудий и минометов, более 3 тыс. танков, 3,4 тыс. боевых самолетов [209]. Следовательно, он превосходил Красную Армию в 1,1 раза в живой силе и в 1,4 раза в орудиях и минометах, уступая ей в 1,6 раза в танках и в 1,2 раза в самолетах. Такое соотношение предопределило высокую напряженность предстоящей борьбы.

В мае 1942 г., практически в одно и то же время, развернулись ожесточенные сражения под Ленинградом и Демянском, в Крыму и под Харьковом. Войска Северо-Западного фронта, проводившие Демянскую операцию, не сумели добиться успеха, и в результате соединения вермахта удерживали свои оборонительные позиции на этом направлении вплоть до весны 1943 г.

17 мая 1942 г. войска группы армий «Юг», пытаясь сорвать наступление Южного фронта на Харьков, нанесли мощные контрудары по его правому крылу, вынудив начать отход на север и северо-восток. За двое суток противник продвинулся на 50 км и вышел во фланг Юго-Западному фронту, угрожая его тылам. В окружение попали войска 6-й и 57-й армий. Это была очередная катастрофа в Красной Армии: Южный и Юго-Западный фронты потеряли свыше 270 тыс. человек, 775 танков, более 5 тыс. орудий и минометов [210].

Не лучшим образом сложилась и обстановка на юге. Войска 11-й армии вели подготовку к наступлению на Керченском

полуострове, где оборонялись войска 44-й и 51-й армий. По указанию фон Манштейна штаб 11-й армии разработал план операции под кодовым названием «Trappenjagd» («Охота на дроф»). Ее замысел заключался в том, чтобы нанести главный удар на южном участке, вдоль побережья Черного моря, то есть в том месте, где командование Крымским фронтом меньше всего его ожидало. Эта задача возлагалась на 30-й армейский корпус, которому предстояло прорвать оборону на Парпачском перешейке, захватить плацдарм по ту сторону противотанкового рва и этим обеспечить 22-й танковой дивизии возможность преодолеть ров. Затем корпус должен был повернуть на северо-восток и позже на север, чтобы ударить во фланг и в тыл основным силам Крымского фронта, занимавшим оборону на северном участке, окружить их у северного побережья Керченского полуострова во взаимодействии с немецким 42-м армейским и румынским 7-м армейским корпусами. Поддержка корпуса с воздуха возлагалась на 8-й авиационный корпус барона М. фон Рихтгофена.

Открытый восточный фланг 30-го армейского корпуса от возможного удара советских войск со стороны Керчи должна была прикрыть моторизованная бригада полковника фон Гроддека, сформированная из немецких и румынских моторизованных частей. На центральном участке оставалась 170-я пехотная дивизия, получившая задачу ввести советское командование в заблуждение, а затем продвигаться вслед за наступающими на южном участке войсками. На севастопольском направлении фон Манштейн оставил 54-й армейский корпус, 72-ю пехотную дивизию и румынскую 19-ю пехотную дивизию, сменившую немецкую 50-ю пехотную дивизию. 4-я горная бригада румынского горного корпуса прикрывала весь Южный берег Крыма от возможных внезапных нападений советских войск.

С целью облегчить прорыв парпачского рубежа обороны фон Манштейн решил провести морскую десантную операцию. На штурмовых лодках планировалось на рассвете перебросить по морю из Феодосии один батальон пехоты в тыл парпачского рубежа. По указанию фон Манштейна штаб 11-й армии разработал план дезинформации советских войск. Помимо демонстрации подготовки к наступлению путем ведения ложных радиопереговоров, предусматривались проведение ложной артиллерийской подготовки на северном и центральном участках, а также передвижение войск на этих же участках. Эти мероприятия сыграли свою роль, так как командование Крымским фронтом держало свои основные резервы позади северного фланга.

К началу операции 11-я армия насчитывала 150 тыс. человек, 2472 орудия и миномета, 180 танков и 700 самолетов. Войска Крымского фронта (47, 51 и 44-я армии) имели 296 тыс. человек, 4653 орудия и миномета, 213 исправных танков и 406 исправных самолетов. Они занимали главную полосу обороны протяженностью 27 км и глубиной не более 4 км. На правом фланге была создана вторая полоса обороны. Фронтовой тыловой рубеж проходил по позициям Турецкого вала и керченского оборонительного обвода, которые в инженерном отношении дооборудованы не были и войсками не занимались.

Накануне наступления фон Манштейну пришлось расстаться со своим начальником штаба генералом Веллером, который был назначен начальником штаба группы армий «Центр». Новым начальником штаба 11-й армии стал генерал Ф. Шульц, который до этого командовал корпусом.

Операция «Охота на дроф» началась 8 мая 1942 г. Части 30-го армейского корпуса нанесли удар по левому крылу Крымского фронта, где оборонялась 63-я горнострелковая дивизия 44-й армии. Они преодолели противотанковый ров и прорвали первую оборонительную позицию. Высадка десанта прошла успешно, застигнув врасплох части 44-й армии. Фон Манштейн, верный своему принципу находиться в центре событий, развернул передовой командный пункт в непосредственной близости от войск. Бои носили исключительно ожесточенный характер. Но фон Манштейну удалось сломить сопротивление войск Крымского фронта. Во второй половине дня 10 мая он ввел в сражение 22-ю танковую дивизию, которая стремительно вышла на северное побережье Черного моря. Примерно 8 советских дивизий оказались в созданном ею котле. Фон Манштейн сразу же отдал приказ о преследовании войск 47-й и 51-й армий.

13 мая соединения 11-й армии прорвали укрепления Турецкого вала, а на следующий день заняли окраины Керчи. Это вынудило Ставку ВГК 14 мая принять решение об эвакуации в ночь на 15 мая войск Крымского фронта на Таманский полуостров. В течение пяти суток было эвакуировано около 120 тыс. человек, в том числе свыше 23 тыс. раненых [211]. В тылу противника в районе Аджимушкайских каменоломен продолжали сражаться части войск фронта, не успевшие эвакуироваться с Керченского полуострова, и местное население. 16 мая 170-я пехотная дивизия и 213-й пехотный полк захватили Керчь.

Крымский фронт потерпел сокрушительное поражение. Его безвозвратные потери составили 162 282 человека, а санитарные – 14 284 человека. По сведениям фон Манштейна, в плен было захвачено около 170 тыс. пленных, а в качестве

трофеев 1133 орудия и 258 танков [212]. За поражение Крымского фронта были смещены, понижены в должности и в звании командующий фронтом генерал Д.Т. Козлов, член военного совета дивизионный комиссар Ф.А. Шаманин, командующие 44-й и 47-й армиями генералы С.И. Черняков и К.С. Колганов, командующий авиацией фронта генерал Б.М. Николаенко. Был снят с должности и направлен в распоряжение Генштаба начальник штаба фронта генерал П.П. Вечный. Представитель Ставки Л.З. Мехлис лишился постов заместителя наркома обороны и начальника Главного политического управления Красной Армии, а также был понижен в звании до корпусного комиссара.

Потеря Керченского полуострова поставила в тяжелое положение советские войска, защищавшие Севастополь. Операции по его захвату фон Манштейн дал кодовое название «Störfang» («Лов осетра»). Ее замысел заключался в том, чтобы развернуть наступление в северной и южной частях восточного участка, одновременно сковывая советские войска в центре на участке Мекензия, Верхний Чогунь. На 54-й армейский корпус возлагалась задача по захвату северного берега бухты Северной и высоты у села Гайтаны, а на 30-й армейский корпус – овладение Сапун-горой. Румынская 18-я горная дивизия должна была прикрывать левый фланг 54-го армейского корпуса, а 1-я горная дивизия – поддержать наступление северного фланга 30-го армейского корпуса путем захвата «Сахарной головы». Охрана Керченского полуострова и южного берега Черного моря была возложена на 46-ю пехотную дивизию 42-го армейского корпуса и румынский 7-й армейский корпус. За пять дней до начала наступления ударами авиации и огнем артиллерии, в том числе большой мощности, предусматривалось уничтожить резервы советских войск, подавить артиллерию, разрушить оборонительные сооружения на переднем крае и нарушить коммуникации.

Фон Манштейн, планируя операцию «Störfang», предусматривал за пять дней до начала наступления пехоты огнем артиллерии и бомбовыми ударами разгромить резервы Севастопольского оборонительного района и нарушить его коммуникации. Затем артиллерии предстояло методическим огнем в течение пяти дней подавить артиллерию противника и разрушить оборонительные сооружения, расположенные на передовых рубежах. Одновременно 8-й авиационный корпус непрерывно производил налеты на Севастополь, порт, тылы и аэродромы.

Для разрушения оборонительных сооружений 54-й армейский

корпус располагал вместе с входящими в него дивизиями 56 батареями тяжелой артиллерии и артиллерии большой мощности, 41 батареей легкой артиллерии, 18 минометными батареями и двумя дивизионами самоходных артиллерийских установок [213]. Особые надежды командующий 11-й армией возлагал на пушечные батареи с орудиями калибра 190 мм, батареи гаубиц и мортир калибра 305, 350 и 420 мм. Кроме того, имелись два специальных орудия калибра 600 мм и знаменитая пушка «Дора» калибра 800 мм. Ее спроектировали для разрушения наиболее мощных сооружений линии Мажино, но там она не применялась. Теперь ее решили применить под Севастополем. Для того чтобы доставить «Дору» на огневую позицию, потребовалось задействовать около 60 железнодорожных составов и проложить специально железнодорожные пути. Правда, фон Манштейн не очень высоко оценивает эффективность применения этого чуда артиллерийский техники. Единственное, что ей удалось, так это одним выстрелом уничтожить большой склад боеприпасов на северном берегу бухты Северной, укрытый в скалах на глубине 30 м.

В 30-м армейском корпусе имелось 25 батарей тяжелой артиллерии и артиллерии большой мощности, 25 батарей легкой артиллерии, 6 минометных батарей, один дивизион самоходных артиллерийских установок. Кроме того, корпусу был придан 300-й отдельный танковый батальон, имевший на вооружении танки – носители взрывных зарядов, управляемые на расстоянии. В румынском горном корпусе насчитывались 12 тяжелых и 22 легкие батареи.

К началу операции войска 11-й армии насчитывали около 204 тыс. человек, 450 танков, более 2 тыс. орудий и минометов, 600 самолетов. В составе Севастопольского оборонительного района имелось 106 тыс. человек, 600 орудий и минометов, 38 танков и 53 исправных самолета [214]. Он уступал войскам 11-й армии в личном составе в 1,9 раза, в танках – в 11,8, в орудиях и минометах – в 3,3 и в самолетах – в 11,3 раза.

Накануне наступления фон Манштейн выехал на южный берег Черного моря, чтобы ознакомиться с положением в 30-м армейском корпусе. Затем совершил поездку до Балаклавы на итальянском торпедном катере с целью определить, в какой степени прибрежная дорога, по которой обеспечивалось снабжение корпуса, могла просматриваться с моря и обстреливаться корректируемым огнем. На обратном пути у самой Ялты два советских истребителя неожиданно атаковали катер. В результате из 16 человек, находившихся на борту, семеро

были убиты и ранены. Погиб и водитель командующего 11-й армией обер-фельдфебель Фриц Нагель. Катер загорелся. Адъютант фон Манштейна, которого он любовно называл «Пепо», прыгнул в воду, доплыл до берега, задержал там грузовик, на котором домчался до Ялты, где вызвал хорватскую моторную лодку, которая и отбуксировала катер в порт.

Перед началом операции небольшая оперативная группа штаба 11-й армии вместе с командующим выехала на фронт и расположилась на командном пункте в татарском селении Юхары-Каралес. На скалистой вершине, поднимающейся над деревней, был оборудован наблюдательный пункт командарма.

Утром 7 июня после мощной артиллерийской подготовки и ударов авиации соединения 11-й армии перешли в наступление. В первый день при поддержке крупных сил артиллерии и 8-го авиационного корпуса удалось преодолеть ущелье Камышлы и долину р. Бельбек и закрепиться на господствующих высотах южнее долины. В дальнейшем развернулись тяжелые бои за каждую пядь земли. Защитники Севастополя ожесточенными контратаками пытались остановить войска 11-й армии. 13 июня после упорного боя 16-й пехотный полк 22-й пехотной дивизии овладел фортом Сталин. К 17 июня части 11-й армии ценой больших потерь на широком участке вклинились в долговременный оборонительный рубеж на севере, захватив оборонительные сооружения второй линии обороны. В полосе наступления 30-го армейского корпуса удалось вклиниться в передовые оборонительные посты, находившиеся в районе Сапун-горы. Части 72-й пехотной дивизии в ходе тяжелых боев овладели укрепленными опорными пунктами первой оборонительной зоны, а 170-я пехотная дивизия заняла Камары. Севернее румынская 1-я горнострелковая дивизия после многократных безуспешных атак захватила «Сахарную голову». Части 28-й легкой пехотной дивизии медленно с боями продвигались в прибрежных горах с отвесными скалами.

Большие потери, понесенные 132-й пехотной дивизией, вынудили командира 54-го армейского корпуса временно отвести ее в тыл. Дивизию сменили полки 46-й пехотной дивизии, переброшенной с Керченского полуострова. Ее, в свою очередь, сменила 24-я пехотная дивизия, снятая с левого фланга корпуса. В это время Главное командование Сухопутными войсками потребовало от фон Манштейна ускорить наступление, планируя снять 8-й авиационный корпус с крымского участка для переброски на Украину. Командующему 11-й армией с трудом удалось отстоять авиационный корпус.

18 июня войска 11-й армии вышли к Северной бухте,

Инкерману и Сапун-горе. К утру 26 июня они захватили почти весь внешний обвод крепости. Защитники Севастополя отошли внутрь крепости, северную часть фронта которой образовывали крутые высоты по южному берегу бухты Северная, в то время как ее восточный фронт проходил от высот Инкермана через Сапунские высоты до скал в районе Балаклавы. Перед фон Манштейном встала проблема: как прорвать этот внутренний пояс крепости. Он после выхода 22-й пехотной дивизии на северный берег бухты Северная направился туда, чтобы на месте оценить обстановку. Взору командующего армией предстала бухта шириной 800—1000 м, на противоположной стороне справа – город Севастополь, а прямо перед фон Манштейном – обрывистые прибрежные высоты, усеянные укреплениями. В результате рекогносцировки командующий 11-й армией решил с этого направления уничтожить позицию на Сапун-горе, считая, что противник менее всего ожидает наступления через бухту Северная.

В окончательном виде решение фон Манштейна состояло в следующем. Утром 29 июня предстояло начать генеральное наступление на внутреннюю часть крепости: в полосе 54-го армейского корпуса – через бухту Северная, в полосе 30-го армейского корпуса – на Сапунские высоты. С целью скрыть подготовку удара через бухту Северная авиация 8-го авиационного корпуса наносила непрерывные удары по Севастополю. Одновременно на воду были спущены штурмовые лодки, на которых в час ночи 29 июня от северного берега отчалил первый эшелон 24-й и 22-й пехотных дивизий.

Переправа оказалась неожиданной для защитников Севастополя. Десант, а затем и другие части 54-го армейского корпуса начали атаку Сапун-горы. На левом фланге корпуса 50-я пехотная дивизия и введенная в бой 132-я пехотная дивизия (с полками 46-й пехотной дивизии) из района Гайтаны и южнее начали атаку высот в районе Инкермана и южнее его. Их поддержала артиллерия, расположенная на северном берегу бухты Северная. Одновременно начали наступление на правом фланге части румынского горнострелкового корпуса, а также 30-й армейский корпус, поддержанный дальнобойными батареями 54-го армейского корпуса и 8-м авиационным корпусом.

В ходе ожесточенных боев войскам 11-й армии удалось 30 июня прорваться на Корабельную сторону, где шли упорные бои за Малахов курган. Вечером остатки войск Севастопольского оборонительного района по приказу Ставки ВГК стали отходить из Севастополя к бухтам Камышевая, Казачья и на мыс Херсонес, где до 4 июля продолжали боевые действия, а в районе Херсонеса

до 9 июля. Часть защитников Севастополя была эвакуирована, а часть прорвалась в горы к партизанам.

Фон Манштейн, овладев Севастополем, испытывал подлинную гордость за свои войска. Весь Крым был теперь в их руках. Он показал, что способен решать крупные задачи, имевшие важное военное и политическое значение. 1 июля в штаб 11-й армии поступила телеграмма следующего содержания:

«Командующему Крымской армией генерал-полковнику фон Манштейну

С благодарностью отмечая Ваши особые заслуги в победоносно проведенных боях в Крыму, увенчавшихся разгромом противника в керченском сражении и захватом мощной Севастопольской крепости, славящейся своими естественными препятствиями и искусственными укреплениями, я присваиваю Вам чин генерал-фельдмаршала. Присвоением Вам этого чина и учреждением специального знака для всех участников крымских боев я перед всем немецким народом отдаю дань героическим подвигам сражающихся под Вашим командованием войск. Адольф Гитлер» [215].

Итак, фон Манштейн получил маршальский жезл. Теперь ему предстояло оправдать это высокое воинское звание.

Глава 4
«Зимняя гроза»

После успешного завершения операции по захвату Севастополя фон Манштейн и его войска получили несколько недель отдыха. По приглашению маршала Антонеску командующий 11-й армией вместе с женой и сыном Геро в течение недели отдыхал в Карпатах. Однажды семью Манштейнов пригласили на завтрак к королю Михаю и его матери, королеве Елене.

Фон Манштейн, вернувшись из отпуска в Крым, неожиданно получил новое назначение. Гитлер, вдохновленный успехами командующего 11-й армией, решил использовать его опыт штурма и захвата такого сильно укрепленного города, как Севастополь, для решения задачи по окружению Ленинграда, а в дальнейшем, при необходимости, и овладения им. 12 августа 1942 г. фон Манштейну было приказано перебросить войска 11-й армии (штабы 54-го и 30-го армейских корпусов, 24, 132, 170-я пехотные и 28-я горнострелковая дивизии) под Ленинград.

27 августа переброска войск была завершена. Они заняли часть полосы обороны 18-й армии, обращенную на север, в то время как за этой армией оставалась восточная часть фронта по Волхову. Фон Манштейну были подчинены 12 дивизий, в том числе испанская «Голубая дивизия», одна танковая и одна горнострелковая дивизии, а также бригада СС. Из этих сил две дивизии действовали на Невском участке и две – на Ораниенбаумском, так что для наступления на Ленинград оставалось девять с половиной дивизий.

Фон Манштейн, изучив обстановку, принял решение массированным артиллерийским огнем и ударами авиации разрушить оборону советских войск, а затем силами трех корпусов прорвать ее южнее Ленинграда и выйти к окраине города. После этого намечалось повернуть два корпуса на восток, чтобы с ходу внезапно форсировать Неву юго-восточнее Ленинграда. Они должны были уничтожить советские войска, оборонявшиеся между рекой и Ладожским озером, перерезать пути подвоза через это озеро и вплотную охватить Ленинград кольцом также и с востока.

Планы фон Манштейна сорвали войска Волховского фронта, которые предприняли наступление с целью прорыва блокады Ленинграда в районе шлиссельбургско-синявинского выступа, образовавшегося в результате выхода немецких войск к южному

побережью Ладожского озера в сентябре 1941 г.

«Но, к сожалению, в то время никто из нас не знал, – вспоминал маршал Советского Союза К.А. Мерецков, командовавший в то время Волховским фронтом, – *что немецкое командование готовило в те же дни операцию по окончательному овладению Ленинградом, перебросило для усиления своей группы армий "Север" значительную часть войск из Крыма и дополнительно сосредоточило на подступах к блокированному городу крупные силы артиллерии и авиации, возложив общее руководство операцией на генерал-фельдмаршала Манштейна. Всего этого мы не знали и находились в неведении относительно мероприятий противника… Впрочем, противник, в свою очередь, ничего не знал о подготовке нашего наступления. Следует признать, что обе стороны сумели осуществить подготовку операций скрытно, с широкими мерами маскировки и искусной дезинформацией»* [216].

27 августа войска 8-й армии Волховского фронта, перейдя в наступление, форсировали Черную речку и к исходу следующего дня вышли на подступы к Синявину. Вечером 4 сентября фон Манштейну позвонил Гитлер. Он заявил, что необходимо немедленное вмешательство в обстановку на волховском участке, чтобы избежать катастрофы. Командующему 11-й армией предстояло немедленно взять на себя командование этим участком фронта и энергичными мерами восстановить положение.

Фон Манштейн быстро сориентировался в обстановке и решительными мерами, используя имеющиеся под руками силы 11-й армии, остановил войска Волховского фронта. После этого он нанес по ним удар с юга 30-м армейским корпусом и с севера – 26-м армейским корпусом. Им в результате тяжелых боев удалось к 25 сентября окружить 4-й и 6-й гвардейские стрелковые корпуса, 2-ю ударную и 8-ю армии. В плен было захвачено 12 370 человек, уничтожено или захвачено в качестве трофеев 193 орудия и 244 танка [217]. 30 сентября окруженные части предприняли отчаянную попытку прорвать окружение. После отражения этих атак соединения 11-й армии окончательно сжали клещи, соединившись на берегах Черной речки. На ее западном берегу остались части 2-й ударной армии (всего 7722 человека) и 8-й армии (4259 человек). За линию фронта отведено из 2-й ударной армии – 4684 и из 8-й армии – 2610 человек. Потери отходивших с западного берега Черной речки частей 2-й ударной и 8-й армий с 27 по 30 сентября составили 4687 человек убитыми и пропавшими без вести [218].

Войска 11-й армии, успешно справившись с задачей по

восстановлению положения на восточном участке 18-й армии, понесли значительные потери и израсходовали значительную часть боеприпасов, предназначавшихся для наступления на Ленинград. Фон Манштейн вынужден был констатировать, что «о скором проведении наступления не могло быть и речи» [219].

25 октября 1942 г. фон Манштейн был вызван в Винницу, в ставку фюрера, чтобы получить фельдмаршальский жезл. Гитлер сообщил ему, что штаб 11-й армии будет переведен в состав группы армий «Центр» в район Витебска, где имелись признаки предстоящего в ближайшее время крупного наступления советских войск.

31 октября штаб 11-й армии прибыл в район Витебска. В пути фон Манштейн узнал, что 29 октября погиб в бою его старший сын Геро, 19-летний лейтенант 51-го мотострелкового полка 18-й дивизии. Не успел фон Манштейн как следует обосноваться на новом месте, как 20 ноября ему было приказано возглавить группу армий «Дон». Это было высокое признание полководческого мастерства фон Манштейна. Ему предстояло «остановить наступление противника и вернуть утерянные с начала наступления противника позиции».

Речь шла о контрнаступлении советских войск под Сталинградом. Оно началось 19 ноября 1942 г. Всего пять дней понадобилось войскам Юго-Западного и Сталинградского фронтов, чтобы соединиться в районе Калач-на-Дону, хутор Советский. После этого соединения шести армий (64, 57, 21, 65, 24-я и 66-я) они получили возможность развивать наступление на Сталинград, сжимая внутреннее кольцо окружения противника. В окружении оказались 22 дивизии и более 160 отдельных частей общей численностью 330 тыс. человек.

По приказу Главного командования Сухопутными войсками управление группы армий «Дон» формировалось на основе штаба 11-й армии. 24 ноября фон Манштейн и сопровождавшие его лица прибыли в штаб группы армий «Б» в Старобельск, где командующий группой генерал-полковник М. фон Вейхс и начальник штаба генерал пехоты Г. фон Зоденштерн ознакомили его с обстановкой. Группе армий «Дон» предстояло занять оборону в полосе шириной 600 км, от станицы Вешенская на Дону до р. Маныч. В ее состав были включены немецкие 6-я армия [220], оперативная группа «Холлидт», 4-я танковая, остатки румынской 3-й армии и 4-я румынская армия, а также не участвовавшая в боях немецкая 16-я мотопехотная дивизия.

Войсками 6-й армии, окруженной под Сталинградом, командовал 52-летний генерал-полковник Ф. фон Паулюс. Он в 18 часов 22 ноября направил в штаб группы армий «Б» донесение

следующего содержания:

«Армия окружена… Запасы горючего скоро кончатся, танки и тяжелое оружие в этом случае будут неподвижны. Положение с боеприпасами критическое. Продовольствия хватит на 6 дней. Командование армии предполагает удерживать оставшееся в его распоряжении пространство от Сталинграда до Дона и уже принимает необходимые меры. Предпосылкой для их успеха является восстановление южного участка фронта и переброска достаточного количества запасов продовольствия по воздуху. Прошу предоставить свободу действий на случай, если не удастся создать круговую оборону. Обстановка может заставить тогда оставить Сталинград и северный участок фронта, чтобы обрушить удары на противника всеми силами на южном участке фронта между Доном и Волгой и соединиться здесь с 4-й танковой армией. Наступление в западном направлении не обещает успеха в связи со сложными условиями местности и наличием здесь крупных сил противника» [221].

Командующий группой армий «Б» направил это донесение в Генштаб Сухопутных войск, а оттуда оно попало на стол к Гитлеру. Его ответ был кратким: «6-й армии занять круговую оборону и выжидать деблокирующего наступления извне» [222]. Свое решение Гитлер подтвердил радиограммой от 24 ноября: *«6-я армия временно окружена русскими. Я решил сосредоточить армию в районе северная окраина Сталинграда, Котлубань, высота с отметкой 137, высота с отметкой 135, Мариновка, Цыбенко, южная окраина Сталинграда. Армия может поверить мне, что я сделаю все от меня зависящее для ее снабжения и своевременного деблокирования…»* [223].

4-й танковой армией командовал 57-летний генерал-полковник Герман (Херманн) Гот, обладавший большим опытом в области оперативного использования танковых соединений. Небольшого роста, худощавый, всегда бодрый, подвижный и приветливый. «Свою точку зрения он излагал всегда очень ясно и определенно, – подчеркивает фон Манштейн. – Он проявлял большую гибкость в управлении войсками» [224]. Войска 4-й танковой армии в предыдущих боях понесли большие потери. Поэтому на ее усиление из состава группы армий «А» были переданы штаб 57-го танкового корпуса с 6-й, 23-й танковой и 15-й авиаполевой дивизиями.

Армейская группа «Холлидт» развертывалась в полосе румынской 3-й армии. Она включала 62, 294, 335-ю пехотные дивизии, штаб 48-го танкового корпуса с 11-й и 22-й танковыми, 3-й горнострелковой, 7-й и 8-й авиаполевыми дивизиями. Группой командовал 51-летний генерал К.А. Холлидт, который,

по оценке фон Манштейна, был серьезным человеком с цельным характером и с большой силой воли. *«Он, может быть, и был без больших претензий, но зато отличался ясным, трезвым умом и объективностью суждения,* – пишет фон Манштейн. – *На него вполне можно было положиться. Будучи пехотинцем, он особенно остро переживал исход боевых действий войск, который при сложившейся обстановке не мог не отражаться на его настроении»* [225].

Всего группа армий «Дон» имела до 30 дивизий, в том числе шесть танковых и одну моторизованную, не считая соединений, окруженных под Сталинградом. Перед войсками Юго-Западного фронта находились 17 дивизий, а 13 дивизий, объединенных в армейскую группу «Гот», противостояли войскам 5-й ударной армии и 51-й армии Сталинградского фронта.

26 ноября фон Манштейн прибыл в Новочеркасск, где развернулся штаб группы армий «Дон». На следующий день фон Манштейн официально вступил в новую должность. Он, тщательно изучив сложившуюся обстановку, сообщил по телефону начальнику Генерального штаба Сухопутных войск:

«Прорыв 6 армии в юго-западном направлении возможен еще и теперь. Ее дальнейшее оставление под Сталинградом означало бы огромный риск ввиду положения с боеприпасами и горючим. Несмотря на это, с оперативной точки зрения в настоящее время следует предпочесть выжидание до тех пор, пока, как намечено, не смогут вступить в действие деблокирующие группы (так как, по нашему мнению, наиболее благоприятные шансы для выхода армии из окружения уже упущены). Однако это станет возможным только в том случае, если будет обеспечено достаточное снабжение 6 армии (по воздуху). Этот вопрос является главным для принятия решения. Операция по восстановлению положения должна быть начата силами, которым необходимо сосредоточиться к началу декабря. Однако для достижения полного успеха необходимо продолжать непрерывное подтягивание сил, так как противник также подводит крупные силы. Изолированный прорыв 6 армии может стать необходимым, если вследствие сильного давления противника не удастся осуществить развертывания новых сил. Как необходимое условие, для того, чтобы можно было пойти на риск отказа от немедленного прорыва 6 армии, требуется ежедневный подвоз по воздуху 400 т грузов» [226].

Фон Манштейн, по собственному признанию, отказался от того, чтобы ультимативно потребовать от Гитлера немедленного прорыва 6-й армии или отдать соответствующий приказ на свой страх и риск. Фон Манштейн полагал, что силы, которые имелись

в его распоряжении, позволяли только временно восстановить связь с 6-й армией и вернуть ей свободу маневра. Но их не хватало для разгрома всех советских войск и овладения по приказу Гитлера позициями, которые были заняты еще до начала наступления. 28 ноября командующий группой армий «Дон» доложил Гитлеру, что, возможно, придется начать наступление еще до прибытия всех сил, предназначенных для деблокирования, особенно армейской группы генерала Холлидта. Фон Манштейн считал, что силами только деблокирующей группы 4-й танковой армии нельзя добиться решающего успеха.

Доклады командиров корпусов и дивизий в штаб группы армий «Дон» свидетельствовали о том, что для подготовки операции с целью деблокирования 6-й армии потребуется значительное время. Переброска армейской группы «Холлидт» и моторизованных частей 23-й танковой дивизии из-за недостаточной пропускной способности дорог осуществлялась медленными темпами. 15-ю авиаполевую дивизию необходимо было сформировать, на что требовалось несколько недель. Артиллерия РГК, которую должна была выделить группа армий «А», не прибыла, за исключением полка тяжелых минометов. Из семи дивизий, предназначенных для деблокирующей группы генерала Холлидта, две (62-я и 294-я пехотные) уже вели боевые действия в полосе румынской 3-й армии. Часть сил 3-й горнопехотной дивизии была передана группам армий «А» и «Центр». 22-я танковая дивизия не представляла собой боеспособной единицы. В итоге фон Манштейн реально мог использовать для деблокады 6-й армии следующие силы: в 4-й танковой армии – 57-й танковый корпус с 2-й танковой дивизией; в армейской группе «Холлидт» – штаб 48-го танкового корпуса с прибывающей 11-й танковой дивизией и 336-й пехотной дивизией.

Под руководством фон Манштейна штаб группы армий «Дон» разработал план операции под кодовым названием «Wintergewitter» («Зимняя гроза»). В соответствии с ним, 4-я танковая армия должна была начать наступление основными силами из района Котельниково восточнее р. Дон. *«…Противник меньше всего будет ожидать такое наступление на восточном берегу Дона,* – считал фон Манштейн, – *так как при существовавшей на фронте обстановке сосредоточение в этом районе крупных сил было бы связано для немцев с большим риском. Поэтому противник вначале выдвинул только относительно слабые силы в направлении на Котельниково для прикрытия внутреннего фронта окружения»* [227].

Часть сил (48-й танковый корпус) должна была нанести удар

в тыл советским войскам с плацдармов на реках Дон и Чир в районе станицы Нижне-Чирская. Если же, полагал Манштейн, количество войск противника перед Котельниковом значительно возрастет, тогда был предусмотрен запасной вариант. Танковые дивизии 4-й танковой армии предусматривалось срочно и скрытно перебросить по западному берегу Дона на север, на донско-чирский плацдарм у Нижне-Чирской, и отсюда нанести главный удар [228].

Войскам 6-й армии предстояло в определенный день по указанию штаба группы армий «Дон» начать прорыв на юго-западном участке в направлении на р. Донская Царица, соединиться с 4-й танковой армией и принять участие в разгроме южного или западного фронта окружения, а также в захвате переправы через Дон у Калача. В соответствии с категорическим приказом Гитлера армия должна была удерживать свои прежние позиции в котле.

Прежде чем продолжить повествование, остановимся на планах советской Ставки. Ее представитель генерал армии Г.К. Жуков 29 ноября направил И.В. Сталину предложения по ликвидации войск, окруженных под Сталинградом. Жуков предполагал, что противник, видимо, будет стараться удержать в своих руках позиции в районе Сталинград, Вертячий, Мариновка, Карповка, совхоз Горная Поляна. Одновременно он намерен в кратчайший срок собрать в районе Нижне-Чирская, Котельниково ударную группу для прорыва фронта советских войск в общем направлении на Карповку, чтобы образовать коридор для питания окруженной группы, а в последующем и вывода ее по этому коридору. При благоприятных условиях такой коридор может быть образован на участке Мариновка, Ляпичев, Верхне-Чирская фронтом на север. Вторая сторона этого коридора, фронтом на юго-восток, будет создана по линии Цыбенко, Зеты, Гниловская, Шебалин.

С целью не допустить соединения нижнечирской и котельниковской группировок противника со сталинградской группировкой и образования коридора генерал армии Жуков предусматривал как можно быстрее отбросить первые две группировки и создать плотный боевой порядок на линии Обливская, Тормосин, Котельниково. В районе Нижне-Чирская, Котельниково намечалось держать две группы танков, не меньше 100 танков в каждой в качестве резерва. Окруженную группировку противника под Сталинградом предлагалось рассечь на две части ударом в направлении Большая Россошка, а навстречу ему нанести удар в направлении Дубининский, высота 135,0. На всех остальных участках перейти к обороне и действовать лишь

отдельными отрядами в целях истощения и изматывания противника. После того, как окруженная группировка будет рассечена на две части, целесообразно в первую очередь уничтожить более слабую группу, а затем всеми силами ударить по группе в районе Сталинграда [229]. С этим предложением согласился и начальник Генерального штаба генерал Василевский.

2 декабря войска Донского фронта под командованием генерала К.К. Рокоссовского перешли в наступление против 6-й армии. Однако ее войска, надеясь на помощь извне и выполняя требование Гитлера, оказали ожесточенное сопротивление. Это наступление, как и повторный удар 4 декабря, были отбиты с большими потерями для соединений фронта. Генерал Рокоссовский несколько раз обращался в Ставку ВГК, аргументируя необходимость приостановки боевых действий для перегруппировки и усиления войск фронта перед ликвидацией 6-й армии. Сталин прислушался к мнению Рокоссовского. 4 декабря он обязал командующих Донским и Сталинградским фронтами не позднее 18 декабря завершить подготовку новой наступательной операции по разгрому окруженной группировки врага. Операция получила кодовое наименование «Кольцо». Для усиления войск Донского фронта направлялась только что укомплектованная 2-я гвардейская армия генерала Р.Я. Малиновского.

3 декабря советское командование крупными силами нанесло удар в направлении на Котельниково, основной пункт выгрузки 57-го танкового корпуса. Однако контратакой 6-й танковой дивизии генерала Э. Раусса удалось на следующий день восстановить положение. В это время обострилась обстановка северо-восточнее Котельникова, где развертывалась 51-я армия. На восточном участке 4-й танковой армии, занятом преимущественно войсками румынской 4-й армии, находившейся в подчинении командующего 4-й танковой армией, обстановка продолжала оставаться спокойной. Без изменений была и обстановка на участке 16-й моторизованной дивизии в районе Элисты.

Значительно более угрожающей становилась обстановка в районе действий на нижнем Чиру румынской 3-й армии и армейской группы «Холлидт». 4 декабря советские войска предприняли наступление с целью прорвать оборону на этом направлении. Командующий группой армий «Дон» вынужден был перебросить для усиления обороны на нижнем Чиру 48-й танковый корпус, а также прибывшие 11-ю танковую и 336-ю пехотную дивизии. В результате армейская группа «Холлидт» лишилась одного из наиболее боеспособных соединений.

11 декабря Сталин потребовал от представителя Ставки ВГК генерала Василевского провести операцию «Кольцо» в два этапа. Первый этап – выход в район Басаргино, Воропоново и не позже 23 декабря ликвидация западной и южной группы противника. Второй этап – общий штурм всех армий обоих фронтов с целью ликвидации основной массы вражеских войск к западу и северо-западу от Сталинграда [230]. Одновременно намечалось силами Юго-Западного фронта и левого крыла Воронежского фронта провести операцию под кодовым наименованием «Сатурн». Ее замысел заключался в том, чтобы разгромить на Среднем Дону основные силы итальянской 8-й армии, армейской группы генерала Холлидта и остатки румынской 3-й армии и развить контрнаступление на сталинградско-ростовском направлении.

К этому времени командующий и штаб группы армий «Дон» завершили подготовку к операции «Wintergewitter». Против армейской группы «Гот», насчитывавшей 124 тыс. человек, 650 танков, 852 орудия и миномета, 500 самолетов, были сосредоточены 5-я ударная и 51-я армии Сталинградского фронта, имевшие 115 тыс. человек, 329 танков, 1133 орудия и миномета, 220 самолетов [231]. Армейская группа «Гот» имела превосходство в 2 раза по танкам и в 2,3 раза по самолетам, но уступала войскам 5-й ударной и 51-й армий в 1,3 раза по орудиям и минометам. Соотношение по живой силе было почти равным.

Наибольшее количество сил и средств фон Манштейн сосредоточил против ослабленной в боях 51-й армии. Она, занимая оборону в полосе шириной около 140 км, насчитывала 34 тыс. человек, 77 танков, 419 орудий и минометов. Соединениям армии противостояли 10 дивизий (6-я и 23-я танковые, 15-я авиаполевая, 4-я пехотная, 5-я и 8-я кавалерийские; остатки 1, 2 и 18-й пехотных дивизий и дивизионная группа «Панвиц»). Они превосходили войска 51-й армии в людях и артиллерии в 2 раза, а в танках – более чем в 6 раз [232].

Войска 5-й ударной армии, обороняясь в районе Нижне-Чирская в полосе шириной до 95 км, насчитывали 71 тыс. человек, 252 танка, 814 орудий и минометов. Им противостояли 336-я пехотная, 7-я авиаполевая и 11-я танковая дивизии противника. В районе Элисты в полосе шириной 130 км занимала оборону 28-я армия, имевшая 44 тыс. человек, 40 танков, 707 орудий и минометов [233]. Перед ней находилась 16-я моторизованная дивизия. Материальное обеспечение 5-й ударной и 51-й армий было недостаточным, особенно в отношении боеприпасов и горючего.

12 декабря войска группы армий «Дон» приступили к

проведению операции «Wintergewitter». 57-й танковый корпус нанес удар вдоль железной дороги Котельниково – Сталинград на участке 51-й армии. Его фланги прикрывали: на востоке, со стороны Волги – румынский 7-й корпус; на западе, со стороны Дона – румынский 6-й корпус.

В ходе ожесточенных боев армейская группа «Гот» прорвала оборону войск 51-й армии и на следующий день вышла в район поселка Верхнекумский. Для усиления армии командующий Сталинградским фронтом генерал-полковник А.И. Еременко вынужден был направить 4-й механизированный корпус (с 18 декабря 3-й гвардейский корпус). По решению И.В. Сталина в 22 часа 10 минут 13 декабря были внесены изменения в план операции «Сатурн» [234]. В директиве, подписанной Сталиным, отмечалось, что операция «Сатурн» была задумана при благоприятной для советских войск обстановке, когда у противника не было еще резервов в районе Боковский, Морозовский, Нижне-Чирская, а 5-я танковая армия успешно наступала в сторону Морозовского. Кроме того, предполагалось, что удар с севера будет поддержан одновременным ударом с востока, в сторону Лихой, а 1-я гвардейская армия будет переброшена в район Калача и использована для развития успеха в направлении Ростов, Таганрог. Однако теперь обстановка изменилась не в пользу советских войск. Войска 5-й танковой и 1-й гвардейской армий «стоят в обороне и не могут двигаться вперед, так как за это время противник успел подвести с запада ряд пехотных дивизий и танковых соединений, которые сдерживают их». Поэтому наступление в сторону Каменск, Ростов не может получить успеха.

С учетом всех этих обстоятельств, в план операции «Сатурн» были внесены следующие изменения. Главный удар предусматривалось нанести не на юг, а на юго-восток, в сторону Нижнего Астахова и с выходом на Морозовский. Этим преследовалась цель взять в клещи боковско-морозовскую группировку противника, пройтись по ее тылам и ликвидировать ее одновременным ударом с востока силами 5-й танковой и 1-й гвардейской армий и с северо-запада силами 3-й гвардейской армии и приданных ей подвижных частей. Прорыв требовалось осуществить в тех же районах, в которых он был задуман по операции «Сатурн». После прорыва предписывалось развернуть наступление на юго-восток в направлении Нижний Астахов, Морозовский, нанести удар по тылам противника, действовавшего против 5-й танковой и 2-й гвардейской армий. Войска 6-й армии Воронежского фронта должны были обеспечить действия главной ударной группировки с запада [235]. Для

поддержки наземных войск выделялись более 300 самолетов 2-й и 17-й воздушных армий. Благодаря решительному массированию сил и средств на участках прорыва удалось создать 2—3-кратное превосходство над противником. Операция, которая должна была начаться 16 декабря, получила теперь наименование «Малый Сатурн» (Среднедонская операция).

В ночь на 14 декабря состоялось совещание командующих Воронежским и Юго-Западным фронтами с представителем Ставки генералом Н.Н. Вороновым, на котором были обсуждены последние изменения в плане операции «Сатурн». При этом командующий Юго-Западным фронтом генерал Н.Ф. Ватутин в резкой форме выразил несогласие с сокращением масштабов операции и потребовал от командующего Воронежским фронтом проводить ее по прежнему плану, то есть с выходом к Азовскому морю. В случае отказа от этого плана он просил передать Юго-Западному фронту 17-й танковый корпус. Этому спору положил конец Сталин, который приказал четко исполнить приказ.

По решению командующего Юго-Западным фронтом войска 5-й танковой армии наносили вспомогательный удар в направлении Морозовск, Тацинская. Она во взаимодействии с 5-й ударной армией Сталинградского фронта должна была уничтожить противника в районе станицы Нижне-Чирской и Тормосино, не допуская его прорыва из этих районов на соединение с окруженной группировкой войск 6-й армии. В дальнейшем 5-й танковой армии предстояло развивать наступление на Морозовск, Ильинку, Тацинскую, Лихую [236].

Три танковых корпуса (18, 24, 25-й) были включены в состав 1-й гвардейской армии. 25-й и 18-й танковые корпуса намечалось ввести в сражение в первый день операции с задачей совместно с пехотой завершить прорыв обороны противника и к исходу второго дня операции во взаимодействии с 3-й гвардейской армией окружить главные силы итальянской 8-й армии. В последующем они должны были наступать в юго-восточном направлении. 24-й танковый корпус планировалось ввести в прорыв для развития успеха в общем направлении на Тацинскую. Чтобы усилить удар танковой группировки 1-й гвардейской армии, Ставка ВГК приказала ввести в сражение в ее полосе в направлении Кантемировка, Волошино также и 17-й танковый корпус, находившийся до этого в составе 6-й армии Воронежского фронта. 1-й гвардейский механизированный корпус, действовавший в составе 3-й гвардейской армии, в первый день операции должен был наступать в западном направлении – на Поповку, содействуя окружению противника южнее Вешенской. В дальнейшем намечалось повернуть корпус на юго-восток для

овладения районом Морозовска.

Представитель Ставки ВГК генерал А.М. Василевский, получив донесение о прорыве обороны 51-й армии, связался по ВЧ с И.В. Сталиным и сказал:

– Прошу вашего разрешения немедленно начать переброску прибывающих частей 2-й гвардейской армии, с тем чтобы, развернув ее на реке Мышкове, остановить Манштейна. Когда же мы его разгромим, можно подумать и о Паулюсе. Он от нас не уйдет. Операцию по разгрому его группировки считаю необходимым отложить.

Против этого предложения выступил командующий Донским фронтом генерал Рокоссовский. Но Сталин одобрил предложение генерала Василевского. 14 декабря Сталин ввиду изменившейся обстановки на юге приказал отложить осуществление первого этапа операции «Кольцо». Войска 2-й гвардейской армии предписывалось форсированным маршем двинуть на юг и расположить в тылу частей, действующих против котельниковской группировки противника, которую предстояло разгромить в первую очередь. От войск Донского и Сталинградского фронтов требовалось «продолжать систематическое истребление окруженных войск противника с воздуха и наземными силами, не давать противнику передышки ни днем, ни ночью, все более сжимать кольцо окружения, в корне пресекать попытки окруженных вырваться из кольца» [237].

К этому времени положение 51-й армии стало крайне тяжелым. Все резервы фронта и армии оказались израсходованными, а фон Манштейн продолжал наращивать силу удара. С целью сорвать наступление войск группы армий «Дон» 16 декабря перешли в наступление войска правого крыла Юго-Западного фронта в районе Среднего Дона (операция «Малый Сатурн»). Танковые корпуса фронта при поддержке артиллерии и авиации мощными таранными ударами прорвали оборону итальянской 8-й армии и начали продвижение на станцию Тацинская.

Генерал фон Манштейн впоследствии отмечал: *«15 декабря нами была обнаружена явная подготовка противника к наступлению перед левым флангом группы армий “Дон” и правым флангом группы армий “Б”. 16 декабря здесь начались атаки противника небольшими силами на отдельных участках. Нельзя было еще определить, хотел ли он только прощупать наш фронт перед решающим наступлением с целью прорыва, как он это часто делал, или же он хотел только приковать наши силы к этому участку, чтобы не дать нам перебросить силы с этого фланга на восточный берег Дона. Однако радиоразведка установила наличие*

новой армии противника (3-я гвардейская армия), что позволило сделать вывод о намерении противника предпринять глубокий прорыв с далеко идущей целью (захват Ростова?)» [238].

19 декабря соединениям 57-го танкового корпуса удалось преодолеть рубеж р. Аксай и продвинуться дальше на север до р. Мышкова. Его передовой отряд находился в 48 км от южного участка внутреннего фронта окружения сталинградского котла. Позади 4-й танковой армии стояли автоколонны с 3 тыс. тонн горючего, боеприпасов и продовольствия для 6-й армии, а также со средствами тяги для ее артиллерии. Все ждали только сигнала для начала движения. Фон Манштейн телеграфировал в Генеральный штаб Сухопутных войск, что необходимо немедленно разрешить войскам 6-й армии начать отход от Сталинграда и осуществить прорыв в юго-западном направлении на соединение с 4-й танковой армией. В связи с тем, что ответ поступил не сразу, фон Манштейн в шесть часов вечера передал окруженной 6-й армии следующий приказ [239]:

«1. 4 танковая армия силами 57-го танкового корпуса разбила противника в районе Верхне-Кумской и вышла на рубеж реки Мышкова у Нижне-Кумской. Корпус развивает наступление против сильной группировки противника в районе Каменка и севернее.

Обстановка на Чирском фронте не позволяет наступать силами западнее реки Дон на Калач. Мост через Дон у Чирской в руках противника.

2. 6-й армии в ближайшее время перейти в наступление "Зимняя гроза". При этом необходимо предусмотреть установление в случае необходимости связи с 57-м танковым корпусом через реку Донская Царица для пропуска колонны автомашин с грузами для 6-й армии.

3. Развитие обстановки может привести к тому, что задача, поставленная в пункте 2, будет расширена до прорыва армии к 57-му танковому корпусу на реке Мышкова. Условный сигнал – "Удар грома". В этом случае очень важно так же быстро установить с помощью танков связь с 57-м танковым корпусом с целью пропуска колонны автомашин с грузами для 6-й армии, затем, используя нижнее течение Карповки и Червленую для прикрытия флангов, наносить удар в направлении на реку Мышкова, очищая постепенно район крепости.

Если позволят обстоятельства, операция "Удар грома" должна непосредственно следовать за наступлением "Зимняя гроза". Снабжение воздушным путем должно быть текущим, без создания значительных запасов. Важно как можно дольше удержать аэродром у Питомника».

Фон Манштейн приказал взять с собой всю технику и

артиллерию, способную самостоятельно передвигаться. Особое внимание требовалось уделить тем орудиям, которые имели боеприпасы.

Для претворения в жизнь этого решения необходимо было попытаться добиться от Гитлера отмены приказа, требовавшего от 6-й армии удерживать Сталинград при любых условиях. Фюрер одобрил решение фон Манштейна о прорыве 6-й армии на юго-запад, но потребовал от нее удерживать восточный, северный и западный участки в районе Сталинграда. Гитлер все еще надеялся, что удастся пробить «коридор», через который можно будет снабжать армию под Сталинградом всем необходимым в течение длительного времени. Фон Манштейн, несмотря на категорическое требование Гитлера, приказал 6-й армии как можно скорее подготовиться к прорыву на юго-запад. Однако командующий армией генерал Ф. фон Паулюс отказался выполнить этот приказ.

Обстановка на фронте постоянно менялась. Особенно сложной она стала на ростовском направлении. 20 декабря танковые корпуса Юго-Западного фронта при поддержке артиллерии и авиации прорвали оборону итальянской 8-й армии. Фон Манштейн, получив известие об этом, немедленно направил Главнокомандующему Сухопутными войсками телеграмму, в которой отметил, что войска Юго-Западного фронта после прорыва обороны итальянцев, возможно, развернут наступление на Ростов, чтобы добиться решающего успеха в сражении против групп армий «Дон» и «А». Однако начальник Генерального штаба Сухопутных войск не смог сразу доложить эту телеграмму Гитлеру, так как последний вел переговоры с итальянской делегацией. И только 22 декабря штаб группы армий «Дон» получил от Главного командования Сухопутных войск указание о том, какой рубеж должна удерживать армейская группа генерала Холлидта. Однако этот рубеж уже был оставлен ее войсками. Просьба фон Манштейна передать для организации непосредственной обороны Ростова одну пехотную дивизию из состава группы армий «А» осталась без внимания.

Тем временем обстановка в полосе группы армий «Дон» становилась все более угрожающей. Во второй половине дня 23 декабря фон Манштейн, стремясь выправить положение на левом крыле группы армий «Дон», вынужден был перебросить туда часть своих сил. Он приказал командующему румынской 3-й армией, оборонявшейся по нижнему течению р. Чир, перегруппировать на левый фланг штаб 48-го танкового корпуса с 11-й танковой дивизией. Из состава 4-й танковой армии предписывалось выделить одну танковую дивизию для занятия

обороны на нижнем Чиру.

Фон Манштейн, принимая меры по стабилизации положения, чувствовал, что инициатива ускользает из его рук. 24 декабря танковые корпуса Юго-Западного фронта, продвинувшись за восемь дней на 100–200 км, овладели станцией Тацинская, которая имела решающее значение для снабжения 6-й армии. Один из танковых корпусов (8-й) вышел в тыл армейской группе генерала Холлидта, продолжавшей вести бои на среднем и верхнем Чиру. Одновременно в наступление перешли войска 2-й гвардейской и 51-й армий при содействии части сил 5-й ударной армии. Главный удар наносила 2-я гвардейская армия с севера, 51-я армия наступала с северо-востока, а ее 13-й танковый и 3-й гвардейский механизированный корпуса осуществляли глубокий охват противника с юга. В первый день наступления советские войска прорвали оборону 57-го танкового корпуса и овладели в полосе 2-й гвардейской армии переправами на р. Мышкова. Введенные в сражение ее подвижные части стремительно продвигались вперед.

В результате были созданы благоприятные условия для окончательного разгрома группировки противника в районе Тормосина, находившейся в опасной близости от окруженных войск 6-й армии. В этой связи генерал Василевский предложил Сталину передать 5-ю ударную армию с 3-м гвардейским кавалерийским корпусом из Сталинградского фронта в состав Юго-Западного фронта. Силами 5-й ударной и 5-й танковой армий, включив в состав последней 23-й танковый корпус, Юго-Западный фронт должен был ликвидировать противника южнее Суровикина, чтобы спрямить линию фронта и отбросить вражеские войска от Чира к р. Россошь [240]. Сталин принял предложение генерала Василевского. В соответствии с директивой № 170715 Ставки ВГК 5-я ударная армия 26 декабря с 12 часов была включена в состав Юго-Западного фронта [241].

Командующий 6-й армией генерал фон Паулюс, ожидая помощи от деблокирующей группировки, 26 декабря направил в штаб группы армий «Дон» донесение, которое было немедленно передано Главному командованию Сухопутных войск. В донесении говорилось:

«Тяжелые потери, мороз и недостаточное снабжение в последнее время значительно снизили боеспособность дивизий. Я вынужден поэтому доложить о нижеследующем:

1. Армия сможет и впредь отбивать атаки небольших сил противника и в течение некоторого времени ликвидировать критические положения на отдельных участках. Необходимой предпосылкой для этого является улучшение снабжения и

переброска по воздуху пополнения.

2. Если русские снимут с фронта генерала Гота крупные силы и с помощью этих и других сил предпримут массированный удар по укрепленному району, то удержать его в течение длительного времени не окажется возможным.

3. Прорыв армии неосуществим, если до этого не будет пробит коридор и не будут пополнены личный состав и запасы армии.

Поэтому я прошу вашего ходатайства перед Главным командованием о том, чтобы были предприняты энергичные меры для деблокирования армии, если только общая оперативная обстановка не требует пожертвовать ею. Само собой разумеется, что армия будет держаться до последней возможности» [242].

Фон Манштейн, получив донесение командующего 6-й армией, искренне стремился ей помочь. Но его тревожила, в первую очередь, угроза прорыва войск Юго-Западного фронта на Ростов на левом крыле группы армий «Дон». Надо было срочно принимать меры для его укрепления. С этой целью фон Манштейн просил Главное командование Сухопутных войск возможно скорее перебросить на фронт армейскую группу, сосредоточение которой уже началось в районе Миллерово, то есть за правым крылом группы армий «Б». Кроме того, фон Манштейн считал необходимым немедленно перебросить из состава 17-й армии группы армий «А» одну дивизию под Ростов, чтобы обеспечить оборону города на его ближних подступах. Наряду с этим предлагалось на левом крыле группы армий «Дон» использовать 7-ю танковую дивизию. В центре оперативного построения группы армий «Дон» намечалось отойти на рубеж рек Дон и Северский Донец. Одновременно фон Манштейн считал необходимым немедленно передать ему для усиления 4-й танковой армии из состава 1-й танковой армии 3-й танковый корпус и одну пехотную дивизию, которые предполагалось использовать для разгрома советских войск, преследующих 4-ю танковую армию. По мнению фон Манштейна, этих сил и 16-й моторизованной дивизии, переброску которой следовало ускорить, было достаточно для того, чтобы начать новое наступление 4-й танковой армии на Сталинград. Командующий группой армий «Дон» полагал, что все эти силы могли прибыть в его распоряжение через шесть дней. Этого времени хватило бы для переброски 6-й армии по воздуху крайне необходимых ей 1 тыс. тонн горючего и 500 тонн продовольствия.

Фон Манштейн был в твердой уверенности в том, что все эти меры и подготовка одновременно прорыва 6-й армии позволят начать прорыв в конце декабря 1942 г. или в начале января 1943 г. К этому времени он рассчитывал, что 4-я танковая армия

сможет возобновить наступление для соединения с 6-й армией. Однако надеждам фон Манштейна не суждено было осуществиться. Гитлер и командующий группой армий «А» отказались высвободить часть сил 1-й танковой армии.

Фон Манштейна ожидало разочарование и на фронте. 27 декабря 7-й танковый корпус 2-й гвардейской армии вышел к Котельникову с запада, а 6-й механизированный корпус обошел его с юго-востока. Танковые и механизированные корпуса 51-й армии прорвались с востока к Шебалину и Заветному, обходя котельниковскую группировку противника с юга. К утру 29 декабря он был выбит из Котельникова. 2-й гвардейский механизированный корпус и правофланговые соединения 2-й гвардейской армии во взаимодействии с частью сил 5-й ударной армии овладели Тормосином, устранив угрозу флангового удара противника. Успешно выполнив поставленные задачи, 2-я гвардейская и 51-я армии к исходу дня 31 декабря вышли на рубеж Тормосин, Пронин, Зимовники и начали подготовку к последующим операциям.

В результате расстояние, отделявшее сталинградскую группировку противника от внешнего фронта окружения, увеличилось до 200–250 км. Наступала неотвратимая катастрофа. В тот же день, когда войска 2-й гвардейской армии заняли Котельниково, Главное командование Сухопутных войск пошло наконец-то навстречу просьбам фон Манштейна. Командующему группой армий «А» предписывалось отойти из района Кавказа на р. Кума, то есть на рубеж Пятигорск, Прасковея (270 км юго-восточнее Сальска). В первую очередь отход должны были совершить соединения 1-й танковой армии, находившиеся на левом крыле группы армий «А». Однако отход совершался медленно, что не позволило армии выйти к р. Кума к началу наступления войск Донского фронта.

Что же в это время происходило в стане противников фон Манштейна?

В связи с передачей 2-й гвардейской армии в состав Сталинградского фронта командующему Донским фронтом генералу К.К. Рокоссовскому пришлось внести значительные поправки в план операции. Идея оставалась прежней: расчленение окруженной группировки 6-й армии на две части, но уже путем нанесения не двух, а одного главного удара с запада на восток. Представитель Ставки ВГК генерал-полковник артиллерии Н.Н. Воронов поддержал командующего Донским фронтом. 27 декабря он направил Сталину план разгрома окруженной 6-й армии [243]. Главный удар намечалось нанести силами Донского фронта (14 стрелковых дивизий, 8 танковых, 32 артиллерийских

и 9 гвардейских минометных полков) в общем направлении на Бабуркин, Хутор Гончара, Сталинградский, поселок Красный Октябрь с целью «расколоть окруженную группировку с запада на восток и последовательно уничтожать ее по частям». Вспомогательные удары предполагалось нанести: силами пяти дивизий 66-й армии в направлении разъезд Древний Вал, хутор Новая Надежда; войсками Сталинградского фронта (4 стрелковые дивизии, 3 мотострелковые и две механизированные бригады, 12 артиллерийских полков, 4 полка РС [244]) – на Кравцов, станция Воропоново.

Выбор направления главного удара был обусловлен тем, что здесь оборонялись понесшие большие потери четыре пехотные (76, 44, 376, 384-я) и одна танковая (14-я) дивизии. Оборона на этом направлении готовилась только после отхода частей противника из-за Дона. Характер местности, изрезанной глубокими балками, идущими с запада на восток, позволял танковым частям Донского фронта свободно маневрировать в глубину. Кроме того, не требовалось проводить сложную перегруппировку войск, так как они занимали выгодное исходное положение.

Срок начала операции зависел от времени прибытия частей усиления, пополнения и боеприпасов Донскому фронту. Кроме того, требовалось дня три на подготовку пополнения к боевым действиям. Исходя из этого, предлагалось начать наступление 6 января 1943 г. Всю операцию предусматривалось разделить на три этапа: первый – уничтожение западной части окруженной группировки и выход на рубеж хутор Новая Надежда, хутор Гончара, Песчанка; второй – уничтожение противника в районе Песчанка, Сталинград, Гумрак; третий – окончательная очистка (частью сил) всего района от отдельных обороняющихся групп противника. Всю операцию планировалось завершить за семь дней.

План, представленный Вороновым, подвергся серьезной критике со стороны Сталина и генерала армии Жукова. В директиве № 170718 Ставки ВГК от 28 декабря отмечалось, что главный недостаток плана заключается в том, что главный и вспомогательный удары идут в разные стороны и нигде не смыкаются, что делает сомнительным успех операции. *«По мнению Ставки Верховного Главнокомандования,* – говорилось в директиве, – *главная ваша задача на первом этапе операции должна состоять в отсечении и уничтожении западной группировки окруженных войск противника в районе Кравцов, Бабуркин, Мариновка, Карповка, с тем, чтобы главный удар наших войск из района Дмитриевка, совхоз № 1, Бабуркин повернуть на*

юг в район станции Карповская, а вспомогательный удар 57-й армии из района Кравцов, Скляров направить навстречу главному удару и сомкнуть оба удара в районе станции Карповская. Наряду с этим следовало бы организовать удар 66-й армии через Орловку в направлении поселка Красный Октябрь, а навстречу этому удару – удар 62-й армии, с тем, чтобы оба удара сомкнуть и отсечь таким образом заводской район от основной группировки противника» [245].

С учетом вышеизложенного было приказано переработать план, завершить операцию по первому этапу в течение 5–6 дней после ее начала. Срок начала операции по первому этапу был утвержден, а план операции по второму этапу требовалось представить через Генштаб к 9 января.

В окончательном виде в плане операции «Кольцо» предусматривалось нанести главный удар силами трех армий (65, 21 и 24-я). Остальные армии (57, 64, 62 и 66-я) должны были наступать с ограниченными целями на отдельных участках, стремясь приковать к себе как можно больше войск противника, лишая его возможности маневрировать силами. Начало операции «Кольцо» было перенесено на 10 января 1943 г. К этому времени войска Донского фронта насчитывали 212 тыс. человек, 6860 орудий и минометов, 257 танков и 300 боевых самолетов. Противник имел 250 тыс. человек, 4130 орудий и минометов, 300 танков и 100 боевых самолетов [246]. Донской фронт превосходил врага в 1,7 раза по количеству орудий и минометов, в 3 раза по боевым самолетам, уступая в 1,2 раза по численности личного состава и танков. Правда, в результате блокады с воздуха значительное количество боевой техники части 6-й армии не могли использовать из-за острой нехватки горючего и боеприпасов.

Вся авиация 16-й воздушной армии предназначалась для действий на главном направлении. По решению генерала Рокоссовского 65-й армии, наносившей главный удар, были приданы три артиллерийские дивизии (1, 4 и 11-я). Это позволило создать на 1 км фронта плотность до 135 орудий и минометов, а на направлении главного удара – на одиннадцатикилометровом участке – около 170 орудий и минометов. Средняя же оперативная плотность артиллерии во фронте составляла всего 42 орудия и миномета [247]. При такой высокой плотности артиллерийских средств на направлении главного удара было решено применить для поддержки атаки пехоты и танков одинарный огневой вал.

30 декабря И.В. Сталин принял решение передать руководство операцией по разгрому окруженных войск 6-й армии

в руки командующего Донским фронтом генерала К.К. Рокоссовского. Сталинградский фронт с 1 января 1943 г. расформировывался. Его командующий генерал-полковник А.И. Еременко был назначен командующим вновь созданного Южного фронта, в состав которого вошли 2-я гвардейская, 51-я и 28-я армии. В состав Донского фронта передавались 57-я, 64-я, 62-я армии, ранее входившие в Сталинградский фронт [248].

Решение Сталина о передаче всех войск, задействованных под Сталинградом, в состав Донского фронта было своевременным. 31 декабря фон Манштейну сообщили из Генштаба Сухопутных войск, что Гитлер приказал снять с Западного фронта танковый корпус СС (моторизованные дивизии «Leibstandarte-SS Adolf Hitler», «Totenkopf» и «Reich») и сосредоточить его в районе Харькова, чтобы оттуда предпринять наступление на Сталинград [249]. Но ввиду низкой пропускной способности железных дорог прибытие корпуса в указанный район ожидалось не ранее середины февраля.

Гитлер постоянно пытался ограничить оперативную подвижность 4-й танковой армии, приказывая ей удерживать тот или иной рубеж, и в то же время отказывал фон Манштейну в требуемых подкреплениях для армии. Терпение командующего группой армий «Дон» наконец-то лопнуло, и 5 января он телеграфировал начальнику Генерального штаба: *«Если эти предложения не будут приняты и меня и в дальнейшем будут ограничивать в моих действиях до мелочей, я не вижу никакого смысла в моем дальнейшем использовании в качестве командующего. В этом случае является более целесообразным организация “представительств”, подобных тем, которые созданы в управлении генерал-квартирмейстера (должности в представительствах генерал-квартирмейстера замещались только старшими офицерами Генерального штаба, руководившими всем снабжением группы армий в соответствии с прямыми указаниями генерал-квартирмейстера)»* [250].

Этот демарш фон Манштейна пока был оставлен без внимания.

В начале января 1943 г. советская Ставка ВГК решила, максимально используя успех контрнаступления под Сталинградом, развернуть общее наступление от Ленинграда до Кавказа. Основные усилия намечалось сосредоточить на юго-западном направлении, то есть там, где вермахту было нанесено особенно ощутимое поражение и где ожидалось менее упорное его сопротивление. Здесь планировалось силами Брянского, Воронежского, Юго-Западного, Южного и Закавказского фронтов разгромить соединения групп армий «Б», «Дон» и «А», освободить

Харьковский промышленный район, Донецкий бассейн и Северный Кавказ. Одновременно войскам Донского фронта было приказано ликвидировать окруженную под Сталинградом вражескую группировку. Активные действия намечались и на других участках фронта. В январе 1943 г. планировалась наступательная операция по прорыву блокады Ленинграда. На северо-западном и западном направлениях очередную попытку разгрома демянской и ржевско-вяземской группировок противника должны были предпринять армии Северо-Западного, Калининского и Западного фронтов.

Верховное главнокомандование вермахта намечало задержать наступление Красной Армии на юго-западном направлении. Угроза выхода армий Южного фронта в тыл кавказской группировке вынудила руководство вермахта оставить часть захваченной территории в расчете на удержание Донбасса и части Северного Кавказа. Основные силы противоборствовавших сторон действовали на южном участке фронта – от Долгорукова до Новороссийска.

В соответствии с замыслом советской Ставки ВГК, на южном крыле стратегического фронта намечалось согласованными ударами войск Южного и Закавказского фронтов с северо-востока, юга и юго-запада расчленить и разгромить главные силы группы армий «А», не допуская отхода ее войск с Северного Кавказа. Войска Южного фронта должны были наступать на ростовском и сальском направлениях, Черноморская группа войск Закавказского фронта – на краснодарском и тихорецком направлениях, а Северная группа этого фронта – прижать противника к Главному Кавказскому хребту.

Этот замысел лег в основу планирования Северо-Кавказской стратегической наступательной операции, проведенной с 1 января по 4 февраля 1943 г. Составной частью операции стала Ростовская наступательная операция войск Южного фронта, проводившаяся при содействии Закавказского (с 24 января Северо-Кавказский) фронта. Цель операции – разгромить войска противника на Нижнем Дону, освободить Ростов и отрезать тем самым пути отхода северокавказской группировке врага на север.

В конце декабря 1942 г. войска Южного фронта занимали рубеж Лозной, Хуторской, Приютное. Им противостояли соединения армейской группы «Холлидт» и 4-я танковая армия группы армий «Дон». 1 января 1943 г. командующий Южным фронтом генерал-полковник А.И. Еременко представил заместителю Верховного Главнокомандующего генералу армии Г.К. Жукову доклад плана операции по разгрому противника в районе Шахты, Новочеркасск, Константиновская во

взаимодействии с Юго-Западным фронтом [251]. В докладе намечалось силами 2-й гвардейской, 51-й и 28-й армий выйти на рубеж р. Цимла, Дубовское, Приютное. После этого 5-я ударная армия должна была нанести удар в общем направлении Лозной, Александров, Усть-Быстрянская. 2-й гвардейской армии предстояло наступать по северному берегу р. Дон на Цимлянскую, Константиновскую и по северному берегу р. Сал на Константиновскую. Войскам 51-й армии с 13-м танковым и 3-м гвардейским механизированным корпусами предписывалось частью сил преследовать противника вдоль железной дороги на юго-запад и овладеть Пролетарской, а главными силами по овладению Раздорским нанести удар на Батлаевскую, Новоселовский, Багаевскую.

После выхода на реки Северский Донец и Дон планировалось силами 5-й ударной и 2-й гвардейской армий нанести с участка Усть-Быстрянская, Семикаракорская удар на Шахты с востока, а 51-й армией – из района Багаевской на Новочеркасск. В последующем главная группировка фронта должна была развивать наступление в обход Ростовского укрепрайона с севера. 28-й армии предстояло нанести удар в направлении Дивное, Ипатово, Монотивское, Тихорецк.

Ставка ВГК своей директивой № 30000 от 1 января утвердила представленный план операции, потребовав внести в него ряд дополнений. Во-первых, частью сил нанести удар из района Пролетарская, Сальск на Тихорецкую с задачей захватить железнодорожный узел Тихорецкая и отрезать силы противника при отходе их на Ростов. Во-вторых, подвижными частями овладеть 1 января Цимлянской, к исходу дня 4 января – Константиновской, 5 января – Сальском, 7 января – районом Шахты, Новочеркасск, а 15–16 января – Тихорецкой. В-третьих, операцию в телефонных и телеграфных переговорах и переписке именовать операцией «Дон» [252]. Организация взаимодействия между Южным и Юго-Западным фронтами возлагалась на генерала А.М. Василевского.

Основная роль в предстоящей операции отводилась подвижным соединениям Южного фронта. С этой целью из имевшихся в составе фронта слабо укомплектованных танковых и механизированных корпусов были созданы две механизированные группы: первая – во 2-й гвардейской армии (3-й гвардейский танковый, 2-й и 5-й гвардейские механизированные корпуса и 88-я стрелковая дивизия; генерал-лейтенант танковых войск П.А. Ротмистров); вторая – в 51-й армии (3-й и 4-й гвардейские механизированные корпуса).

К началу операции войска Южного фронта уступали

противнику в танках и авиации. Оторвавшись в ходе предшествовавшего наступления на 350 км от баз снабжения, они в условиях бездорожья испытывали острый недостаток в боеприпасах и других материальных средствах.

Наступление войск Южного фронта началось 1 января 1943 г. на ростовском и сальском направлениях против 4-й танковой армии и армейской группы «Холлидт». Войска 4-й танковой армии, которые прикрывали тыл группы армий «А» южнее р. Дон и одновременно защищали ее коммуникации, проходившие через Ростов, в ходе тяжелых боев были оттеснены к 9 января к р. Куберле между Салом и Манычем. Армейская группа генерала Холлидта, ведя тяжелые оборонительные бои в большой излучине Дона, была вынуждена отойти на рубеж р. Кагальник. 7 января советские части форсировали Дон северо-восточнее Новочеркасска, где находился штаб группы армий «Дон». В полосе группы армий «Б» зияла широкая брешь, образовавшаяся в результате разгрома итальянской армии. В районе Миллерово вела бои относительно слабая боевая группа генерала М. Фреттер-Пико из группы армий «Б», которая временами оказывалась почти полностью окруженной.

10 января 1943 г., после отклонения командующим 6-й армией ультиматума о капитуляции, в наступление перешли войска Донского фронта. 12 января штаб 6-й армии в своем донесении в штаб группы армий «Дон» отмечал: *«В тяжелых боях последних дней противник, несмотря на героическое сопротивление наших войск, в ряде мест глубоко вклинился в оборону, продвижение его с трудом удалось приостановить. Резервов нет, создавать их не из чего. Боеприпасов остается на 3 дня, горючее кончилось. Тяжелое оружие окончательно лишено подвижности. Большие потери и плохое снабжение, а также морозы в значительной мере снизили боеспособность войск. Если атаки противника будут продолжаться с той же силой еще несколько дней, удержать укрепленную линию окажется невозможным. Останутся только отдельные очаги сопротивления»* [253].

Фон Манштейн, не имея возможности помочь 6-й армии, не раз обращался к Гитлеру с просьбой разрешить капитуляцию ее войск, но каждый раз получил твердый отказ. *«Когда Гитлер отклонил мою просьбу о том, чтобы разрешить теперь 6 армии капитуляцию,* – пишет фон Манштейн, – *передо мной лично встал вопрос, не должен ли я ввиду этих разногласий сложить с себя командование группой армий. Этот вопрос вставал передо мною не впервые. Особенно остро он стоял передо мною в рождественские дни 1942 г., когда я безуспешно добивался у Гитлера разрешения на осуществление прорыва 6 армии. Вообще этот вопрос часто*

вставал передо мною в то время и в последующие месяцы. Я думаю, что понятно мое стремление освободиться от ответственности, брать на себя которую было почти невозможно, так как всякое решение, вызывавшееся военной необходимостью, приходилось отстаивать в бесконечной, требовавшей большой затраты нервной энергии борьбе со своим же Главным командованием. О том, что я часто задавался этим вопросом, свидетельствуют следующие слова начальника оперативного отдела полковника Буссе, сказанные им начальнику инженерной службы армии вскоре после Рождества 1942 г. Буссе сказал: "Если бы я постоянно не умолял его (то есть Манштейна) остаться на своем посту ради наших войск, он бы уже давно плюнул и заявил Гитлеру, что с него хватит". Это резкое высказывание моего ближайшего помощника лучше всего характеризует мое положение и мои мысли в то время» [254].

Серьезную озабоченность командующего группой армий «Дон» вызывало положение, сложившееся на участке, где действовали войска советского Юго-Западного фронта. Они, перейдя 1 января 1943 г. в наступление, встретили упорное сопротивление армейской группы генерала Холлидта. Для того чтобы нарастить силу удара, Ставка ВГК усилила Юго-Западный фронт 2, 3, 10 и 23-м танковыми корпусами. Однако они прибывали не одновременно, совершая 300—350-километровые марши от станций выгрузки, имели по 50–65 исправных танков.

8 января командующий войсками Юго-Западного фронта генерал-полковник Н.Ф. Ватутин представил И.В. Сталину доклад о продолжении наступательной операции в Донбассе [255]. Исходя из цели операции «Большой Сатурн» и учитывая действия соседей, намечалось до прибытия новых соединений в состав фронта окружить и уничтожить части противника севернее р. Северский Донец и восточнее р. Деркул, а также в районе Каменск, Красный Сулин, Усть-Белокалитвенская, овладеть этим районом и к исходу дня 14 января выйти на рубеж р. Деркул, Кружилова, Михайловка, Аникин, Красный Сулин. Одновременно предусматривалось силами 6-й армии продолжать наступление в направлении Высочинов, Белолуцкая с целью оказать содействие войскам Воронежского фронта. Главный удар планировалось нанести войсками 3-й гвардейской армии, усиленной 2 и 23-м танковыми корпусами и 346-й стрелковой дивизией, с участка Шарпаевка, Гусынка в направлении Верхняя Тарасовка, Глубокий, Гундоровская, Красный Сулин.

Вспомогательный удар предстояло нанести группе войск генерал-лейтенанта В.М. Баданова (2-й гвардейский танковый, 1-й гвардейский механизированный корпуса, 14-я гвардейская и

203-я стрелковые дивизии, 22-я мотострелковая бригада) с участка Ольховый, Погорелов в направлении Каменск, Лихая. Войска 3-й гвардейской армии должны были, окружая и уничтожая противника, овладеть районом Каменска и выйти к 14 января на рубеж Кружиловка, Михайловка, Аникин. Подвижным соединениям армии, усиленным стрелковыми дивизиями, предстояло занять район Красный Сулин, Зверево, Лихая, уничтожая противника южнее Каменска во взаимодействии с 5-й танковой и 5-й ударной армиями.

5-й танковой армии (без 346-й стрелковой дивизии и 25-го танкового корпуса) приказывалось нанести удар в направлении железной дороги на станцию Лихая и частью сил на Красный Сулин, свертывая боевые порядки противника по южному берегу р. Северский Донец. К исходу дня 14 января армия должна была выйти на рубеж Аникин, Красный Сулин. Войска 6-й армии получили задачу перейти в наступление одновременно с соединениями Воронежского фронта с ближайшей задачей выйти на р. Айдар, Ново-Псков, в последующем – на рубеж Тарасовка, Мостки, а в дальнейшем наступать в направлении Сватово, Купянск. На 1-ю гвардейскую армию до 14 января возлагалось последовательное уничтожение окруженных группировок противника в районе Чертково, Гартмашевка, Миллерово, Стрельцовка и выход всеми силами на р. Деркуль.

После прибытия усиления (7 стрелковых дивизий, одна стрелковая бригада, 3-й и 10-й танковые корпуса) планировалось концентрическими ударами основных сил 1-й гвардейской армии в направлении Евсуг, Новоайдар, Родаково и 3-й гвардейской армией в направлении Лутугино, станция Родаково в тыл Ворошиловграду окружить и уничтожить ворошиловградскую группировку противника. Одновременно 6-й и 5-й танковой армиям предстояло нанести вспомогательные удары, которые в сочетании со вспомогательными ударами 1-й и 3-й гвардейских армий должны были привести к расширению фронта прорыва, к окружению и уничтожению дополнительных сил противника. При этом 5-й танковой армии приказывалось нанести ряд ударов в южном направлении, чтобы отрезать кавказскую группировку противника.

Подвижные соединения после окружения ворошиловградской группировки противника планировалось усилить наиболее подвижными стрелковыми соединениями. Им предписывалось стремительно развивать успех в западном и юго-западном направлениях, овладеть всем районом Донбасса, выйти на рубеж Купянск, Славянск, Волноваха, полностью отрезая кавказскую группировку противника. При этом учитывалось, что

Воронежский фронт своим левым флангом выйдет в район Валуйки, Двуречное, а Южный фронт своим правым флангом – в район Волноваха, Мариуполь, Таганрог. В случае, если Южный фронт не сможет выйти в этот район, намечалось часть сил Юго-Западного фронта повернуть на Таганрог.

Сталин 8 января утвердил план операции Юго-Западного фронта. 11 января он подписал директиву № 30011 Ставки ВГК, которая требовала нанести удар частью сил 5-й танковой армии с севера на юг во фланг противнику, атакующему части 5-й ударной армии [256]. В подчинение командующего 5-й ударной армией из состава 5-й танковой армии передавались 40-я гвардейская стрелковая дивизия и 8-я гвардейская танковая бригада.

Тем временем события на фронте группы армий «Дон» развивались следующим образом. Войска Южного фронта, преодолевая ожесточенное сопротивление противника, к середине января продвинулись на 150–200 км и вышли в излучину Дона и Манычского канала. Соединения 2-й гвардейской армии генерала Р.Я. Малиновского находились в 50–60 км от Ростова. На этом рубеже бои приняли упорный затяжной характер.

14 января командующий Южным фронтом генерал-полковник А.И. Еременко подписал приказ № 006/оп, в котором были определены задачи войск по разгрому кавказской группировки противника [257]. Войска фронта должны были выйти на рубеж Шахты, Новочеркасск, Ростов, Батайск, чтобы отрезать пути отхода противника с Северного Кавказа и во взаимодействии с войсками Закавказского фронта уничтожить его кавказскую группировку, не допустив ее выхода к р. Дон.

Войска Южного фронта, выполняя поставленные задачи, сломили ожесточенное сопротивление врага на рубеже рек Кагальник и Куберле, основные силы сосредоточили на разгроме противника на ближних подступах к Ростову. 19 января механизированная группа 2-й гвардейской армии перешла в наступление, которое вначале развивалось успешно. Главные силы армии переправились через р. Маныч, а передовой отряд 3-го гвардейского танкового корпуса прорвался на подступы к Батайску. Однако попытки главных сил механизированной группы закрепить успех передового отряда не удались. Командующий механизированной группой генерал Ротмистров, вполне обоснованно опасаясь разгрома передовых частей 3-го гвардейского танкового корпуса, отвел их к устью Маныча. Генерал Еременко не согласился с таким решением и приказал снова занять оставленные позиции. Однако механизированная

группа, в которой осталось всего 29 танков и 11 противотанковых орудий, не смогла выполнить эту задачу. Ход боевых действий показал, что сил Южного фронта для разгрома батайской группировки и перехвата путей отхода северокавказской группировки немцев на Ростов явно недостаточно. К исходу дня 23 января войска фронта вышли на рубеж Северский Донец, Дон, Веселый, Целина, где бои вновь приняли упорный, затяжной характер, так как противник перебросил сюда значительные силы с других участков фронта.

В тот же день фон Манштейну был передан южный участок фронта группы армий «Б» между Северским Донцом и Старобельском. В результате полоса группы армий «Дон» увеличилась почти на 100 км, а против нее теперь дополнительно действовали три корпуса, в том числе один танковый и один механизированный.

В полосе Юго-Западного фронта 9 января в районе Ильинки в сражение был введен 2-й танковый корпус генерала А.Ф. Попова, а 14 января в районе Шарпаевки (8 км северо-западнее Ильинки) – 23-й танковый корпус генерала Е.Г. Пушкина. В результате сопротивление армейской группы генерала Холлидта было сломлено, и 15–19 января войска левого крыла Юго-Западного фронта вышли к Северскому Донцу на участке Нижнее Луганское, Белая Калитва. В центре фронта к реке Донец севернее Ворошиловграда подошел 18-й танковый корпус. Части 4-го гвардейского танкового корпуса во взаимодействии с 183-й танковой бригадой 10-го танкового корпуса овладели 23 января Старобельском и Нижней Астраханью. На этом рубеже войска центра и левого крыла фронта, встретив сильное сопротивление противника, вынуждены были временно перейти к обороне. Войска 6-й армии после ввода в сражение 3-го танкового корпуса генерала М.Д. Синенко, прибывшего из резерва Ставки ВГК, к исходу дня 25 января вышли на подступы к Покровскому. В результате сложились условия для нанесения удара на Мариуполь и окружения донбасской группировки противника.

В ходе операции командующий и штаб Юго-Западного фронта разработали и 20 января представили в Ставку ВГК уточненный план дальнейших действий [258]. Во-первых, сильной подвижной группой (3, 10 и 18-й танковые корпуса, три стрелковые дивизии, три истребительно-противотанковых артиллерийских, три гвардейских минометных полка и три артиллерийских полка ПВО, три лыжные бригады) нанести удар с участка Тарасовка (30 км северо-восточнее Сватово), Старобельск в общем направлении на Краматорскую, Артемовск, Сталино (Донецк), Волноваху, Мариуполь. Подвижной группе предстояло «отрезать

всю территорию Донбасса, окружить и уничтожить войска противника на этой территории, забрать всю технику, запасы и прочие богатства на этой территории, не дав противнику ничего вывезти». Во-вторых, группа войск во главе с заместителем командующего войсками фронта генерал-лейтенантом М.М. Поповым должна была наступать в направлении Старобельск, Дебальцево, Макеевка. В-третьих, силами 3-й гвардейской армии нанести удар из района юго-западнее Каменска на Сталино с задачей своей подвижной группой (23-й, 2-й, 2-й гвардейский танковые и 1-й механизированный корпуса) на третий и четвертый день операции выйти на рубеж Дебальцево, Макеевка, Сталино, где соединиться с подвижной группой генерала Попова, окружив и уничтожив войска противника в Донбассе. В-четвертых, 5-й танковой армии предстояло нанести удар из района западнее Красного Сулина на Волноваху и частью сил на Таганрог. На девятый день операции стрелковые соединения армии должны были овладеть рубежом Кураковка, Волноваха. В-пятых, силами 6-й армии планировалось нанести удар на Купянск и частью сил – на Изюм. В-шестых, окружить район Ворошиловграда двумя левофланговыми дивизиями 1-й гвардейской армии и двумя правофланговыми дивизиями 3-й гвардейской армии.

Всю операцию генерал Ватутин планировал завершить к 5 февраля, чтобы затем до окончания зимы провести еще одну операцию и выйти на более выгодный рубеж, а именно Ахтырка, Полтава, Переволочна, Днепропетровск, Запорожье, Мелитополь, а при благоприятных условиях захватить также район Каховка, Херсон, Перекоп, Геническ и отрезать Крым. Однако эта операция должна быть тесно увязана с действиями соседних фронтов, особенно с Воронежским фронтом.

Сосредоточение танковых корпусов в район Тарасовка, Старобельск ожидалось к 24 января. В связи с этим, а также из-за задержки переброски стрелковых дивизий и лыжных бригад переход в наступление намечался на 26–27 января. Выход в район Мариуполя предполагалось осуществить в течение семи дней. В своем резерве командующий Юго-Западным фронтом оставил 1-й гвардейский, 4-й гвардейский танковый и 25-й танковый корпуса, но без материальной части. Всего в составе имелось 362 танка, из них 212 в подвижной группе [259].

Генерал Ватутин просил утвердить представленный план, дать танки для пополнения двух танковых корпусов, а также усилить фронт тремя полками РС М-13 и одной дивизией РС, одним кавалерийским корпусом. Сталин утвердил представленный план.

Перед войсками Юго-Западного фронта оборонялись оперативная группа «Фреттер-Пико», со 2 февраля – 1-я танковая армия и часть сил армейских групп «Ланц» [260]и «Холлидт» группы армий «Дон». Сюда же противник из-под Ростова и из Западной Европы в первой декаде января перебросил и включил в состав 1-й танковой армии 3 пехотные, одну моторизованную и 4 танковые дивизии.

И.В. Сталин, недовольный тем, что войска Южного фронта перешли к обороне, 23 января направил генералу Еременко директиву № 30025, в которой говорилось:

«Захват Батайска нашими войсками имеет большое историческое значение. С взятием Батайска мы закупорим армии противника на Северном Кавказе, не дадим выхода в районы Ростова, Таганрога, Донбасса 24 немецким и румынским дивизиям.

Враг на Северном Кавказе должен быть окружен и уничтожен, так же как он окружен и уничтожается под Сталинградом.

Войскам Южного фронта необходимо отрезать 24 дивизии противника на Северном Кавказе от Ростова, а войска Черноморской группы Закавказского фронта, в свою очередь, закроют выход этим дивизиям противника на Таманский полуостров.

Главная роль принадлежит здесь Южному фронту, который должен совместно с Северной группой Закавказского фронта окружить и пленить или истребить войска противника на Северном Кавказе.

Основные силы Южного фронта, расположенные в районе Маныча и южнее Дона, необходимо немедленно двинуть на Батайск для захвата Батайска и Азова, для перехвата основных путей отхода противника и для окружения его отходящих частей, с тем, чтобы вся техника противника осталась на месте» [261].

Фон Манштейн, не сумев деблокировать 6-ю армию, вынужден был отбивать ожесточенные атаки войск Южного и Юго-Западного фронтов. Кроме того, ему теперь пришлось заняться и спасением 1-й танковой армии, часть сил которой 27 января была подчинена командующему группой армий «Дон».

29 января на Юго-Западном фронте в наступление перешла 6-я армия генерал-лейтенанта Ф.М. Харитонова, а на следующий день – 1-я гвардейская армия генерал-лейтенанта В.И. Кузнецова и 3-я гвардейская армия генерал-лейтенанта Д.Д. Лелюшенко. Однако на левом крыле Юго-Западного фронта 5-я танковая армия и 8-й кавалерийский корпус втянулись в затяжные бои с подошедшими резервами врага. В тот же день фон Манштейн перевел свой штаб из Таганрога в Сталино, так как теперь решающее направление группы армий было уже не на Дону, а на

Северском Донце.

31 января фон Манштейн направил телеграмму Главному командованию Сухопутных войск, в которой изложил свою точку зрения по вопросу о возможности удержания Донбасса. Он предлагал нанести удар со стороны Харькова с целью разгрома советских войск северо-восточнее города еще до начала распутицы. В случае неудачного исхода этого удара фон Манштейн считал, что невозможно будет удержать Донецкий бассейн [262]. Однако все доводы командующего группой армий «Дон» не были приняты во внимание.

С целью развития успеха командующий Юго-Западным фронтом генерал Ватутин ввел в сражение на стыке 6-й и 1-й гвардейской армий подвижную группу фронта. Наступление войск правого крыла фронта поддерживала авиация 17-й воздушной армии генерал-лейтенанта авиации С.А. Красовского. Подвижная группа фронта силами 3-го и 10-го танковых корпусов вышла к Северскому Донцу и с ходу форсировала его в районе Красного Лимана. В ночь на 2 февраля в сражение был введен 4-й гвардейский танковый корпус. В тот же день завершилось наступление войск Донского фронта. Представитель Ставки ВГК маршал артиллерии Н.Н. Воронов и командующий фронтом генерал-полковник К.К. Рокоссовский доложили И.В. Сталину: *«Выполняя Ваш приказ, войска Донского фронта в 16.00 2.II.43 г. закончили разгром и уничтожение сталинградской группировки врага…В связи с полной ликвидацией окруженных войск противника, боевые действия в городе Сталинграде и в районе Сталинграда прекратились»* [263].

Победа под Сталинградом имела большое военно-политическое значение. Она внесла огромный вклад в достижение коренного перелома в войне и оказала определяющее влияние на дальнейший ход всей Второй мировой войны. Советские войска захватили стратегическую инициативу и удерживали ее до конца войны. По данным К.К. Рокоссовского, в плен было взято свыше 91 тыс. солдат и офицеров. За время ликвидации котла войска Донского фронта захватили 5762 орудия, свыше 3 тыс. минометов, 744 самолета, 1666 танков, 261 бронемашину, большое количество военного имущества [264]. Генерал-фельдмаршал В. Кейтель в своих мемуарах отмечал: *«Сдача Сталинграда была тяжелым ударом для нашего авторитета; истребление целой армии и сложившаяся в результате этой потери обстановка означали неудачу, созвучную с крушением нашей кампании 1942–1943 гг., несмотря на всю гениальность, с которой она была задумана. Совершенно неудивительно, что наши критики раскричались еще больше,*

и русские получили громаднейший стимул для ведения своей войны; мы разыграли наш последний козырь и проиграли» [265].

Фон Манштейну, несмотря на все усилия, не удалось помочь 6-й армии. Он проиграл будущим маршалам Советского Союза К.К. Рокоссовскому и А.И. Еременко. Перед командующим группой армий «Дон» теперь стояли иные задачи – удержать Ростов, Нижний Дон и Донбасс. Ему пришлось действовать сразу против войск четырех фронтов (Южный, Юго-Западный, Воронежский и Северо-Кавказский).

5 февраля 4-й гвардейский танковый корпус совместно с соединениями 3-го танкового корпуса освободил Краматорск. Подвижная группа 3-й гвардейской армии, обойдя Ворошиловград с юго-запада и запада, овладела Собовкой (5 км западнее Ворошиловграда) и перерезала железную дорогу, идущую на Сталино. Вражеский гарнизон, опасаясь окружения, стал отходить.

В этой критической для войск группы армий «Дон» обстановке генерал-фельдмаршал фон Манштейн был вызван на совещание в Ставку Гитлера. На специально присланном самолете «Кондор» фон Манштейн 6 февраля прибыл в Ставку. На совещании фюрер заявил:

– За Сталинград я один несу ответственность! Я мог бы, быть может, сказать, что Геринг неправильно информировал меня о возможностях снабжения по воздуху, и таким образом переложить хотя бы часть ответственности на него. Но он мой преемник, которого я сам назначил себе, а потому я не могу допустить, чтобы на нем лежала ответственность за Сталинград.

Тем самым Гитлер как бы снял ответственность с фон Манштейна и не стал искать «козлов отпущения».

На совещании фон Манштейн снова поставил вопрос об оставлении восточной части Донбасса. Кроме того, он коснулся вопроса о руководстве Гитлером военными действиями. *«Сознавая, что такому диктатору, как Гитлер,* – пишет фон Манштейн, – *невозможно было отказаться от должности главнокомандующего, я попробовал подсказать ему вероятное решение, которое не затрагивало бы его престижа, но в будущем могло бы обеспечить безупречное военное руководство. Я просил его обеспечить единство руководства военными действиями назначением одного начальника Генерального штаба, которому он смог бы полностью доверять и одновременно предоставить соответствующие полномочия и права»* [266].

Однако Гитлер категорически заявил, что не может дать такие права начальнику Генерального штаба, которые практически поставили бы его над Герингом. Последний никогда

не подчинился бы начальнику Генерального штаба, даже если бы он и действовал от имени Гитлера.

По поводу оставления восточной части Донбасса между Гитлером и фон Манштейном разгорелся многочасовой спор. *«Самой веской причиной, которую все время Гитлер подчеркивал,* – пишет фон Манштейн, – *была, по его мнению, невозможность отдать Донбасс. Он опасался влияния политических последствий, связанных с потерей этого района, важного в военно-экономическом отношении, на позицию Турции. Но прежде всего он подчеркивал значение донецкого угля для собственной военной промышленности и значение отсутствия этого фактора для военной экономики противника. Овладение донецким углем дало бы возможность русским поддерживать на настоящем уровне производство танков, орудий и боеприпасов»* [267].

Итогом почти четырехчасовой дискуссии явилось согласие Гитлера на сокращение восточного участка группы армий «Дон» до рубежа Миуса.

7 февраля днем фон Манштейн вновь прибыл в свой штаб в Сталино, где его ждало неприятное известие. Войска Южного фронта, в командование которыми 2 февраля вместо убывшего на лечение генерала А.И. Еременко вступил генерал Р.Я. Малиновский, выполняя приказ И.В. Сталина, в ночь на 7 февраля начали завершающее сражение за Батайск и Ростов. Соединения 28-й армии генерала В.Ф. Герасименко ворвались в Батайск и к утру полностью освободили его. Фон Манштейн приказал 1-й танковой армии, армейским группам «Ланц» и «Холлидт» начать 9 февраля отход с нижнего течения р. Северский Донец на подготовленные позиции на р. Миус. Одновременно из района Ростова в район Константиновка, Красноармейское перебрасывались танковые дивизии.

В ночь на 9 февраля части 28-й армии Южного фронта переправились через Дон и после ожесточенных боев овладели близлежащими улицами в южной части Ростова. С целью ускорить освобождение города командующий фронтом генерал Малиновский направил в обход его с северо-востока 2-ю гвардейскую и 51-ю армии, а с юго-запада – 44-ю армию и конно-механизированную группу. Оборонявшие город четыре вражеские дивизии, охваченные с трех сторон, чтобы избежать разгрома, начали отходить.

Командующий Юго-Западным фронтом генерал-полковник Н.Ф. Ватутин ошибочно воспринял отвод войск группы армий «Юг» как оставление Донбасса и отход ее войск за Днепр. Войскам фронта были поставлены невыполнимые задачи на развитие стремительного наступления во всей полосе с целью

упредить противника в выходе к Днепру.

В своем докладе в Ставку ВГК от 9 февраля генерал Ватутин намечал отрезать пути отхода противника западнее Сталино, продолжая одновременно выдвижение на запад и юго-запад своего правого фланга. Кроме того, планировалось срочно подготовить сильную подвижную группу для нанесения более глубокого удара из района Краснопавловка, Лозовая в направлении Павлоград, Синельниково, Запорожье, Мелитополь, чтобы отрезать противника от переправ через Днепр и не допустить его отхода на запад. Одновременно на правом фланге предполагалось выйти в район Полтава, Кременчуг, Днепропетровск и захватить плацдарм на западном берегу р. Днепр на участке Кременчуг, Кривой Рог, Каховка. На левом крыле фронта намечалось после выхода подвижной группы в район Мелитополя быстро усилить ее, стремительно выйти на нижнее течение р. Днепр и захватить плацдарм в Крыму южнее Перекопа и Чонгара [268].

Главную роль в наступлении генерал Ватутин отводил вновь создаваемой подвижной группе фронта. В ее состав включались 1-й гвардейский танковый, 25-й танковый, 1-й гвардейский кавалерийский, 4-й гвардейский стрелковый корпуса, четыре истребительно-противотанковых артиллерийских полка, одна дивизия ПВО. Командование группой возлагалось на командующего 6-й армией генерал-лейтенанта Ф.М. Харитонова. Она должна была перейти в наступление 17 февраля и к исходу дня 22 февраля выйти в район Мелитополя.

5-й танковой армии, ввиду ее слабого состава, отводилась вспомогательная роль. Ей предстояло преследовать противника в направлении Каменск, Куйбышево, а затем предполагалось вывести армию в резерв фронта.

Сталин, рассмотрев представленный план, 11 февраля предложил генералу Ватутину «принять другой план – с ограниченными, но более осуществимыми в данный момент задачами». На ближайшее время главным было не допустить отхода противника в сторону Днепропетровска и Запорожья, принять все меры к тому, чтобы зажать донецкую группу противника в Крыму, закупорить проходы через Перекоп и Сиваш и изолировать, таким образом, ее от остальных войск противника на Украине [269].

События, развернувшиеся на Юго-Западном фронте, показали нереальность планов генерала Ватутина. 11 февраля 4-й гвардейский танковый корпус возобновил наступление. Он совместно с 9-й гвардейской танковой бригадой освободил Красноармейское.

Фон Манштейн, стремясь любой ценой сохранить занимаемые позиции, в спешном порядке стал подтягивать к этому району новые силы, в том числе моторизованную дивизию «Wiking» и 7-ю танковую дивизию. На рассвете 12 февраля они при поддержке авиации перешли в наступление и после ожесточенных боев 20 февраля снова заняли Красноармейское. В полосе 3-й гвардейской армии оперативная группа (23-й танковый корпус, 203-я стрелковая дивизия, часть сил 266-й стрелковой дивизии) под командованием генерала Е.Г. Пушкина заняла 14 февраля Краснодон. Одновременно 18-й стрелковый корпус генерал-майора М.И. Запорожченко занял Ворошиловград (Луганск).

Фон Манштейн, стремясь выполнить указание Гитлера об удержании Донбасса, в ночь на 12 февраля перевел штаб группы армий «Дон» в Запорожье, чтобы находиться в эпицентре событий. В тот же день соединения 5-й ударной армии Южного фронта при поддержке авиации овладели г. Шахты. На следующий день ее 315-я стрелковая дивизия совместно с частью сил 32-й кавалерийской дивизии и 5-й истребительной бригадой заняла Новошахтинск. 14 февраля войска Южного фронта полностью очистили от противника Ростов.

С потерей Ростова фон Манштейн стал отводить свои войска на заблаговременно подготовленный оборонительный рубеж по р. Миус. Попытка войск Южного фронта прорвать этот рубеж с ходу успеха не имела, и 18 февраля они перешли к обороне.

В результате Ростовской операции войска Южного фронта продвинулись на глубину 300–450 км. Группе армий «Дон» [270]было нанесено серьезное поражение. Однако в связи с недостатком сил, особенно подвижных войск, не удалось своевременно перерезать пути отхода противника с Северного Кавказа через Ростов и полностью разгромить его 1-ю танковую армию. Потери войск Южного фронта в операции составили: безвозвратные – 9809 человек, санитарные – 18 422 человека [271].

На Юго-Западном фронте войска 6-й армии, усиленные 115-й танковой бригадой, 127-м и 212-м танковыми полками, 17 февраля вышли на рубеж Красноград, Новомосковск, а 1-я гвардейская армия освободила Павлоград. К исходу дня 18 февраля войска Юго-Западного фронта правым крылом продвинулись на 200–250 км и вышли на рубеж Змиев, Красноград, Синельниково, Красноармейское, Славянск, а левым крылом – на 120 км и достигли рубежа Родаково, Дьяково, где встретили усилившееся сопротивление противника.

Фон Манштейн, пытаясь восстановить положение, принял меры по подготовке контрудара по советским войскам.

Обстановка, сложившаяся в полосе группы армий «Юг», вызвала тревогу и у Гитлера. Вечером 17 февраля он прибыл в Запорожье, где находился штаб группы армий. Фон Манштейн доложил ему обстановку. Армейская группа генерала Холлидта достигла в этот день рубежа Миуса, хотя противник и сильно теснил ее. 1-я танковая армия остановила противника у Гришино, но не смогла его еще разбить. Не удалось добиться успеха и в бою в районе Краматорска. Армейская группа генерала Ланца оставила Харьков и отступила на юго-запад к р. Мож. В сложившейся обстановке фон Манштейн решил высвободить танковый корпус СС у Харькова и оставить в этом районе только остальные соединения армейской группы генерала Ланца. Силами танкового корпуса СС намечалось перейти в наступление из района Красноград на юго-восток в общем направлении на Павлоград, чтобы установить взаимодействие с подходящей сюда 4-й танковой армией. После этого совместными усилиями разгромить советские войска, наступающие в широкой бреши между 1-й танковой армией и армейской группой генерала Ланца. Это позволяло, по мнению фон Манштейна, устранить угрозу отсечения армейской группы генерала Холлидта и 1-й танковой армии, а затем нанести удар в районе Харькова.

Гитлер, выслушав командующего группой армий «Юг», отклонил его план, так как считал необходимым в первую очередь снова возвратить Харьков. При этом он возлагал большие надежды на танковый корпус СС. После продолжительной дискуссии фон Манштейн категорически заявил, что этот корпус должен быть в любом случае сначала сосредоточен не позднее 19 февраля на шоссе Харьков – Красноград. Только после этого можно будет принять окончательное решение о том, наступать на север или на юг. Гитлер под напором аргументов командующего группой армий «Юг» согласился с его предложением.

На следующий день, 18 февраля, Гитлер и фон Манштейн снова обсудили сложившуюся обстановку. Командующий группой армий «Юг» доложил, что крупные силы советских войск ведут наступление на рубеже Миуса, прорвав на ряде участков слабоукрепленные позиции армейской группы Холлидта. Часть сил группы армий «Юг» была скована боями в районе Дебальцево, где был окружен кавалерийский корпус противника. Кроме того, в районе Гришино войска 1-й танковой армии вели боевые действий против советского механизированного корпуса. Фон Манштейн считал необходимым в сложившейся обстановке срочно отвести моторизованные соединения с этого фланга на западный фланг, хотя осуществить такой маневр в данный момент было невозможно. Командующий армейской группой

«Ланц» сообщил, что выгруженные в Киеве моторизованные части танковой дивизии СС «Totenkopf» застряли в грязи между Клевом и Полтавой. В результате удар на север с целью овладения Харьковом, на котором настаивал Гитлер, стал также невозможным. По мнению фон Манштейна, речь могла идти только о нанесении удара на юго-восток с целью уничтожения противника, наступающего в бреши между армейской группой «Ланц» и 1-й танковой армией. Этот удар следовало провести возможно быстрее, до наступления распутицы. Гитлер согласился с мнением командующего группой армий «Юг» направить из танкового корпуса СС мотопехотную дивизию «Reich» на Павлоград. Дивизии «Leibstandarde-SS Adolf Hitler» предстояло прикрывать операции 4-й армии против врага, наседавшего из Харькова в южном направлении [272].

Фон Манштейн, добившись частичного согласия фюрера, доложил ему свое мнение об общей обстановке. Он считал, что распутица и грязь дадут группе армий «Юг» передышку не более чем на несколько недель. Для обороны фронта протяженностью 700 км группа армий располагала 32 дивизиями, в том числе части армейской группы «Ланц». По мнению фон Манштейна, советское командование после распутицы вновь изберет главным направлением своих операций южное крыло Восточного фронта с целью окружения его у Черного моря. Советские войска смогут прорвать на любом участке оборону группы армий «Юг». Кроме того, ее войска понесли большие потери, и их боеспособность значительно снизилась. Однако Гитлер не согласился с доводами фон Манштейна. Он сказал, что не может снять с других театров военных действий силы для укрепления Восточного фронта. В то же время фюрер высказался за проведение ограниченных ударов с использованием нового оружия.

19 февраля состоялась новая беседа, на которую был приглашен также командующий группой армий «А» генерал-фельдмаршал фон Клейст. Он заявил, что сможет отдать больше сил для укрепления группы армий «Юг». Вечером Гитлер покинул Запорожье. Фон Манштейн, после завершения переговоров с фюрером, подписал приказ о переходе 4-й танковой армии в контрнаступление на противника, наносившего удар через рубеж Перещепино, Павлоград, Гришино с целью отсечения войск группы армий «Юг» от Днепра.

Утром 19 февраля войска 4-й танковой армии нанесли контрудар по правому крылу Юго-Западного фронта, войска которого были вынуждены перейти к обороне. Для развития наступления 6-й армии командующий фронтом генерал Ватутин ввел в сражение 1-й гвардейский танковый и 25-й танковые

корпуса, прибывшие в район Павлограда из резерва Ставки ВГК. 1-й гвардейский танковый корпус главными силами овладел 20 февраля Хорошевым (10 км северо-западнее Синельниково) и развернул наступление на Днепропетровск. Его 16-я гвардейская танковая бригада совместно с 267-й стрелковой дивизией 6-й армии заняла Новомосковск. Однако в ночь на 20 февраля 2-й танковый корпус СС из района Красноград нанес удар в южном направлении, прошел по тылам 6-й армии и овладел Павлоградом. Утром 22 февраля из района Чаплино на Павлоград в наступление перешел 48-й танковый корпус противника. К этому времени части 25-го танкового корпуса вышли в район, находившийся в 10–12 км северо-восточнее Запорожья. На этом наступательные возможности 1-го гвардейского и 25-го танковых корпусов были исчерпаны. Они, испытывая недостаток в горючем и боеприпасах, вынуждены были отойти за р. Северский Донец.

Части 2-го и 2-го гвардейского танковых корпусов, продвигаясь в юго-западном направлении, утром 21 февраля вышли в район Штеровки. Здесь они встретили упорное сопротивление противника, в том числе 17-й танковой дивизии, переброшенной из района Ростова. 23-й танковый корпус нанес удар в юго-западном направлении, овладел Ровеньками и 24 февраля подошел к Красному Лучу. В связи с тем, что в корпусах осталось мало исправных танков, они с подходом стрелковых дивизий были выведены в резерв фронта. Подвижная группа Юго-Западного фронта также оказалась в тяжелом положении. К исходу дня 21 февраля в ее составе осталось всего 40 исправных танков. Фон Манштейн, перебросив 6-ю танковую и несколько пехотных дивизий, утром 22 февраля после мощной авиационной подготовки предпринял контрнаступление. В результате к началу марта подвижная группа Юго-Западного фронта вынуждена была отойти на левый берег Северского Донца.

Отход войск Юго-Западного фронта значительно ухудшил положение Воронежского фронта, проводившего своим левым крылом (40-я, 69-я, 3-я танковая армии) Харьковскую наступательную операцию. Утром 15 февраля они начали штурм Харькова, который удерживал 2-й танковый корпус СС, имевший 200 танков. Преодолевая яростное сопротивление эсэсовцев, соединения 3-й танковой и 69-й армий прорвали внутренний обвод и проникли в город, а 5-й гвардейский танковый корпус совместно с 340-й стрелковой дивизией ворвался на его западную окраину. Видя бесперспективность сопротивления и опасаясь окружения, 2-й танковый корпус СС начал отходить в юго-западном направлении. К 12 часам 16 февраля Харьков был полностью очищен от врага.

После освобождения Харькова 3-я танковая армия (110 танков) и 69-я армия получили задачу наступать на Полтаву, а остальные силы Воронежского фронта – на запад. Войска 3-й танковой армии, преодолевая сопротивление арьергардов противника, медленно продвигались на запад, осуществляя одновременно перегруппировку для планировавшегося наступления на Полтаву. 12-й танковый корпус, несмотря на ожесточенное сопротивление противника, совместно с 25-й гвардейской стрелковой дивизией и частью сил 305-й стрелковой дивизии 69-й армии 25 февраля овладел Валками. 27 февраля танковые корпуса 3-й танковой армии вышли к Варваровке, где не смогли преодолеть сопротивление врага. Тогда было принято решение овладеть Красноградом ударом с востока. 15-й танковый корпус (19 танков) занял Кегичевку, сюда же 28 февраля вышел и 12-й танковый корпус (20 танков). Здесь танковые соединения вынуждены были ожидать транспорт с горючим.

Однако к этому времени обстановка резко изменилась. Фон Манштейн, перегруппировав свои войска, сосредоточил в районе юго-западнее Харькова сильную группировку в составе 4-й танковой армии и оперативной группы генерала В. Кемпфа [273]. Она превосходила войска левого крыла Воронежского фронта в личном составе в 2 раза, в артиллерии – в 2,6, в танках – в 11,4, а в самолетах – более чем в 3 раза.

28 февраля фон Манштейн отдал приказ о наступлении против войск Воронежского фронта, оборонявших Харьков. 4 марта соединения 4-й танковой армии нанесли удар по советской 3-й танковой армии. Несмотря на недостаток сил, она оказала упорное сопротивление. Но соединения 4-й танковой армии сумели к 5 марта нанести поражение 3-й танковой армии. По данным фон Манштейна, ее потери составили убитыми около 12 тыс. человек, 61 танк, 225 орудий и 600 машин [274].

6 марта фон Манштейн перенес направление главного удара в стык 69-й и 3-й танковой армий. На следующий день, осуществив перегруппировку, он нанес главный удар в направлении Валки, Новая Водолага, Мерефа и вспомогательный – в направлении Знаменка, Старая Водолага, Одрынка. В ходе ожесточенных боев войска 4-й танковой армии овладели 16 марта Харьковом, а 18-го – Белгородом. 25 марта войска Воронежского фронта, отойдя на 100–150 км, остановили 4-ю танковую армию на рубеже Краснополье, Белгород и далее по р. Северский Донец до Чугуева, образовав здесь южный фас Курского выступа.

Фон Манштейн, добившись успеха на харьковском направлении, намеревался совместно с группой армий «Центр»

очистить от советских войск дугу в районе Курска. Но ему пришлось отказаться от этого намерения, так как командующий группой армий «Центр» заявил, что его войска не смогут участвовать в этой операции…

Глава 5
Падение «Цитадели»

После перехода войск группы армий «Юг» к обороне в конце марта 1943 г. Э. фон Манштейн вынужден был взять отпуск, чтобы сделать операцию на гландах. На фронте его замещал сначала генерал-полковник В. Модель, а затем генерал-фельдмаршал барон М. фон Вейхс. Однако по всем главным вопросам фон Манштейн поддерживал связь со штабом группы армий и начальником Генштаба Сухопутных войск. В это время в Ставке Гитлера шла разработка плана новой кампании. Мы уже отмечали, что фон Манштейн, добившись успеха на харьковском направлении, в феврале 1943 г., планировал совместно с группой армий «Центр» очистить от советских войск дугу в районе Курска. Его предложение было учтено Главным командованием Сухопутных войск.

13 марта Гитлер подписал оперативный приказ № 5, в котором ставилась задача после весенней распутицы упредить Красную Армию в наступлении на отдельных участках фронта и навязать тем самым ей свою волю. Командующему группой армий «Юг» предстояло к середине апреля сосредоточить сильную танковую группировку севернее Харькова, а командующему группой армий «Центр» – ударную группировку южнее Орла. Обе группировки должны были встречными ударами в общем направлении на Курск окружить и уничтожить советские войска внутри Курского выступа. Кроме того, от командующего группой армий «Юг» требовалось максимально укрепить оборонительные позиции по р. Миус, а также на остальных участках Восточного фронта и по р. Северский Донец. Все танкоопасные направления следовало усилить противотанковыми средствами. Особое внимание обращалось на то, чтобы не допустить создания противником плацдармов на западном берегу этих рек [275].

22 марта фон Манштейн направил Верховному главнокомандующему вермахтом доклад о ходе строительства оборонительного рубежа на р. Северский Донец [276]. Фон Манштейн сообщал, что сооружение оборонительных позиций по рубежу реки в восточном и среднем ее течении идет полным ходом. После выхода войск группы армий на восточный берег р. Северский Донец намечалось создание «оборонительных позиций на рубеже Верхнего Донца от Гнилища до Белгорода, а также по линии Белгород – Тамаровка (севернее) – Борисовка». Одновременно принимаются меры по сосредоточению к

установленному сроку севернее Харькова сильной танковой армии с использованием управления 4-й танковой армии. Фон Манштейн отмечал, что для жесткой обороны 650-километровой полосы от Таганрога до Белгорода сил у него недостаточно. В полосе 6-й армии на одну дивизию приходится 20 км, а 1-й танковой армии и армейской группы «Кемпф» – 30 км.

29 марта в Запорожье в штаб группы армий «Юг» прилетел генерал-инспектор бронетанковых войск генерал-полковник Г. Гудериан. Он обсудил с фон Манштейном опыт использования батальонов, на вооружении которых состояли танки «Тигр». Разговор также шел о тактических и технических возможностях этих боевых машин, о возможности формирования на их основе танковых соединений.

15 апреля командующие группами армий получили оперативный приказ № 6, подписанный Гитлером, о задачах войск и мероприятиях по их обеспечению в новой наступательной операции, получившей условное наименование «Цитадель»:

«…Я решил: как только позволят погодные условия, провести в качестве наступательного удара этого года операцию “Цитадель”.

Посему данному наступлению придается особое значение. Необходимо осуществить его быстро и с большой пробивной силой. Оно должно передать инициативу на эту весну и лето в наши руки.

В связи с этим все приготовления осуществлять с величайшей осмотрительностью и энергичностью. На всех главных направлениях использовать лучшие соединения, лучшее оружие, лучших командиров, большое количество боеприпасов. Каждый командир, каждый рядовой обязан проникнуться пониманием решающего значения этого наступления. Победа под Курском должна послужить факелом для всего мира.

…Цель наступления – посредством массированного, беспощадно и быстро проведенного каждой из атакующих армий наступательного удара из района Белгорода и южнее Орла окружить находящиеся в районе Курска силы противника и концентрированным наступлением уничтожить их. В ходе этого наступления следует выйти на укороченную и сберегающую наши силы линию фронта…» [277]

Замысел Гитлера отвечал планам фон Манштейна, а потому он поддержал фюрера. 18 апреля командующий группой армий «Юг» направил начальнику Генштаба Сухопутных войск письмо, адресованное Гитлеру. В нем он отмечал, что необходимо бросить все силы для успеха операции «Цитадель», что победа под Курском возместит все временные поражения на других участках фронта группы армий «Юг». Далее он подчеркивал, что чем раньше начнется операция «Цитадель», тем меньше будет

опасность большого контрнаступления советских войск на Донбасс.

А теперь посмотрим, что планировало советское командование.

8 апреля маршал Советского Союза Г.К. Жуков представил Верховному Главнокомандующему И.В. Сталину доклад «о возможных действиях противника весной и летом и соображения о наших оборонительных боях на ближайший период». В докладе говорилось:

«…Противник, понеся большие потери в зимней кампании 42/43 года, видимо, не сумеет создать к весне большие резервы для того, чтобы вновь предпринять наступление для захвата Кавказа и выхода на Волгу с целью глубокого обхода Москвы.

Ввиду ограниченности крупных резервов противник вынужден будет весной и в первой половине лета 1943 года развернуть свои наступательные действия на более узком фронте и решать свою задачу строго по этапам, имея основной целью кампании захват Москвы.

Исходя из наличия в данный момент группировок против нашего Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов, я считаю, что главные наступательные операции противник развернет против этих трех фронтов, с тем чтобы, разгромив наши войска на этом направлении, получить свободу маневра для обхода Москвы по кратчайшему направлению».

Маршал Жуков полагал, что на первом этапе противник, собрав максимум своих сил, в том числе до 13–15 танковых дивизий, при поддержке большого количества авиации нанесет удар своей орловско-кромской группировкой в обход Курска с северо-востока и белгородско-харьковской группировкой в обход Курска с юго-востока. Вспомогательный удар «с целью разрезания нашего фронта» ожидался с запада из района Ворожбы, между реками Сейм и Псел, на Курск с юго-запада. Цель наступления – разгромить и окружить 13, 70, 65, 38, 40-ю и 21-ю армии.

Далее в докладе отмечалось:

«…Надо ожидать, что противник в этом году основную ставку при наступательных действиях будет делать на свои танковые дивизии и авиацию, так как его пехота сейчас значительно слабее подготовлена к наступательным действиям, чем в прошлом году.

В настоящее время перед Центральным и Воронежским фронтами противник имеет до 12 танковых дивизий и, подтянув с других участков 3–4 танковые дивизии, может бросить против нашей курской группировки до 15–16 танковых дивизий общей численностью до 2500 танков.

*…Для того чтобы противник разбился о нашу оборону, кроме мер по усилению ПТО (*противотанковая оборона. – Авт *.) Центрального и Воронежского фронтов, нам необходимо как можно быстрее собрать с пассивных участков и перебросить в резерв Ставки на угрожаемые направления 30 полков ИПТАП*(истребительно-противотанковые артиллерийские полки. – Авт.); *все полки самоходной артиллерии сосредоточить на участке Ливны – Касторное – Старый Оскол. Часть полков желательно сейчас же дать на усиление Рокоссовскому* [278] *и Ватутину* [279] *и сосредоточить как можно больше авиации в резерве Ставки, чтобы массированными ударами авиации во взаимодействии с танками и стрелковыми соединениями разбить ударные группировки и сорвать план наступления противника…*

Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю нецелесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выбьем его танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку противника…» [280]

Сопоставление доклада Жукова с планами германского командования показывает, что он сумел правильно определить его замысел. Это позволило в последующем разработать соответствующие меры по срыву наступления противника и его разгрому.

Сталин, получив доклад Жукова, дал указание начальнику Генштаба маршалу Василевскому запросить мнение фронтов. Ватутину и Рокоссовскому Верховный позвонил сам и потребовал представить соображения по оценке фронтовой обстановки и по плану предстоящих действий. В своих донесениях, по свидетельству Василевского, «командующие сообщали, что в отношении сил противника и его намерений их мнение совпадает с мнением Г.К. Жукова и Генерального штаба». И далее Василевский пишет:

«Что касается плана действий войск, командование и штаб Центрального фронта высказывались за то, чтобы объединенными усилиями войск Западного, Брянского и Центрального фронтов уничтожить орловскую группировку врага, пока она еще не подготовилась к наступлению, и тем самым лишить противника возможности использовать ее для нанесения удара через Ливны на Касторное одновременно с ударом от Белгорода. Руководство Воронежского фронта высказалось только по поводу намерений врага» [281].

Сталин после детального изучения предложений командующих фронтами решил, укрепляя оборону на всех

важнейших направлениях, сосредоточить основные усилия севернее и южнее Курска, где, как ожидалось, должны развернуться главные события. Здесь предполагалось создать сильную группировку войск, которая, отразив удары противника, должна была перейти в наступление, нанося главный удар на Харьков, Полтаву и Киев с целью освобождения Донбасса и всей Левобережной Украины. На маршала Жукова возлагалось общее руководство Центральным и Воронежским фронтами и контроль за выполнением указаний Ставки ВГК.

« **Таким образом, уже в середине апреля**, – свидетельствует Жуков, – **Ставкой было принято предварительное решение о преднамеренной обороне**(здесь и далее выделено Жуковым. – Авт.) . *Правда, к этому вопросу мы возвращались неоднократно, а окончательное решение о преднамеренной обороне было принято Ставкой в начале июня 1943 года.*

Главными действующими фронтами на первом этапе летней кампании Ставка ВГК считала Воронежский, Центральный, Юго-Западный и Брянский. Здесь, по нашим расчетам, должны были разыграться главные события. Мы хотели встретить ожидаемое наступление немецких войск мощными средствами обороны, нанести им поражение, и в первую очередь разбить танковые группировки противника, а затем, перейдя в контрнаступление, окончательно его разгромить. Одновременно с планом преднамеренной обороны и контрнаступления решено было разработать также и план наступательных действий, не ожидая наступления противника, если оно будет затягиваться на длительный срок.

Таким образом, оборона наших войск была, безусловно, не вынужденной, а сугубо преднамеренной, и выбор момента для перехода в наступление Ставка поставила в зависимость от обстановки. Имелось в виду не торопиться с ним, но и не затягивать его *»* [282].

О том, что советское командование готовилось встретить наступление немецких войск на Курской дуге упорной обороной, знало и Верховное главнокомандование вермахта. 4 мая в Мюнхене под руководством А. Гитлера состоялось совещание с участием командующих группами армий «Юг» и «Центр» генерал-фельдмаршалов Э. фон Манштейна и Х. Г. фон Клюге, главного инспектора танковых войск генерал-полковника Г. Гудериана, начальника Генерального штаба Сухопутных войск генерал-полковника К. Цейтцлера, командующего 9-й армией генерал-полковника В. Моделя и других высших чинов. В своем докладе Модель отмечал чрезвычайное усиление противотанковой обороны советских войск, а также трудности, связанные с

необходимостью прорыва сильно укрепленной обороны. Доклад Моделя, который пользовался особым доверием Гитлера, произвел на фюрера сильное впечатление. Он стал опасаться, что наступление войск вермахта не будет проведено быстро и успешно или, по крайней мере, так быстро, чтобы осуществить окружение крупных сил войск Красной Армии.

Опасения Гитлера не разделяли ни фон Клюге, ни фон Манштейн, ни Цейтцлер.

«Я также высказался против предложенной Гитлером отсрочки по двум причинам, – пишет фон Манштейн. – *То пополнение танками, которое мы получим, будет, видимо, более чем компенсировано увеличением танков на советской стороне. Ежемесячный выпуск танков составлял у противника не менее 1500 единиц. Кроме того, дальнейшее ожидание приведет к тому, что советские части после потерь в зимнюю кампанию и после недавних поражений, сильно повлиявших на моральный дух и боевые качества вражеских соединений, вновь обретут свою ударную силу. Наконец, укрепление вражеских позиций будет продолжаться с все большей интенсивностью. Против отсрочки операции "Цитадель" говорил также и тот факт, что это значительно увеличило бы опасность в полосе обороны группы. Сейчас противник еще не готов к наступлению на Донце и Миусе. Но в июне он сможет это сделать. Особо я указал на то, что решение всего вопроса определяется в значительной мере общей обстановкой. В случае отсрочки операции "Цитадель" и возможной скорой потери Туниса создастся опасность того, что начало операции "Цитадель" совпадет с высадкой противника на континенте, и мы будем вынуждены тогда сражаться на два фронта. Как бы ни было заманчиво дальнейшее усиление наших танковых частей, все же, по моему мнению, надо было придерживаться назначенного срока. В случае отсрочки группе (*группа армий «Юг». – Авт.) *потребуется наряду с увеличением танков и увеличение количества пехотных дивизий для преодоления системы обороны противника. Я закончил свое высказывание тем, что "Цитадель" не будет легким предприятием, что нужно, однако, сохранить намеченный срок начала операции и, подобно всаднику, первому "перенести свое сердце через препятствие". Это сравнение, как мне вскоре стало ясно, Гитлер, не ценивший ни лошадей, ни всадников, не мог одобрить»* [283].

Гитлер, подводя итоги совещания, заявил о необходимости еще раз обдумать вопрос о проведении операции «Цитадель» в срок или об ее переносе. 11 мая группа армий «Юг» получила приказ о переносе начала операции на середину июня. Фон Манштейн приступил к подготовке войск к предстоящему

наступлению. Ему приходилось решать массу вопросов, связанных с пополнением частей, их материально-техническим обеспечением, укреплением обороны в инженерном отношении. В широком масштабе проводились мероприятия по дезинформации советского командования, осуществлялись ложные передвижения войск, изготавливались макеты танков, которые отправляли в Донбасс для введения в заблуждение вражеской воздушной разведки.

Фон Манштейн в своих мемуарах пишет, что между ним и Главным командованием Сухопутных войск происходил оживленный обмен мнениями по вопросам дальнейшего изменения обстановки и о том, нужна ли вообще операция «Цитадель» ввиду такого оттягивания срока ее начала.

«Переброска оперативных резервов противника ближе к фронту показывала, что их пополнение, видимо, уже было закончено, – отмечал фон Манштейн. – *Если противник все еще находился в обороне, то все же было ясно, что он готовил наступление на фронте Донца и Миуса и – может быть, позже – на участке по обе стороны Харькова. То же самое наблюдалось и перед фронтом группы "Центр", где готовилось наступление противника на Орловской дуге. И на других участках Восточного фронта можно было отметить признаки готовящегося наступления. Начнет ли противник вскоре наступление сам или будет ждать открытия второго фронта, или он перейдет в контрнаступление после наступления немцев, – все это оставалось еще неясным»* [284].

Фон Манштейн при обсуждении этого вопроса с ОКХ все время указывал на следующее: любая дальнейшая оттяжка операции «Цитадель» осложнит наступление; одновременно увеличится риск на участке обороны группы армий «Юг», особенно на «донецком балконе», так как находящиеся там силы не могут долго выдержать наступления крупных сил противника; несмотря на этот риск, при проведении операции «Цитадель» все, как и до этого, зависело от того, будут ли введены все силы для достижения быстрого и решительного успеха этой операции, для чего придется, может быть, пережить кризисное положение в Донбассе, не исключая и возможности отхода.

Фон Манштейн вновь подчеркнул, что советское командование будет добиваться в этом году решающей победы над группой армий «Юг» и что она должна быть ввиду этого сильной на своем северном фланге, а на других участках сохранять свободу действий. На запрос начальника Генерального штаба о том, как командование группы армий «Юг» относится к проведению операции «Цитадель», фон Манштейн ответил, что

она в любом случае будет трудной операцией, которая в случае успеха даст возможность нанести и другие удары, но не высвободит в ближайшее время силы для других театров военных действий.

«На вопрос, целесообразно ли теперь проводить операцию "Цитадель", – пишет фон Манштейн, – *можно было ответить только с точки зрения общего руководства военными действиями. Операция была целесообразна, если бы на ближайшее время, то есть до осени, мы отказались от снятия каких-либо сил с Восточного фронта. Если считать, что западные державы не начнут до осени большие операции по высадке морского десанта, то "Цитадель" возможна; равным образом она будет возможна, если допустить, что западные державы где-либо высадятся и потом будут разбиты – однако только в том случае, если их вынудят оставить свой плацдарм»* [285].

Однако все-таки не удалось добиться ясной позиции Гитлера по этим важным оперативным вопросам. В письме, которое фон Манштейн направил в те дни начальнику Генерального штаба, было следующее примечательное место:

«Так как телефонный разговор по всем этим важным вопросам между группой и ОКХ невозможен в связи с большим расстоянием, я считаю необходимым или установить более тесную личную связь, или в связи с отдаленностью Главного командования дать соответствующую оперативную свободу действий на востоке. Нетерпимо такое положение, когда командующие группами армий информируются об общей обстановке только военными бюллетенями, нетерпимо, далее, и отсутствие какого бы то ни было общения между начальниками высших военных инстанций» [286].

А теперь посмотрим, что происходило в советской Ставке. И.В. Сталин неоднократно получал от всех видов разведки сведения о сроках начала операции «Цитадель». 8 мая штабы Центрального, Брянского, Воронежского и Юго-Западного фронтов были предупреждены Ставкой ВГК о том, что удары на орловско-курском или белгородско-обоянском направлении следует ожидать 10–12 мая. Затем, 20 мая, в войска пошла директива с новыми сведениями, полученными от агентурной разведки: противник намечает начать наступление в период 19–26 мая. При этом некоторые командующие фронтами продолжали сомневаться в целесообразности преднамеренной обороны. Особую активность проявлял командующий Воронежским фронтом генерал Н.Ф. Ватутин, который, не отрицая оборонительных мероприятий, настойчиво пытался убедить И.В. Сталина и маршала А.М. Василевского в необходимости

нанесения упреждающего удара по белгородско-харьковской группировке противника. В этом его поддерживал член военного совета фронта Н.С. Хрущев. Сталин приказал тщательно проработать и такой вариант. Но маршал Г.К. Жуков, твердо уверенный в своей правоте, отстаивал ранее разработанный план. Его точку зрения разделяли маршал А.М. Василевский и заместитель начальника Генштаба генерал-полковник А.И. Антонов.

«После многократных обсуждений, – пишет Жуков, – *Верховный решил встретить наступление немцев огнем всех видов глубоко эшелонированной обороны, мощными ударами авиации и контрударами оперативных и стратегических резервов. Затем, измотав и обескровив врага, добить его мощным контрнаступлением на белгородско-харьковском и орловском направлениях, после чего провести глубокие наступательные операции на всех важнейших направлениях»* [287].

Тем временем войска группы армий «Юг» завершали подготовку к наступлению. Им приказывалось сосредоточенными силами из района Белгорода и к западу от него прорвать линию обороны противника и на рубеже Прилепы, Обояни, восточнее Курска встретиться с наступающей армией группы армий «Центр». Главное направление удара предписывалось прикрыть с запада и с востока [288].

Группе армий «Центр» предстояло нанести массированный удар с рубежа Тросна, район севернее Малоархангельска, прорвать оборону на участке Фатеж, Веретиново, сосредоточивая основные усилия на своем восточном фланге, и соединиться с ударной армией группы армий «Юг» у Курска и восточнее. Для прикрытия наступающей группировки с востока необходимо было в кратчайший срок выйти на рубеж Тим, восточнее Щигры, р. Сосна, не ослабляя направление главного удара. Прикрытие наступающей группировки с запада следовало осуществить частью имеющихся сил. Часть сил группы армий «Центр», расположенная на участке западнее р. Тросна до разграничительной линии с группой армий «Юг», получила задачу с началом наступления сковать советские войска путем проведения местных атак специально созданными ударными группами и своевременно нанести удары по окружаемой группировке противника.

В конце мая – начале июня с участием фон Манштейна на учениях штаба 4-й танковой армии, ее соединений и частей были тщательно проработаны все детали боевых действий на первом этапе операции «Цитадель». Во всех дивизиях состоялись боевые стрельбы, тренировки на картах с привлечением всех командиров,

от взвода до полка. Все занятия проводились на местности, где были возведены сооружения, похожие на оборонительную полосу 6-й гвардейской армии Воронежского фронта, которую им предстояло прорывать.

27 июня фон Манштейн отдал приказ о наступлении. По предложению командующего 4-й танковой армией в приказ был включен пункт о предварительной атаке после полудня 4 июля с целью захвата наблюдательных пунктов, необходимых артиллерийским корректировщикам для ведения эффективного огня по главной оборонительной полосе Воронежского фронта. Армейская группа «Кемпф» (3-й танковый, 11-й и 42-й армейские корпуса) под командованием генерала танковых войск В. Кемпфа должна была силами 3-го танкового и 11-го армейского корпусов наступать на Белгород и к юго-востоку от города. На 42-й армейский корпус возлагалось обеспечение связи с войсками на Северском Донце и главной линии обороны группы армий «Юг». 4-й танковой армии (52-й армейский, 48-й танковый корпуса, 2-й танковый корпус СС) генерал-полковника Г. Гота предстояло осуществить прорыв на Курск навстречу 9-й армии, а затем уничтожить советские войска, отрезанные западнее Курска. Кроме того, 52-й армейский корпус должен был присоединиться к наступлению танковой группировки на западном фланге.

Наступление главных сил поддерживал 4-й воздушный флот (1100 самолетов) генерала авиации О. Деслоха, состоявший из трех авиагрупп пикирующих бомбардировщиков, трех групп штурмовиков и трех-четырех групп бомбардировщиков. Для обороны рубежа р. Миус фон Манштейн выделил 6-ю армию (три армейских и один танковый корпус) генерала К.-А. Холлидта, вновь сформированную в марте 1943 г., а рубежа на Северском Донце – 1-ю танковую армию (три армейских и один танковый корпус) генерал-полковника Э. фон Макензена и корпус на правом фланге армейской группы «Кемпф». В своем резерве фон Манштейн оставил только одну танковую, одну моторизованную и одну пехотную дивизии.

Гитлер, принимая 11 мая решение об отсрочке начала операции «Цитадель», в последующем еще несколько раз откладывал ее. Окончательное решение у него созрело только к концу июня. 1 июля в ставку фюрера в Восточной Пруссии были вызваны все командующие объединениями и командиры корпусов сухопутных войск и воздушного флота, которым предстояло принять участие в предстоящей операции. На этом совещании Гитлер сообщил о начале 5 июля операции «Цитадель». *«Свое решение начать операцию “Цитадель” он обосновывал правильно тем, что мы не можем больше ждать,* – вспоминал фон

Манштейн, – *пока противник начнет свое наступление, возможно, лишь зимой или после открытия второго фронта. Быстрый и полный успех наступления желателен также в связи с тем влиянием, какое он окажет на наших союзников и на нашу родину»* [289].

Какие же силы были сосредоточены Главным командованием Сухопутных войск для проведения операции «Цитадель» и Ставкой ВГК для ее срыва?

Войска Центрального фронта насчитывали свыше 710 тыс. человек, 5280 орудий всех калибров, более 5,6 тыс. минометов, 1783 танка и САУ, около 1, 1 тыс. самолетов. Им противостояла группировка войск группы армий «Центр», имевшая 460 тыс. человек, около 6 тыс. орудий и минометов и до 1,2 тыс. танков и штурмовых орудий.

Воронежский фронт насчитывал около 630 тыс. человек, свыше 4 тыс. орудий всех калибров, 4150 минометов, 1661 танк и САУ, около 1,1 тыс. самолетов. Против его войск были сосредоточены 4-я танковая армия и армейская группа «Кемпф» группы армий «Юг» и 2-я полевая армия группы армий «Центр»; всего 440 тыс. человек, 4 тыс. орудий и минометов и до 1,5 тыс. танков и штурмовых орудий [290]. В. Замулин приводит другие данные: в трех танковых корпусах группы армий «Юг», нацеленных на прорыв главной полосы обороны Воронежского фронта, насчитывались 1261 танк и 424 штурмовых орудия. При этом в 4-й танковой армии подавляющее большинство были средние и тяжелые танки: в 48-м танковом корпусе – 89 %, а во 2-м танковом корпусе СС – более 90 % [291].

В тылу Воронежского и Центрального фронтов был развернут Степной военный округ, насчитывавший 573 тыс. человек, около 4 тыс. орудий, 4 тыс. минометов, 1550 танков и САУ [292].

Войска Центрального, Воронежского фронтов и Степного военного округа превосходили противника в людях в 2,1 раза, по орудиям и минометам – почти в 2,8, а по танкам и САУ – в 1,9 раза.

Командующий Воронежским фронтом генерал армии Н.Ф. Ватутин считал, что противник может нанести одновременно удары в направлениях: из района Белгорода на Обоянь; от Белгорода на Корочу и Волчанск, Новый Оскол. В то же время он склонялся к тому, что группа армий «Юг» предпримет наступление через полосу 6-й гвардейской армии, так как это был наиболее короткий путь к Обояни, и здесь находились два из четырех танкопроходимых коридоров: Белгород – Обоянь и Томаровка – Обоянь. С учетом этого Ватутин решил сосредоточить главные усилия на укреплении 164-

километрового участка левого крыла фронта (68 % от общей протяженности линии обороны). Здесь было сосредоточено 83 % всех стрелковых дивизий фронта, до 90 % танков и САУ и более 86 % артиллерии.

Основными элементами оборонительного рубежа должны были стать три полосы глубиной от 30 до 50 км: главная полоса с передним краем на достигнутом рубеже (первый армейский рубеж) протяженностью 245 км; вторая полоса (второй армейский рубеж) протяженностью 216 км; тыловая армейская оборонительная полоса, имевшая протяженность около 250 км. Первые две полосы обороны составляли тактическую зону обороны, основой которой являлась главная полоса, куда выделялась бóльшая часть сил и средств дивизий (корпусов) армий первого эшелона. Глубина тактической зоны обороны впервые за годы войны составила 15–20 км. Она имела хорошо развитую систему траншей, ходов сообщения, огневых позиций и других инженерных сооружений. На всем участке перед передним краем главной полосы была создана система сплошного заграждения, включавшая минные поля и колючую проволоку в три ряда кольев.

Большое внимание уделялось противотанковой обороне, возведению искусственных препятствий – эскарпов и противотанковых рвов. Основу системы противотанковой обороны составляли противотанковые опорные пункты (ПТОП), которые располагались, как правило, в ротных или батальонных оборонительных районах. На главной полосе обороны 6-й гвардейской армии было создано 20 ПТОПов, на второй полосе – 11, а в полосе 69-й армии – 19 противотанковых опорных пунктов. Средняя плотность артиллерии на 1 км фронта составляла 8,8 орудия, 17 минометов и 5,8 орудия противотанковой артиллерии. Для борьбы с танками противника намечалось использовать зенитную, самоходную артиллерию, гвардейские минометы и танки, артиллерийско-противотанковые и танковые резервы, подвижные отряды заграждения.

Таким образом, войскам фон Манштейна предстояла нелегкая задача по прорыву сильно укрепленной обороны соединений Воронежского фронта.

2 июля Ставка ВГК сообщила командующим войсками Западного, Брянского, Центрального, Воронежского, Юго-Западного и Южного фронтов, что, по имеющимся сведениям, противник может перейти в наступление в период 3–6 июля.

3 июля фон Манштейн вылетел в Бухарест, где вручил маршалу Антонеску знак за крымскую кампанию. Вечером того же дня фон Манштейн вернулся в штаб группы армий «Юг». На

следующий день он приказал оперативной группе штаба развернуться ближе к линии фронта, чтобы непосредственно руководить боевыми действиями войск. В качестве командного пункта служил штабной поезд, поставленный на запасный путь в лесу. Он состоял из двух жилых и двух рабочих вагонов для фон Манштейна и его начальника штаба, рабочего и спального вагонов, вагона-столовой для оперативного отдела и для основной части разведывательного отдела, телефонного и радиовагонов, вагона для караульной команды и зенитного расчета 20-мм орудий. Использование штабного поезда вполне себя оправдало. Располагаясь за линией фронта, где проводилась важная операция, можно было легко попасть на машине или самолетом ко всем командирам и во все части. Не раз фон Манштейн совершал поездки на большие расстояния вдоль фронта, посещая за день штабы и части одного участка, а ночью вновь отправляясь на следующий участок.

В ночь на 5 июля в штаб Центрального фронта позвонил командующий 13-й армией генерал Н.П. Пухов. Он доложил, что захваченный пленный сообщил о начале немецкими войсками наступления около 3 часов утра. Командующий фронтом генерал К.К. Рокоссовский по согласованию с представителем Ставки ВГК маршалом Г.К. Жуковым принял решение о проведении 30-минутной артиллерийской контрподготовки. Ее эффективность оценивается непосредственными участниками тех событий по-разному.

Маршал Г.К. Жуков считал, что *«артиллерийская контрподготовка нанесла врагу большие потери и дезорганизовала управление наступлением войск, но мы все же ждали от нее больших результатов. Наблюдая ход сражения и опрашивая пленных, я пришел к выводу, что как Центральный, так и Воронежский фронты начали ее слишком рано: немецкие солдаты еще спали в окопах, блиндажах, оврагах, а танковые части были укрыты в выжидательных районах. Лучше было бы контрподготовку начать примерно на 30–40 минут позже»* [293].

Столь же реально оценивает результаты артиллерийской контрподготовки и маршал И.С. Конев: *«Следует заметить, что на обоих фронтах первый мощный огневой удар был нанесен по главным средствам атаки. Однако сорвать наступление противника не удалось, хотя взаимодействие между основными силами и средствами первого эшелона врага было нарушено, а сила первоначального его удара значительно ослаблена… Конечно, эффект контрподготовки мог бы быть выше, если бы более точно были определены места сосредоточения пехоты и танков врага в исходном положении в ночь на 5 июля и если бы она была начата в*

тот момент, когда противник вышел из укрытий после ночного отдыха перед боем. К сожалению, удары нашей авиации по аэродромам противника были малоэффективными, так как противник с рассветом 5 июля поднял свою авиацию в воздух» [294].

Есть и более положительные оценки. Например, маршал А.М. Василевский, находившийся в начале Курской битвы на Воронежском фронте, отмечал: *«Противник, находившийся в исходном для наступления положении, понес большие потери в живой силе и технике. Дезорганизована была подготовленная им система артиллерийского огня, нарушено управление войсками. Понесла потери и вражеская авиация на аэродромах, а связь с нею у общевойскового командования тоже нарушилась… Гитлеровцы с трудом смогли начать наступление вместо 3 часов утра 5 июля тремя часами позже»* [295].

Артиллерийская контрподготовка – дело серьезное. Противник обязательно должен оценить ее масштабы и вред, причиненный его войскам. Но фон Манштейн почему-то не упомянул о ней в своих мемуарах.

В 3 часа по берлинскому времени началась артиллерийская подготовка в полосах групп армий «Центр» и «Юг». Одновременно бомбардировочная и штурмовая авиация массированными налетами группами до 50–60 самолетов производила бомбардировку и обстрел боевых порядков войск Центрального и Воронежского фронтов.

В полосе группы армий «Юг» события развивались следующим образом. По войскам 7-й гвардейской армии генерала М.С. Шумилова 5 июля нанесла удар армейская группа «Кемпф» (свыше 400 танков и штурмовых орудий) [296]. Ее правофланговый 11-й армейский корпус генерала Раусса не сумел продвинуться до намеченного рубежа на р. Короча, а вышел только в район высот западнее рубежа р. Корень. Несмотря на это, корпус оттянул на себя часть сил из состава оперативных резервов Воронежского фронта, располагавшихся восточнее Волчанска. В последующие дни 11-й армейский корпус, ведя тяжелые оборонительные бои, нанес частям 7-й гвардейской армии значительные потери, в том числе и в танках.

Части 3-го танкового корпуса, преодолев р. Северский Донец, встретили упорное сопротивление и понесли большие потери. Они вынуждены были остановиться перед второй оборонительной полосой 7-й гвардейской армии. Фон Манштейн, переговорив с командиром корпуса генералом Г. Брейтом и его командирами дивизий, решил все-таки продолжить наступление. Командующий группой армий «Юг» усилил корпус 198-й пехотной дивизией, стоявшей в качестве резерва в тылу 1-й танковой армии, несмотря

на то, что и там создавалось опасное положение.

Главный удар силами 4-й танковой армии (около 1 тыс. танков и штурмовых орудий) был нанесен 5 июля в полосе 6-й гвардейской армии генерала И.М. Чистякова. Несмотря на ее упорное сопротивление, соединения 4-й танковой армии смогли на отдельных участках прорвать главную полосу обороны. Генерал И.М. Чистяков в своих мемуарах отмечал: *«За двадцать часов наступления противнику так и не удалось прорвать оборону армии ни на одном направлении и на всю глубину ее боевых порядков, как это предусматривалось планом "Цитадель". Гитлеровцы, понеся колоссальные потери, вклинились в нашу оборону на отдельных участках на 8—10 км»* [297].

Насчет «колоссальных потерь» явное преувеличение. Войска 4-й танковой армии создали реальную угрозу прорыва к Обояни. Командующий Воронежским фронтом генерал армии Ватутин вынужден был около шести часов вечера 5 июля потребовать от командующего 1-й танковой армией выдвинуть 6-й танковый и 3-й механизированный корпуса на второй оборонительный рубеж 6-й гвардейской армии. Им предстояло прочно закрепиться на рубеже Меловое, Яковлево. Одновременно предписывалось быть в готовности с рассветом 6 июля перейти в контрнаступление в направлении на Томаровку. В районы Тетеревино и Гостищево из резерва Воронежского фронта выдвигались 5-й и 2-й гвардейские танковые корпуса в готовности также с рассветом 6 июля нанести контрудар в направлении Белгорода. Оба корпуса в оперативном отношении были подчинены командующему 6-й гвардейской армией.

Соединения 1-й танковой армии генерала М.Е. Катукова, совершив ночной марш, утром 6 июля перешли к обороне на указанном рубеже. По данным штаба 1-й танковой армии, непосредственно против ее войск наступал 48-й танковый корпус генерала О. фон Кнобельсдорфа. Он включал моторизованную дивизию «Großdeutschland» («Великая Германия»), 3-ю, 11-ю танковые и 332-ю пехотную дивизии, танковую дивизию «Leibstandarte-SS Adolf Hitler» 2-го танкового корпуса СС. В полосе обороны 5-го и 2-го гвардейских танковых корпусов действовали танковые дивизии СС «Totenkopf», «Reich» и 167-я пехотная дивизия.

Утром 6 июля войска 4-й танковой армии генерала Гота возобновили наступление, нанося два удара: один из района Черкасского на северо-восток в направлении на Луханино; второй из района Быковки вдоль шоссе на Обоянь. До 160 танков четырьмя колоннами вышли на участок Чапаев, Шепелевка и пытались с ходу прорвать оборону. Но здесь они встретили

мощный огонь стрелковых частей, 6-го танкового корпуса генерала А.Л. Гетмана, а также отдельных танковых и артиллерийских соединений и частей. Противник группами по 40–50 танков четыре раза повторял атаки, но все они были отбиты. Вдоль Обоянского шоссе наступало до 400 танков. Их встретил 3-й механизированный корпус генерала С.М. Кривошеина, который в течение дня отразил 8 атак. *«Уже первые донесения с поля боя под Яковлево показывали,* – пишет М.Е. Катуков, – *что мы делаем совсем не то, что надо. Как и следовало ожидать, бригады несли серьезные потери. С болью в сердце я видел с НП, как пылают и коптят тридцатьчетверки. Нужно было во что бы то ни стало добиться отмены контрудара. Я поспешил на КП, надеясь срочно связаться с генералом Ватутиным и еще раз доложить ему свои соображения»* [298].

По воспоминаниям Катукова, в это время ему позвонил Сталин, который согласился с предложением командующего 1-й танковой армией об отмене контрудара. Действительно, вскоре генерал Ватутин принял такое решение.

Командующий 4-й танковой армией генерал Гот, не сумев прорваться через боевые порядки 6-го танкового и 3-го механизированного корпусов, перегруппировал свои силы и нанес удар по 5-му гвардейскому танковому корпусу генерала А.Г. Кравченко. Его части в это время совместно со 2-м гвардейским танковым корпусом наносили контрудар по правому флангу танковой группировки врага, рвавшейся на Обоянь. К утру 7 июля 5-й гвардейский танковый корпус, потеряв 110 боевых машин, под натиском превосходящих сил 4-й танковой армии был вынужден отойти на новый оборонительный рубеж Беленихино, Тетеревино [299]. Части 4-й танковой армии, захватив Лучки, продвигались к Ясной Поляне. 2-й гвардейский танковый корпус, которым командовал полковник А.С. Бурдейный, сумел частью сил форсировать Липовый Донец севернее Шопина, но сломить сопротивление врага не смог. По приказу командующего Воронежским фронтом корпус отошел на восточный берег реки.

В ночь на 7 июля генерал Ватутин приказал командующему 1-й танковой армией выдвинуть 31-й танковый корпус генерала Д.Х. Черниенко в район Тетеревино, где враг прорвал оборону стрелковых частей. Корпусу предстояло уничтожить прорвавшегося противника. Для усиления корпуса командующий фронтом направил из своего резерва 29-ю истребительно-противотанковую артиллерийскую бригаду, 180-ю и 192-ю танковые бригады 38-й армии, а также два истребительно-противотанковых артиллерийских и один минометный полк, три истребительно-противотанковых артиллерийских дивизиона и

два батальона противотанковых ружей [300]. Одновременно из полосы 3-го механизированного корпуса на укомплектование выводились понесшие большие потери 52-я и 67-я гвардейские стрелковые дивизии 6-й гвардейской армии. На угрожаемое направление сосредоточивались усилия авиации фронта.

По просьбе командующего Воронежским фронтом Сталин распорядился выдвинуть в район севернее станции Прохоровка из состава 5-й гвардейской армии 10-й танковый корпус (185 танков и САУ) генерала В.Г. Буркова. Из состава Юго-Западного фронта начал выдвижение 2-й танковый корпус генерала А.Ф. Попова. Одновременно Ставка ВГК отменила ранее принятое решение о передаче 27-й армии Центральному фронту. Кроме того, на угрожаемое направление перебрасывались еще две общевойсковые армии. Воронежскому фронту была поставлена задача остановить стремительное наступление противника на рубеже р. Псел и захватить в свои руки инициативу.

На рассвете 7 июля части моторизованной дивизии «Großdeutschland» и 11-й танковой дивизии нанесли удар вдоль обоянского шоссе по 3-му механизированному корпусу с целью охватить его левый фланг. Наступление, в котором приняли участие до 700 танков и самоходных орудий, поддерживала авиация группами по 60–80 самолетов. В ходе ожесточенных боев соединения 3-го механизированного корпуса были оттеснены на 5–6 км. Для прикрытия своего левого фланга командующий 1-й танковой армией генерал Катуков выдвинул 200-ю танковую бригаду 5-го танкового корпуса, а из резерва фронта была направлена 180-я танковая бригада.

Одновременно был нанесен удар по 31-му танковому корпусу, который отошел на западную окраину деревни Грезное, оставив Большие Маячки. В результате левый фланг 1-й танковой армии оказался отброшенным на северо-запад, а полоса ее обороны растянулась на 45 км. Для прикрытия этого направления генерал Ватутин приказал перебросить из 38-й и 40-й армий 309-ю стрелковую дивизию, три истребительно-противотанковые артиллерийские бригады, гаубичный, минометный и танковый полки, части 9-й зенитной дивизии. В свою очередь командующий 1-й танковой армией генерал Катуков усилил 31-й танковый корпус 192-й танковой бригадой и истребительно-противотанковым артиллерийским полком из состава 40-й армии.

Тем временем командующий Воронежским фронтом принял решение по нанесению в 11 часов 30 минут 8 июля контрудара по правому флангу вклинившейся группировки 4-й танковой армии. Для этого привлекались четыре танковых корпуса (2-й и 5-й гвардейские, 2-й и 10-й), три стрелковые дивизии (89-я

гвардейская, 183-я и 375-я) 69-й армии, 6-й танковый корпус 1-й танковой армии и левофланговые соединения 40-й армии. Замысел состоял в том, чтобы одновременным ударом пяти танковых корпусов при поддержке стрелковых дивизий окружить и уничтожить правофланговые соединения 4-й танковой армии. Остальным войскам 1-й танковой армии предстояло выполнять прежнюю задачу – не допустить прорыва к Обояни и быть в готовности нанести контрудар в южном направлении. В подчинение командующему армией передавались 86-я танковая, 33-я пушечная артиллерийская бригады, два истребительно-противотанковых и один минометный полк.

Однако командующий 4-й танковой армией генерал Гот упредил контрударную группировку Воронежского фронта. Утром 8 июля, прикрывшись со стороны выдвигавшихся танковых корпусов фронта частью сил и противотанковыми средствами, войска 4-й танковой армии возобновили наступление против 1-й танковой армии. Части 6-го танкового и 3-го механизированного корпусов сумели удержать занимаемые позиции. Однако в полосе 31-го танкового корпуса части дивизии «Leibstandarte-SS Adolf Hitler» сумели прорваться к р. Сухая Солотинка, где вошли в соприкосновение с 11-й танковой дивизией 48-го танкового корпуса. Это вынудило части 3-го механизированного корпуса отойти к Кочетовке. Несмотря на это, генерал Ватутин приказал соединениям контрударной группировки атаковать противника. Но контрудар не достиг своей цели. Войска Воронежского фронта потеряли 343 танка и САУ, а 2-й танковый корпус СС, по сведениям его штаба, – 17 танков, а около 100 нуждались в ремонте [301]. В то же время положение 1-й танковой армии несколько упрочилось, а замысел противника по ее разгрому, выходу к р. Псел и форсированию реки с ходу был сорван. К исходу дня 8 июля на рубеже Красный Октябрь, Прохоровка, Козловка заняли оборону подразделения 11-й мотострелковой бригады 10-го танкового корпуса. Западнее оборонялась 237-я танковая бригада 31-го танкового корпуса.

Утром 9 июля после массированных ударов авиации крупные силы 4-й танковой армии атаковали левый фланг 6-го танкового корпуса 1-й танковой армии, пытаясь захватить Сырцево и Верхопенье. Не добившись успеха на этом участке, генерал Гот двумя танковыми группами до 200 танков нанес удары на Кочетовку и Калиновку. В результате удалось прорвать боевые порядки 3-го механизированного и 31-го танкового корпусов. На следующий день моторизованная дивизия «Großdeutschland» и 3-я танковая дивизия сумели прорвать оборону 67-й гвардейской стрелковой дивизии, оборонявшейся на стыке 6-го танкового и 3-

го механизированного корпусов. После упорных боев моторизованная дивизия «Großdeutschland» и 3-я танковая дивизия, продвигаясь на северо-запад, вышли к населенным пунктам Новенькое, Новоселовка-2. Над 6-м танковым корпусом и 90-й гвардейской стрелковой дивизией нависла угроза окружения. Поэтому генерал Катуков приказал им отойти на запад и совместно с 10-м танковым корпусом и 184-й стрелковой дивизией создать прочную оборону. Меры, принятые командующим 1-й танковой армией, позволили остановить на ее правом фланге наступление соединений 4-й танковой армии генерала Гота.

11 июля 3-му танковому корпусу противника удалось прорвать последнюю линию обороны 7-й гвардейской армии. В результате появилась возможность вести боевые действия на незащищенной местности с подходящими подвижными резервами Воронежского фронта, находившимися восточнее Харькова. Фон Манштейн приказал командиру 3-го танкового корпуса своим правым флангом продвигаться на Корочу, а левым флангом во взаимодействии с 4-й танковой армией разгромить 69-ю армию, вклинившуюся между наступающими войсками группы армий «Юг».

За пять дней ожесточенных боев ударные группировки фон Манштейна сумели вклиниться в оборону войск Воронежского фронта на глубину около 35 км. В связи с напряженной обстановкой, создавшейся на белгородско-курском направлении, по решению Ставки ВГК Воронежский фронт был усилен 5-й гвардейской армией генерала А.С. Жадова и 5-й гвардейской танковой армией генерала П.А. Ротмистрова. При этом танковая армия сосредоточивалась в районе Бобрышево, Большая Псинка, Прелестное, Прохоровка с задачей быть в готовности отразить наступление противника, занявшего 8 июля Кочетовку. Армия генерала Жадова должна была выйти на р. Псел, занять оборону и не допустить дальнейшего продвижения противника на север и северо-восток.

Одновременно Ставка ВГК своей директивой № 46196, отданной в 11 часов вечера 9 июля, переименовала Степной военный округ в Степной фронт. В его состав включались 27-я армия с 4-м гвардейским танковым корпусом, 53-я армия с 1-м механизированным корпусом, 47-я армия с 3-м гвардейским механизированным корпусом, 4-я гвардейская армия с 3-м гвардейским танковым корпусом, 52-я армия, 3, 5 и 7-й гвардейские кавалерийские корпуса, 5-я воздушная армия, все части усиления, тыловые части и учреждения Степного военного округа [302].

По плану операции «Цитадель» предусматривалось, что ударные группировки войск групп армий «Центр» и «Юг» должны были соединиться восточнее Курска на четвертый день, то есть 8 июля. Однако истек уже пятый день операции, а эта цель так и не была достигнута. После неудачных попыток прорваться к Курску вдоль шоссе на Обоянь командующий группой армий «Юг» решил сделать это восточнее, через Прохоровку. Войска, наступавшие на корочанском направлении, также получили задачу нанести удар на Прохоровку.

По замыслу командующего 4-й танковой армией генерала Гота, предусматривалось силами 48-го танкового корпуса отбросить 10-й танковый корпус, приданный 1-й танковой армии генерала Катукова, за Псел юго-восточнее Обояни. В дальнейшем, развернувшись на северо-восток, создать условия для планомерного наступления через Псел остальных сил 4-й танковой армии. 52-му армейскому корпусу предстояло по-прежнему прикрывать левый фланг 48-го танкового корпуса в готовности использовать его успех на своем правом фланге [303]. На левом фланге армии 167-я пехотная дивизия должна была поддержать наступление 2-го танкового корпуса СС на Провороть, разгромив советские части у Лескова, а в дальнейшем наступать на высоты восточнее Тетеревино. 2-й танковый корпус СС получил задачу разгромить советские войска южнее Прохоровки и создать предпосылки для дальнейшего наступления через этот населенный пункт.

В свою очередь, командующий Воронежским фронтом в ночь на 11 июля принял решение о переходе частью сил в контрнаступление, чтобы окружить и разгромить основную вражескую группировку, рвущуюся к Обояни и Прохоровке [304]. С этой целью намечалось утром 12 июля силами 5-й гвардейской и 5-й гвардейской танковой армий нанести мощный контрудар из района Прохоровки, а 6-й гвардейской и 1-й танковой армиями – с рубежа Меловое, Орловка в общем направлении на Яковлево. К проведению контрудара привлекалась также часть сил 40-й, 69-й и 7-й гвардейской армий. С воздуха наземные войска прикрывали 2-я и 17-я воздушные армии. Решающая роль в контрударе отводилась 5-й гвардейской танковой армии.

Ставка ВГК, обеспокоенная вклинением войск группы армий «Юг» в оборону соединений Воронежского фронта на корочанском направлении, решила привлечь к контрудару и часть сил Степного фронта. Во втором часу ночи 12 июля командующему фронтом генералу Коневу была направлена директива № 01815 следующего содержания:

«На белгородском направлении противник, силою до

200 танков с пехотой, потеснил части 69-й армии и, наступая в направлении Корочи, к исходу 11.7 вышел в район Киселево, Мазикино, Шейна.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Уничтожить группировку противника, двигающуюся в направлении Корочи и далее к р. Оскол, совместными ударом Рыжова с Обуховым [305] *с юго-востока и Соломатина* [306] *с севера, для чего Рыжова с Обуховым к исходу 13.7 сосредоточить в районе Новый Оскол, Великомихайловка, Сидоровка, Булановка, Слоновка; Соломатина к утру 13.7 из района Солнцево вывести в район Вязовое, Скородное, Боброво-Дворское»* [307].

К трем часам утра 12 июля соединения 5-й гвардейской танковой армии и 33-го гвардейского стрелкового корпуса заняли исходные позиции для перехода в атаку. *«Уже было подписано и отправлено боевое донесение о том, что армия заняла исходное положение для контрудара и готова к выполнению поставленной задачи. Но в четыре часа утра,* – вспоминал командующий 5-й гвардейской танковой армией П.А. Ротмистров, – *последовало приказание командующего фронтом генерала армии Н.Ф. Ватутина срочно направить мой резерв в полосу 69-й армии. Оказалось, что противник вводом в сражение главных сил 3-го танкового корпуса оперативной группы "Кемпф" отбросил части 81-й и 92-й гвардейских стрелковых дивизий и овладел населенными пунктами Ржавец, Рындинка, Выползовка. В случае дальнейшего продвижения подвижных частей врага на север создавалась не только угроза левому флангу и тылу 5-й гвардейской танковой армии, но и нарушалась устойчивость всех войск левого крыла Воронежского фронта»* [308]. В этой связи генерал Ротмистров приказал командиру сводного отряда генералу Н.И. Труфанову форсированным маршем выдвинуться в полосу 69-й армии в район прорыва и *«совместно с ее войсками остановить танки врага, не допуская их продвижения в северном направлении»* [309].

К шести часам утра 12 июля стало известно, что 3-й танковый корпус армейской группы «Кемпф» продолжает продвижение и находится в 28 км юго-восточнее Прохоровки. По распоряжению представителя Ставки маршала Василевского командующий 5-й гвардейской танковой армией приказал командиру 5-го гвардейского Зимовниковского механизированного корпуса направить из района Красное 11-ю и 12-ю механизированные бригады для усиления сводного отряда генерала Труфанова. Командир 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса получил задание развернуть 26-ю танковую бригаду в районе Плота фронтом на юг и прикрыть левый фланг армии. Вскоре командующий Воронежским фронтом приказал объединить все

эти части под командованием генерала Труфанова в оперативную группу. Ей предписывалось совместно с 81-й и 92-й гвардейскими стрелковыми дивизиями и 96-й танковой бригадой 69-й армии «окружить и уничтожить противника в районе Рындинка, Ржавец и к исходу дня выйти на рубеж Шахово – Щелканово» [310].

В результате произошло распыление сил 5-й гвардейской танковой армии, а генерал Ротмистров лишился своего мощного резерва. В 5-м гвардейском Зимовниковском механизированном корпусе остались две из четырех бригад: 24-я танковая и 10-я механизированная.

В 8 часов 30 минут 12 июля после авиационной и артиллерийской подготовки войска 6-й и 5-й гвардейских армий, 1-й и 5-й гвардейской танковых армий перешли в наступление. На направлении главного удара на участке совхоз «Октябрьский», Ямки действовал наиболее сильный по своему составу 29-й танковый корпус 5-й гвардейской танковой армии. Правее, между р. Псел и совхозом «Октябрьский», продвигался ее 18-й танковый корпус, а левее – 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус. На направлении главного удара также были задействованы 42-я гвардейская стрелковая и 9-я гвардейская воздушно-десантная дивизии. В этой связи не совсем корректно высказывание П.А. Ротмистрова о том, что в этом небывалом по размаху танковом сражении «в боевых порядках танков на направлении главного удара пехоты почти не было ни с той, ни с этой стороны» [311].

Одновременно в наступление перешла и ударная группировка 4-й танковой армии генерала Гота. Началось крупное встречное танковое сражение, в котором с обеих сторон, по уточненным данным, участвовало 1160 танков и самоходных (штурмовых) орудий (с советской стороны 670, со стороны противника – 490) [312]. В «Отчете о боевых действиях 5 гв. ТА в период с 7 по 27.7.43 г.» отмечалось, что «развернулось необычное по своим масштабам танковое сражение, в котором на узком участке фронта с обеих сторон участвовало более 1500 танков» [313].

Встречное танковое сражение характеризовалось частыми и резкими изменениями обстановки, активностью, решительностью и большим разнообразием форм и способов боевых действий. На одних направлениях развернулись встречные бои, на других – оборонительные действия в сочетании с контратаками, на третьих – наступление с отражением контратак.

Части 18-го танкового корпуса генерала Б.С. Бахарова, сломив ожесточенное сопротивление противника, к вечеру 12 июля продвинулись всего на 3–4 км, потеряв 55 танков. Командир корпуса принял решение отказаться от дальнейших

бесплодных атак и перейти к обороне. Возможно, поэтому генерал Бахаров приказом наркома обороны Сталина от 25 июля был освобожден от должности и назначен заместителем командира 9-го танкового корпуса.

29-й танковый корпус под командованием генерала И.Ф. Кириченко также преодолел сопротивление противника и к исходу дня продвинулся на 1,5 км. Противник был вынужден отойти в район Грезное. При этом корпус, имевший 212 танков и САУ, потерял 150 боевых машин. 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус перешел в атаку в 10 часов утра, сбил прикрытие противника и начал медленно продвигаться в направлении Ясной Поляны. Однако противник, создав превосходство в силах и средствах, остановил части корпуса, а на отдельных участках и потеснил их. Из 94 танков, участвовавших в наступлении, противник уничтожил 54. Части сводного отряда генерала Труфанова сумели остановить продвижение 3-го танкового корпуса противника. При этом не было должным образом организовано взаимодействие между частями и соединениями. В результате 53-й гвардейский отдельный танковый полк атаковал боевые порядки 92-й гвардейской стрелковой дивизии и 96-й отдельной танковой бригады. После этого полк вступил в огневой бой с танками противника, а затем получил приказ на отход. Приказом командующего 69-й армией генералу Труфанову был объявлен выговор, а командир 92-й гвардейской стрелковой дивизии полковник В. Ф. Трунин позднее отстранен от занимаемой должности.

Войска 5-й гвардейской армии своим правым флангом, преодолев сопротивление вражеских войск, вышли к северной окраине Кочетовки, а на левом фланге вели оборонительные бои на р. Псел. Соединения 6-й гвардейской и 1-й танковой армий, хотя и приняли участие в контрударе, но продвинулись на незначительную глубину. Это объясняется главным образом недостатком времени, которым они располагали для подготовки к контрудару, а также слабым артиллерийским и инженерным обеспечением.

Таким образом, войска Воронежского фронта не сумели разгромить группировку 4-й танковой армии, вклинившуюся в оборону на 30–35 км. Генерал армии Ватутин в полночь 12 июля докладывал Сталину:

«Танковая армия Ротмистрова с приданными ей 2 и 2 гв. тк непосредственно юго-западнее Прохоровки на узком участке фронта сразу вступила во встречное сражение с танковым корпусом СС и 17 тд противника, которые двинулись навстречу Ротмистрову. В результате на небольшом поле произошло

ожесточенное массовое танковое сражение. Противник потерпел здесь поражение, но и Ротмистров понес потери и почти не продвинулся вперед. Правда, Ротмистров не вводил войск своего мехкорпуса и отряда Труфанова, которые частично использовались для парирования ударов противника по армии Крюченкина [314] *и по левому флангу армии Жадова»* [315].

По уточненным данным, 4-я танковая армия 12 июля потеряла 200 танков и штурмовых орудий из 420, а советская 5-я гвардейская танковая армия – 500 танков и САУ из 951 [316]. В половине четвертого утра 13 июля генерал Ротмистров приказал командиру 18-го танкового корпуса закрепиться на занимаемом рубеже, обратив особое внимание на обеспечение правого фланга на рубеже Петровка, Михайловка. Такие же приказы получили и другие корпуса.

По сведениям фон Манштейна, советские войска к 13 июля потеряли на фронте «Цитадель» 24 тыс. человек, 1800 танков, 267 орудий и 1080 противотанковых орудий [317]. В своих мемуарах он почему-то обошел молчанием танковое сражение под Прохоровкой. Ему стало известно, что 9-я армия вынуждена была приостановить наступление и что советские войска перешли в наступление против 2-й танковой армии. Несмотря на это, командующий группой армий «Юг» решил не приостанавливать преждевременно сражения, так как в его распоряжении находился еще 24-й танковый корпус (17-я танковая дивизия и дивизия СС «Wiking»), который он мог бросить в бой как последний козырь.

Все попытки дивизий 33-го гвардейского стрелкового корпуса и корпусов 5-й гвардейской танковой армии потеснить 13 июля войска 4-й танковой армии успеха не имели. Около трех часов ночи 14 июля маршал Василевский докладывал Сталину:

«…Вчера сам лично наблюдал к юго-западу от Прохоровки танковый бой наших 18-го и 29-го корпусов с более чем двумястами танками противника в контратаке. Одновременно в сражении приняли участие сотни орудий и все имеющиеся у нас РСы. В результате все поле в течение часа было усеяно горящими немецкими и нашими танками. В течение двух дней боев 29-й танковый корпус Ротмистрова потерял безвозвратными и временно вышедшими из строя 60 % и 18-й корпус – до 30 % танков. Назавтра угроза прорыва танков противника с юга в районе Шахово, Авдеевка, Александровка продолжает оставаться реальной. В течение ночи принимаю все меры к тому, чтобы вывести полки ИПТАП. Учитывая крупные танковые силы противника на прохоровском направлении, здесь на 14.VII главным силам Ротмистрова совместно со стрелковым корпусом Жадова поставлена задача – разгромить противника в районе Сторожевое,

севернее Сторожевого, совхоз "Комсомолец", выйти на линию Грезное – Ясная Поляна и тем более прочно обеспечить прохоровское направление» [318].

Каковы же были планы Главного командования Сухопутных войск и командующего группой армий «Юг»?

13 июля в ставке Гитлера состоялось совещание с участием командующих группами армий «Центр» и «Юг». В докладе генерал-фельдмаршала фон Клюге отмечалось, что в связи с большими потерями наступление 9-й армии группы армий «Центр» не может продолжаться и не может быть успешным. Фон Манштейн был иного мнения.

– Если говорить о группе армий «Юг», то сражение вошло в решающую стадию, – сказал он. – После успешного отражения атак противника, бросившего в последние дни в бой почти все свои оперативные резервы, победа уже близка. Остановить сейчас битву, вероятно, означало бы упустить победу! Если 9-я армия будет хотя бы только сковывать противостоящие ей силы противника и, может быть, потом возобновит наступление, то мы попытаемся окончательно разбить силами наших армий действующие против нас и уже сильно потрепанные части противника. Затем группа армий «Юг» вновь будет наступать на север, перейдет Псел восточнее Обояни двумя танковыми корпусами и потом, повернув на запад, заставит силы противника, находящиеся в западной части Курской дуги, принять бой с перевернутым фронтом. Чтобы эффективно обеспечить с севера и востока эту операцию, группа Кемпфа должна теперь немедленно получить 24-й танковый корпус. Естественно, что сил группы армий хватит только на то, чтобы продолжать наступление до района южнее Курска. Если же и после преодоления кризиса на Орловской дуге 9-я армия не сможет возобновить наступление, мы попытаемся, по меньшей мере, разбить действующие сейчас против нас силы противника так, чтобы мы могли легко вздохнуть. В противном случае, если разбить противника лишь наполовину, немедленно возникнет кризис не только в Донбассе, но и на фронте «Цитадель».

Доводы фон Манштейна не возымели действия. Гитлер прислушался к мнению фон Клюге, считавшего исключенным возобновление наступления 9-й армии и настаивавшего на том, чтобы вернуть ее на исходные позиции. Фюрер решил, учитывая также необходимость снятия сил для переброски их в район Средиземного моря, остановить осуществление операции «Цитадель». 24-й танковый корпус в связи с угрозой наступления советских войск на Донецком фронте был подчинен группе армий «Юг», но не для свободного использования. Наряду с этим Гитлер

все же согласился с тем, что группа армий «Юг» должна попытаться разбить действующие на ее фронте части противника и создать тем самым возможность снятия сил с фронта «Цитадель» [319].

14 июля 2-й танковый корпус СС, развивая успех, достиг Прохоровки, а 48-й танковый корпус подошел к долине р. Псел западнее Обояни. В этих боях были частично разгромлены, частично сильно потрепаны оперативные резервы Воронежского фронта. Попытки войск 5-й гвардейской и 5-й гвардейской танковой армий 14–15 июля возобновить наступление успеха не имели. Это вынудило 16 июля командующего Воронежским фронтом генерала армии Ватутина отдать приказ о переходе к жесткой обороне.

Фон Манштейн, вернувшись из Ставки фюрера в свой штаб, провел совещание с командующими армиями. По его итогам 16 июля были изданы приказы, согласно которым группе армий «Юг» предстояло нанести удары по противнику еще до окончания битвы в районе Курской дуги. 4-я танковая армия должна была двумя короткими ударами на север и на запад окончательно разбить части Воронежского фронта, расположенные южнее Псела. Армейской группе «Кемпф» предписывалось прикрыть эти атаки, действуя в восточном направлении, и одновременно, взаимодействуя с 4-й танковой армией, уничтожить группировку противника, окруженную на стыке между обеими армиями. В дальнейшем фон Манштейн предусматривал отвести обе армии на исходные позиции, несколько улучшенные в связи с характером местности, чтобы высвободить необходимые силы. Одновременно фон Манштейн просил 4-й воздушный флот, который не смог в эти дни действовать в связи с плохими погодными условиями, перенести свои действия в район на Миусе и Северском Донце, чтобы сорвать замеченные там приготовления советских войск к наступлению [320].

Однако этот план не удалось претворить в жизнь. 17 июля в наступление против немецкой 6-й армии перешли войска Юго-Западного и Южного фронтов. Это вынудило Главное командование Сухопутными войсками изъять часть сил из состава группы армий «Юг». Фон Манштейну было приказано вывести из сражения 2-й танковый корпус СС и направить его в распоряжение ОКХ. 18 июля поступил новый приказ, о передаче двух танковых дивизий в подчинение командующего группой армий «Центр». Ее войска вели ожесточенные боевые действия против войск левого крыла Западного фронта, Брянского и Центрального фронтов, которые 12 июля приступили к осуществлению Орловской стратегической наступательной

операции (операция «Кутузов»). В результате фон Манштейн, лишившись наиболее боеспособных соединений, был вынужден отказаться от запланированных ударов и вернуть свои армии на исходные позиции.

Не только фон Манштейн вынужден был отдавать часть войск для усиления других участков фронта. В этой же ситуации оказался и командующий Степным фронтом генерал Конев. С восьми часов вечера 14 июля по распоряжению Ставки ВГК в состав Воронежского фронта передавалась 27-я армия с 4-м гвардейским танковым корпусом. С 23 часов 18 июля из состава Степного фронта в резерв Ставки ВГК выводились 52-я армия, 3, 5 и 7-й гвардейские кавалерийские корпуса. Взамен генерал Конев получил из состава Воронежского фронта 69-ю и 7-ю гвардейскую армии с занимаемыми ими участками. Кроме этих армий, Степной фронт теперь включал 53-ю армию с 1-м механизированным корпусом, 47-ю армию с 3-м гвардейским механизированным корпусом, 4-ю гвардейскую армию с 3-м гвардейским танковым корпусом. Причем 4-ю гвардейскую армию разрешалось использовать только с разрешения Ставки [321].

И.С. Конев впоследствии отмечал, что он выступал против такого способа использования стратегических резервов. Командующий Степным фронтом категорически возражал против «раздергивания» фронта по частям, предложив использовать его в полном составе для перехода в контрнаступление. Но, как пишет Конев, Ставка не согласилась с этим предложением. 30 июля командующий Степным фронтом направил представителю Ставки ВГК маршалу Жукову телеграмму следующего содержания:

«Докладываю: лучшие четыре армии, механизированный и танковый корпуса из Степного фронта переданы Воронежскому фронту. Включенные в состав фронта(имеется в виду Степного. – Авт.) *две армии Воронежского фронта в результате июльских боев имеют малочисленный состав дивизий и большие потери в материальной части артиллерии и оружия. Танков во фронте мало, в 53-й армии всего 60 танков, в 69-й армии – 88 танков, в 7-й гвардейской армии – 50 танков, в 1-м механизированном корпусе – 200 танков. Фронт имеет активную задачу.*

Прошу распоряжений:

1. Усилить фронт одним танковым корпусом. Полагал бы возможным один танковый корпус взять у Воронежского фронта, в частности 4-й гвардейский танковый корпус или 3-й гвардейский танковый корпус от Кулика.

2. Взамен 47-й армии включить в состав Степного фронта 4-ю гвардейскую армию Кулика или 52-ю армию.

Прошу Вашего решения» [322].

Но вернемся к операции «Цитадель». Ее замысел был окончательно похоронен. Фон Манштейн отмечал: *«Операция "Цитадель" была прекращена немецким Главным командованием еще до исхода сражения по следующим причинам: во-первых, в связи со стратегическим влиянием других театров военных действий (Средиземное море) или других фронтов (2 танковая армия на Орловской дуге), и лишь во-вторых – в связи с тактической неудачей, а именно, остановкой наступления 9 армии, которая поставила под вопрос, по меньшей мере, быстрое достижение исхода сражения»* [323].

По данным фон Манштейна, войска Воронежского фронта потеряли 85 тыс. человек, в том числе 17 тыс. убитыми и около 34 тыс. пленными. Группа армий «Юг» потеряла 20 720 человек, в том числе 3330 убитых [324]. Все соединения, за исключением одной танковой дивизии, остались боеспособными, хотя некоторые пехотные дивизии понесли значительные потери.

Фон Манштейн, оценивая исход операции «Цитадель», отмечал, что «инициатива на Восточном театре военных действий окончательно перешла к советской стороне» [325]. Командующий группой армий «Юг» вынужден был временно снять с северного фланга 3-й танковый корпус и 3-ю танковую дивизию, чтобы с их помощью восстановить положение в Донбассе. Вскоре Гитлер вновь вернул в распоряжение командующего группой армий «Юг» для контрудара в Донбассе 2-й танковый корпус СС, который намечалось перебросить в Италию.

В связи с тем, что предназначенные для контрудара в Донбассе 3-й танковый корпус и 2-й танковый корпус СС, а также танковые дивизии прибывали поочередно, фон Манштейн планировал восстановить положение на участке 1-й танковой армии южнее Северского Донца коротким ударом двух дивизий первого эшелона 2-го танкового корпуса СС. Впоследствии намечалось ударом всех танковых сил ликвидировать большой плацдарм войск Южного фронта в полосе 6-й армии и вновь восстановить оборону на р. Миус.

Гитлер, однако, без всякого объяснения запретил проведение операции в полосе 1-й танковой армии. Это вынудило фон Манштейна направить протест в ОКХ:

«Если не учитывается мое мнение относительно будущего развития событий, если мои планы, нацеленные лишь на устранение возникших не по моей вине осложнений в обстановке, постоянно срываются, то отсюда я могу сделать только тот вывод, что фюрер не имеет необходимого доверия к командованию группы. Я ни в коем случае не думаю, что я никогда не совершал ошибок. Ошибается каждый человек, даже такие полководцы, как

Фридрих Великий и Наполеон. Но я позволю себе указать на то, что 11 армия в очень тяжелых условиях выиграла крымскую кампанию и что группа армий "Юг", попавшая в конце прошлого года почти в безнадежное положение, все-таки сумела выйти из него. Если фюрер полагает, что какой-либо его командующий армией или командующий группой армий имеет более крепкие нервы, чем имели мы в боях прошлой зимой, проявит больше инициативы, чем это сделали мы в Крыму, на Донце и у Харькова, который умеет находить выход лучше, чем это сделали мы в боях за Крым или в последней зимней кампании, или лучше предвидит ход событий, чем это делали мы, то я готов охотно уступить ему мой пост. Но пока я занимаю этот пост, я должен иметь возможность мыслить своей головой» [326].

Протест фон Манштейна остался пока без внимания. Ему пришлось срочно принимать меры для отражения наступления войск Воронежского и Степного фронтов. Первый начал его 16 июля, а второй – 19-го. Войска группы армий «Юг» оказывали упорное сопротивление, удачно используя выгодные условия местности. К 23 июля войска Воронежского и Степного фронтов вышли на рубежи, занимаемые до начала оборонительной операции. 30 июля танковые соединения, переброшенные фон Манштейном, нанесли контрудар в полосе 6-й армии и восстановили положение на р. Миус. Однако в полосе 1-й танковой армии на Северском Донце обстановка оставалась напряженной. 2 августа фон Манштейн доложил ОКХ, что он ожидает в скором времени начала наступления советских войск против северного участка фронта группы армий «Юг» западнее Белгорода. Это наступление будет, видимо, дополнено наступлением юго-восточнее Харькова, преследующим цель взять в клещи немецкие войска в районе Харькова и освободить себе путь к Днепру. Фон Манштейн просил вернуть ему обе танковые дивизии, отданные группе армий «Центр», и оставить танковый корпус СС для использования на северном фланге. Он также приказал вернуть 3-й танковый корпус с 3-й танковой дивизией из Донбасса в Харьков.

Фон Манштейн был хорошим полководцем, умеющим правильно оценивать обстановку и делать верные выводы. Он был недалек от истины. Советское командование готовило сильный удар по группе армий «Юг».

Еще 23 июля представитель Ставки маршал Г.К. Жуков уточнил задачу генерал-полковнику И.С. Коневу:

– Войскам вашего фронта следует подготовить удар на смежном крыле Воронежского фронта в южном направлении, прорвать вражескую оборону, рассечь белгородско-харьковскую

группировку, во взаимодействии с 57-й армией Юго-Западного фронта уничтожить противника в районе Харькова, освободив Харьковский промышленный район. Далее, Иван Степанович, смотрите на Днепр, вас ждут Полтава и Кременчуг.

Задачи войск Степного фронта легли в основу плана Белгородско-Харьковской стратегической наступательной операции (кодовое наименование «Полководец Румянцев»). Ее замысел состоял в том, чтобы мощным фронтальным ударом смежных крыльев Воронежского и Степного фронтов прорвать оборону войск группы армий «Юг» на 22-километровом участке северо-западнее Белгорода, затем рассечь вражескую группировку с последующим охватом и разгромом ее в районе Харькова. Одновременно предусматривалось нанести вспомогательный удар из района Готни на Ахтырку, чтобы обеспечить действия главных сил Воронежского фронта с запада, а наступлением правого крыла (57-я армия) Юго-Западного фронта из района Мартовой на Мерефу оказать содействие Степному фронту в освобождении Харькова.

К началу операции войска Воронежского и Степного фронтов насчитывали 980,5 тыс. человек, более 12 тыс. орудий и минометов, 2,4 тыс. танков и САУ, 1,3 тыс. боевых самолетов [327]. Кроме того, для поддержки войск фронтов были выделены 200 самолетов авиации дальнего действия, часть сил 17-й воздушной армии Юго-Западного фронта и авиации Войск ПВО страны. Им противостояли 4-я танковая армия, армейская группа «Кемпф» группы армий «Юг» и авиация 4-го воздушного флота. Они насчитывали около 300 тыс. человек, до 600 танков и штурмовых орудий, 3 тыс. орудий и минометов, более 1 тыс. боевых самолетов [328]. Войска Воронежского и Степного фронтов имели превосходство в 3,2 раза по живой силе, в 4 раза по орудиям, минометам, танкам и САУ, в 1,5 раза в авиации.

Перед началом операции «Полководец Румянцев» были проведены мероприятия по дезинформации, что позволило привлечь внимание противника к сумскому направлению и обеспечить внезапность ударов советских войск в районе Белгорода. Им предстояло прорвать сильно укрепленную оборону. Ее тактическая зона состояла из главной и вспомогательной полос общей глубиной до 18 км. Главная полоса (6–8 км) включала две позиции, опорные пункты и узлы сопротивления были соединены между собой ходами сообщения полного профиля. Вторая полоса простиралась на 2–3 км. Между первой и второй находилась промежуточная позиция. Населенные пункты были превращены в мощные крепости, а все каменные постройки подготовлены к круговой обороне.

Наступление ударных группировок Воронежского и Степного фронтов началось утром 3 августа. Артиллерийская подготовка была построена следующим образом. Первые 5 минут по переднему краю и всей глубине обороны противника нанесли огневой налет артиллерия, минометы, реактивные системы залпового огня «Катюши», дополненный огнем из стрелкового оружия и пулеметов пехоты. Затем в течение 35 минут осуществлялись контроль прицела и пристрелка орудий тяжелого калибра. В последующие 80 минут артиллерийский, минометный и залповый огонь «Катюш» велся с целью подавления и разрушения разведанных целей. После этого артиллерия и минометы 20 минут вели нарастающий до предельного режима огонь. В довершение артиллерия в течение 45 минут подавляла узлы сопротивления в глубине обороны. В 7 часов 55 минут пехота при поддержке танков прорыва и орудий самоходной артиллерии перешла в атаку. Они, прижимаясь к огневому валу, через 20 минут прорвали передний край обороны. За пехотой продвигались передовые батальоны 1-й и 5-й гвардейской танковых армий. Это позволило быстро ввести в сражение главные силы обеих армий в прорыв после взлома тактической глубины обороны противника.

Наступление велось при тесной поддержке авиации. Первый бомбовый удар был нанесен по штабам, узлам и линиям связи с целью нарушения управления войсками. Второй, третий и четвертый бомбардировочные удары последовательно осуществлялись по артиллерийским позициям в глубине обороны, по скоплениям противника и его резервам. Штурмовики с переходом пехоты в атаку поднялись в небо и в течение двух с половиной часов подавляли артиллерию, минометы и огневые точки противника на обратных скатах высот.

Войска 6-й и 5-й гвардейских, 53-й и 69-й армий прорвали оборону на стыке 4-й танковой армии и армейской группы «Кемпф», значительно расширив прорыв в глубину и в сторону флангов. 4-я танковая армия была оттеснена на запад, а армейская группа «Кемпф» – на юг, по направлению к Харькову.

Утром 5 августа соединения 69-й армии подошли с севера к окраинам Белгорода. Командующий Степным фронтом генерал-полковник И.С. Конев развернул здесь наблюдательный пункт фронта. В это время войска 7-й гвардейской армии, которой командовал генерал М.С. Шумилов, форсировав Северский Донец, создали угрозу гарнизону Белгорода с юга. Части 1-го гвардейского механизированного корпуса перерезали железную и шоссейную дороги на Харьков. В создавшейся обстановке генерал-полковник Конев принял решение с ходу освободить Белгород,

сосредоточив основные усилия в южном направлении. Командующему 5-й воздушной армией генералу С.К. Горюнову было приказано непрерывным воздействием на противника, по его огневым точкам и укрепленному обводу оказать максимальное содействие пехоте и танкам в наступлении на Белгород.

Первыми в Белгород ворвались солдаты 270-го гвардейского стрелкового полка 89-й гвардейской стрелковой дивизии полковника М.П. Серюгина, входившей в состав 69-й армии. Им оказали содействие части 305-й стрелковой дивизии полковника А.Ф. Васильева. К вечеру 5 августа город был очищен от противника. В этот же день соединения 3-й и 63-й армий Брянского фронта выбили врага из Орла. В Москве в ознаменование двух побед – освобождения Орла и Белгорода – прогремел первый за войну артиллерийский салют – 12 залпов из 124 орудий.

Одновременно 5 августа на Воронежском фронте перешли в наступление 40-я армия генерал-лейтенанта К.С. Москаленко и 27-я армия генерал-лейтенанта С.Г. Трофименко. В последующем для разгрома подходящих резервов врага были нанесены удары силами авиации Воронежского, Степного, Юго-Западного и Южного фронтов, авиации дальнего действия.

В результате успешного наступления войск Степного и Воронежского фронтов ширина прорыва вражеской обороны достигла 120 км. Танковые армии продвинулись до 100 км, а общевойсковые армии – на 60–65 км.

6 августа представитель Ставки ВГК маршал Жуков и командующий Степным фронтом генерал-полковник Конев направили Сталину предложения по дальнейшему развитию операции «Полководец Румянцев» [329]. Разгром противника на белгородско-харьковском направлении предлагалось осуществить в два этапа.

На первом этапе войскам 53-й армии с 1-м механизированным корпусом предстояло наступать вдоль шоссе Белгород – Харьков, нанося главный удар в направлении Дергачей с выходом на рубеж Ольшаны, Дергачи, где сменить части 5-й гвардейской армии. На 69-ю армию возлагалась задача наступать в направлении Черемошного, овладеть этим населенным пунктом и затем перейти в резерв Степного фронта. Соединениям 7-й гвардейской армии приказывалось наступать из района Пушкарного на Бродок и Бочковку, овладеть рубежом Черкасское, Лозовое, Циркуны, Ключкин. Частью сил армия должна была наступать на Муром, Терновую, чтобы помочь 57-й армии Юго-Западного фронта форсировать р. Северский Донец в

районе Рубежное, Старый Салтов. Этой армии под командованием генерал-лейтенанта Н.А. Гагена предписывалось нанести удар в направлении на Непокрытую, совхоз им. Фрунзе. Армию предлагалось подчинить командующему Степным фронтом.

Для проведения второго этапа (Харьковской операции) намечалось передать из Воронежского фронта в состав Степного фронта 5-ю гвардейскую танковую армию, которая должна была выйти в район Ольшаны, Старый Мерчик, Огульцы. Операцию планировалось провести следующим образом. Войска 53-й армии во взаимодействии с 5-й гвардейской танковой армией должны были охватить Харьков с запада и юго-запада. С севера на юг с линии Циркуны, Дергачи предстояло наступать 7-й гвардейской армии, с востока с линии совхоз им. Фрунзе, Рогань, охватывая Харьков с юга, – 57-й армии. Войска 69-й армии намечалось развернуть в стыке между 5-й гвардейской и 53-й армиями в районе Ольшаны с задачей наступать на юг для обеспечения Харьковской операции.

Левый фланг Воронежского фронта предусматривалось вывести на линию Отрада, Коломак, Снежков Кут. Эту задачу должны были выполнить 5-я гвардейская армия и левый фланг 27-й армии. 1-ю танковую армию планировалось сосредоточить в районе Ковяги, Алексеевка, Мерефа. Одновременно предлагалось силами Юго-Западного фронта нанести удар из района Замостья по обоим берегам р. Мжа на Мерефу. Частью сил фронт должен был наступать через Чугуев на Основу, а также очистить от противника лес южнее Замостья и выйти на рубеж Новоселовка, Охочая, Верхний Бишкин, Геевка.

Для проведения второго этапа операции маршал Жуков и генерал-полковник Конев просили выделить 35 тыс. человек пополнения, 200 танков Т-34, 100 танков Т-70 и 35 танков КВ, четыре полка самоходной артиллерии, две инженерные бригады и 190 самолетов.

6 августа Сталин утвердил представленный план. По его решению с 24 часов 8 августа Степному фронту из состава Юго-Западного фронта передавалась 57-я армия с задачей ударом в обход Харькова с юга содействовать главной группировке Степного фронта в овладении городом. 9 августа для усиления правого крыла Степного фронта ему передается 5-я гвардейская танковая армия, ранее действовавшая в составе Воронежского фронта.

Основная задача Юго-Западного фронта – нанесение главного удара на юг в общем направлении Голая Долина, Красноармейское, разгром во взаимодействии с Южным фронтом

донбасской группировки противника и овладение районом Горловка, Сталино. Южному фронту предстояло нанести главный удар в общем направлении Куйбышево, Сталино с целью соединения с ударной группой Юго-Западного фронта. Готовность к наступлению Юго-Западного и Южного фронтов – 13–14 августа. На маршала Жукова возлагалась координация действий Воронежского и Степного фронтов, на маршала Василевского – Юго-Западного и Южного фронтов [330].

Сталин также посчитал необходимым дать указания об использовании танковых армий для изоляции харьковской группировки противника. В директиве № 30163 от 10 августа говорилось:

«Ставка Верховного Главнокомандования считает необходимым изолировать Харьков путем скорейшего перехвата основных железнодорожных и шоссейных путей сообщения в направлениях на Полтаву, Красноград, Лозовую и тем самым ускорить освобождение Харькова.

Для этой цели 1-й танковой армией Катукова перерезать основные пути в районе Ковяги, Валки, а 5-й гв. танковой армией Ротмистрова, обойдя Харьков с юго-запада, перерезать пути в районе Мерефы» [331].

На подступах к Харькову войска группы армий «Юг» создали хорошо оборудованную в инженерном отношении оборону, а вокруг города – укрепленный обвод с развитой системой опорных пунктов. Харьков также был приспособлен к обороне. Все это предопределяло крайне ожесточенный характер борьбы.

Это прекрасно понимал командующий Степным фронтом генерал-полковник Конев. *«Мы начали тщательно готовиться,* – вспоминал Иван Степанович. – *Вместе с командующим артиллерией фронта, танкистами, авиаторами, командующими армиями, а в отдельных случаях и командирами дивизий мы изучали наиболее выгодные подступы к городу. С этой целью я выезжал на НП П.А. Ротмистрова, И.М. Манагарова, Н.А. Гагена, М.С. Шумилова, где мы вместе изучали наиболее выгодные подступы к городу, прикидывали, откуда и какими силами лучше нанести удар. Оценивая местность, характер укреплений противника, намечали маневр своими войсками, место, где целесообразно сосредоточить главную ударную силу артиллерии, где удобнее нанести танковый удар, куда нацелить авиацию. Это был сложный процесс. Требовалось учесть все положительное и отрицательное, найти верный ключ к успеху… Я прикидывал в уме все плюсы и минусы, прицеливаясь к Харькову со всех сторон, с разных направлений, и наконец, пришел к окончательному решению: наиболее выгодным направлением для нанесения главного*

удара является северо-западное, где находится 53-я армия… Здесь наилучшие подступы к городу, лес, командные высоты, с которых хорошо просматривается весь Харьков» [332].

Командующий Степным фронтом отчетливо себе представлял, что борьба в городе, который так тщательно подготовлен к обороне, потребует от войск больших усилий, приведет к значительным потерям в личном составе и может принять затяжной характер. Кроме того, бои в городе могли привести к ненужным потерям среди гражданского населения, а также к разрушениям жилых зданий и уцелевших промышленных предприятий. Поэтому генерал-полковник Конев решил расколоть и разбить вражескую группировку по частям на подступах к Харькову, лишить ее взаимодействия с танковыми войсками, наносившими контрудар в районе Богодухова, изолировать Харьков от притока танковых резервов с запада.

10 августа командующий Степным фронтом подписал директиву на овладение Харьковом. По сравнению с первоначальным замыслом задачи войск были уточнены. Соединениям 5-й гвардейской танковой армии предстояло нанести удар западнее Харькова в направлении на Коротич, Люботин, чтобы отрезать пути отхода противника на Полтаву и изолировать Харьков от притока вражеских резервов со стороны Богодухова. 53-я армия и 1-й механизированный корпус наносили удар по западным и северо-западным окраинам Харькова. 69-й армии предписывалось наступать на Харьков с севера, вдоль Московского шоссе, 7-й гвардейской армии – на северо-восточные окраины города, а 57-й армии – на левом крыле фронта, южнее Харькова. Для обеспечения прорыва внешнего оборонительного обвода войска Степного фронта были усилены 4234 орудиями и минометами при соотношении 6,5:1 в пользу войск фронта.

Фон Манштейну также пришлось решать сложную задачу. 8 августа брешь между 4-й танковой армией и армейской группой «Кемпф» в районе северо-западнее Харькова достигала 55 км. В сложившейся обстановке фон Манштейн решил подтянуть к Харькову 3-й танковый корпус, включавший две танковые дивизии СС, которые Гитлер теперь окончательно оставил группе армий «Юг», а также 3-ю танковую дивизию. Командующий армейской группой «Кемпф» получил задачу использовать корпус для удара по восточному флангу клина прорыва войск Степного фронта. Одновременно по западному флангу удар предстояло нанести 4-й танковой армии силами двух танковых дивизий, возвращенных группой армий «Центр», и одной моторизованной дивизией.

«Но было ясно, что этими силами и вообще силами группы

нельзя было далее удерживать линию фронта, – пишет фон Манштейн. – *Потери наших дивизий достигли очень тревожных размеров. Вследствие длительного перенапряжения 2 дивизии не смогли продолжать бой. Вследствие быстрого продвижения противника мы потеряли также большое количество танков, находившихся в ремонтных мастерских за линией фронта. Противник же смог, по-видимому, быстрее, чем мы ожидали, восполнить свои потери, понесенные им во время операции "Цитадель". Но прежде всего он подтянул новые крупные силы с других фронтов»* [333].

11 августа между 1-й танковой армией Воронежского фронта и 3-м танковым корпусом группы армий «Юг» произошло встречное сражение, в ходе которого ему удалось остановить войска армии. В тот же день Ставка ВГК своей директивой № 30164 приказала командующему войсками Степного фронта принять все меры к тому, чтобы 5-я гвардейская танковая армия, не ожидая полного сосредоточения, выступила по маршруту Ковяги, Валки, Новая Водолага и закрыла пути отхода противника из района Мерефы. Частью сил требовалось занять переправы на р. Мжа на участке Соколово, Мерефа [334].

Утром 12 августа между 1-й танковой армией генерала М.Е. Катукова и 3-м танковым корпусом генерала Г. Брайта снова развернулось встречное сражение. Он, имея почти трехкратное превосходство в танках (около 400 против 134), вынудил армию перейти к обороне, а затем потеснил ее на 3–4 км. И только подход к полю сражения частей 5-й гвардейской танковой армии и 32-го гвардейского стрелкового корпуса позволил остановить немецкие танки. На следующий день в сражение вступили соединения 6-й и 5-й гвардейских армий. При поддержке фронтовой авиации они нанесли группе «Кемпф» большие потери, отбросив ее в исходное положение. После этого танковые армии перешли к обороне совместно с подходившими стрелковыми соединениями общевойсковых армий: 1-я танковая армия с 23-м гвардейским стрелковым корпусом 6-й гвардейской армии; 5-я гвардейская танковая армия с 32-м гвардейским стрелковым корпусом 5-й гвардейской армии. Быстрый переход к обороне и умелое ее ведение позволили 5-й гвардейской танковой армии отразить контрудары противника. При этом армия в трехдневных боях потеряла лишь 38 танков и САУ [335]. В результате напряженных боев 12 и 13 августа войска Степного фронта на ряде участков подошли вплотную к городскому обводу и завязали бои на окраинах Харькова.

Фон Манштейн, не сумев прорвать оборону соединений первого эшелона 5-й гвардейской танковой армии, решил обойти

ее с левого фланга силами дивизии СС «Reich». Она 15 августа перешла в наступление и прорвала оборону 13-й гвардейской стрелковой дивизии, оборонявшейся на левом фланге 5-й гвардейской танковой армии, и устремилась в направлении Лозовая, Богодухов. Командующий армией генерал Ротмистров, стремясь остановить части дивизии СС «Reich», утром 16 августа перебросил в район южнее Лозовой из своего резерва 53-й танковый полк и артиллерийско-противотанковый резерв. К трем часам дня они вышли в указанный район, где заняли оборону. Своевременный маневр резервами позволил остановить эсэсовскую дивизию.

Фон Манштейн, убедившись в бесплодности дальнейших наступательных действий на данном направлении, вынужден был искать другое решение. Ему также пришлось принимать меры с целью локализовать наступление Юго-Западного и Южного фронтов. Командующий группой армий «Юг» одновременно вел борьбу против шести полководцев Красной Армии: представителей Ставки ВГК маршалов Г.К. Жукова и А.М. Василевского, командующих фронтами генералов армии Н.Ф. Ватутина и Р.Я. Малиновского, генерал-полковников И.С. Конева и Ф.И. Толбухина. В данном случае пословица «и один в поле воин» не могла быть применима к генерал-фельдмаршалу фон Манштейну.

Войска Юго-Западного (генерал армии Р.Я. Малиновский) и Южного (генерал-полковник Ф.И. Толбухин) фронтов 13 августа при поддержке Азовской военной флотилии приступили к проведению Донбасской стратегической наступательной операции с целью завершить освобождение Донбасса. Оба фронта насчитывали до 1053 тыс. человек, около 21 тыс. орудий и минометов, 1257 танков и САУ и до 1,4 тыс. самолетов [336].

Оборону Донбасса фон Манштейн возложил на 1-ю танковую, 6-ю полевую армии и часть сил армейской группы «Кемпф». Их поддерживала авиация 4-го воздушного флота. Всего они насчитывали около 540 тыс. человек, 5,4 тыс. орудий и минометов, 900 танков и штурмовых орудий, около 1,1 тыс. самолетов [337]. Войска фон Манштейна уступали армиям Юго-Западного и Южного фронтов в 2 раза по личному составу, в 3,8 – по орудиям и минометам, в 1,4 – по танкам и САУ (штурмовым орудиям), в 1,3 раза – по самолетам.

8 августа представитель Ставки ВГК маршал Василевский направил на утверждение Сталину план действий Юго-Западного и Южного фронтов [338]. Согласно плану, Юго-Западному фронту предстояло нанести главный удар из района Изюм на Барвенково, Павлоград, Орехов, разгромить противника и, выйдя в район

Запорожье, Пологи, отрезать пути отхода на запад его донбасской группировке. Войска Южного фронта должны были нанести главный удар из района Куйбышево на Сталино с целью прорвать оборону противника на р. Миус, во взаимодействии с войсками Юго-Западного фронта разгромить его группировку на юге Донбасса и в дальнейшем наступать в направлении Крыма и низовий Днепра.

Для проведения операции от Юго-Западного фронта выделялись 6-я, 12-я, 8-я гвардейская армии, 23-й танковый, 1-й гвардейский механизированный и 1-й гвардейский кавалерийский корпуса, а также авиация 17-й воздушной армии. От Южного фронта привлекались 5-я ударная, 2-я гвардейская и 28-я армии, 2-й и 4-й гвардейский механизированные, 4-й гвардейский кавалерийский корпуса и вся авиация. Для усиления 5-й ударной армии был направлен 3-й гвардейский стрелковый корпус 51-й армии, 28-й армии – 248-я стрелковая дивизия 44-й армии, а 2-ю гвардейскую армию (резерв фронта) намечалось пополнить, доведя численность дивизий до 6,5–7 тыс. человек.

К утру 12 августа намечалось завершить перегруппировку войск, а наступление начать утром 14 августа. Учитывая слабый состав войск Южного фронта, маршал Василевский просил Сталина разрешить начать операцию здесь двумя сутками позже Юго-Западного фронта.

Сталин, рассмотрев представленный план, 10 августа утвердил его.

13 августа из района южнее Змиева перешли в наступление войска 1-й гвардейской армии генерал-полковника В.И. Кузнецова, наносившие вспомогательный удар. 16 августа из района Изюма начала наступление ударная группировка Юго-Западного фронта – 6-я армия генерал-лейтенанта И.Т. Шлемина и 12-я армия генерал-майора А.И. Данилова. Противник, сосредоточив значительное количество танков, артиллерии и авиации, оказал ожесточенное сопротивление. В результате ударная группировка фронта не смогла прорвать вражескую оборону, вклинившись в нее всего на 2,5–3,5 км. Более успешно действовала 1-я гвардейская армия, которая 18 августа овладела Змиевом.

Одновременно после мощной артиллерийской и авиационной подготовки перешли в наступление войска 5-й ударной и 2-й гвардейской армий Южного фронта. Соединения 5-й ударной армии в первый же день сломили сопротивление противника, прорвали его оборону и продвинулись на 10 км. В ночь на 19 августа в прорыв был введен 4-й гвардейский механизированный корпус генерала Т.И. Танасчишина, который

за сутки продвинулся на 20 км, вышел на р. Крынка, захватил там плацдарм и создал угрозу перехвата железной дороги Амвросиевка – Сталино. В течение двух следующих дней ударная группировка Южного фронта не только успешно отражала многократные контратаки войск 6-й армии, но и продолжала развивать наступление, расширяя прорыв. В результате она оказалась расчлененной на две части с обнаженными флангами в месте прорыва. Подвижная группа Южного фронта (4-й гвардейский механизированный и 4-й гвардейский кавалерийский корпуса) генерала Н.Я. Кириченко нанесла удар из района Амвросиевки на юг, чтобы отрезать пути отхода таганрогской группировке врага. 22 августа в сражение из второго эшелона Юго-Западного фронта была введена 8-я гвардейская армия с 23-м танковым и 1-м гвардейским механизированным корпусами.

На ахтырском и харьковском направлениях события развивались следующим образом. Утром 18 августа фон Манштейн силами двух танковых и двух моторизованных дивизий и отдельным танковым батальоном, оснащенным танками «Тигр» и «Пантера», нанес новый удар из района Ахтырки. Им удалось прорвать оборону войск 27-й армии. Одновременно из района южнее Краснокутска дивизия «Totenkopf» нанесла удар на Каплуновку. Попытка командующего Воронежским фронтом генерала армии Ватутина контрударом разгромить ахтырскую группировку противника успеха не имела. Ему удалось остановить наступление войск фронта, а на некоторых участках и потеснить их. После вмешательства Сталина представитель Ставки ВГК маршал Жуков и командующий Воронежским фронтом приняли меры к локализации прорыва ахтырской группировки противника. В сражение были введены 4-я гвардейская армия с 3-м гвардейским танковым корпусом и 47-я армия с 3-м гвардейским механизированным корпусом. Они во взаимодействии с войсками 27-й и 6-й гвардейской армий, 2-м и 10-м танковыми корпусами к 27 августа разгромили ахтырскую группировку фон Манштейна и развернули наступление к Днепру.

В то время как фон Манштейн наносил удар из района Ахтырки, командующий Степным фронтом генерал-полковник Конев предпринял новое наступление на Харьков. Замысел состоял в том, чтобы силами 53-й и 57-й армий более плотно охватить город с запада и юго-запада. Соединениям 53-й армии пришлось вести тяжелые бои северо-западнее Харькова за очищение лесного массива. Наступление 299-й и 84-й стрелковых дивизий этой армии на северную опушку леса не увенчалось

успехом. Тогда генерал-полковник Конев вместе с командующим армией генералом И.М. Манагаровым принял решение: ночной атакой пробить оборону противника и овладеть лесом. Вся артиллерия дивизий, часть армейской артиллерии и танки были выдвинуты на огневые позиции для стрельбы прямой наводкой. После мощного огневого налета части 299-й и 84-й стрелковых дивизий сломили сопротивление противника и овладели лесным массивом. Из резерва в сражение была введена 252-я стрелковая дивизия, которая во взаимодействии с 299-й и 84-й стрелковыми дивизиями к утру 19 августа очистила лесной массив, а затем завязала бои за село Пересечная и переправы через р. Уда.

Части 18-го танкового и 5-го гвардейского Зимовниковского механизированного корпусов 5-й гвардейской танковой армии, ломая сопротивление противника, к исходу дня 22 августа освободили Коротич. Одновременно танковые бригады 57-й армии вышли на рубеж Безлюдовка и южнее, охватив харьковскую группировку врага с юго-востока. Она оказалась под угрозой полного окружения. В ее распоряжении остались лишь одна железная и одна шоссейная дороги, да и те были под постоянными ударами 5-й воздушной армии. Одновременно сосед справа – 5-я гвардейская армия, тесно взаимодействуя с 53-й армией, наступала западнее Харькова.

Бесперспективность дальнейшей борьбы за Харьков, опасность окружения харьковской группировки были настолько очевидны, что единственным шансом на ее спасение от полного истребления оставалось быстрое отступление на юг. Во второй половине дня 22 августа фон Манштейн был вынужден начать отвод своих войск из района Харькова. Однако Гитлер потребовал удержать город, снова подчеркивая, что его падение могло неблагоприятно сказаться на позиции Турции и Болгарии. Но командующий группой армий «Юг» был непреклонен в своем решении. В своих мемуарах он подчеркивал: *«Пусть случилось бы и так, но командование группы не собиралось в бою за Харьков жертвовать армией. 22 августа Харьков был сдан для того, чтобы высвободить силы для обоих угрожаемых флангов группы Кемпфа и предотвратить ее окружение. Командование этой группой, переименованной в 8 армию* [339] *, принял в это время мой бывший начальник штаба генерал Велер. Я хорошо сработался с генералом Кемпфом. Но против этой перемены, сделанной по указанию Гитлера, я не возражал»* [340].

Генерал-полковник Конев, стремясь не дать фон Манштейну возможности вывести из-под удара свои войска и не допустить полного разрушения Харькова, отдал приказ о ночном штурме города. Всю ночь на 23 августа в Харькове шли уличные бои.

Войска Степного фронта умело обходили опорные пункты врага, просачивались в его гарнизоны с тыла. К 11 часам Харьков был полностью освобожден. Часть группировки, оборонявшей город, была уничтожена, а ее остатки отошли. И.С. Конев, вспоминая события того времени, отмечал: *«…Победа в битве за Харьков досталась нам нелегко. Войска фронта наступали против мощной, еще не рассосавшейся танковой группировки противника, наносившей удар на южном фасе Курской дуги»* [341].

С освобождением Харькова завершилась Белгородско-Харьковская стратегическая наступательная операция, а вместе с ней и вся Курская битва. Были созданы предпосылки для перехода в общее наступление, освобождения Левобережной Украины и выхода к Днепру. В ходе операции потери войск Воронежского и Степного фронтов составили: безвозвратные – 71 611, санитарные – 183 955 человек, 1864 танка и САУ, 423 орудия и миномета, 153 боевых самолета [342].

Генерал Ф.В. фон Меллентин, оценивая итоги Курской битвы, писал: *«Русское Верховное Главнокомандование руководило боевыми действиями в ходе Курской битвы с большим искусством, умело отводя свои войска и сводя на нет силу удара наших армий при помощи сложной системы минных полей и противотанковых заграждений. Не довольствуясь контрударами внутри Курского выступа, русские нанесли мощные удары на участке между Орлом и Брянском и добились значительного вклинения… Операция "Цитадель" закончилась полным провалом. Правда, потери русских были больше, чем немцев; надо также отметить, что с тактической точки зрения ни одной из сторон не удалось достигнуть решающего успеха… После провала этого наступления, потребовавшего от немецких войск высшего напряжения, стратегическая инициатива перешла к русским»* [343].

С этим выводом был согласен и генерал Гудериан *: «В результате провала наступления "Цитадель" мы потерпели решительное поражение… Инициатива полностью перешла к противнику»* [344].

Генерал-фельдмаршал фон Манштейн в битве под Курском потерпел поражение, но он сумел избежать полного разгрома.

Глава 6
Схватка за Днепр

25 августа 1943 г. в Москве в кабинете И.В. Сталина состоялось обсуждение обстановки и дальнейших задач общего наступления всех фронтов. В соответствии с принятым решением на летне-осеннюю кампанию, главный удар намечалось нанести на юго-западном направлении с целью освобождения Донбасса и богатых районов Украины. Для достижения этой цели планировалось привлечь войска Центрального, Воронежского, Степного, Юго-Западного и Южного фронтов. Им предстояло глубокими рассекающими ударами разгромить войска групп армий «Юг» и «Центр», выйти к Днепру, форсировать его с ходу крупными силами на широком фронте и, упреждая противника в организации и восстановлении обороны на правобережье, захватить несколько плацдармов. Войска Западного, Брянского фронтов и левого крыла Калининского фронта получили задачу наступать на смоленском и брянско-гомельском направлениях и тем самым лишить противника возможности перебрасывать силы на Украину. На юге предполагалось освободить Таманский полуостров и овладеть плацдармами на Керченском полуострове.

К началу битвы за Днепр Центральный, Воронежский, Степной, Юго-Западный и Южный фронты насчитывали 2 633 тыс. человек, свыше 51,2 тыс. орудий и минометов, более 2,4 тыс. танков и САУ, 2850 боевых самолетов. Войскам пяти фронтов противостояли 2-я армия группы армий «Центр», 4-я и 1-я танковые, 8-я и 6-я армии группы армий «Юг»; всего 1240 тыс. человек, 12,6 тыс. орудий и минометов, 2,1 тыс. танков и штурмовых орудий и 2,1 тыс. боевых самолетов [345]. Они уступали советским войскам в людях в 2,1 раза, в орудиях и минометах – в 4, в танках и штурмовых орудиях – в 1,1, в боевых самолетах – в 1,4 раза.

Верховное Главнокомандование вермахта после провала операции «Цитадель» решило перейти к стратегической обороне на всем Восточном фронте в надежде остановить наступление войск Красной Армии и сохранить за собой важнейшие районы Левобережной Украины и Донбасс. С этой целью в глубоком тылу с весны 1943 г. велось строительство стратегического оборонительного рубежа («Восточный вал») на линии р. Нарва, Псков, Витебск, Орша, реки Сож, Днепр, Молочная. Основой «Восточного вала» был мощный водный рубеж – р. Днепр и укрепления по реке. К моменту выхода войск Красной Армии к

Днепру не удалось выполнить весь объем намеченных инженерных мероприятий. С середины сентября северная оконечность «Восточного вала» в полосе обороны групп армий «Север» и «Центр» получила наименование «Пантера», а южная оконечность в полосе обороны групп армий «Юг» и «А» – «Вотан» [346]. Передний край обороны позиции «Вотан» проходил по ряду командных высот, прикрытых р. Молочная с обрывистым западным берегом. На севере, в районе Васильевки, позиции упирались в днепровские плавни. На юге они примыкали к озеру Молочное, вытянувшемуся почти на 30 км до Азовского моря. Рубеж включал две-три полосы обороны с развитой системой траншей, опорных пунктов, противотанковых и противопехотных заграждений.

В соответствии с замыслом советской Ставки, главный удар наносили войска Степного, Центрального и Воронежского фронтов. Еще в ходе операции «Полководец Румянцев» Ставка ВГК своей директивой № 10165 от 12 августа 1943 г. определила их задачи, которые легли в основу подготовки и планирования Черниговско-Полтавской стратегической наступательной операции.

Воронежскому фронту приказывалось после разгрома харьковской группировки противника и овладения г. Харьков продолжать наступление в общем направлении Полтава, Кременчуг и к 23–24 августа выйти главными силами на линию станции Ярески, Полтава, (иск.) Карловка. В дальнейшем предстояло выйти к Днепру на участке Кременчуг, Орлик, предусмотрев захват переправ через реку подвижными частями. Для обеспечения наступления ударной группировки требовалось правым крылом фронта к 23–24 августа выйти на р. Псел, где прочно закрепиться [347].

Задачи войск Центрального фронта были определены в директиве № 30168 Ставки ВГК от 16 августа [348]. Они должны были наступать в общем направлении на Севск, Хутор Михайловский, не позднее 1–3 сентября выйти на рубеж р. Десна южнее Трубчевска, Новгород-Северский, Шостка, Глухов, Рыльск. В дальнейшем предписывалось развивать наступление в общем направлении на Конотоп, Нежин, Киев и при благоприятных условиях частью сил форсировать р. Десна и наступать по правому ее берегу в направлении на Чернигов.

Степной фронт получил задачу после овладения Харьковом развивать наступление в общем направлении Красноград, Верхнеднепровск и к 24–25 августа выйти главными силами на линию Карловка, Красноград, станция Кегичевка. В дальнейшем следовало наступать к Днепру, предусмотрев захват подвижными

частями переправ через реку.

После освобождения Харькова Ставка ВГК направила в четыре часа утра 24 августа Степному фронту директиву № 30178, в которой говорилось:

«В связи с занятием нашими войсками Харькова правое крыло Юго-Западного фронта будет наступать в общем направлении Тарановка, Лозовая, Чаплино.

В соответствии с этим Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Степному фронту продолжать наступление всеми силами в общем направлении на Валки с целью совместно с левым крылом Воронежского фронта разбить валковскую группировку противника. В дальнейшем развивать наступление в общем направлении на Красноград.

69-ю армию в резерв фронта не выводить…» [349]

От Красограда по прямой до Кременчуга, находившегося на Днепре, оставалось пройти всего сотню километров. Командующий Степным фронтом генерал армии И.С. Конев [350], получив директиву Ставки ВГК, решил более основательно ознакомиться с характером такой большой водной преграды, как Днепр. В общих чертах он имел об этом представление, так как, командуя 37-й стрелковой дивизией Белорусского военного округа, участвовал в учениях по форсированию реки. В связи с тем, что в штабе фронта отсутствовало военно-географическое описание Днепра, генерал армии Конев позвонил начальнику инженерных войск Красной Армии генерал-лейтенанту инженерных войск М.П. Воробьеву. С ним он был хорошо знаком еще по Западному фронту. Конев попросил срочно выслать в штаб фронта все имеющиеся военно-географические описания Днепра. Затем спросил:

– В каком месте лучше переправляться через Днепр между Кременчугом и Днепропетровском? Когда Карл XII вместе с Мазепой бежали после разгрома под Полтавой, где они переправлялись через Днепр?

– У Переволочной, что севернее Днепропетровска, – ответил Воробьев.

– Прошу также срочно отправить ко мне тяжелые мостовые парки, в частности с Дальнего Востока – тяжелые понтоны для установки железнодорожных мостов через Днепр.

Конев поблагодарил Воробьева за справку. Это место как раз находилось в полосе Степного фронта. Стремясь не допустить организованного отхода противника к Днепру, командующий фронтом 27 августа приказал 5-й гвардейской танковой армии совместно с 5-й гвардейской армией отбросить противника от

Харькова на юго-запад. Задача была непростой, ибо в танковой армии имелось всего 66 исправных танков [351]. Это вынудило командующего армией генерала П.А. Ротмистрова укомплектовать оставшимися танками и личным составом по одной бригаде в каждом корпусе, усилить их артиллерийскими средствами и объединить в сводный армейский отряд под командованием командира 5-го гвардейского Зимовниковского механизированного корпуса генерала Б.М. Скворцова.

Замысел командующего Центральным фронтом генерала армии К.К. Рокоссовского состоял в том, чтобы нанести главный удар на новгород-северском направлении силами 65-й, 2-й танковой армий, а также частью сил 48-й и 60-й армий [352]. Вспомогательный удар наносили остальные силы 60-й армии на конотопском направлении. Наступление планировалось начать утром 24 августа и на 15-й день операции выйти на рубеж Трубчевск, Шостка, Глухов, Рыльск. После этого войска 13-й и 48-й армий должны были перейти к обороне по Десне на участке (иск.) Трубчевск, Новгород-Северский, Чеплеевка, защищая ударную группировку фронта от контрударов противника с запада и северо-запада. Ударной группировке фронта предстояло развивать наступление в общем направлении на Глухов, Конотоп, Бахмач. В свой резерв командующий фронтом вывел 70-ю армию. При успешном развитии операции и отсутствии угрозы контрударов противника со стороны Локоть, Комаричи намечалось армию ввести в сражение между 65-й и 60-й армиями на участке Барановка, Сопыч с целью уплотнить боевые порядки 60-й армии, развить успех и на шестой день операции овладеть рубежом Степановка, Вольная Слобода, Суходол. В дальнейшем войска 70-й армии должны были развивать наступление на Глухов и выйти на рубеж Слоут, Глухов, Сварково. Если же угроза контрудара противника со стороны Локоть, Комаричи сохранялась и невозможно было ввести в сражение 70-ю армию на этом направлении, то Рокоссовский предполагал продолжать наступление в направлении Познятовка, Глухов только силами 60-й армии, усиленной 9-м танковым корпусом. На войска 2-й танковой армии после выхода 65-й армии на рубеж Ново-Ямское, Княгинино, Морицкий, Сосница возлагалась задача по форсированию р. Сев на участке Ново-Ямское (южнее), Севск и захвату переправ на р. Десна в районе Новгород-Северского.

План операции генерал армии К.К. Рокоссовский представил 20 августа в Ставку ВГК. Он был утвержден 22 августа со следующими изменениями:

«1. 13-й армии самостоятельного прорыва не производить, а наступать во взаимодействии с левым крылом Брянского

фронта, усилив за счет этой армии 48-ю армию.

2. Прорыв 48-й армии организовать на участке южнее р. Усожа с таким расчетом, чтобы иметь один общий участок прорыва с 65-й армией» [353].

Потеря Харькова, опасность, нависшая над Донбассом, вынудили Гитлера 27 августа прибыть из Восточной Пруссии в Винницу, где находилась его полевая ставка. На совещании командующий группой армий «Юг», ссылаясь на большие потери, а также на то, что командование Красной Армии постоянно вводит в сражение новые боеспособные дивизии, доложил, что имеющимися силами он не в состоянии удержать Донбасс. Еще бóльшая опасность для всего южного фланга Восточного фронта создалась на северном фланге группы, где 8-я и 4-я танковая армии с трудом сдерживали натиск советских войск в направлении Днепра.

«Я поставил перед Гитлером ясную альтернативу, – отмечал впоследствии фон Манштейн, – *или быстро выделить нам новые силы, не менее 12 дивизий, а также заменить наши ослабленные части частями с других спокойных участков фронта – или отдать Донбасс, чтобы высвободить силы на фронте группы. Гитлер, который вел это совещание в очень деловом тоне, хотя и пытался углубиться, как всегда, в технические подробности, все же согласился с тем, что группа "Юг" требует серьезной поддержки. Он обещал, что даст нам с фронтов групп "Север" и "Центр" все соединения, какие можно только оттуда взять. Он обещал также выяснить в ближайшие дни возможность смены ослабленных в боях дивизий дивизиями с более спокойных участков фронта. Уже в ближайшие дни нам стало ясно, что дальше этих обещаний дело не пойдет»* [354].

Действительно, 28 августа командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал фон Клюге, прибывший в ставку Гитлера, доложил, что не может быть и речи о снятии сил с его участка фронта. Группа «Север» также не могла выделить ни одной дивизии.

Между тем положение в полосе действий группы армий «Юг» все более ухудшалось. 26 августа войска Центрального фронта, не завершив все подготовительные мероприятия, перешли в наступление против войск 2-й армии и части сил 9-й армии группы армий «Центр» и 4-й танковой армии группы армий «Юг». Однако соединения 65-й армии, наступавшие на Севск, не смогли преодолеть оборону четырех пехотных дивизий (82, 251, 86 и 137-я) и частей усиления 20-го армейского корпуса противника. Генерал армии Рокоссовский приказал огнем артиллерии и ударами авиации подавить вражескую оборону и расчистить путь

наступающей пехоте.

Командующий 16-й воздушной армией генерал С.И. Руденко выделил для удара по лесному массиву, где находились резервы противника, две авиационные бомбардировочные дивизии. После их налета один из авиационных полков сбросил на лес дымовые бомбы. Противник, как свидетельствует С.И. Руденко, вынужден был выйти из леса. В это время стрелковые части 18-го стрелкового корпуса 65-й армии возобновили наступление и отбросили врага. Затем они преодолели р. Сев и захватили плацдарм на западном берегу. К утру 27 августа он был расширен по фронту до 20 км и в глубину до 10 км. В тот же день части 60-й, 193-й стрелковых дивизий при поддержке 103-й танковой и 68-й пушечной артиллерийской бригад освободили Севск.

Немецкое командование понимало, какую опасность представляет для него быстрое продвижение войск 65-й армии. 27 августа в район Севска из 9-й армии и резерва были переброшены две пехотные и две танковые дивизии. Командующий 65-й армией вынужден был принять решение о временном переходе к обороне и о переброске всех резервов на помощь 18-му стрелковому корпусу. К угрожаемому участку подтягивались части 2-й танковой армии, которые должны были разгромить контратакующую группировку врага. Но командующий Центральным фронтом принял иное решение.

В полосе 60-й армии 27 августа командарм генерал И.Д. Черняховский для развития оперативного успеха ввел в сражение 9-й танковый корпус генерал-майора танковых войск Г.С. Рудченко. Он совместно с частями 17-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майора Н.И. Бондарева при поддержке огня артиллерии и ударов авиации начал быстрое продвижение вперед. В результате своевременного ввода новых сил войска 60-й армии преодолели промежуточный рубеж обороны противника, продвинувшись к исходу дня более чем на 15 км. Генерал армии Рокоссовский, стремясь использовать успех войск 60-й армии, приказал ввести в прорыв свой резерв – 13-ю армию генерала Н.П. Пухова. На это же направление были направлены 4-й артиллерийский корпус прорыва и главные усилия 16-й воздушной армии. Это вынудило противника ослабить сопротивление перед войсками 65-й армии, которые через Брянские и Хинельские леса устремились вперед, создавая вместе с соседями угрозу окружения вражеской группировки западнее р. Сев. 30 августа войска 60-й армии при поддержке авиации 16-й воздушной армии заняли город Глухов. На следующий день часть сил 60-й армии освободила Рыльск. К этому времени войска армии продвинулись на 60 км, расширив

прорыв по фронту до 100 км!

В полосе Степного фронта сводный отряд 5-й гвардейской танковой армии 29 августа с боем овладел районом Буды и вышел к р. Мжа. Остальные соединения танковой армии, уже без танков, совместно с войсками 53-й армии в тот же день заняли город и станцию Люботин, открыв дорогу на Полтаву.

Войска Юго-Западного фронта, встретив сильное сопротивление противника, продвигались медленно. Его 6-я, 8-я гвардейская и 12-я армии вынуждены были 28 августа перейти к обороне на занятых рубежах. Не увенчался успехом и ввод 46-й армии 26 августа в полосе 1-й гвардейской армии. Соединения 46-й армии 30 августа также перешли к обороне. Более успешно действовала 44-я армия Южного фронта, освободившая в тот же день при содействии Азовской военной флотилии Таганрог.

В связи с тем, что надежды на усиление группы армий «Юг» рухнули, фон Манштейн 31 августа принял решение отвести 6-ю армию на заранее подготовленную тыловую позицию. *«Этим был сделан первый шаг к сдаче Донбасса,* – пишет он. – *Вечером этого же дня Гитлер разрешил, наконец, командованию группы постепенно отводить 6 армию и правый фланг 1 танковой армии, “если того настоятельно требует обстановка и нет никакой другой возможности”. Было отдано распоряжение об уничтожении всех важных в военном отношении объектов Донбасса. Если бы эта свобода маневра была предоставлена нам несколькими неделями раньше, группа имела бы возможность вести бой на своем южном фланге с большей экономией сил. В этом случае группа могла бы высвободить части для использования на решающем северном фланге и, несмотря на это, остановить наступление противника на юге на более коротком фронте, может быть, даже перед Днепром. Теперь же она могла только уберечь южный фланг от поражения. Однако было еще сомнительно, сможем ли мы создать прочную оборону перед Днепром»* [355].

В свою очередь, советская Ставка ВГК, стремясь развить успех войск Южного фронта, 2 сентября усилила его 20-м и 11-м танковыми корпусами. Части 20-го танкового корпуса совместно с 5-м гвардейским кавалерийским корпусом, а затем и 11-м танковым корпусом должны были нанести удар через Волноваху в обход г. Сталино с юго-запада, навстречу Юго-Западному фронту.

Войска Центрального фронта генерала армии К.К. Рокоссовского успешно продвигались вперед. Соединения 60-й армии к исходу дня 1 сентября овладели городом Кролевец, на следующий день заняли старинный украинский город Путивль, а 3 сентября освободили город Белополье. Одновременно войска

51-й армии Южного фронта, которой командовал генерал-лейтенант Я.Г. Крейзер, захватили Дебальцево. На Юго-Западном фронте удача была на стороне фон Манштейна. Его войска сдерживали наступление 6-й и 8-й гвардейских армий. Но это не устраивало командующего группой армий «Юг», настаивавшего на усилении ее войск. Он немедленно вылетел в ставку Гитлера в Восточной Пруссии, попросив командующего группой армий «Центр» также прибыть туда.

«Я хотел совместно с ним выяснить вопрос о распределении сил с учетом планов наступления противника, – пишет фон Манштейн. – *Одновременно мы хотели обсудить необходимость разумной стратегии, то есть устранить двойственность в делении театров военных действий на театры военных действий ОКВ и Восточный фронт. За день до этого в письме генералу Цейтцлеру я требовал, чтобы, наконец, были приняты кардинальные меры для сосредоточения главных усилий на решающем участке Восточного фронта. Ввиду возможного развития событий на внутренних флангах групп "Юг" и "Центр" необходимо было заблаговременно сосредоточить одну сильную армию перед Киевом. Если же ждать с переброской сил с других театров военных действий до тех пор, пока западный противник где-нибудь не высадится, то для Восточного фронта уже будет поздно. Вообще, не так уж трудно распознать по группировке сил военно-морского флота и транспортных судов противника его основные намерения, то есть где существует угроза высадки. Цейтцлер дал прочитать это письмо Гитлеру. Как он мне сказал, письмо вызвало у Гитлера взрыв бешенства. Он заявил, что я хочу проводить только гениальные операции и быть оправданным в летописи военных действий. Что можно сказать об этих наивных высказываниях!»* [356]

Беседа между Гитлером, фон Манштейном и фон Клюге осталась безрезультатной. Фюрер заявил, что он не может снимать силы ни с других театров военных действий, ни с фронта группы армий «Центр». Гитлер отнесся также отрицательно к вопросу о создании единого командования путем передачи ответственности за все театры военных действий начальнику Генерального штаба.

Между тем обстановка в полосе группы армий «Юг» продолжала обостряться. 4 сентября 55-й стрелковый корпус 5-й ударной армии Южного фронта занял Горловку. На следующий день 3-я гвардейская армия Юго-Западного фронта освободила Артемовск. Однако фон Манштейну удалось остановить 7-ю гвардейскую армию Степного фронта в районе Мерефы. Здесь заранее была создана сильно укрепленная оборона с целью

прикрыть Харьков с юга. Этому благоприятствовала и р. Мжа с ее обрывистыми берегами. В течение пяти дней войска 7-й гвардейской армии генерала М.С. Шумилова пытались прорвать оборону на р. Уда, но добились лишь скромных результатов.

Командующий Степным фронтом немедленно выехал на командно-наблюдательный пункт 7-й гвардейской армии, чтобы разобраться в обстановке и наметить эффективные меры для скорейшего захвата Мерефы. Рекогносцировка показала, что с ходу овладеть Мерефой не удастся. Поэтому генерал армии Конев приказал командующему армией создать сильную артиллерийскую группировку, нанести массированные удары артиллерией и авиацией с целью подавления системы артиллерийского и минометного огня противника. После этого, совершив обходный маневр, овладеть Мерефой.

Меры, предпринятые командующим Степным фронтом, вскоре привели к успеху. 5 сентября войска 7-й гвардейской армии, применив обходный маневр, заняли город и железнодорожный узел Мерефа. В результате были созданы условия для более быстрого наступления 57-й и 7-й гвардейской армий к Днепру. Однако предстояла еще упорная борьба с сильной полтавской группировкой немецкой 8-й армии.

События в полосе Центрального фронта развивались стремительно. Генерал армии Рокоссовский, стремясь нарастить успех 60-й армии, усилил ее 7-м гвардейским механизированным корпусом генерал-лейтенанта танковых войск И.П. Корчагина, 77-м стрелковым корпусом генерал-майора П.М. Козлова и 18-м гвардейским стрелковым корпусом генерала А.М. Афонина. Ставка ВГК, учитывая успешное продвижение войск фронта, передала ему из своего резерва с 24 часов 6 сентября 61-ю армию, которой предстояло к утру 11 сентября сосредоточиться в районе Рыльска.

Соединения 60-й армии генерала И.Д. Черняховского, наращивая усилия, форсировали Сейм и, сломив ожесточенное сопротивление врага, овладели 6 сентября при поддержке авиации городом Конотоп. Быстрое продвижение войск 60-й армии на конотопском направлении позволило активизировать действия 65-й, а затем и 48-й армий. Опрокидывая противника, 65-я армия генерал-лейтенанта П.И. Батова преодолела Брянские и Хинельские леса и к 5 сентября продвинулась на 125 км. В тесном взаимодействии с левофланговыми соединениями 65-й армии и правым флангом Брянского фронта наступала 48-я армия генерал-лейтенанта П.Л. Романенко.

6 сентября Ставка ВГК уточнила задачи Воронежскому и Степному фронтам. Войскам Воронежского фронта приказывалось

наступать на Ромны, Прилуки, Киев, а Степного – на полтавско-кременчугском направлении [357]. Сталин, уступая требованиям Жукова, принял решение об усилении фронтов. Из резерва Ставки ВГК в состав Степного фронта была передана 37-я армия, из Воронежского фронта – 5-я гвардейская армия, из Юго-Западного фронта – 46-я армия. Воронежский фронт получил 3-ю гвардейскую танковую армию.

В связи с тем, что Главное командование Сухопутных войск не приняло никаких мер, которые учитывали бы обстановку на фронте группы армий «Юг», фон Манштейн 7 сентября направил в Генштаб телеграмму с изложением обстановки, создавшейся в полосе его войск. *«Я указал на то,* – вспоминал он, – *что противник ввел в бой против нашей группы уже 55 дивизий и 2 танковых корпуса, взятые им не из резервов, а в значительной части с других участков Восточного фронта, кроме того, новые части были еще на подходе. Я еще раз потребовал срочных кардинальных мер от ОКХ для того, чтобы мы смогли удержать фронт на участке нашей группы»* [358].

Просьба фон Манштейна так бы и осталась как «глас вопиющего в пустыне», если бы ему не «помог» Южный фронт. 8 сентября его 5-я ударная армия при содействии части сил 2-й гвардейской армии освободила г. Сталино. До Днепра теперь оставалось пройти по прямой около 200 км. Это вынудило Гитлера наконец-то с пониманием отнестись к предложениям фон Манштейна. Фюрер срочно вылетел в Запорожье, где находился штаб группы армий «Юг». Сюда же были вызваны командующий группой «А» генерал-фельдмаршал фон Клейст и генерал-полковник Руофф, 17-я армия которого все еще находилась на Кубани. На этом совещании фон Манштейн еще раз указал на серьезность положения. Вот что он пишет в своих мемуарах:

«Хотим мы или не хотим, но мы будем вынуждены отойти за Днепр, особенно принимая во внимание возможные последствия чрезвычайно напряженной обстановки на северном фланге нашей группы. Чтобы получить необходимые силы для подкрепления этого фланга, я предложил немедленно отвести группу "Центр" на рубеж Днепра. В результате этого ее фронт сократился бы на одну треть, и мы сэкономили бы силы, которые позволили бы нам сосредоточить, наконец, достаточно крупные соединения войск на решающем участке Восточного фронта. Теперь Гитлер в принципе соглашался с необходимостью отхода северного фланга группы на рубеж Мелитополь – Днепр, хотя он все еще надеялся избежать этого путем подтягивания сюда новых дивизионов штурмовых орудий (САУ). Как всегда, он думал, что использование технических средств будет достаточным для стабилизации обстановки,

которая могла быть достигнута на самом деле только введением в бой большого числа новых дивизий. Относительно высвобождения сил из района группы "Центр" путем отхода на верхний Днепр он заявил, однако, что быстрый отход на такое большое расстояние неосуществим. Такое большое передвижение частей затянется якобы вплоть до наступления распутицы. Кроме того, он считал, что будет потеряно много техники (как это произошло при отходе с Орловской дуги). Вообще отход на промежуточный рубеж дальше на восток [359] *был, по его мнению, возможен, но не дал бы нам необходимой компенсации в виде экономии сил»* [360].

В то же время Гитлер, не решаясь на сокращение линии фронта группы армий «Центр», все-таки признал необходимость усиления группы армий «Юг». Он обещал фон Манштейну, что группа армий «Центр» немедленно выделит один корпус в составе двух танковых и двух пехотных дивизий на стык между нею и 4-й танковой армией. Гитлер рассчитывал таким образом предотвратить опасность охвата северного фланга группы армий «Юг». Кроме того, он согласился с требованием фон Манштейна подтянуть еще 4 дивизии для обеспечения переправ через Днепр, а также решил в целях высвобождения сил оставить кубанский плацдарм, потерявший уже давно всякую оперативную ценность.

Однако фон Манштейна ждало разочарование. Приказ о выделении обещанных четырех дивизий так и не пришел. Сосредоточение корпуса на северном фланге группы армий «Юг» было задержано командующим группой армий «Центр». В сложившейся обстановке фон Манштейн приказал 6-й и 1-й танковой армиям перейти к подвижной обороне в целях обеспечения стойкости войск и выигрыша возможно большего времени для осуществления отхода. 9 сентября он попросил начальника Генштаба Сухопутных войск доложить фюреру о том, что при таких обстоятельствах придется считаться с возможностью прорывов войск Красной Армии к переправам через Днепр, включая Киев.

В связи с постоянно затягиваемым решением Главного командования и невыполнением обещаний, на которых фон Манштейн строил свои планы, он счел необходимым добавить в это донесение абзац следующего содержания:

«Командование группы после окончания зимних боев докладывало, что оно не сможет удержать имеющимися силами свой фронт обороны, и неоднократно, но напрасно ставило вопрос о необходимой перегруппировке сил внутри Восточного фронта или за счет других театров военных действий, что было неизбежно ввиду значения обороняемого ею района и того определенного

факта, что русские выберут главным направлением своего наступления участок группы "Юг". Вместо этого после окончания операции "Цитадель" у нее отобрали силы, а после наступившего кризиса подкрепления давались ей в недостаточном количестве и с опозданием. Если бы мы своевременно получили подкрепления, требуемые обстановкой (при соответствующем отказе от них на других фронтах), то можно было бы избежать теперешнего кризиса, который может решить исход войны на востоке, а следовательно, и всей войны. Я пишу это не для того, чтобы теперь, с опозданием, говорить об ответственности за такое развитие событий на востоке, а для того, чтобы, по крайней мере, в будущем своевременно делалось все необходимое» [361].

Но Гитлер не принял какого-либо решения по этому вопросу.

Такова была позиция командования войск вермахта, противостоящих устремившимся к Днепру фронтам Красной Армии. Точка зрения маршала Жукова была ясна и в то же время несколько противоречива: *«Для тщательной подготовки наступления к Днепру у нас не было возможностей. В войсках обоих фронтов*(Воронежского и Степного. – Авт.) *чувствовалась большая усталость от непрерывных сражений. Ощущались перебои в материально-техническом обеспечении. Но все мы, от солдата до маршала, горели желанием скорее выбросить врага с нашей земли, освободить многострадальный украинский народ из-под тяжкого гнета оккупантов, которые свои неудачи вымещали на беззащитном населении»* [362].

Ставка ВГК, стремясь активизировать наступательный порыв солдат и офицеров, издала 9 сентября директиву № 30187. Согласно директиве, предусматривалось за форсирование Днепра в районе Смоленска и ниже, а также равных Днепру рек по трудности форсирования представлять командиров соединений и частей к присвоению звания Героя Советского Союза [363].

К сожалению, высокий моральный дух войск не всегда может компенсировать просчеты в планировании боевых действий. Изначально заявка маршала Жукова на пополнение наступавших фронтов людскими ресурсами и боевой техникой была сокращена Сталиным на 30–40 %. Чрезмерно широкая полоса наступления, которое вели одновременно пять фронтов, сжатые сроки выполнения поставленных задач с неизбежностью вынуждали использовать удары и натиски «в лоб». В этих условиях энтузиазм нередко разбивался о вал неприступной обороны противника, и тогда наступала суровая проза военной жизни. Директивы Ставки, торопившие двигаться на запад, должны были исполняться неукоснительно.

Войска Южного и Юго-Западного фронтов, несмотря на

трудности с материально-техническим обеспечением, продолжали наращивать темпы наступления. 10 сентября части 8-й гвардейской армии Юго-Западного фронта освободили железнодорожный узел Барвенково, а 2-я гвардейская армия Южного фронта – Волноваху, а 44-я армия во взаимодействии с десантом Азовской военной флотилии – важный центр металлургической промышленности Мариуполь.

В полосе Центрального фронта в ночь на 9 сентября через Десну переправились разведывательные группы соединений 65-й армии. Противник открыл сильный огонь, пытаясь помешать форсированию реки. Однако гвардейские минометы быстро подавили вражеские орудия. Передовые отряды 19-го стрелкового корпуса начали переправу на лодках, плотах из бревен и железных бочек. К утру главные силы двух полков 162-й стрелковой дивизии переправились через Десну. 140-я Сибирская стрелковая дивизия, наступавшая левее, форсировала реку на подручных средствах двумя батальонами. Они выбили противника из прибрежного села Чулатово и обеспечили переправу остальных частей. Противник предпринял ожесточенные контратаки, пытаясь сбросить в реку переправившиеся части. Командующий 65-й армией генерал П.И. Батов вызвал на помощь авиацию, которая ударами с воздуха остановила пехоту и танки противника. Во второй половине дня на плацдарм переправилась 106-я Забайкальская стрелковая дивизия, затем туда была переброшена 354-я стрелковая дивизия. В результате удалось сковать крупные силы врага и облегчить форсирование Десны частям 18-го стрелкового корпуса. В ночь на 10 сентября они ликвидировали предмостное укрепление противника под Свердловкой и начали подготовку к переправе. В три часа утра 12 сентября корпус форсировал Десну, а в пять часов утра 15 сентября на западный берег реки переправился и 27-й стрелковый корпус.

Противник, опасаясь окружения, начал отход от плацдарма, занимаемого частями 19-го стрелкового корпуса. Вскоре Десну форсировала 102-я стрелковая дивизия 48-й армии, примыкавшая к правому флангу 65-й армии. 16 сентября части 19-го стрелкового корпуса и 14-я инженерно-саперная бригада 65-й армии, 102-я стрелковая дивизия и 193-й отдельный танковый полк 48-й армии освободили Новгород-Северский.

Успешно развивалось наступление и на левом крыле Центрального фронта. Однако действия войск на этом направлении сдерживали соединения 38-й армии Воронежского фронта, которые значительно отстали. Это вынуждало левофланговые дивизии Центрального фронта поворачиваться на

юг, растягивая свой фронт вместо того, чтобы продвигаться на запад. Сталин, недовольный действиями 38-й армии, потребовал в шесть часов вечера 12 сентября от маршала Жукова принять меры по ускорению продвижения правого крыла Воронежского фронта, особенно войск 38-й армии.

Фон Манштейн не хотел примириться с утратой Донбасса. 11 и 12 сентября он не раз предпринимал сильные контратаки, что позволяло на некоторое время вновь захватывать отдельные населенные пункты. Для отражения контратак командующий Юго-Западным фронтом генерал армии Р.Я. Малиновский вынужден был передать в 3-ю гвардейскую армию свой последний резерв – 33-й стрелковый корпус. Полностью израсходовал фронтовые резервы и командующий Южным фронтом генерал-полковник Ф.И. Толбухин.

Фон Манштейн, оценивая обстановку, сложившуюся к 14 сентября, сообщил в Генштаб Сухопутных войск, что он вынужден на следующий день отдать приказ об отходе также и северного фланга группы армий за Днепр по обе стороны от Киева. Еще до этого 8-й армии было приказано перейти к маневренной обороне. В ответ на это донесение командующему группы армий «Юг» указали на то, что приказ не должен отдаваться до тех пор, пока Гитлер 15 сентября не переговорит с ним. Во время этой беседы фон Манштейн доложил фюреру о том, что после посещения им фронта обстановка ухудшилась.

«Я заявил ему, что кризис, наступивший на северном фланге группы армий, таит в себе смертельную угрозу не только ей, но в дальнейшем и Восточному фронту в целом, – пишет фон Манштейн. – *Речь идет не только о возможности удержать линию Днепра или какие-нибудь другие важные в экономическом отношении области, а о судьбе всего Восточного фронта. Я добавил, что наступивший теперь кризис является следствием того, что группа армий "Центр" не передала нам те войска, о которых мы просили. Штаб группы армий "Юг", со своей стороны, в критической обстановке всегда лояльно выполнял приказы ОКХ о передаче войск другим группам армий. Трудно понять, почему делается исключение для других групп армий. К тому же для этого нет никаких оснований, если группа армий "Центр" вскоре отойдет на новые рубежи. Удерживать же старые позиции вообще нет никакого смысла, если противнику удастся прорыв на фронте 4 танковой армии. Положение, при котором передача сил от одной группы армий другой, необходимость которой признает и Главное командование, как в данном случае с группой армий "Центр", я считаю совершенно ненормальным. Чего же мы добьемся, если командующие не выполняют больше*

приказов! Я, во всяком случае, уверен в том, что всегда добьюсь выполнения моих приказов» [364].

Фон Манштейн закончил свой доклад тем, что выразил сомнение, сумеет ли 4-я танковая армия отойти за Днепр. Он заверил Гитлера, что сделает все для того, чтобы эта операция прошла гладко. Но для этого необходимо немедленно начать непрерывную переброску одновременно по четырем имеющимся в распоряжении железным дорогам по одной дивизии из района группы армий «Центр» на северный фланг группы армий «Юг» до тех пор, пока там не будет восстановлено положение. Само собой разумеется, что при этом будет неизбежным отвод группы армий «Центр» на рубеж Днепра. Речь идет о судьбе Восточного фронта, и нет другого выхода, кроме немедленной переброски крупных сил в район Киева. В результате был немедленно издан приказ ОКХ, в соответствии с которым группа армий «Центр» начиная с 17 сентября должна была по четырем дорогам перебрасывать максимально быстрыми темпами одновременно четыре дивизии группе армий «Юг». Кроме того, ей были обещаны с Западного фронта пехотные подразделения и пополнение для доукомплектования дивизий, всего 32 батальона.

Тем временем наступление советских войск продолжалось. К 15 сентября армии Южного и Юго-Западного фронтов вышли на рубеж Лозовая, Чаплино, Гуляй-Поле, Урзуф. Левофланговые соединения Центрального фронта в тот же день освободили Нежин и разорвали фронт противника. Войска Воронежского фронта также рассекли вражеские войска на отдельные изолированные группы, которые частью отходили к киевским переправам, а частью – к переправам у Канева (южнее Киева). В результате были созданы условия для окружения этих групп по частям восточнее Киева.

Фон Манштейн, вернувшись в свой штаб, вечером 15 сентября отдал приказ об отводе всех армий на линию Мелитополь, Днепр (до района выше Киева), Десна [365].

Два корпуса 6-й армии, расположенные на южном фланге, предстояло отвести на подготовленную позицию между Мелитополем и Днепровской дугой, южнее Запорожья. Ее северный корпус отводился на укрепленный плацдарм у Запорожья, где он переходил в подчинение командующего 1-й танковой армией. 6-я армия передавалась в состав группы армий «А», а ее 17-я армия отводилась из Кубани на Крым.

1-я танковая армия получила задачу переправиться через Днепр у Запорожья и Днепропетровска и принять позиции от Запорожья до района в 30 км восточнее Кременчуга. После переправы днепропетровский плацдарм намечалось оставить,

а запорожский плацдарм по категорическому приказу Гитлера требовалось удержать. Правофланговый корпус 8-й армии, также отходивший на Днепропетровск, переходил в подчинение командующего 1-й танковой армией. Этой армии было приказано сосредоточить как можно раньше 40-й танковый корпус (две танковые дивизии, одна моторизованная дивизия и кавалерийская дивизия СС) в районе южнее Днепра для переброски на левый фланг группы армий «Юг». Этот план, однако, был сорван приказом Гитлера об удержании запорожского плацдарма.

8-й армии предписывалось переправиться через Днепр в районе кременчугского и черкасского укрепленных плацдармов. В связи с тем, что армия должна была занять за Днепром позиции до пункта 30 км южнее Киева, ей подчинялся 24-й танковый корпус, отходивший к Днепру в составе 4-й танковой армии через Канев. Этому корпусу предстояло переправиться через Днепр у Канева, а главным силам 4-й танковой армии – у Киева, обеспечив установление связи за Днепром с расположенным севернее правым флангом группы армий «Центр».

Фон Манштейн, стремясь осложнить войскам Красной Армии преследование, приказал в зоне 20–30 км перед Днепром разрушить, уничтожить или вывезти в тыл все, что могло помочь им продолжать свое наступление на широком фронте. Одновременно, по специальному приказу экономического штаба Геринга, из района, который оставляли войска группы армий «Юг», были вывезены запасы, хозяйственное имущество и машины, которые могли использоваться для военного производства. *«Это мероприятие, однако, проводилось группой армий только в отношении военных машин, цветных металлов, зерна и технических культур, а также лошадей и скота,* – отмечал фон Манштейн. – *О “разграблении” этих областей, естественно, не могло быть и речи. В немецкой армии – в противовес остальным – грабеж не допускался. Был установлен строгий контроль, чтобы исключить возможность вывоза какого-либо незаконного груза. Вывезенное нами с заводов, складов, из совхозов и т. п. имущество или запасы, между прочим, представляли собой государственную, а не частную собственность. Так как Советы в отбитых ими у нас областях немедленно мобилизовывали всех годных к службе мужчин до 60 лет в армию и использовали все население без исключения, даже и в районе боев, на работах военного характера, Главное командование германской армии приказало переправить через Днепр и местное население. В действительности эта принудительная мера распространялась, однако, только на военнообязанных, которые были бы немедленно*

призваны. Но значительная часть населения добровольно последовала за нашими отступающими частями, чтобы уйти от Советов, которых они опасались. Образовались длинные колонны, которые нам позже пришлось увидеть также и в Восточной Германии. Армии оказывали им всяческую помощь. Их не "угоняли", а направляли в районы западнее Днепра, где немецкие штабы заботились об их размещении и снабжении. Бежавшее население имело право взять с собой и лошадей, и скот – все, что только можно было вывезти. Мы предоставляли населению также, поскольку это было возможно, и транспорт» [366].

Все эти меры фон Манштейн объяснял военной необходимостью. Он стремился показать свое «благородство», которое не соответствовало действительности.

Войска Степного, Центрального, Воронежского, Южного и Юго-Западного фронтов приступили к преследованию соединений группы армий «Юг». 20 сентября части 5-й гвардейской и 53-й армий Степного фронта подошли к Полтаве, городу, преграждавшему путь к Днепру. Данные разведки свидетельствовали, что враг готовится упорно оборонять город. Гарнизон Полтавы был увеличен вдвое. По правому берегу р. Ворскла заблаговременно были созданы оборонительные позиции, подступы к которым прикрывались различными инженерными сооружениями. Все каменные здания в Полтаве были приспособлены к круговой обороне.

Командующий Степным фронтом придавал большое значение захвату Полтавы. 21 сентября генерал армии И.С. Конев прибыл на командный пункт 5-й гвардейской армии. Вместе с командармом генералом А.С. Жадовым он выехал в 33-й гвардейский стрелковый корпус. На наблюдательном пункте командира 95-й гвардейской стрелковой дивизии генерала Н.С. Никитченко они отработали все детали предстоящего штурма Полтавы. Затем направились в 97-ю гвардейскую стрелковую дивизию, где заслушали решение ее командира полковника И.И. Анциферова. *«Беседуя с командованием соединений,* – пишет Жадов, – *генерал Конев обращал их внимание в первую очередь на особо тщательную подготовку штурма, организацию и поддержание взаимодействия во всех звеньях… требовал от политработников активной работы по мобилизации личного состава на лучшее выполнение предстоящей боевой задачи»* [367].

Поздно вечером на заседании военного совета 5-й гвардейской армии был уточнен план разгрома противника. Штаб фронта совместно со штабом командующего артиллерией спланировал организацию огневого поражения противника.

Большое внимание было уделено вопросам организации тесного взаимодействия всех родов войск.

22 сентября после артиллерийской подготовки при поддержке авиации решительной атакой и обходным маневром Полтава была освобождена. Первыми в город ворвались штурмовые отряды 95-й гвардейской стрелковой дивизии.

Успешно развивалось наступление и на других фронтах. 21 сентября войска Центрального фронта освободили Чернигов, а соединения 3-й гвардейской танковой армии Воронежского фронта вышли к Днепру южнее Киева. На следующий день к Днепру подошли войска 13-й армии Центрального фронта. Они при поддержке авиации и артиллерии с ходу форсировали реку и овладели плацдармами в междуречье Днепра и Припяти. Одновременно передовой отряд 6-го танкового корпуса 3-й гвардейской танковой армии Воронежского фронта захватил плацдарм в районе Великого Букрина. Войска Юго-Западного фронта вышли на рубеж Новомосковск, восточнее Запорожья, а его ударная группировка достигла Днепра. Соединения Южного фронта, преследуя противника, заняли рубеж западнее Орехова, р. Молочная, Мелитополь. Однако попытки частей 5-й ударной и 2-й гвардейской армий с ходу прорвать вражескую оборону успеха не имели.

На этом завершилась Донбасская операция, в ходе которой войска Южного и Юго-Западного фронтов продвинулись на глубину до 300 км, разгромили 13 дивизий противника, создав благоприятные условия для освобождения Северной Таврии, Правобережной Украины и Крыма. Однако Южному фронту не удалось окружить и уничтожить таганрогскую группировку врага. Потери войск Юго-Западного и Южного фронта составили: безвозвратные – 66 166 человек, санитарные – 207 356 человек; 886 танков и САУ, 814 орудий и минометов, 327 самолетов [368].

Войска группы армий «Юг», несмотря на все трудности, сумели оторваться от войск Красной Армии. Соединения 6-й армии сумели быстро отойти на заранее подготовленные позиции севернее Мелитополя и на запорожский плацдарм. В более трудном положении оказались 1-я танковая, 4-я танковая и 8-я армии. Для отхода за Днепр они располагали всего пятью переправами. Левый фланг 1-й танковой армии и 8-я армия вынуждены были отходить к реке не по прямой, а севернее Днепра, почти параллельно к нему, на запад, чтобы выйти к переправам, использование которых могло обеспечить своевременное занятие оборонительных позиций за рекой во всей полосе группы армий «Юг». При этом войскам 8-й армии пришлось пробиваться с боями к своей западной переправе у

Черкасс. На левом фланге группы армий «Юг» возникла угроза для 4-й танковой армии, которая потеряла связь со 2-й армией группы армий «Центр».

«Противнику не удалось сорвать сосредоточения войск у немногих переправ через реку или отрезать их от этих переправ, – пишет фон Манштейн. – *Несмотря на его численное превосходство, он не сумел использовать благоприятной обстановки, которую создавало для него стягивание наших войск к переправам, для того, чтобы форсировать Днепр крупными силами в стороне от этих переправ и тем самым не допустить создания намеченной оборонительной линии по ту сторону реки. То, что он захватил на нескольких участках плацдармы на противоположном берегу реки, при нехватке сил с нашей стороны нельзя было предотвратить»* [369].

Отход войск группы армий «Юг» был успешно осуществлен во многом благодаря гибкому управлению и высокой дисциплине солдат и офицеров. Генерал-фельдмаршал фон Манштейн счел своим долгом их лично поблагодарить. В приказе от 29 сентября он отмечал:

«СОЛДАТЫ ГРУППЫ АРМИЙ “ЮГ”!

После многонедельных тяжелых наступательных и оборонительных боев армии группы армий отведены за Днепр, чтобы здесь на выгодной позиции снова остановить противника.

Противник, которого вы постоянно громили наголову в обороне и контрударах, не смог воспрепятствовать этому движению. Он смог лишь выиграть территорию ценой потерь, во много раз превышающих наши.

В том, что этот отход удался, через немногие переправы были вывезены огромные припасы, а все необходимые для противника военные объекты разрушены, заслуга всех войск, которые даже в критической обстановке, храбро исполняя приказы своих командиров, отражали благодаря боевому умению численно намного превосходящего противника.

Проведение этой особо сложной операции является блестящим свидетельством военного искусства командиров и особенно работы штабов.

Выношу благодарность командованию и войскам за выдающиеся подвиги во время гигантского оборонительного сражения, проведенного этим летом.

То, что врагу, несмотря на его силы, не удалось нам помешать сделать то, что мы хотели, исходя из общей обстановки, является для нас залогом того, что мы выполним и новые задачи» [370].

Фон Манштейн, говоря о военном искусстве своих командиров, был прав. Они сумели своевременно и

организованно отвести свои войска и спасти их от полного разгрома. Но командующий группой армий «Юг», видать, забыл, что к отходу их вынудило успешное наступление войск Красной Армии.

Они продолжили наступление с целью форсирования Днепра. Войска 13-й армии Центрального фронта, 22 сентября преодолев реку, к вечеру следующего дня продвинулись на запад на 35 км и захватили плацдарм на правом берегу Припяти. К этому времени южнее к Днепру вышли части 60-й армии. На рассвете 24 сентября, когда над рекой еще лежал туман, передовые отряды армии на плотах и рыбачьих лодках двинулись к правому берегу Днепра. Противник открыл по ним огонь из всех видов оружия. Несмотря на это, они удержали захваченный плацдарм и обеспечили его расширение. Армии правого крыла Центрального фронта (48-я и 65-я), наступавшие на гомельском направлении, вышли к р. Соже и овладели двумя небольшими плацдармами на ее правом берегу.

Командующий Степным фронтом генерал армии Конев планировал форсировать Днепр в полосе шириной 130 км. Вечером 22 сентября он потребовал от командующих армиями продолжать преследование противника. *«Операцию по выходу и форсированию Днепра,* – подчеркивал Иван Степанович, – *провести со всей настойчивостью и решительностью. Обратить особое внимание на смелое, дерзкое применение подвижных отрядов и захват войсками на плечах противника переправ на реке. Переправочные средства подтянуть и иметь при войсках»* [371].

По приказу генерала армии Конева штаб фронта совместно с начальником инженерных войск разработал план маскировочных мероприятий: в светлое время наплавные части мостов убирались в укрытые места, отдельные участки переправ задымлялись; в зоне наблюдения противника имитировался спуск на воду переправочных средств; войска рассредоточивались на большой площади за естественными масками. Проверяя выполнение отданных указаний, командующий фронтом отметил организованную работу штаба 5-й гвардейской армии. По его приказу опыт гвардейцев был обобщен и доведен до остальных войск.

Мероприятия по введению противника в заблуждение дали положительный результат. Так, ложным спуском на воду понтонных средств в восточной части острова Бородаевский (в полосе 7-й гвардейской армии) удалось заставить противника вести артиллерийский огонь по пустому месту в течение нескольких суток, а переправа осуществлялась в другом районе. В 57-й армии все внимание противника было привлечено к трем

ложным переправам, имитирующим основной район форсирования. Поверил противник и дезинформации, проводимой штабом 5-й гвардейской армии, о сосредоточении усилий в районе Кременчуга, куда на короткое время выводилась значительная часть армейской и приданной артиллерии.

Одними из первых в полосе Степного фронта форсировали Днепр части 25-го гвардейского стрелкового корпуса 7-й гвардейской армии. В ночь на 25 сентября через реку переправился передовой отряд в составе стрелкового батальона, усиленного артиллерийскими дивизионами, танковой ротой и саперными подразделениями. Такие отряды по приказу генерала армии Конева создавались во всех дивизиях первого эшелона. Вслед за передовым отрядом при поддержке орудий сопровождения и огня артиллерии с левого берега Днепра на плацдарм вступил полк первого эшелона 72-й гвардейской стрелковой дивизии. Преодолев ожесточенное сопротивление противника, советские воины к исходу дня расширили плацдарм до полутора километров по фронту и до двух километров в глубину.

«Сначала форсирование шло успешно, – вспоминал маршал Конев. – *Но на второй день рано утром позвонил генерал М.С. Шумилов и доложил, что войска несут большие потери, не выдерживают вражеского натиска. Примерно через сорок минут на самолете По-2 я подлетел к его наблюдательному пункту. С правого берега нас обстреляла неприятельская зенитная артиллерия. Самолет приземлился на обратном скате небольшой высоты у берега Днепра. Встретили меня командарм, член Военного совета армии З.Т. Сердюк, командиры авиационных корпусов: 1-го штурмового – генерал В.Г. Рязанов и 4-го истребительного – генерал И.Д. Подгорный. Обстановка действительно была грозная. В воздухе непрерывно висели неприятельские “Хейнкели” и волнами, совершенно свободно бомбили плацдарм и переправы. На плацдарме артиллерийско-минометная канонада, танковая стрельба, снаряды рвались и на земле, и на воде. Положение переправившихся войск М.С. Шумилова было очень тяжелым. Нужно было срочно принимать меры по сохранению плацдарма и в первую очередь прикрыть войска с воздуха…»* [372].

Генерал армии Конев приказал командиру 4-го истребительного авиационного корпуса обеспечить непрерывное патрулирование над плацдармом, перехватывать и уничтожать вражеские бомбардировщики в воздухе. Командиру 1-го штурмового авиационного корпуса предписывалось массированными ударами уничтожать вражеские танки, которые

непрерывно атаковывали части 7-й гвардейской армии на плацдарме. Генералу Шумилову была поставлена задача сообщить командирам корпусов и дивизий, ведущих бой на плацдарме, о принятых мерах по отражению наземных и воздушных атак врага. Командующий Степным фронтом, учитывая большое значение захвата переправ у Кременчуга, выдвинул на это направление 5-ю гвардейскую и 53-ю армии.

К 28 сентября соединения 5-й гвардейской и 53-й армий подошли к Кременчугу. Войска группы армий «Юг» оказывали упорное сопротивление. Завязались напряженные и упорные бои. Штурм Кременчуга осуществлялся со всех сторон одновременно. В ходе двухдневных ожесточенных боев войска 5-й гвардейской и 53-й армий полностью очистили город от врага. Авиация 5-й воздушной армии под командованием генерала С.К. Горюнова во время отхода противника наносила удары по его колоннам и переправам. В результате был сорван замысел фон Манштейна контрударами восстановить положение. *«Захват важного плацдарма у Кременчуга, юго-западнее Полтавы, стал возможен,* – подчеркивал английский историк Лиддел Гарт, – *благодаря решению Конева не сосредоточивать усилия на одном направлении, а форсировать реку в нескольких местах… Внезапность этого преднамеренного рассредоточения усилий возросла благодаря тому, что форсирование осуществлялось под прикрытием тумана»* [373].

После захвата плацдармов на правом берегу Днепра появилась реальная возможность для быстрейшего овладения Киевом. В первом часу ночи 28 сентября маршалу Жукову и командующему Воронежским фронтом генералу Ватутину была направлена директива Ставки ВГК, которая требовала:

«…Прочно закрепив за собой плацдармы на правом берегу р. Днепр, нанести удар в общем направлении на Кагарлык, Фастов, Брусилов и во взаимодействии с левым крылом Центрального фронта разгромить киевскую группировку противника и овладеть городом Киев. Не позднее 7 октября выйти на фронт Ставище, Брусилов, Фастов, Белая Церковь. К 10 октября, не прекращая дальнейшего хода операции, принять от Центрального фронта 13-ю и 60-ю армии и установить с ними к этому времени надежную связь» [374].

Командующему Центральным фронтом была поставлена задача:

«…Силами левого крыла фронта нанести удар в общем направлении на Чернобыль, Иванков, Радомышль и во взаимодействии с войсками Воронежского фронта разгромить киевскую группировку противника, овладеть городом Киев и не позднее 7 октября выйти на фронт Каганович, Малин, Радомышль.

По выходе на указанный рубеж, не прекращая дальнейшего хода операции, к 10 октября передать 13-ю и 60-ю армии в состав войск Воронежского фронта» [375].

Одновременно Сталин потребовал от представителей Ставки ВГК маршалов Жукова и Василевского, командующих войсками Центрального, Воронежского, Степного и Юго-Западного фронтов ликвидировать в ближайшее время все плацдармы, находившиеся еще в руках противника на левом берегу Днепра. Для успешного решения всех этих задач необходимы были дополнительные силы. Однако неожиданно маршал Жуков получил от заместителя начальника Генштаба генерал-полковника Антонова уведомление, что 69-я армия отправляется в резерв Ставки ВГК, а 8-я гвардейская армия остается в составе Юго-Западного фронта. Кроме того, стало известно, что 5-я гвардейская танковая армия выйдет в район Днепра не ранее 15 октября. Это вызвало беспокойство у Жукова, так как командующий Степным фронтом был лишен возможности создать на своем правом крыле сильную ударную группировку для обхода Киева. Маршал Жуков в этой связи сообщил Сталину:

«…1. Если мы не создадим на правом крыле Конева крупную группировку с включением в эту группировку 69 А, одной армии от Малиновского [376] *, не передадим Коневу двух танковых корпусов Юго-Западного фронта, одобренный Вами план осуществить будет невозможно. Прошу 69 А передать Коневу и произвести перегруппировку сил от Юго-Западного фронта к Коневу для флангового удара согласно плану.*

2. Чистякова [377] *прошу оставить у Ватутина, т. к. на его левом фланге очень жидкая группировка и большего удара она провести не сможет.*

Армии Пухова [378] *и Черняховского* [379] *прошу передать не позднее 1.10.1943 г. с тем, чтобы захват Киева и киевского плацдарма осуществлял один командующий, а не два. Привлекать для разгрома киевской группировки Белова* [380] *нецелесообразно, т. к. это только ослабит удар против центральной группировки противника, а против киевской группировки противника с севера хватит армий Пухова, Черняховского и Чибисова. Кроме того, если Белов будет сейчас с центрального направления уведен под Киев, то вытягивание его вновь на бобруйское направление потребует много времени и затянет выполнение намеченного плана»* [381].

Но Сталин думал иначе. Около полуночи 28 сентября он сообщил Жукову, что 69-я и 6-я гвардейская армии останутся в резерве Ставки. При этом 6-я гвардейская армия будет направлена в район Торопца, а 69-я – останется в районе Харькова. Верховный Главнокомандующий считал, что

Воронежский и Степной фронты могут обойтись без этих армий, которые нужны в качестве резерва Ставки. До ликвидации запорожского плацдарма Сталин полагал нецелесообразным брать силы с Юго-Западного фронта для усиления Степного фронта. Если к 3–5 октября запорожский плацдарм будет ликвидирован, то Степной фронт мог рассчитывать на получение от Юго-Западного фронта одного или двух танковых корпусов и ряда стрелковых соединений, о чем будет специально сообщено. Передача 60-й и 13-й армий в состав Воронежского фронта будет произведена не позднее 10 октября. Жукову поручалось решить вопрос по согласованию действий левого крыла Центрального фронта и правого крыла Воронежского фронта при овладении Киевом [382].

На следующий день, 29 сентября, Ставка ВГК своей директивой № 30203 приказала командующему Воронежским фронтом к 24 часам 2 октября передать в состав войск Степного фронта 4-ю гвардейскую и 52-ю армии, а 10 октября принять от Центрального фронта 13-ю и 60-ю армии.

«Задача войск Воронежского фронта: после выхода на фронт Ставище, Фастов, Белая Церковь продолжать наступление главными силами в общем направлении Бердичев, Жмеринка, Могилев-Подольский, – говорилось в директиве, – *прочно обеспечивая себя со стороны Ровно, а часть сил использовать для ликвидации киевской группировки противника во взаимодействии с левым крылом Центрального фронта. На сарненское направление выделить отдельную группу войск. Ближайшая задача войск фронта – овладеть рубежом Овруч, Коростень, Житомир, Бердичев, Казатин и в дальнейшем выйти на фронт р. Случь, Славута, Проскуров, Могилев-Подольский»* [383].

Войскам Центрального фронта предстояло наступать в общем направлении Жлобин, Минск и частью сил на Калинковичи, Житковичи.

Командующему Степным фронтом было приказано передать к 24 часам 2 октября в состав Юго-Западного фронта 46-ю армию и принять от Воронежского фронта 4-ю гвардейскую и 52-ю армии. Степному фронту предписывалось, нанося главный удар в общем направлении Черкассы, Ново-Украинка, Вознесенск, разгромить кировоградскую группировку противника и отрезать ей пути отхода на запад. Одновременно левое крыло фронта должно было наступать в направлении Пятихатка, Кривой Рог и выйти на тылы днепропетровской группировки противника. Ближайшая задача Степного фронта состояла в овладении рубежом Христиновка, Ново-Украинка, Долинская, Кривой Рог, а дальнейшая – в выходе на рубеж р. Днестр, Рыбница, Ананьев [384]. План операции с

указанием этапов и сроков следовало представить в Ставку ВГК не позже 2 октября.

Генерал армии И.С. Конев вместе с начальником штаба фронта генералом М.В. Захаровым провели большую работу по планированию разгрома кировоградско-криворожской группировки врага. 1 октября Иван Степанович направил план операции в Ставку [385]. В нем предусматривалось осуществить разгром этой группировки в два этапа. На первом этапе, который был разработан более детально, намечалось силами четырех армий нанести главный удар в направлении Знаменка, Кировоград, форсировать Днепр, выйти на рубеж Мошны, Чигорин, Павлыш, Лиховка и до 5 октября захватить плацдармы на его правом берегу.

План действий на втором этапе был определен ориентировочно, так как подробная его разработка зависела от результатов форсирования Днепра и масштаба захваченных плацдармов за рекой. Цель наступления – разгром кировоградско-криворожской группировки противника и выход к 18–20 октября на рубеж Большая Виска, Ингуло-Каменка, Шевченково, Кривой Рог.

Армиям были определены следующие задачи: 4-й гвардейской армии наступать в полосе Максимовка, Ново-Георгиевск, Знаменка-2-я, Кировоград; 5-й гвардейской армии – Кременчуг, Новая Прага, Новгородка; 53-й армии – Успенское, Червона Каменка, Петрово, Гуровка, Казанка, нанося удар на Пятихатку, Кривой Рог с целью выхода в тыл днепропетровской группировки противника; 37-й армии – Мишурин Рог, Анновка, Лозоватка; 7-й гвардейской армии – Домоткань, Саивка, Долгинцево. Войска 52-й армии должны были захватить правый берег Днепра и в дальнейшем обеспечивать операцию справа в тесном взаимодействии с левофланговой армией Воронежского фронта. На 57-ю армию возлагалась задача по обеспечению операции слева в тесном взаимодействии с правофланговой армией Юго-Западного фронта. В полосе 37-й армии намечалось использовать 1-й Красноградский и 7-й механизированные корпуса в общем направлении на Анновку, в обход Кривого Рога с запада.

3 октября Сталин утвердил представленный план. Одновременно он приказал с 7 октября передать из резерва Ставки в состав Степного фронта 5-ю гвардейскую танковую армию. Ее предполагалось использовать для обхода Кировограда с запада.

Войска Степного фронта немедленно приступили к выполнению задач, определенных генералом армии Коневым. Но

фон Манштейн не дремал. В начале октября он вместе со штабом группы армий «Юг» переехал в бывшую ставку Гитлера в Виннице. Она находилась в лесу, имела собственное водоснабжение и силовую установку. Рабочие и жилые помещения были отделаны и меблированы просто, но со вкусом. Фон Манштейн, обосновавшись на новом месте, сосредоточил против 37-й и 7-й гвардейской армий ударную группировку в составе четырех танковых дивизий (6-й, 9-й, 23-й и СС «Totenkopf») и моторизованной дивизии «Großdeutschland». Этими силами он непрерывно наносил контратаки, пытаясь сбросить войска обеих армий в Днепр. Они действовали не совсем удачно, что вынудило генерала армии Конева вмешаться в ход событий. В 5 часов вечера 3 октября он приказал командующему 37-й армией временно перейти к обороне на участке Успенское, Дериевка, колхоз им. Ворошилова. На левом фланге предписывалось силами трех дивизий при поддержке основной массы артиллерии и всеми переправившимися танками через Днепр с утра 3 октября нанести решительный удар в направлении Анновка, выс. 177, 0 и совместно с частями 7-й гвардейской армии разгромить и уничтожить наступающую группу противника перед этой армией [386].

В ходе ожесточенных боев войска 7-й гвардейской и 37-й армий сумели форсировать Днепр и к 11 октября захватить на правом берегу плацдарм оперативного значения. При этом четыре пехотные дивизии противника были разгромлены, а четыре танковые и одна пехотная дивизии понесли серьезные потери.

Итак, первый этап операции был выполнен, хотя и с некоторым запозданием. Командующий Степным фронтом, чтобы не форсировать Днепр в новых местах, решил развить удар с уже имевшегося плацдарма в полосе 37-й, 7-й гвардейской и 57-й армий. На этом плацдарме, между Дериевкой и Верхнеднепровском, он сосредоточил дополнительно еще одну армию – 5-ю гвардейскую. Главный удар в направлении Кривого Рога должны были нанести 5-я гвардейская и 37-я армии. С целью развития прорыва в юго-западном направлении на Пятихатку в сражение намечалось ввести 5-ю гвардейскую танковую армию и 7-й гвардейский механизированный корпус. Танковой армии предписывалось обходным маневром с юго-запада и с юго-востока овладеть Кривым Рогом, а частью сил развивать наступление на Александрию и Кировоград, отрезая пути отхода днепропетровской группировке врага. 52-я и 4-я гвардейская армии должны были активизировать действия на широком фронте, перейти в наступление с занимаемых плацдармов для уничтожения противостоящего противника и расширения

плацдармов. Войскам 52-й армии также предстояло освободить Черкассы.

По указанию генерала армии Конева штаб фронта разработал план перегруппировки войск и их материального обеспечения. 5-я гвардейская армия была снята с плацдарма в районе Кременчуга и сменена частями 4-й гвардейской армии. Армия переправилась на левый берег Днепра, совершив 100-километровый марш вдоль фронта на юго-восток в район Куцеволовки, затем снова переправилась на правый берег Днепра на плацдарм 37-й армии, где 13 октября приняла новую полосу для подготовки к наступлению. 5-я гвардейская танковая армия находилась на доукомплектовании в районе Полтава, Харьков. В течение двух суток войска армии совершили марш из Полтавы к переправам через Днепр, где были тщательно замаскированы. В ночь на 15 октября танки и САУ армии, используя четыре 40-тонных парома, переправились через Днепр в районе Мишурина Рога и северо-западнее. Колесный транспорт двигался по двум понтонным мостам.

Противник не успел обнаружить перегруппировку и сосредоточение сил Степного фронта на плацдарме, поэтому мер по отражению его удара не принял. Однако активность войск при форсировании Днепра и захвате плацдармов привлекла в этот район значительные силы противника.

Утром 15 октября войска Степного фронта с кременчугского плацдарма перешли в наступление. Генерал армии Конев, находясь на наблюдательном пункте командующего 5-й гвардейской танковой армией, видел, что противник оказывает ожесточенное сопротивление. С целью ускорения прорыва его обороны командующий фронтом в три часа ввел в полосе 37-й армии 7-й механизированный корпус, а через два часа в полосе 5-й гвардейской армии – 18-й танковый корпус 5-й гвардейской танковой армии. Внезапность и решительность удара соединений корпуса позволила им быстро прорвать оборону противника и в течение ночи продвинуться на 25 км. В ходе наступления тяжелое ранение получил командир 18-го танкового корпуса генерал К.Г. Труфанов, которого заменил его заместитель полковник А.Н. Фирсович. Однако в ночных условиях он потерял управление частями. Это вынудило командующего танковой армией генерала П.А. Ротмистрова приостановить их наступление, с тем чтобы дать время собраться и привести себя в порядок. С разрешения командующего фронтом Ротмистров ввел в сражение свой второй эшелон – 29-й танковый корпус генерала И.Ф. Кириченко, двигавшийся в колоннах за 18-м танковым корпусом. Соединения генерала Кириченко к ночи ворвались в Пятихатку, овладев

19 октября, совместно с частями 7-го механизированного корпуса, этим крупным городом и железнодорожным узлом.

Войска Воронежского фронта в это время предпринимали отчаянные попытки прорвать вражескую оборону на Днепре. При этом главные удары наносились с южного, букринского плацдарма, а вспомогательные – с северного, лютежского плацдарма (район севернее Киева). Однако фон Манштейн сумел сосредоточить против букринского плацдарма крупные силы и создать здесь прочную оборону. Все атаки войск фронта разбивались под ее стенами.

По приказу Гитлера на пятихаткинское направление началась срочная переброска из резерва Ставки Верховного Главнокомандования вермахта танкового корпуса СС с задачей восстановить положение. Его соединения создали серьезную угрозу правому крылу Степного фронта, развернутому на юго-запад. Генерал армии Конев, узнав о сосредоточении здесь свежих сил противника, решил повернуть на западное направление 5-й гвардейский Зимовниковский механизированный корпус. После этого войска 5-й гвардейской танковой армии устремились на Кривой Рог. Противник оказывал ожесточенное сопротивление. В результате войска армии затратили на преодоление более чем 30-километрового расстояния от Пятихаток до Кривого Рога около трех суток.

К исходу дня 23 октября передовые отряды 18-го и 29-го танковых корпусов сумели выйти на подступы к Кривому Рогу. Части 18-го танкового корпуса с десантами мотострелков на танках ворвались на окраину города, но контратакой противника были отброшены назад. Части 5-го гвардейского Зимовниковского механизированного корпуса, выдвинутые на правое крыло 2-го Украинского фронта [387], попали под мощный удар танкового корпуса СС и понесли значительные потери. После этого эсэсовские соединения, развивая успех, обрушились на тылы 29-го танкового корпуса, штурмовавшего Кривой Рог. Это вынудило генерала Ротмистрова отвести корпус на р. Ингулец, в район Недай-Вода, где он перешел к обороне. К тому времени 5-я гвардейская танковая армия понесла большие потери. В 18-м танковом корпусе осталось всего 49 исправных танков, а в 29-м – 26 боевых машин [388].

Несмотря на это, командующий 2-м Украинским фронтом генерал армии Конев требовал овладеть Кривым Рогом. В шесть часов утра 24 октября после непродолжительной артиллерийской подготовки 18-й и 29-й танковые корпуса при поддержке авиации снова перешли в наступление. Части 29-го танкового корпуса были остановлены противником на северной окраине города.

Соединения 18-го танкового к восьми часам с ходу форсировали р. Саксагань у кирпичного завода и ворвались в Кривой Рог. После ожесточенных боев, израсходовав горючее и боеприпасы, они вынуждены были отойти из города на исходный рубеж.

Генерал Ротмистров, убедившись, что силами двух ослабленных непрерывными боями танковых корпусов овладеть Кривым Рогом не удастся, доложил об этом командующему фронтом. С его согласия 18-й и 29-й танковые корпуса были отведены на р. Ингулец, где они заняли оборону впереди стрелковых соединений 37-й армии по рубежу Петрово, Недай-Вода, Лозоватка. 5 ноября генерал армии Конев, учитывая большие потери войск 5-й гвардейской танковой армии, приказал вывести их в район Пятихатки для доукомплектования.

На других направлениях наступление войск 2-го Украинского фронта развивалось следующим образом. Соединения 57-й армии освободили 22 октября Верхнеднепровск. С целью развития ее успеха Ставка ВГК усилила фронт 1-м механизированным и 20-м танковым корпусами. Генерал армии Конев немедленно ввел их в сражение, подчинив им в оперативном отношении две авиационные дивизии. К 23 октября оба корпуса при поддержке авиации прорвались к Кривому Рогу и в район Митрофановки (30 км восточнее Кировограда), создав угрозу окружения шести дивизий немецкой 8-й армии. В тот же день перешли в наступление армии правого крыла соседнего 3-го Украинского фронта, которые при содействии части сил 2-го Украинского фронта освободили Днепропетровск.

Фон Манштейн, внимательно следивший за ходом сражения, весьма высоко оценивал действия Конева. Вот что он пишет: *«В течение всего октября Степной фронт противника, командование которого было, вероятно, наиболее энергичным на стороне противника, перебрасывал все новые и новые силы на плацдарм, захваченный им южнее Днепра на стыке между 1 танковой и 8 армиями. К концу октября он расположил здесь не менее 5 армий (в том числе одну танковую армию), в составе которых находились 61 стрелковая дивизия и 7 танковых и мех. корпусов, насчитывавших свыше 900 танков. Перед таким превосходством сил внутренние фланги обеих армий не могли устоять и начали отход соответственно на восток и запад. Между армиями образовался широкий проход. Перед противником был открыт путь в глубину Днепровской дуги на Кривой Рог и тем самым на Никополь, обладание которым Гитлер с военно-экономической точки зрения считал исключительно важным»* [389].

Успешные действия войск 2-го Украинского фронта создали угрозу окружения 1-й танковой армии в восточной части

Днепровской дуги. Фон Манштейн, пытаясь избежать этого, обратился к Главному командованию Сухопутных войск с просьбой усилить группу армий «Юг» свежими соединениями. Ему были выделены всего три дивизии (14-я и 24-я танковые, одна пехотная). Кроме того, были обещаны еще три танковые дивизии – 1-я, «Leibstandarte-SS Adolf Hitler» и вновь сформированная 25-я. Но время их прибытия не указывалось.

Фон Манштейн, учитывая сложившуюся обстановку, решил нанести контрудар имевшимися в его распоряжении двумя танковыми и одной пехотной дивизиями. Они были включены в состав 40-го танкового корпуса, который получил задачу нанести контрудар со стороны загнутого назад фланга 8-й армии с запада во фланг и в тыл войск 2-го Украинского фронта, продвигавшихся на Кривой Рог. 1-й танковой армии приказывалось бросить все имеющиеся в ее распоряжении танки и пехоту навстречу войскам фронта, чтобы сохранить жизненно важную для нее связь через Кривой Рог. С целью обеспечения этого удара фон Манштейн решил оставить в полосе, занимаемой 30-м армейским корпусом на Днепре, по обе стороны от Днепропетровска, только охранение на самой реке. Главным силам корпуса предписывалось отойти на укороченную линию в районы севернее Запорожья и Кривого Рога, чтобы высвободить соединения, необходимые для действий на решающем участке. Гитлер вынужден был примириться с таким решением фон Манштейна и с тем, что нужно отдать часть Днепровского рубежа.

24 октября соединения 1-й танковой армии, 30-го армейского, 40-го танкового корпусов и прибывшие из Германии две танковые и две пехотные дивизии перешли в наступление. Благодаря тесному взаимодействию войск 8-й и 1-й танковой армий удалось сорвать замысел генерала армии Конева отрезать 1-ю танковую армию в восточной части Днепровской дуги. Войска 2-го Украинского фронта, по данным фон Манштейна, потеряли убитыми около 10 тыс. человек, а в качестве трофеев были захвачены 350 танков, свыше 350 орудий и 5 тыс. пленных [390]. В результате удалось снова восстановить сплошной фронт между 1-й танковой и 8-й армиями. Однако отбросить войска 2-го Украинского фронта на северный берег Днепра из-за недостатка сил не удалось. Маршал И.С. Конев, вспоминая об этих сражениях, отмечал, что наступление противника, потерявшего за два дня 150 танков, заглохло и было приостановлено.

В то время как опасность, непосредственно угрожавшая 1-й танковой армии, была ликвидирована, в ее тылу возникла новая, еще более серьезная угроза. Командующий 4-м Украинским фронтом генерал армии Ф.И. Толбухин 24 октября ввел на стыке

51-й и 28-й армий в прорыв 19-й танковый и 4-й гвардейский кавалерийский корпуса. Они прорвали оборону 6-й армии, входившей в состав группы армий «А» и занимавшей оборону на участке между Днепром и побережьем Азовского моря. Войска 51-й армии, наступая на юго-запад вместе с подвижными соединениями, вышли к Северной Таврии. К 26 октября глубина прорыва достигла 50 км. Это вынудило командующего группой армий «А» отвести 6-ю армию на запад. Ее северный фланг (4-й и 29-й армейские корпуса) отошел на большой плацдарм южнее Днепра, который прикрывал, по крайней мере временно, тыл 1-й танковой армии и одновременно район Никополя. Остальная часть армии отошла дальше на запад, к переправе через Днепр у Берислава и на нижнее течение Днепра.

30 октября 54-й стрелковый корпус совместно с 19-м танковым корпусом захватил Асканию-Нову. На следующий день части 51-й армии вышли на Перекоп, а 10-й стрелковый корпус – на Сиваш. В ночь на 2 ноября 19-й танковый корпус своими передовыми частями (79-я танковая, 26-я мотострелковая бригада, 36-й кавполк 10-й кавалерийской дивизии) прорвался через Турецкий вал и вышел к Армянску.

Такое развитие событий в полосе 6-й армии означало серьезную опасность для расположенной в восточной части Днепровской дуги 1-й танковой армии. Если в результате контрудара 40-го танкового корпуса по войскам 2-го Украинского фронта, прорвавшимся к Кривому Рогу, и удалось временно укрепить положение этой армии, то это не означало еще, что они потерпели решительное поражение. Главный же удар, который фон Манштейн планировал нанести, не мог быть осуществлен ранее середины ноября, так как три обещанные танковые дивизии еще не прибыли. Он опасался, что южный фланг 6-й армии будет отброшен за нижнее течение Днепра, а 17-я армия окажется отрезанной в Крыму. Это позволило бы советскому командованию нанести удар с юга через Днепр по обе стороны от Никополя в тыл 1-й танковой армии. Обстановка в полосе этой армии, находившейся теперь на узком участке, простиравшемся фронтом на север и восток до Запорожья, была бы тогда весьма неустойчивой. Если этого нельзя было предотвратить, то не оставалось ничего иного, как отвести 1-ю танковую армию из восточной части Днепровской дуги на запад. А это означало потерю Днепровской дуги, Никополя с его залежами марганцевой руды и Крыма.

С целью избежать такого развития событий, в первую очередь предотвратить угрозу выхода советских войск в тыл 1-й танковой армии, фон Манштейн предложил Главному командованию

Сухопутных войск следующий план [391].

Не позднее 12 ноября сосредоточить 40-й танковый корпус севернее Днепра. После окончания сражения у Кривого Рога он должен силами двух, а по возможности – трех танковых дивизий внезапно нанести удар из удерживаемого еще 6-й армией плацдарма южнее Никополя по северному флангу войск 4-го Украинского фронта, преследовавших 6-ю армию через Ногайскую степь в направлении на нижнее течение Днепра. Цель удара – обеспечить 6-й армии возможность закрепиться перед Днепром и сохранить связь с 17-й армией в Крыму. Одновременно фон Манштейн надеялся устранить угрозу для 1-й танковой армии с тыла. В случае успешного исхода намечаемого контрудара командующий группой армий «Юг» планировал нанести еще один удар всеми находившимися в его распоряжении танковыми соединениями в районе действий 6-й армии, чтобы обеспечить ей возможность снова выйти на линию Мелитополь, Днепр.

План командующего группой армий «Юг» был с восторгом принят Гитлером, так как позволял ему сохранить Никополь и Крым. Однако претворить его в жизнь не удалось. Быстрый отход войск 6-й армии за нижнее течение Днепра ставил под сомнение необходимость нанесения контрудара 40-м танковым корпусом с плацдарма у Никополя. Затем и события на северном фланге группы армий «Юг» не позволили использовать в Днепровской дуге еще находившиеся на марше три танковые дивизии.

Каковы же были планы советской Ставки? Во втором часу ночи 26 октября она, учитывая успешное наступление войск 2-го и 3-го Украинских фронтов, которые теснили днепропетровскую группировку противника на юго-запад, а также попытки фон Манштейна силами кировоградской группировки не допустить продвижение войск 2-го Украинского фронта на запад и юго-запад, поставила командующим обоих фронтов задачи по развитию наступления на правобережье Днепра [392]. В директиве № 30234 от 2-го Украинского фронта требовалось сосредоточить основные усилия на разгроме кировоградской группировки противника. С этой целью предстояло главными силами наступать в направлении Кировограда, имея ближайшей задачей выйти на рубеж Чигирин, Знаменка, Кировоград, Установка. В дальнейшем предписывалось развивать наступление в общем направлении на станцию Христиновка, прочно обеспечивая себя с юга. Одновременно левым крылом во взаимодействии с 3-м Украинским фронтом следовало разгромить днепропетровскую группировку противника, для чего 57-я армия, усиленная одним танковым или механизированным корпусом, должна была

овладеть районом Апостолово.

Войскам 3-го Украинского фронта во взаимодействии с левым крылом 2-го Украинского фронта ставилась задача разгромить отходящую днепропетровскую группировку противника, для чего, не ввязываясь в затяжные бои и обходя крупные населенные пункты, энергично преследовать его в общем направлении на Апостолово. Ближайшая задача – к 3–5 ноября выйти на рубеж Кривой Рог, Апостолово, Никополь, а в дальнейшем развивать наступление в общем направлении на Николаев, прикрываясь частью сил со стороны Вознесенска.

В начале ноября войска 1-го Украинского фронта снова перешли в наступление на северный фланг группы армий «Юг», где оборонялась 4-я танковая армия. Она не выдержала удара и под натиском численно превосходящих сил фронта 6 ноября оставила Киев. *«После тяжелых боев,* – сетовал фон Манштейн, – *был оставлен Киев, так как действовавший здесь 7 ак (*армейский корпус. – Авт.) *находился под угрозой окружения в городе. Корпус был отброшен из Киева на юг, и ему удалось задержать продвижение противника лишь в 50 километрах ниже города»* [393].

Несмотря на овладение столицей Украины, войскам 1-го Украинского фронта не удалось уничтожить главные силы 4-й танковой армии и часть сил 8-й армии. Этим решил воспользоваться фон Манштейн, чтобы снова овладеть инициативой и восстановить оборону по Днепру. Он считал необходимым бросить все имевшиеся в его распоряжении части и соединения, в первую очередь находившиеся на подходе три танковые дивизии, на северный фланг группы армий «Юг». Однако, поскольку Гитлер дал указание использовать эти дивизии только в районе нижнего течения Днепра, для этого необходимо было получить согласие Главного командования Сухопутными войсками. Если оно не могло перебросить новые крупные силы в район действий 4-й танковой армии, то фон Манштейну не оставалось ничего другого, как оставить Днепровскую дугу.

В связи с тем, что решение по этому принципиально важному вопросу не удалось получить, фон Манштейн 7 ноября вылетел в ставку фюрера. Гитлер заявил, что он не намерен упустить тот «первый и единственный в своем роде шанс», который дает ему предложение группы армий «Юг» относительно действий в полосе 6-й армии для удержания Крыма. Фюрер сказал, что под Киевом не удастся достичь такого решительного успеха, который дал бы возможность снять с этого участка танки и перебросить их на южный фланг. Поэтому не удастся удержать ни Крым, ни оборону по нижнему течению Днепра. В ответ на это фон Манштейн

заметил, что если придерживаться плана сражения в Днепровской дуге или в полосе 6-й армии, то это большой риск для северного фланга группы армий «Юг», а также для групп армий «Юг» и «А» в целом. Как ни тяжело фон Манштейну было отказываться от удара южнее нижнего течения Днепра, он считал необходимым использовать все три прибывающие дивизии в районе Киева. Гитлер ответил на это, что по военным и политическим соображениям победа, которую можно одержать на нижнем течении Днепра, должна быть достигнута. Необходимо снова показать армии, что она еще может наносить успешные удары. Далее следует учесть также настоятельную необходимость удержать важные в военно-экономическом отношении месторождения марганца в районе Никополя. Противник не должен получить Крым, который он использует как плацдарм для действий авиации против румынских нефтяных промыслов. В свою очередь, фон Манштейн настаивал на том, что, хотя доводы Гитлера и представляются очень вескими, риск на северном фланге очень велик. Если 4-я танковая армия дрогнет, рано или поздно судьба групп армий «Юг» и «А» будет решена. Гитлер согласился с тем, что риск велик, однако заявил, что в сложившейся обстановке на него надо пойти. Он готов взять его на себя.

Фон Манштейн пишет: *«Все же мне удалось добиться того, что он обещал перебросить на наш северный фланг уже неоднократно обещанную мне 4 тд из состава 2 армии (впрочем, и на этот раз мы ее не получили), бригаду СС «Nordland» и позже еще 2 парашютную дивизию. Он согласился на то, чтобы использовать не одну (уже переброшенную в район действий 4 танковой армии) 25 тд, а и обе другие (1 тд и лейб-штандарт) танковые дивизии в районе действий 4 танковой армии, а не на Днепровской дуге. Однако зато обе танковые дивизии 40 тк (14 и 24) должны были остаться в составе 1 танковой армии. Вопрос о нанесении удара в районе действий 6 армии остался пока открытым. Впрочем, эти дивизии нельзя было высвободить из этого района, так как Гитлер не хотел вывести 1 танковую армию из Днепровской дуги, где создалась опасная обстановка, так как он стремился удержать Никополь и Крым»* [394].

В последующие дни обстановка в полосе 4-й танковой армии стала все более ухудшаться. Ее войска понесли большие потери, пехотные дивизии по численности равнялись полкам. Они не смогли сдержать натиск войск 1-го Украинского фронта, который, по данным фон Манштейна, имел в первом эшелоне 17–20 стрелковых дивизий полного состава, 3–4 танковых корпуса и один кавалерийский корпус. 7 ноября войска фронта освободили

Фастов. С целью усиления 4-й танковой армии фон Манштейн передал ей от 8-й армии две танковые (3-я и 10-я) и две моторизованные дивизии (20-я и дивизия СС «Reich»), а также две пехотные дивизии (10-ю и 8-ю). Кроме того, командующему группой армий «Юг» пришлось, учитывая, что доукомплектование 48-го танкового корпуса не может быть завершено раньше середины ноября, а обстановка юго-западнее Киева все ухудшается, раньше времени передать из своего резерва 25-ю танковую дивизию для нанесения удара на Фастов. Этим он рассчитывал обеспечить район развертывания 48-го танкового корпуса, которому в составе трех танковых дивизий (25-я, 1-я и «Leibstandarte-SS Adolf Hitler») предстояло нанести контрудар по продвигавшимся от Киева на юго-запад танковым соединениям 1-го Украинского фронта.

8 ноября фон Манштейн нанес сильные контрудары из района Белая Церковь по южному флангу главной группировки войск 1-го Украинского фронта. Ставка ВГК, обнаружив сосредоточение южнее Фастова крупных сил группы армий «Юг», приказала 12 ноября войскам центра и левого крыла 1-го Украинского фронта временно перейти к обороне на рубеже Волчково, Черняхов, Житомир, Германовка. Для усиления левого фланга 38-й армии на участке Фастов, Триполье требовалось перебросить дивизии, снимаемые со щучинского и букринского плацдармов, а также направить пять-шесть стрелковых дивизий за счет 60-й армии и правого фланга 38-й армии. *«По окончании этой перегруппировки и с подходом 1-й гв. армии и 25 тк первоочередная и основная задача фронта,* – отмечалось в директиве № 30245 Ставки, – *разбить белоцерковскую группировку противника и левым крылом фронта овладеть районом Попельня, Белая Церковь, Кагарлык, после чего вновь форсировать наступление на казатинском направлении»* [395].

13 ноября войска 38-й и 3-й гвардейской танковой армий 1-го Украинского фронта, выполняя приказ Ставки ВГК, перешли к обороне. Это положило начало Киевской оборонительной операции, продолжавшейся до 22 декабря. Правое крыло фронта (13-я и 60-я армии) продолжало наступление.

15 ноября фон Манштейн приступил к осуществлению своего плана. 48-й танковый корпус генерала танковых войск Г. Балька и 13-й армейский корпус генерал-лейтенанта А. Хауфе были включены в состав армейской группы генерала пехоты Ф. Маттенклотта. Она нанесла контрудар во фланг 1-й гвардейской армии, вынудив ее начать отход. Поражение понесли и танковые корпуса 1-го Украинского фронта, которые продвигались от Киева на юго-запад. Затем фон Манштейн

повернул 48-й танковый корпус на запад и нанес удар по советским войскам, преследовавшим 13-й армейский корпус. При этом снова был захвачен Житомир, освобожденный 12 ноября. Однако попытка нанести удар силами 48-го танкового корпуса на восток вдоль шоссе Житомир – Киев в тыл советским войскам, находившимся южнее Киева, была сорвана в результате распутицы.

Фон Манштейн, оценивая итоги контрудара, отмечал, что хотя и не удалось сбросить войска 1-го Украинского фронта с западного берега Днепра, но все же было временно восстановлено положение в полосе 4-й танковой армии. Она отбросила на север войска 38-й армии, оборонявшие участок Житомир, Фастов. 17 ноября соединения 4-й танковой армии вышли в районе Коростышева на житомирско-киевское шоссе и развернули вдоль него наступление на Киев. На следующий день фон Манштейну ударами с севера, юга и востока удалось окружить в районе Житомира часть сил 60-й армии. После двухдневных ожесточенных боев большая их часть прорвалась из окружения, оставив город. 49-й армейский корпус, оставшийся изолированным в районе Коростеня, снова овладел этим городом, восстановив железнодорожную связь с группой армий «Центр».

По донесению штаба 4-й танковой армии, войска 1-го Украинского фронта потеряли около 20 тыс. человек убитыми, 600 танков, 300 орудий и свыше 1200 противотанковых орудий. В плен было захвачено 5 тыс. человек [396]. Несмотря на успешные действия войск 4-й танковой армии, Гитлер решил заменить ее командующего. Он заявил, что генерал-полковник Гот после слишком напряженных событий последних лет нуждается в отдыхе. Гот был переведен в резерв фюрера. Его преемником стал бывший командир 11-го армейского корпуса опытный генерал Э. Раусс.

В то время как войска 1-го Украинского фронта вели ожесточенные боевые действия, соединения 2-го Украинского фронта снова перешли в наступление. Ставка ВГК, несмотря на то, что не удалось овладеть Кривым Рогом, не отказалась от своего замысла по разгрому никопольско-криворожской группировки противника. По директиве № 30238 от 5 ноября эта задача возлагалась на три Украинских фронта (2, 3 и 4-й) [397].

Войскам 2-го Украинского фронта приказывалось, прочно закрепившись на занимаемом рубеже, нанести силами 37-й, 57-й и 5-й гвардейской танковой армий удар в общем направлении Лозоватка, Широкое, обходя Кривой Рог с запада. Во взаимодействии с 3-м Украинским фронтом соединениям 2-го Украинского фронта предстояло разгромить криворожскую

группировку противника, овладеть Кривым Рогом и выйти на рубеж Петрово, Гуровка, (иск.) Широкое. Наступление предписывалось начать не позже 12–14 ноября.

3-й Украинский фронт должен был, продолжая наступление, нанести главный удар правым крылом в направлении Софиевка, Долгинцево, оказать содействие 2-му Украинскому фронту в овладении Кривым Рогом и выйти на рубеж Широкое, Апостолово. Войскам 4-го Украинского фронта предписывалось, продолжая операцию по вторжению в Крым, сосредоточить главные усилия на ликвидации каменского плацдарма противника (южнее Никополя) и форсирование р. Днепр на участке Никополь, Большая Лепетиха.

Утром 14 ноября после непродолжительной, но довольно мощной артиллерийской подготовки войска 57-й армии 2-го Украинского фронта перешли в наступление. Вскоре в сражение были введены 18-й и 29-й танковые корпуса 5-й гвардейской танковой армии, имевшей 358 танков и САУ [398]. Однако темп их продвижения был невысоким. Противник оказывал упорное сопротивление. Проливные дожди сделали грунтовые дороги и поля непроходимыми для колесного транспорта. Танки имели возможность двигаться только на первой скорости. Лишенные маневра, соединения 5-й гвардейской танковой и 57-й армий втянулись в тяжелые позиционные бои и за неделю продвинулись всего на 8—10 км.

23 ноября генерал армии Конев доложил по ВЧ Сталину о сражениях за Днепром, о завоеванном большом стратегическом плацдарме, о том, что войска дерутся хорошо, имеют высокий боевой дух. Но, непрерывно находясь в боях около четырех месяцев, бойцы физически устали, войскам требовались отдых и пополнение. Командующий 2-м Украинским фронтом просил разрешения временно перейти к обороне на занимаемом рубеже. Сталин высказал полное удовлетворение действиями войск фронта и согласился с предложением генерала армии Конева.

Итак, фон Манштейну удалось остановить войска генерала Конева. Каковы же были планы командующего группой армий «Юг»? 20 ноября он направил в ОКХ письмо по вопросу о дальнейшем ведении операций. Фон Манштейн отмечал, что командование Красной Армии, несмотря на действия его крупных сил перед фронтом группы армий «Юг», располагает еще большими оперативными резервами. К ним относились 44 стрелковые дивизии и большое количество танковых бригад. Кроме того, 33 стрелковые дивизии и 11 танковых и механизированных корпусов находились за линией фронта на доукомплектовании. Фон Манштейн полагал, что советское

командование продолжит наступление на южном крыле Восточного фронта и в течение зимы. При этом главный удар будет наноситься на северном фланге группы армий «Юг». Даже в случае успеха контрудара, наносившегося в тот момент на участке 4-й танковой армии, советское командование западнее Днепра все же будет обладать достаточным пространством для возобновления наступления.

«Вследствие этого ни при каких обстоятельствах нельзя снимать силы с являющегося решающим в оперативном отношении северного фланга группы армий для использования их в Днепровской дуге, – писал фон Манштейн. – *Даже если бы там, несмотря на это, удалось в боях с перешедшим теперь в наступление противником добиться успеха в обороне и временно стабилизировать положение, в оперативном отношении необходимо было бы учесть следующие факты. Группа армий должна будет удерживать в течение зимы довольно потрепанными дивизиями участок фронта, для которого ее сил далеко недостаточно. Она не имела бы достаточных резервов, чтобы отражать наступление крупных сил противника, которое может быть предпринято на нескольких участках. Группа армий, следовательно, будет находиться в полной оперативной зависимости от противника, что является особенно опасным в связи с понизившейся боеспособностью ее соединений. Боевые действия, которые будут вестись в зависимости от намерений противника, не могут привести к серьезному ослаблению его ударной силы. Поскольку Советы постоянно будут диктовать нам свою волю, а мы не сможем своевременно маневрировать резервами, чтобы отражать их удары или упредить противника, мы будем не только отдавать им большое пространство, но и нести большие потери в людях и технике. Предпосылкой для успешного продолжения военных действий является создание достаточных и боеспособных резервов. Если их нельзя выделить из состава войск, действующих на других театрах военных действий, то необходимо значительно сократить линию фронта на правом крыле Восточного фронта (эвакуировав 17 армию из Крыма морским путем). Без резервов группа армий не может удержать в течение зимы своих позиций»* [399].

Войска группы армий «Юг», остановив войска 2-го Украинского фронта, нанесли удар по соединениям 1-го Украинского фронта. Силами шести танковых и одной моторизованной дивизии фон Манштейну удалось после упорных боев 23 ноября захватить город Брусилов. Командующий 1-м Украинским фронтом генерал армии Н.Ф. Ватутин немедленно перегруппировал в район севернее и восточнее города 3-ю

гвардейскую танковую армию и 94-й стрелковый корпус 1-й гвардейской армии. С букринского плацдарма на участок Фастов, Триполье вслед за 40-й армией с 14 по 20 ноября была переброшена часть сил 27-й армии. Против наступавших танков и пехоты противника действовали основные силы 2-й воздушной армии.

26 ноября войска 1-го Украинского фронта нанесли контрудар тремя стрелковыми корпусами по северному флангу брусиловской группировки противника и к 30 ноября сумели стабилизировать оборону на рубеже восточнее Черняхова, Радомышль, Ставище, Юровка. Однако для нанесения более серьезного удара по противнику у генерала армии Ватутина сил не имелось.

Одновременно фон Манштейну пришлось отражать наступление войск 3-го Украинского фронта. Они 20 ноября нанесли удар на Нижнем Днепре между Николаевом и Кривым Рогом по соединениям 1-й танковой армии, которой с 29 октября командовал генерал танковых войск Г.-В. Хубе. Цель наступления – овладение Никополем, где части 40-го танкового корпуса генерала горнострелковых войск Ф. Шернера удерживали плацдарм. Ему удалось остановить продвижение войск фронта у Никополя.

После небольшого отдыха войска 2-го Украинского фронта возобновили наступление. В полосе 53-й и 5-й гвардейской армий удалось значительно продвинуться вперед. Генерал армии Конев решил немедленно перебросить на это направление 5-ю гвардейскую танковую армию. К вечеру 5 декабря части 18-го и 29-го танковых корпусов, тесно взаимодействуя с соединениями 5-й гвардейской армии, ворвались на северную и восточную окраины Знаменки. После упорных боев город 9 декабря был очищен от противника.

В день освобождения Знаменки Ставка ВГК своей директивой № 30261 приказала войскам 2-го Украинского фронта развивать наступление в направлении Казанка, Березнеговатое с целью вывести на простор 7-ю гвардейскую, 57-ю и 37-ю армии, выйти на тылы никопольской группировки противника и разгромить ее совместно с 3-м и 4-м Украинскими фронтами. При развитии наступления к югу, требовалось прочно обеспечивать себя с запада по р. Ингул. На усиление 2-го Украинского фронта из состава 3-го Украинского фронта передавались два стрелковых корпуса, которые должны были сосредоточиться походным порядком к 15–17 декабря в районе Пятихатки [400].

Выполняя поставленную задачу, войска 2-го Украинского фронта отбросили противостоящую 8-ю армию от Днепра на 30—

100 км, создав условия для последующего наступления на кировоградском направлении.

На 1-м Украинском фронте происходили следующие события. Фон Манштейн решил силами 48-го танкового корпуса во взаимодействии с 24-м танковым и 13-м армейским корпусами перейти в наступление из района Житомира в направлении на Радомышль, разгромить войска 60-й армии, нависшие с фланга над его ударной группировкой, захватить Киев и восстановить оборону по Днепру. Трудность воплощения этого замысла в жизнь состояла в том, что фон Манштейн не располагал точными сведениями о том, какие силы ему противостоят в районе севернее и западнее Житомира.

В 6 часов утра 6 декабря передовые подразделения 1-й, 7-й танковых дивизий и дивизии «Leibstandarte-SS Adolf Hitler» пересекли дорогу Житомир – Коростень. По частям 30-го стрелкового корпуса 60-й армии нанесли удар три полка мотопехоты при поддержке 60 танков. Они вышли к его тылам и одновременно начали наступать на фланг 148-й стрелковой дивизии 15-го стрелкового корпуса. Противник, заняв село Корчивка, ввел в бой свой резерв и стал развивать наступление на северо-восток. В результате создалась угроза глубокого охвата правого фланга и тыла 15-го стрелкового корпуса.

«В эти дни мы действительно получили большую пользу от подслушивания радиопереговоров противника, – вспоминал бывший начальник штаба 48-го танкового корпуса генерал Ф. Меллентин. – *Донесения русских быстро расшифровывались, вовремя поступали в штаб корпуса для принятия соответствующих решений. Мы располагали постоянной информацией о реакции русских на действия наших войск и тех мерах, которые они предполагали предпринять. Поэтому мы имели возможность своевременно изменять наши планы. Вначале русские недооценивали значение немецкого удара, затем в бой были введены несколько противотанковых орудий; постепенно командование русских начало проявлять беспокойство. Переговоры по радио приняли бурный характер. “Немедленно доложите, откуда наступает противник. Ваше донесение неправдоподобно”. Ответ: “Спросите чертову бабушку. Почем я знаю, откуда он наступает?” (Как только в переговорах русские начинают упоминать черта и его ближайших родственников, это означает, что дела у них идут плохо.) К середине дня 60-я армия русских была отброшена, и вскоре наши танки вышли в район расположения штаба армии»* [401].

Командующий 1-м Украинским фронтом генерал армии Ватутин потребовал от войск 60-й армии стоять насмерть.

Упорная оборона ее соединений вынудила части 48-го танкового корпуса прекратить дальнейшее наступление. *«Войска 60-й армии были полностью дезорганизованы,* – отмечал генерал Меллентин, – *а огромные запасы боеприпасов и созданная русскими разветвленная дорожная сеть позволяли сделать вывод о том, что мы предотвратили крупнейшее наступление. На командном пункте 48-го танкового корпуса все пришли к выводу, что большего добиться в настоящее время невозможно, и мы предложили командованию 4-й танковой армии отвести все танковые части для перегруппировки и подготовки к следующему удару»* [402].

В Ставке ВГК была внимательно изучена обстановка, сложившаяся на житомирском направлении. Сталин и маршал Жуков, обменявшись мнениями, 9 декабря направили командующему 1-м Украинским фронтом директиву № 30263. Она требовала силами 60-й армии, 4-го и 7-го гвардейских танковых корпусов, 25-го танкового и 11-го стрелкового корпусов 18-й армии не допустить прорыва противника к северу от р. Ирша и на восточный берег р. Тетерев. Не позднее утра 12 декабря предписывалось нанести контрудар главными силами 3-й гвардейской танковой армии (не менее двух танковых корпусов) с одним стрелковым корпусом из района Великой Рачи (5 км северо-восточнее Радомышля) в направлении Малина. Одновременно приказывалось перейти в наступление левым флангом 60-й армии и танковыми корпусами, действующими в районе Малин, станция Тетерев.

Контрудар 3-й гвардейской танковой армии следовало обеспечить сильной артиллерийской поддержкой, используя для этого по возможности 17-ю артиллерийскую дивизию. Вся штурмовая и бомбардировочная авиация 1-го Украинского фронта должна была с утра 10 декабря наносить массированные удары по танковой группировке противника, прорывающейся на Малин. В районе Колонщина, Башев, Шнитки предписывалось сосредоточить 1-ю танковую армию.

С утра 12 декабря фон Манштейн продолжил наращивать свои усилия. Части 1-й танковой дивизии и дивизии «Leibstandarte-SS Adolf Hitler» нанесли удар по соединениям 1-й гвардейской армии, которые потеряли радомышльский плацдарм на западном берегу р. Тетерев. Сталин, недовольный действиями войск 1-го Украинского фронта, потребовал от генерала армии Ватутина объяснить причины потери этого плацдарма. Командующий фронтом доложил, что во всем виноваты неустойчивая связь с 1-й гвардейской армией и нарушение управления в самой армии. Такой доклад не удовлетворил Сталина. В директиве от 14 декабря он отмечал:

«Командование 1-го Украинского фронта, несмотря на наличие превосходящих сил в составе фронта, обрекло фронт на пассивность вследствие кабинетного метода руководства войсками фронта. Такое нетерпимое положение привело к тому, что противник получил возможность свободно маневрировать по всему фронту одной имеющейся у него группой танков. Ставка предупреждает, что если еще будут допущены подобные ошибки в управлении войсками фронта, будут приняты против командования фронта строгие меры» [403].

По решению Сталина командующий 1-й гвардейской армией генерал-полковник В.И. Кузнецов был снят с должности, а вместо него назначен заместитель командующего фронтом генерал-полковник А.А. Гречко.

Тем временем командир 48-го танкового корпуса генерал Бальк приказал 7-й танковой дивизии переправиться через р. Ирша севернее Малина и захватить большой плацдарм. После этого ей совместно с дивизией «Leibstandarte-SS Adolf Hitler» предстояло сосредоточиться южнее Коростеня, откуда затем нанести внезапный удар севернее Мелени. Одновременно должна была перейти в наступление с плацдарма у Малина и 7-я танковая дивизия.

Утром 16 декабря после сильной артиллерийской подготовки части 48-го танкового корпуса возобновили наступление. Вначале оно развивалось успешно, но вскоре войска 60-й армии стали оказывать все более упорное сопротивление. *«…Двадцать первого декабря они предприняли неожиданные для нас по своей силе контратаки,* – отмечал генерал Меллентин. – *Ведя ожесточенные бои на внутреннем и внешнем фронтах намечавшегося окружения, наши героические части с честью выходили из всех опасных положений, но русские оказались значительно сильнее, чем мы предполагали»* [404].

Однако успех войск 60-й армии был предопределен не превосходством сил, так как противник имел преимущество в танках. Большую роль в отражении атак вражеских танков сыграли артиллерийские части и соединения.

В результате почти полуторамесячных боев войска группы армий «Юг» продвинулись на киевском направлении на 35–40 км, но ее ударная группировка была измотана и обескровлена. Оценивая итоги Киевской оборонительной операции, маршал Жуков писал: *«Во второй половине ноября противник, как я уже говорил, захватил Житомир и неоднократно пытался опрокинуть соединения 1-го Украинского фронта и прорваться к Киеву. Но эти настойчивые попытки не увенчались успехом. Больше того, в результате своих безрассудных действий немецкие войска несли*

колоссальные потери, которые в отдельных дивизиях доходили до 60–70 процентов личного состава и материальной части. В результате истощения сил и средств гитлеровское командование прекратило наступление, перейдя к обороне, но все еще не отказалось от намерения вновь захватить Киев и выйти на Днепр» [405].

В свою очередь фон Манштейн докладывал Главному командованию Сухопутных войск: *«Момент для того, чтобы спасти положение на северном фланге группы армий путем частных мер, как, например, переброска отдельных дивизий, упущен»* [406].

Фон Манштейн, потерпев еще одно поражение, сумел, умело маневрируя силами и средствами, нанося контрудары и контратаки, избежать полного разгрома. Своими действиями он доставил немало неприятных минут генералам армии Ватутину, Малиновскому и Коневу. Им еще предстояло в новых схватках доказать, кто сильнее на поле брани.

Глава 7
В междуречье Днепра и южного Буга

Верховное Главнокомандование вермахта, не сумев остановить Красную Армию на Днепре, планировало в конце 1943 г., опираясь на каневский выступ и никопольский плацдарм, отбросить ее за реку и восстановить сухопутные коммуникации с отрезанными в Крыму немецкими войсками. На Украине оборонялись группы армий «Юг» (6-я, 8-я, 4-я танковая, 1-я танковая армии) и «А» (немецкая 17-я и румынская 3-я армии). Они насчитывали (без учета 17-й армии, блокированной в Крыму) около 1,8 млн человек, 16,8 тыс. орудий и минометов, 2,2 тыс. танков и штурмовых орудий. Их поддерживала авиация немецкого 4-го воздушного флота и румынских ВВС (всего 1460 самолетов). Им противостояли войска 1, 2, 3 и 4-го Украинских фронтов, имевшие в своем составе более 2,2 млн человек, 28 654 орудия и миномета, 2015 танков и САУ, 2,6 тыс. самолетов [407]. Они превосходили противника в численности в 1,2 раза, в орудиях, минометах и в самолетах – в 1,7 раза. По количеству танков и штурмовых орудий (САУ) противник имел небольшое преимущество – почти в 1,1 раза.

Ставка ВГК, стремясь выйти на западные границы СССР, сосредоточила главные усилия на Украине. Замысел состоял в том, чтобы мощными ударами на ряде направлений расчленить войска вермахта на южном крыле стратегического фронта, разгромить их по частям, освободить Правобережную Украину и создать благоприятные условия для последующего наступления. Действия Украинских фронтов координировали представители Ставки ВГК – маршалы Г.К. Жуков (1-го и 2-го) и А.М. Василевский (3-го и 4-го).

Этот замысел лег в основу Днепровско-Карпатской стратегической наступательной операции. В ее рамках первым начал наступление 1-й Украинский фронт, проводивший Житомирско-Бердичевскую наступательную операцию. Войска фронта занимали рубеж восточнее Мозыря, восточнее Коростеня, западнее Фастова, Ржищев. Они насчитывали 831 тыс. человек, около 11,4 тыс. орудий и минометов, 1125 танков и САУ, 529 самолетов. Им противостояла 4-я танковая армия группы армий «Юг», которая имела 574 тыс. человек, 6960 орудий и минометов, 1,2 тыс. танков и штурмовых орудий. Ее поддерживали 500 самолетов 4-го воздушного флота. Войска 1-го Украинского фронта превосходили противника по живой силе в

1,4 раза, по орудиям и минометам – в 1,6 раза, незначительно уступали ему в танках и САУ и имели почти равное количество самолетов.

По замыслу Ставки ВГК, главный удар наносился в центре полосы 1-го Украинского фронта силами трех общевойсковых (1-я гвардейская, 18-я и 38-я) и двух танковых (3-я гвардейская и 1-я) армий на Радомышль, Житомир, Бердичев, Жмеринку. Вспомогательные удары проводились на крыльях фронта: 13-й армией с 25-м танковым корпусом – на Сарны, 60-й армией с 4-м гвардейским танковым корпусом – в обход Житомира на Шепетовку, а 40-й, в которую входил 5-й гвардейский танковый корпус, и 27-й армиями – на Христиновку.

На подготовку к операции войска фронта имели всего 9 суток. Командующий фронтом генерал армии Н.Ф. Ватутин, учитывая слабую укомплектованность стрелковых дивизий после напряженных предшествующих боев, недостаточную плотность танков НПП (8–9 на 1 км участка прорыва, и то не во всех дивизиях), а также очаговый характер обороны противника, планировал ввести в сражение обе танковые армии в первый день наступления для завершения прорыва главной полосы обороны [408].

14 декабря 1943 г. генерал армии Ватутин поставил 1-й танковой армии задачу войти в сражение юго-восточнее Брусилова после прорыва стрелковыми соединениями 38-й армии главной полосы обороны, к исходу второго дня операции форсировать р. Ирпень и овладеть рубежом Ходорков, Кривое, а в дальнейшем наступать на Казатин. Одновременно командующему армией генералу М.Е. Катукову предстояло быть в готовности оказать стрелковым дивизиям помощь в завершении прорыва главной полосы обороны. Глубина задачи первых двух дней наступления не превышала 30 км. Это объясняется тем, что в полосе наступления армии действовали хотя и потрепанные в предыдущих боях, но сохранившие боеспособность 19-я и 25-я танковые дивизии. Поддержка армии возлагалась на 291-ю штурмовую и 8-ю гвардейскую истребительную авиационные дивизии, а для прикрытия флангов выделялись два полка истребительно-противотанковой артиллерии.

Войскам 3-й гвардейской танковой армии генерала П.С. Рыбалко 19 декабря было приказано, развивая успех 18-й армии, совместно с ней и во взаимодействии с 1-й гвардейской армией уничтожить брусиловскую группировку противника и к исходу первого дня операции выйти на рубеж Вильня, Здвижка, Романовка, Карабачин. В дальнейшем предусматривалось в случае успешного развития наступления соседей продолжить

продвижение на Андрушовку, а в случае задержки наступления 38-й и 1-й гвардейской армий ударом в направлении Водотыи, Соловеевка, Турбовка содействовать им в разгроме брусиловской группировки противника [409].

Утром 24 декабря после 50-минутной артиллерийской и авиационной подготовки главные силы 1-го Украинского фронта перешли в наступление. Пехота с танками НПП при поддержке массированных ударов артиллерии и авиации в первой половине дня прорвала главную полосу обороны 4-й танковой армии на глубину до 4 км. Командующий фронтом, стремясь быстрее завершить прорыв обороны, ввел в сражение в полосе 18-й армии 3-ю гвардейскую танковую армию, а в полосе 38-й армии – 1-ю танковую армию.

Передовые отряды корпусов первого эшелона танковых армий во взаимодействии с пехотой быстро завершили прорыв обороны и создали условия для стремительного развития наступления в оперативной глубине. Мощными ударами войска 4-й танковой армии были рассечены на две части, управление деморализовано, и они начали отходить в западном направлении. Соединения 1-й танковой армии генерала Катукова 25 декабря с ходу форсировали р. Ирпень и в районах Ходоркова и Кривое перерезали железную дорогу Житомир – Фастов, продвинувшись на 30–35 км.

Фон Манштейн первые донесения о начале наступления войск 1-го Украинского фронта получил, находясь на рождественском празднике в 20-й моторизованной дивизии. Он, оценивая сложившуюся обстановку, 25 декабря направил телеграмму в Генштаб Сухопутных войск, в которой отмечал, что 4-я танковая армия не сможет остановить наступление войск 1-го Украинского фронта теми силами, которые находятся сейчас в ее распоряжении. Она также не в состоянии прикрывать глубокий фланг групп армий «Юг» и «А». Поэтому ее необходимо значительно усилить. Если ОКХ не имеет для этого в своем распоряжении сил, то фон Манштейн вынужден будет снять со своего правого фланга не менее пяти-шести дивизий. Он просил разрешения по своему усмотрению решать вопрос о действиях на правом фланге группы армий «Юг». Одновременно он приказал командующему 4-й танковой армией всеми имеющимися в его распоряжении силами остановить войска 1-го Украинского фронта, наносившие главный удар на Житомир в районе действий 42-го армейского корпуса. Своим северным флангом (13-й и 59-й армейские корпуса) армия должна была не дать возможности командующему 1-м Украинским фронтом повернуть свои войска и нанести удар на Житомир. Для усиления 4-й

танковой армии была направлена 17-я танковая дивизия, которая ранее действовала в составе 6-й армии и была временно передана группе армий «Юг».

Фон Манштейн опасался, что в ближайшие недели в районе Коростень, Житомир, Бердичев, Винница, южнее Киева, советские войска могут перерезать тыловые коммуникации группы армий «Юг», а затем отбросить ее соединения на юго-запад. Чтобы избежать этой опасности, он предлагал принять решительные меры, в первую очередь перебросить с правого фланга группы армий на левый фланг (из района Ростова на Днепр) 1-ю танковую армию. Одновременно намечалось отвести войска на уже подготовленные позиции на рубеже излучины Днепра западнее Николаева, под Кривой Рог. Это, по мнению фон Манштейна, позволяло высвободить 12 дивизий. Шесть из них он планировал вместе со штабом 1-й танковой армии перебросить на северный фланг группы армий «Юг» в район Бердичева. Остальные шесть предусматривалось оставить в подчинении командующего 6-й армией, которому следовало также передать и полосу, ранее занимавшуюся 1-й танковой армией. Дивизии, переброшенные на северный фланг группы армий «Юг», должны были нанести удар с востока по советским войскам, продвигающимся на Житомир. Кроме того, фон Манштейн просил ОКХ передать 4-й танковой армии для использования на ее северном фланге дополнительные силы, чтобы ликвидировать здесь угрозу охвата ее войск. В дальнейшем эти силы предусматривалось привлечь к нанесению удара с запада по главной ударной группе советских войск одновременно с наступлением 1-й танковой армии.

«Обстановка, сложившаяся в настоящее время на Днепровской дуге, – подчеркивал фон Манштейн, – *где атаки противника в последнее время ослабли, позволяет предпринять эту перегруппировку без большого риска. Предлагаемый, однако, отвод линии фронта может быть сопряжен с трудностями, если выжидать до тех пор, пока противник начнет здесь наступление. В связи с этим, а также учитывая обстановку на фронте 4 танковой армии, необходимо, чтобы Главное командование быстро приняло соответствующее решение»* [410].

Однако войска 1-го Украинского фронта не давали передышки фон Манштейну. В два часа дня 26 декабря 1-я танковая армия генерала Катукова после небольшой паузы, использованной для подвоза горючего и боеприпасов, возобновила наступление. Преодолевая ожесточенное сопротивление частей немецкой 25-й танковой дивизии, 11-й гвардейский танковый корпус к утру следующего дня овладел

Андрушевкой. 8-й гвардейский механизированный корпус, преследуя отходившие части 19-й танковой дивизии, главными силами вышел на рубеж Бровки, Хорлеевка, а передовым отрядом – 21-й гвардейской механизированной бригадой – овладел Вчерайше. 1-я гвардейская танковая бригада, наступавшая на левом фланге, заняла Паволочь. С выходом на этот рубеж армия из-за отсутствия горючего вынуждена была снова приостановить наступление.

В ночь на 27 декабря 1-я танковая армия возобновила наступление. Наибольший успех имели 19-я и 21-я гвардейские механизированные бригады 8-го гвардейского механизированного корпуса, наступавшие на правом фланге. Передовые отряды бригад (67-й и 69-й гвардейские танковые полки с десантом мотопехоты), уничтожая мелкие группы противника, за ночь продвинулись на 30 км. Соединения 3-й гвардейской танковой армии генерала П.С. Рыбалко в тот же день после упорных боев форсировали р. Тетерев на участке от Козиевки до Харитоновки и заняли Коростышев и Харитоновку. Передовой отряд 6-го гвардейского танкового корпуса овладел Смоловкой и восточной частью Левкова. Успешно развивалось и наступление войск 13-й, 60-й, 40-й и 27-й армий.

В Ставке Гитлера в это время обсуждалось предложение фон Манштейна о частичном отводе войск из большой излучины Днепра и об эвакуации Никополя. Это позволяло почти на 200 км сократить линию фронта. Но Гитлер не пожелал считаться с выдвинутыми аргументами. Он обосновал свой отказ тем, что любое значительное отступление в излучине Днепра даст возможность командованию Красной Армии сосредоточить силы для наступления на Крым, а потеря полуострова может «катастрофически» сказаться на отношениях с Румынией и Турцией. Не дало никакого результата и заявление начальника Генерального штаба Сухопутных войск генерала Цейтцлера о том, что Крым все равно будет в скором времени потерян.

«Гитлер был прав, говоря, что русские “должны же когда-нибудь выдохнуться”, – отмечал Ф. Меллентин, – *но он не понимал, что лучший путь к истощению их сил – это принять гибкую стратегию и ни в коем случае не давать русским возможности уничтожать наши войска в опасных выступах. Спорить с этим человеком было бесполезно. Прижатый к стене аргументами Цейтцлера, Гитлер пустился в туманные рассуждения и заявил буквально следующее: “Запаситесь терпением. У нас уже были подобные случаи, когда все утверждали, что положение безвыходное. А впоследствии всегда оказывалось, что главное – не теряться”. Вот каково было*

руководство германской армией, и это в тот момент, когда обстановка требовала абсолютно трезвого анализа и подлинного стратегического мастерства» [411].

Действительно, времени на безрезультатные обсуждения не было. 28 декабря в 10 часов утра передовые отряды 19-й и 21-й гвардейских механизированных бригад 8-го гвардейского механизированного корпуса ворвались в Казатин. В два часа дня в Казатин вступили мотострелковые батальоны бригад, и к исходу дня город был полностью освобожден от врага. После этого танкисты в течение полутора суток отражали его яростные контратаки. Части 1-й гвардейской танковой и 20-й гвардейской механизированной бригад этого же корпуса, наступая на Казатин, в районе Чернорудик разгромили усиленный моторизованный полк 20-й моторизованной дивизии, брошенный на помощь 19-й танковой дивизии.

Успешно наступал и 11-й гвардейский танковый корпус. К исходу дня 28 декабря он овладел Глуховцами и перерезал железнодорожную магистраль Бердичев – Казатин. К шести часам вечера следующего дня главные силы корпуса овладели Великими Низгурами, а 44-я гвардейская танковая бригада, прикрывавшая 1-ю танковую армию от ударов врага с запада, освободила Червонное. Однако на этом наступление корпуса на Бердичев было приостановлено. Войска 1-й танковой армии закрепились на рубеже Закутинцы, Туровка, Нефедовка, Большая Чернявка.

Войска 3-й гвардейской танковой армии, продвигаясь с утра 28 декабря на житомирском направлении, стали встречать все более усиливавшееся сопротивление противника. К исходу дня 9-й механизированный корпус остановился в районе Студеницы, 6-й гвардейский танковый корпус достиг железной дороги Житомир – Фастов у Тарасовки, а введенный в сражение 7-й гвардейский танковый корпус перерезал шоссе Житомир – Попельня у Волосова. Перед армией, в дополнение к 8-й танковой дивизии противника, были выявлены части 1-й, 19-й танковых дивизий, дивизии «Leibstandarte-SS Adolf Hitler» и 18-й артиллерийской дивизии.

Фон Манштейн, не добившись у Гитлера какого-либо конкретного решения, стал действовать сообразно сложившейся обстановке. 29 декабря он приказал командующему 1-й танковой армией генерал-полковнику Х.-В. Хубе к 1 января 1944 г. передать занимаемый им участок 6-й армии и не позднее 3 января принять от 4-й танковой армии участок от Днепра до района, расположенного примерно в 45 км юго-восточнее Бердичева (24-й танковый, 7-й армейский корпуса). За левым флангом этого

участка должен был сосредоточиться 3-й танковый корпус в составе 6, 17, 16-й танковых, 101-й горнострелковой дивизий, которые должны были прибыть сюда из Днепровской дуги, а также от 6-й армии. Затем сюда намечалось направить еще несколько дивизий. На участок, оставшийся за 4-й танковой армией, предусматривалось перебросить выделенный ОКХ 46-й танковый корпус [412]. О своем решении фон Манштейн 30 декабря сообщил в Генштаб Сухопутных войск. На следующий день Гитлер задним числом дал свое согласие, но уклонился от принятия крайне необходимого решения об оставлении восточной части Днепровской дуги и тем самым и никопольского плацдарма.

Командующий 1-м Украинским фронтом, стремясь не допустить захвата противником снова Казатина, 30 декабря приказал командующему 1-й танковой армией силами 8-го гвардейского механизированного корпуса продолжать прочно удерживать город. Для наступления на Бердичев требовалось 44-ю гвардейскую танковую бригаду придать 305-й стрелковой дивизии 18-й армии, а главными силами 11-го гвардейского танкового корпуса нанести удар в юго-восточном направлении, на Комсомольское, Самгородок, и разгромить противника на ближних подступах к Казатину [413].

Передав занимаемый рубеж стрелковым дивизиям 38-й армии, 11-й гвардейский танковый корпус 31 декабря перешел в наступление. Он овладел Комсомольским и Кордышевкой, а к исходу дня 3 января 1944 г. вышел в район Самгородка, где перешел к обороне, прикрывая Казатин с юга.

Соединения 3-й гвардейской танковой армии, произведя перегруппировку, с утра 29 декабря возобновили наступление. К исходу следующего дня 7-й гвардейский танковый корпус, тесня противника, перерезал железную и шоссейную дороги Житомир – Бердичев. 31 декабря соединения 60-й, 1-й гвардейской, 18-й, 3-й гвардейской танковой армий, 4-й и 5-й гвардейские танковые корпуса при поддержке 2-й воздушной армии освободили Житомир [414]. К этому времени 44-я гвардейская танковая бригада 11-го гвардейского танкового корпуса вышла к восточной окраине Бердичева. Но овладеть городом ей не удалось, несмотря на помощь подошедшей 305-й стрелковой дивизии. Войска 13-й армии 3 января заняли Новоград-Волынский, а 40-я армия 4 января освободила Белую Церковь. В тот же день генерал армии Ватутин приказал командующему 1-й танковой армией передать позиции в районе Казатина подошедшим соединениям 38-й армии и к исходу дня выйти в район юго-западнее Погребищенского. С утра 5 января требовалось перейти в

наступление, во взаимодействии с главными силами 38-й армии разгромить противника и к вечеру овладеть рубежом Липовец, Ильинцы, находясь в готовности к развитию наступления на Умань.

Развитие событий в полосе группы армий «Юг» вынудило фон Манштейна 4 января вылететь в ставку фюрера, чтобы наконец добиться от Гитлера разрешения на переброску крупных сил с правого фланга группы армий на левый. Беседа протекала в присутствии представителей ОКВ, Геринга, адъютантов, секретарей Гитлера и двух стенографов. Фон Манштейн охарактеризовал новую опасность, возникшую в Днепровской дуге, а также крайне критическое положение на участке 4-й танковой армии. Затем он подробно объяснил свой замысел: атаковать противника, наступающего на фронте этой армии, с флангов: силами 3-го танкового корпуса 1-й танковой армии с востока, а силами 26-го танкового корпуса, перебрасываемого за северный фланг 4-й танковой армии, с северо-запада. Гитлер проявил при этом хорошее понимание обстановки. Он выразил сомнение в том, сможет ли фон Манштейн нанести удар на обоих флангах 4-й танковой армии. В этом отношении фюрер оказался прав. Командующий группой армий «Юг» сказал ему, что намеченные контрудары в лучшем случае временно устранят нависшую угрозу, однако ни в коем случае не могут укрепить на длительный срок положение на северном фланге группы армий.

– На всем южном крыле Восточного фронта нависнет смертельная опасность, – говорил фон Манштейн, – если нельзя будет восстановить положение на северном фланге группы армий. Группы армий «Юг» и «А» очутятся тогда в Румынии или на Черном море. Если главное командование не может выделить в наше распоряжение крупные силы, то нельзя больше откладывать отвод южного фланга группы армий «Юг» с целью высвобождения сил, необходимых для имеющего решающее значение северного фланга. Это, естественно, повлечет за собой сдачу Никополя, а следовательно, и отказ от Крыма.

Для того чтобы провести такую перегруппировку, следовало значительно сократить фронт на юге. Поэтому фон Манштейн отметил, что уже отдал приказ о разведке и начале оборудования оборонительной позиции на запад от занимаемой линии фронта. Она проходила от нижнего течения Буга в северном и северо-западном направлениях, с использованием водных рубежей, до южной границы района, в котором в настоящее время северный фланг группы армий «Юг» вел ожесточенные боевые действия. Занятие этой линии позволило бы примерно наполовину сократить полосы 6-й и 8-й армий, которые, удерживая

Днепровскую дугу, растянулись на 900 км. Такое значительное сокращение фронта и связанная с ним большая экономия сил, в сочетании с переброской 17-й армии из Крыма на континент, позволяли сосредоточить необходимое количество войск на северном фланге. Несмотря на это, южный фланг группы армий «Юг» сохранял достаточные силы для удержания упомянутой линии даже против значительно превосходящего противника. Фон Манштейн не отрицал, что советское командование также высвободило бы значительные силы. Однако он надеялся, что сокращенный и достаточно обеспеченный войсками фронт на юге, на котором можно создать устойчивую оборону, позволял даже при массированных атаках советских войск доказать, что «оборона сильнее наступления». С другой стороны, советское командование в связи с тем, что будет разрушена железнодорожная сеть, вряд ли сможет в такой же степени и теми же темпами перебросить силы со своего южного фланга в район западнее Киева, чтобы добиться здесь превосходства своих сил.

По твердому мнению фон Манштейна, лишь оставление Днепровской дуги создало бы предпосылку для такого значительного отвода сил на южном фланге германской армии. Однако просить о ней Гитлера сейчас было нецелесообразно, ибо он отвергал всякую мысль об оставлении Днепровской дуги для высвобождения сил, которые можно перебросить на северный фланг группы армий «Юг», а также о сдаче Никополя. Гитлер снова заявил, что неизбежное оставление Крыма будет означать отход от Германии Турции, а затем Болгарии и Румынии. Далее он сказал, что не в состоянии дать группе армий «Юг» дополнительные силы для ее северного фланга. Он мог бы взять их у группы армий «Север», но только при условии отвода ее на Чудское озеро, что в свою очередь означало бы отход Финляндии от Германии. С запада Гитлер может перебросить группе армий «Юг» силы только тогда, когда будет ликвидирована попытка союзников высадиться на побережье, или если англичане, как он думает, высадятся в Португалии.

Тогда фон Манштейн обратился к Гитлеру с просьбой переговорить с ним только в присутствии начальника Генштаба. С явным неудовольствием, недоверчиво ожидая, что фон Манштейн ему теперь преподнесет, Гитлер дал свое согласие. Представители ОКВ, Геринга, адъютанты, секретари Гитлера, а также оба стенографа исчезли. После этого фон Манштейн попросил у Гитлера разрешения говорить совершенно открыто. Ледяным тоном, насупившись, фюрер ответил:

– Пожалуйста.

– Надо ясно отдавать себе отчет, мой фюрер, в том, что

чрезвычайно критическая обстановка, в которой мы сейчас находимся, объясняется не только неоспоримым превосходством противника. Она является также следствием того, как у нас осуществляется руководство военными действиями…

По мере того как фон Манштейн произносил эти слова, лицо Гитлера стало принимать напряженное выражение. Еще никто не ставил под сомнение возможность фюрера управлять войсками. Гитлер уставился на фон Манштейна таким взглядом, который говорил об одном: теперь он хочет подавить твою волю, заставить тебя замолчать.

«Я не припоминаю, чтобы я когда-либо видел взгляд, который так передавал бы силу воли человека, – вспоминал фон Манштейн. – *У меня промелькнула мысль о заклинателе змей из Индии. Это была, так сказать, безмолвная борьба, длившаяся в течение нескольких секунд. Я понял, что взглядом своих глаз он запугал или, пользуясь, правда, вульгарным, но подходящим для этого случая выражением, “прижал к ногтю” не одну свою жертву»* [415].

Фон Манштейн выдержал этот взгляд и продолжил:

– Из-за того, как у нас организовано руководство вооруженными силами, ничего дельного не получится. Я вынужден вернуться к моему предложению, которое излагал уже дважды. Мой фюрер, вам нужен для общего руководства военными действиями один, однако действительно ответственный начальник Генерального штаба, на совет которого в вопросах руководства военными действиями вы могли бы положиться. Если это предложение будет принято для Восточного фронта так, как это уже имеет место в Италии и на западе, – необходимо назначить одного командующего, который должен иметь в рамках общего руководства военными действиями полную самостоятельность.

Это предложение вывело Гитлера из себя.

– Только я, обладая всеми средствами государственной власти, могу эффективно руководить военными действиями, – заявил он. – Только я в состоянии решать, какие силы могут быть выделены для отдельных театров военных действий и тем самым – как на них нужно проводить операции. Геринг никогда не подчинится указаниям другого лица. Что касается назначения командующего Восточным театром военных действий, то никто другой не обладает таким авторитетом, как я!

Фон Манштейну пришлось несолоно хлебавши вернуться в свой штаб. А дела на фронте шли все хуже и хуже. 4 января 1944 г. войска 3-й гвардейской танковой армии вышли в тыл бердичевской группировки группы армий «Юг». Опасаясь

окружения, части 4-й танковой армии 5 января оставили Бердичев. В тот же день в 11 часов утра войска 1-й танковой и 38-й армий возобновили наступление. Истребительная авиация 1-го Украинского фронта из-за медленного перебазирования аэродромов не могла прикрыть наземные войска. Поэтому они вынуждены были наступать главным образом ночью. Несмотря на все трудности, к исходу дня 6 января соединения 1-й танковой армии разгромили противостоявшего противника, получив возможность развивать наступление на Умань. Части 11-го гвардейского танкового корпуса заняли Липовец, а 8-й гвардейский механизированный овладел рубежом Ильинцы, Дашев. Это вынудило фон Манштейна перевести из Умани в Проскуров штаб группы армий «Юг».

Фон Манштейн, ведя борьбу с войсками 1-го Украинского фронта, неожиданно получил еще один удар, теперь от своего давнего противника, командующего 2-м Украинским фронтом генерала армии И.С. Конева. В состав фронта входили 52-я, 4-я гвардейская, 53-я, 5-я гвардейская, 7-я гвардейская, 57-я, 37-я [416], 5-я гвардейская танковая, 5-я воздушная армии. Фронт насчитывал 500 тыс. человек, около 500 танков и САУ, около 7 тыс. орудий и минометов, более 500 самолетов. Ему противостояла 8-я армия группы армий «Юг», имевшая более 420 тыс. человек, 520 танков и штурмовых орудий, свыше 5 тыс. орудий и минометов, около 500 самолетов [417]. Противник имел равное количество самолетов, незначительное преимущество в танках и САУ, но уступал войскам фронта в 1,2 раза по личному составу и в 1,4 раза по орудиям.

Войскам 2-го Украинского фронта, в соответствии с директивой № 30272 Ставки ВГК от 29 декабря 1943 г., предстояло провести Кировоградскую операцию. В директиве говорилось:

«В связи с успешным наступлением войск 1-го Украинского фронта Ставка Верховного Главнокомандования, во изменение директивы № 30262 от 9.12.1943 г., приказывает:

1. 2-му Украинскому фронту, прочно удерживая занимаемый рубеж на своем левом крыле, не позднее 5 января 1944 г. возобновить наступление, нанося главный удар на Кировоград силами не менее четырех армий, из которых одна танковая.

2. Ближайшая задача – разбить кировоградскую группировку противника и занять Кировоград, охватывая его с севера и юга. В дальнейшем овладеть районом Ново-Украинка, Помошная и наступать на Первомайск с целью выхода на р. Южный Буг, где и закрепиться.

3. Одновременно нанести вспомогательный удар силами двух

армий в общем направлении Шпола, ст. Христиновка» [418].

Маршал И.С. Конев в своих мемуарах «Записки командующего фронтом» отмечал, что, согласно разведывательным данным, основные силы 8-й армии действовали перед центральными армиями 2-го Украинского фронта (53-я армия, 5-я и 7-я гвардейские армии) в полосе Ясиновый, Новгородка. К ним относились 2-я авиаполевая, 320-я, 286-я, 376-я пехотные дивизии, кавалерийская дивизия СС, 10-я моторизованная, 3-я, 11-я, 13-я и 14-я танковые дивизии. В ходе операции враг подтянул и ввел в сражение танковую дивизию СС «Totenkopf».

Оборона войск 8-й армии в основном базировалась на системе опорных пунктов с широким применением траншей. Из-за недостатка времени и сил на ряде участков переднего края были оборудованы только стрелковые окопы на три-пять человек, широко применялись проволочные заграждения легкого типа (рогатки, спирали Бруно, «ежи»). На скрытых подступах и в непосредственной близости к первой траншее, а также в глубине устанавливались плотные минные заграждения. Вторая полоса обороны, находившаяся на удалении 6–8 км от переднего края, была оборудована значительно слабее. Сам Кировоград как опорный пункт был укреплен очень сильно. К обороне были приспособлены крупные каменные здания, соединенные между собой. Противник создал хорошо продуманную систему перекрестного и флангового огня, а подступы к городу и важнейшие объекты внутри него (мосты, большие здания, аэродром) заминировал. Слабостью обороны 8-й армии являлось то, что на ряде участков ее занимали недоукомплектованные, основательно потрепанные в предыдущих боях соединения, которые с большой натяжкой можно было считать боеспособными.

При оценке обстановки и выработке решения генерал армии Конев учел также, что местность в районе предстоящих боевых действий открытая, бедная растительностью, изрезанная большим количеством глубоких балок, идущих в основном перпендикулярно оси наступления войск фронта. Все это создавало определенные трудности для их действий, особенно для танков. К тому же противник имел возможность по долинам и балкам скрытно маневрировать своими резервами, а также укрывать свои артиллерийские и минометные позиции. Метеорологические условия были благоприятные. Сухая погода, небольшой мороз, незначительный снежный покров, достигавший всего 20 см, отсутствие снежных заносов, хорошие дороги – все это способствовало маневру войск и подвозу всех необходимых

запасов. Только густая облачность и туманы ограничивали боевые действия авиации и затрудняли работу артиллерии.

При подготовке и планировании операции генерал армии Конев доложил в Ставку ВГК краткие соображения о замысле, который был вскоре одобрен. Его суть состояла в том, чтобы нанести удар по сходящимся направлениям с целью окружения и уничтожения кировоградской группировки противника. При этом 5-я гвардейская армия совместно с 7-м механизированным корпусом наносила удар с севера, а 7-я гвардейская армия с 5-й гвардейской танковой армией – с юга.

В соответствии с замыслом операции войскам были поставлены следующие задачи.

53-я армия с 5-м гвардейским механизированным корпусом во взаимодействии с 5-й гвардейской армией должна была прорвать оборону на участке Кучеровка, Коханиевка и развивать наступление в западном направлении на Владимировку. С выходом в район Владимировки требовалось перерезать пути отхода противника на запад. Правее наступала 4-я гвардейская армия в общем направлении на Ивангород, Златополь.

5-я гвардейская армия с подвижной группой (7-й механизированный корпус) сосредоточивала основные усилия на узком фронте и наносила главный удар пятью стрелковыми дивизиями на участке Коханиевка, Суботицы в общем направлении на Грузное, обходя Кировоград с северо-запада. К исходу второго дня операции она должна была овладеть Кировоградом и выйти на рубеж Обозоновка, разъезд Лелековка, Ново-Павловка.

7-й гвардейской армии было приказано нанести главный удар в тесном взаимодействии с подвижной группой фронта (5-я гвардейская танковая армия) в общем направлении на Плавни, Покровское, в обход Кировограда с юго-запада. К исходу второго дня операции они должны были овладеть Кировоградом и выйти на рубеж Федоровка, Юрьевка, Ингуло-Каменка. В связи с тем, что 7-я гвардейская армия не имела танков НПП, а плотность артиллерии в полосе ее наступления не превышала 120 орудий и минометов на 1 км участка прорыва, генерал армии Конев приказал для непосредственной поддержки пехоты выделить из состава 5-й гвардейской танковой армии 32-ю и 181-ю танковые бригады. Ввод подвижной группы фронта намечался сразу же после прорыва соединениями 7-й гвардейской армии первой позиции обороны противника, на что им отводилось два часа. Совместно с пехотой танковая армия должна была завершить прорыв тактической зоны обороны, а затем во взаимодействии с 7-й гвардейской армией наступать в направлении на Покровское,

форсировать р. Ингул в районе Клинцы и к исходу первого дня наступления выйти в район Безводная, Федоровка, Юрьевка. В дальнейшем намечалось охватом Кировограда с юга и юго-запада во взаимодействии с 7-м механизированным корпусом окружить противника в городе и разгромить его подходящие резервы.

5-я воздушная армия получила задачу содействовать войскам 5-й гвардейской, 7-й гвардейской и 5-й гвардейской танковой армий в прорыве обороны противника, окружении и уничтожении живой силы и техники, а также в захвате Кировограда. Ее бомбардировочный и штурмовой авиационные корпуса должны были в первый день наступления нанести удар по артиллерийским батареям, по скоплениям войск и техники в полосе главного удара, а в последующие дни наносить удары по очагам сопротивления и подходящим резервам противника.

Генерал армии Конев, стремясь нанести мощный первоначальный удар, сосредоточил в полосе шириной 80 км (общий фронт наступления составлял около 230 км) тридцать стрелковых дивизий (более 50 % общего их количества), а также пять механизированных и танковых корпусов (не считая двух корпусов, находившихся в резерве фронта), около 60 % артиллерии.

Операция готовилась в сжатые сроки. Это потребовало большого напряжения в деятельности командования, штабов и войск. Генерал армии Конев особое внимание уделил плановости подготовки операции, лично отработав календарный план работы основных отделов и управлений фронта. По его указанию штаб фронта под руководством генерала М. В. Захарова составил комплексный план контроля подготовки войск и штабов к предстоящим действиям.

При подготовке войск к операции тщательно изучался опыт, полученный в предшествующих боях. Особое внимание было уделено подготовке к боевым действиям передовых отрядов. С личным составом проводились занятия по теме «Бой ночью». Политическое управление фронта издало памятку-инструкцию по организации взаимодействия пехоты, артиллерии, танков и авиации на период атаки и боя в глубине вражеской обороны.

Большое внимание уделялось проведению мероприятий по оперативной маскировке. Перегруппировку танков и артиллерии осуществляли только ночью, тщательно укрывая и маскируя войска и технику в новом районе. С целью скрытия марша и района сосредоточения 5-й гвардейской танковой армии по указанию генерала армии Конева штаб армии определил районы ложного сосредоточения, разработал мероприятия по их

созданию и «оживлению». В районе имитации установили около 150 макетов различных образцов техники, подготовили ложные огневые позиции, склады горючего и боеприпасов. Как показали последующие события, демонстративные мероприятия по имитации направления главного удара фронта вполне себя оправдали.

По решению генерала армии Конева передовые батальоны и артиллерия должны были занять исходное положение в ночь с 3 на 4 января 1944 г. Днем 4 января следовало отработать вопросы взаимодействия в звене рота, батарея, батальон, артдивизион, а также с соседями. Одновременно предписывалось провести рекогносцировку на местности с целью уточнить характер обороны противника.

В ночь с 3 на 4 января в полосе 5-й гвардейской армии силами батальонов и рот была проведена разведка боем. В результате удалось уточнить цели для артиллерии. В 8 часов 10 минут 5 января началась 50-минутная артиллерийская и авиационная подготовка. В ходе нее в значительной степени была подавлена система огня противника на переднем крае, разрушены ближайшие опорные пункты в глубине. В это время войска первого эшелона проделали проходы в минных полях и в проволочных заграждениях, устранили сооруженные противником препятствия.

В 9 часов в условиях густого тумана пошла в атаку пехота. Соединения 53-й армии совместно с 5-м гвардейским механизированным корпусом прорвали вражескую оборону, но противник, оправившись от первого удара, предпринял контратаки танками и пехотой из района Федварь. Войска 5-й гвардейской армии также прорвали оборону противника, отразив несколько контратак его пехоты и танков. В 11 часов в сражение был введен 7-й механизированный корпус. К исходу дня он и части 110-й гвардейской стрелковой дивизии прорвались к р. Ингул в районе Большая Мамайка. На правом фланге ударной группировки фронта войска 53-й и 5-й гвардейской армий прорвали оборону соединений 8-й армии в полосе шириной 24 км и на глубину от 4 до 24 км.

Однако войска 7-й гвардейской армии встретили упорное сопротивление частей 8-й армии, сумев в течение двух часов преодолеть всего около двух километров. Поэтому с разрешения генерала армии Конева командующий 5-й гвардейской танковой армией в полдень ввел в сражение 18-й и 29-й танковые корпуса. Сам Конев с группой офицеров и генералов полевого управления фронта выехал на командный пункт 5-й гвардейской танковой армии, откуда продолжал руководить операцией. Он, стремясь

развить успех 5-й гвардейской армии, приказал передать в подчинение генерала А.С. Жадова 8-й механизированный корпус. Войска армии должны были с утра 6 января «развить энергичное наступление 7-м и 8-м механизированными корпусами в обход Кировограда с северо-запада в общем направлении на Грузкое, разъезд Лелековка с целью перерезать пути, ведущие из Кировограда на запад и северо-запад, и во взаимодействии с войсками 5-й гвардейской танковой армии овладеть Кировоградом» [419].

В одиннадцать часов вечера 5 января части 18-го и 29-го танковых корпусов возобновили наступление. Разгромив остатки противотанкового узла противника в Плавнях, они продвинулись на 10 км и к утру 6 января вышли на рубеж Покровское, Рыбчино. Развивая наступление, 31-я танковая бригада к полудню завязала бой на восточной окраине Клинцов. Вскоре сюда подошли и остальные соединения 29-го танкового корпуса. Южнее наступал 18-й танковый корпус, который к часу дня переправился через р. Ингул и начал стремительно продвигаться на северо-запад. Части 29-го танкового корпуса, с ходу преодолев второй оборонительный рубеж, созданный по р. Аджамка, в ночь на 7 января прорвались к юго-восточной окраине Кировограда. 18-й танковый корпус овладел Федоровкой и, прикрыв свой южный фланг, главными силами к утру вышел к Ново-Павловке, перерезав шоссейную дорогу Кировоград – Ровное. В это время передовые части 7-го и 8-го механизированных корпусов, развивая наступление на Грузкое, перехватили железную и шоссейную дороги Кировоград – Ново-Украинка в районе разъезда Лелековка, завершив оперативное окружение противника в Кировограде. 8 января город был освобожден. Успех, достигнутый войсками 5-й гвардейской танковой армии, обошелся ей в 139 потерянных танков и САУ, или около 60 % боевого состава [420].

Одновременно с наступлением на кировоградском направлении войска 52-й армии нанесли удар на Христиновку, а 53-я армия с 5-м гвардейским механизированным корпусом – на Малые Виски.

Фон Манштейн, потеряв Кировоград и Бердичев, получил две бреши в своем фронте: одну – между 1-й танковой армией и правым флангом 4-й танковой армии; другую – между 4-й танковой армией и группой армий «Центр», где действовал слабый 59-й армейский корпус, отступавший с боями на Ровно. Из двух зол фон Манштейн выбрал наибольшую опасность – брешь между 1-й и 4-й танковыми армиями. Ее надо было закрыть в первую очередь, так как прорыв советских войск в направлении

на Умань вынудил 1-ю танковую армию загнуть свой западный фланг в районе юго-западнее Киева на юг. Он соприкасался теперь своими тыловыми позициями с тыловыми позициями 8-й армии, расположенной в Днепровской дуге.

«Так как внутренние фланги обеих армий удерживали еще Днепр по обе стороны от Канева, – пишет фон Манштейн, – *немецкие позиции образовали, так сказать, мешок, который был перевязан на севере у Днепра, в то время как его продольные стороны представляли собой обращенные на восток и на запад фронты обеих армий. Если бы противник добился успеха, используя брешь севернее Умани, ему было бы легко "затянуть" этот мешок на юге! Разумнее всего было бы, конечно, уйти из него, так как на его оборону пришлось бы бессмысленно тратить много сил. Но и здесь Гитлер не хотел добровольно уступать побережье Днепра. Он все еще надеялся нанести удар из этого выступа фронта для того, чтобы когда-нибудь снова овладеть восточной частью дуги. Поэтому этот выступ остался. Через непродолжительное время этот "мешок" превратился в черкасский котел»* [421].

У командующих 1-м и 2-м Украинскими фронтами появилась реальная возможность затолкнуть «в мешок» 1-ю танковую и 8-ю армии фон Манштейна. Он, стремясь избежать этого, принял решение нанести удар с трех сторон по войскам 1-го Украинского фронта, продвигавшимся в глубь бреши между 4-й и 1-й танковыми армиями, взяв их в клещи. С востока – из расположения 1-й танковой армии – удар во фланг войскам фронта наносил 7-й армейский корпус. С запада по другому флангу предстояло нанести удар 46-му танковому корпусу, переброшенному из Франции. С юга наносил удар 3-й танковый корпус, высвобожденный группой армий «Юг» из Днепровской дуги. Его задача состояла в том, чтобы, маневрируя, задержать и сковать войска 1-го Украинского фронта, пока оба других корпуса не сосредоточатся для атаки.

Разведка 1-го Украинского фронта своевременно вскрыла сосредоточение крупных сил противника в районах Винницы и Жмеринки для нанесения удара во фланг и в тыл 1-й танковой и 38-й армий. Командующий фронтом генерал армии Ватутин решил повернуть обе армии на запад, затем силами 1-й танковой армии нанести удар на Винницу, а 38-й армии – на Жмеринку и сорвать замысел фон Манштейна.

7 января войска 1-й танковой армии генерала Катукова совершили поворот и к исходу дня уже наступали на Жмеринку с задачей главными силами к вечеру 8 января выйти к Южному Бугу на рубеже Селище, Могилевка, Ворошиловка, Тывров и захватить переправы. Это позволяло перерезать коммуникации 8-

й и 6-й армий. На правом фланге 1-й танковой армии двигался 11-й гвардейский танковый корпус, а на левом – 8-й гвардейский механизированный корпус. В качестве передовых отрядов действовали 1-я и 40-я гвардейские танковые бригады. Силы армии были истощены предшествовавшими боями. В некоторых бригадах имелось не более полутора десятков танков. Части 1-й гвардейской танковой бригады (17 танков и САУ с десантом мотопехоты), обходя опорные пункты врага, вышли к плотине у Сутиски и захватили ее. После этого бригада рано утром 10 января внезапной атакой овладела Жуковцами и, развивая успех, стремительно ворвалась в Жмеринку с юга. Противник, бросая технику, обратился в бегство.

Решение на поворот 38-й и 1-й танковой армий на Винницу и Жмеринку было принято с опозданием. В 10 часов утра 10 января войска группы армий «Юг» при поддержке массированных ударов авиации перешли в наступление. Контрударная группировка сломила сопротивление ослабленных 100-й и 241-й стрелковых дивизий 38-й армии и к исходу дня овладела Михайловкой, Счастливой и Лозоватой. После этого фон Манштейн планировал ударом во фланг и в тыл 1-й танковой армии отрезать ее от остальных сил 1-го Украинского фронта и разгромить. В этой обстановке командарм генерал Катуков приказал корпусам закрепиться на достигнутых рубежах в готовности к отражению ударов. Для прикрытия правого фланга армии в район Липовца он выдвинул из своего резерва 64-ю гвардейскую танковую бригаду. Во второй половине дня, когда несколько вырисовался масштаб удара врага, генерал Катуков потребовал от командира 8-го гвардейского механизированного корпуса форсированным маршем выдвинуть 19-ю и 21-ю гвардейские механизированные бригады в район Ободное. 11-му гвардейскому танковому корпусу было приказано срочно вывести из боя за Гнивань 40-ю гвардейскую танковую бригаду и сосредоточить ее вблизи Ободное. Этими силами намечалось остановить противника, а затем разгромить его и восстановить положение.

К исходу дня 10 января механизированные бригады в назначенных районах перешли к обороне и приостановили продвижение контрударной группировки фон Манштейна в восточном направлении. Тогда он нанес удар в южном направлении, что позволило 11 января захватить Ободное. Одновременно из района Жмеринки перешла в наступление 371-я пехотная дивизия, которая стала теснить 20-ю гвардейскую механизированную и 1-ю гвардейскую танковую бригады. Наряду с этим удару подверглась 45-я гвардейская танковая бригада в районе Ярышевка.

В сложившейся обстановке командующий 1-й танковой армией генерал Катуков решил отвести главные силы корпусов на рубеж р. Воронка. 27-й гвардейской мотострелковой бригаде было приказано удерживать занимаемые позиции, а 45-й гвардейской танковой бригаде – отойти в Вороновицу и там перейти к обороне. Туда же предписывалось отойти и 20-й гвардейской механизированной бригаде, предварительно взорвав переправы через Южный Буг. 1-я гвардейская танковая бригада, передав имевшиеся у нее 5 танков 20-й гвардейской механизированной бригаде, была выведена из боя. Чтобы выиграть время и дать возможность корпусам отойти на новый рубеж, в ночь на 12 января 64-я гвардейская танковая бригада нанесла удар по врагу, отбросила его от Липовца и после ожесточенного боя овладела Лозоватой.

Противник опередил 45-ю гвардейскую танковую бригаду, захватив Вороновицу и выйдя на тылы 11-го гвардейского танкового корпуса. По решению генерала Катукова корпус отошел на восток, обходя Вороновицу с юга. Его отход прикрывала 20-я гвардейская механизированная бригада. К исходу дня 13 января 11-й гвардейский танковый корпус совместно с 8-м гвардейским механизированным корпусом перешел к обороне по р. Соб. 20-я гвардейская механизированная бригада, ведя тяжелые оборонительные бои, сумела в ночь на 14 января вырваться из окружения.

Фон Манштейн, потеснив 1-ю танковую армию генерала Катукова, силами 7-го армейского и 3-го танкового корпусов 14 января нанес контрудар в восточной части бреши по 40-й армии. Затем концентрическим ударом 3-го и 26-го танковых корпусов совместно с 1-й пехотной, 4-й горнострелковой и 18-й авиаполевой дивизиями в западной части бреши были окружены и разбиты крупные силы 1-й танковой армии генерала Катукова. Всего в контрударах участвовало свыше 780 танков. По данным фон Манштейна, потери советских войск составили: 8 тыс. убитыми, 5,5 тыс. пленными, 700 танков, свыше 200 орудий и около 500 противотанковых орудий [422].

Успешные действия войск фон Манштейна вынудили Ставку ВГК 15 января приказать 1-му Украинскому фронту перейти к обороне. Соединения 1-й танковой армии отошли за р. Соб, где заняли оборону, отражая непрерывные удары превосходящих сил врага. 29 января войска 38-й армии и 8-й гвардейский механизированный корпус оставили Липовецкий выступ и совместно с войсками 2-й танковой армии закрепились на рубеже Константиновка, Богдановка, Оратов. В ночь на 31 января, после того как все попытки врага прорваться на восток были отражены,

1-ю танковую армию вывели в резерв фронта.

Фон Манштейн, наряду с контрударами по войскам 1-го Украинского фронта, предпринял меры по локализации наступления и 2-го Украинского фронта. Он, опасаясь глубокого охвата своей группировки с юга, удерживавшей каневский выступ на Днепре, перегруппировал в полосу 2-го Украинского фронта три танковые дивизии и моторизованную дивизию «Großdeutschland». Этими силами фон Манштейн предпринял несколько контратак, пытаясь задержать наступление войск генерала армии Конева, особенно в полосах действий 53-й и 5-й гвардейской армий. Несмотря на это, в районе Грузного, разъезда Лелековка войска фронта сумели окружить части 10-й моторизованной, 14-й танковой и частично 376-й пехотной дивизии. В ходе последующих двухдневных боев значительная часть этой группировки была уничтожена. Но мелкие группы ее сумели вырваться из окружения в северо-западном направлении. Для отражения контрудара противника войска левого крыла 2-го Украинского фронта по приказу генерала армии Конева перешли к обороне, одновременно приступив к подготовке нового удара на Корсунь-Шевченковский с севера. Ввод в сражение 5-й гвардейской танковой армии в полосе 53-й армии также не дал желаемых результатов.

В результате Житомирско-Бердичевской операции войска 1-го Украинского фронта разгромили 6 дивизий группы армий «Юг», продвинулись в полосе шириной 700 км на глубину 80—200 км к западу от Днепра и вышли на рубеж западнее Сарны, Костополь, Казатин, южнее Жашкова, нависая с севера над группировкой противника, действовавшей на Правобережной Украине. Почти полностью были освобождены Киевская и Житомирская области и ряд районов Винницкой и Ровенской областей. В Кировоградской операции войска 2-го Украинского фронта продвинулись на 40–50 км. Однако фон Манштейн сумел остановить войска генералов армии Ватутина и Конева, не зря же он считался «самым блестящим стратегом вермахта». Войска 1-го и 2-го Украинских фронтов не сумели соединиться и окружить соединения группы армий «Юг». Они, удерживая корсунь-шевченковский выступ, не давали возможности сомкнуть смежные фланги 1-го и 2-го Украинских фронтов, сковывали свободу их маневра и задерживали выход к Южному Бугу.

Германское командование рассчитывало использовать корсунь-шевченковский выступ в качестве плацдарма для масштабного наступления с целью восстановления линии фронта по западному берегу Днепра. Генерал-фельдмаршал фон Манштейн планировал нанести удар по советским войскам,

продвигавшимся в глубь бреши между 4-й и 1-й танковыми армиями, с трех сторон – с востока, запада и юга. Он, как и Ставка Верховного главнокомандования вермахта, надеялся, что в связи с началом распутицы войска Красной Армии не смогут наступать в прежних масштабах, поэтому рассчитывал получить передышку на южном участке Восточного фронта. При этом предусматривалось сильными ударами отбросить советские войска к Днепру, сохранить за собой богатые промышленные и сельскохозяйственные районы Правобережной Украины и установить сухопутную связь с крымской группировкой войск вермахта.

Фон Манштейн, стремясь удержать корсунь-шевченковский выступ, принимал спешные меры для создания здесь устойчивой обороны, чему благоприятствовала местность в этом районе. Многочисленные реки, ручьи, овраги с крутыми склонами, большое число крупных населенных пунктов способствовали возведению оборонительных рубежей и отсечных позиций. Наиболее прочная оборона с развитой системой инженерных сооружений и различного рода заграждениями была создана в вершине выступа – на участке Кагарлык, Мошны. На участке Мошны, Смела передний край обороны проходил по сильно заболоченной местности. Поэтому оборона здесь состояла из отдельных опорных пунктов, перехватывающих основные дороги. К югу от Смелы оборона была двухполосной. Ее передний край проходил по берегу р. Тясмин и по высотам. Главная полоса включала опорные пункты и узлы сопротивления, местами соединенные траншеями. Внутри опорных пунктов была оборудована развитая система траншей и ходов сообщения, построено большое количество дзотов. Опорные пункты и узлы сопротивления с фронта и флангов прикрывались минными полями и проволочными заграждениями. Вторая полоса обороны была создана на рубеже Ташлык, Пасторское, Тишковка, однако ее оборудование не было завершено к началу наступления войск Красной Армии. Вдоль р. Ольшанка, на участке Млеев, Топильно проходила отсечная позиция фронтом на юго-восток.

Перед войсками 1-го Украинского фронта, особенно на участке к югу от Ольшан, оборона соединения группы армий «Юг» в инженерном отношении была развита слабее. На этот рубеж они отступили только 10–12 января 1944 г. и поэтому не успели достаточно укрепить его. Здесь имелся ряд опорных пунктов, промежутки между которыми прикрывались заграждениями. В лесах были устроены завалы и засеки, установлены противотанковые и противопехотные мины.

Непосредственно в корсунь-шевченковском выступе на

участке Тиновка, Баландино оборонялись правофланговые соединения 1-й танковой армии и левофланговые соединения 8-й армии, которые поддерживала авиация 4-го воздушного флота (около 1000 самолетов). Все соединения этих армий понесли значительные потери в предыдущих боях, но еще сохраняли свою боеспособность. В районе западнее и северо-западнее Кировограда в резерве находились 5 танковых дивизий, в том числе две в резерве 8-й армии. К тому же в районе юго-западнее Охматова действовали три танковые дивизии 1-й танковой армии, которые фон Манштейн также мог быстро перебросить в район корсунь-шевченковского выступа.

Во второй половине января 1944 г. между фон Манштейном и Генштабом Сухопутных войск продолжались переговоры относительно ведения дальнейших операций. Командующий группой армий «Юг» считал необходимым предоставить правому флангу группы армий свободу маневра, то есть отказаться от намерения удерживать Днепровскую дугу, которое, по его мнению, является ошибочным с оперативной точки зрения. В письме, направленном Гитлеру через начальника Генерального штаба, фон Манштейн остановился на аргументах, приведенных фюрером 4 января для обоснования необходимости удержать Днепровскую дугу. Фон Манштейн писал, что позиция Турции, Болгарии и Румынии не столько зависит от того, удержат ли немецкие войска Крым, сколько от наличия их боеспособного правого фланга перед восточными границами Болгарии и Румынии. Он снова подчеркнул, что развитие событий на всем южном крыле Восточного фронта определяется тем, будет ли своевременно выдвинута за левый фланг группы армий «Юг» в район Ровно большая армия. Этого можно добиться только путем высвобождения сил с правого фланга группы армий в результате отвода его на сокращенный фронт, или путем переброски соединений группы армий «Север», или эвакуации армии из Крыма. Только при условии своевременного сосредоточения этой армии в районе Ровно можно было рассчитывать на возможность предотвращения глубокого охвата северного фланга группы армий «Юг» и тем самым отхода всего южного крыла Восточного фронта к Румынии. В то время как начальник Генерального штаба Сухопутных войск генерал Цейтцлер был вполне согласен с предложением фон Манштейна и пытался добиться принятия его Гитлером, последний упрямо оставался на своей позиции «удерживать любой ценой».

Фон Манштейн, весьма раздосадованный тем, что от Гитлера нельзя было добиться указания о том, как должны в общем, а не только сегодня проводиться дальнейшие операции, направил в

ОКХ письмо следующего содержания:

«Управление войсками, если оно ставит перед собой цель добиться успехов, должно состоять в хорошо организованном взаимодействии различных командных инстанций, основывающемся на ясных указаниях командования и правильной оценке обстановки. Командование группы армий не может думать в пределах одного дня. Оно не может обойтись указанием о том, что необходимо удерживать все, если оно видит, что дальнейший ход операций противника может привести к охвату наших войск, который в свою очередь приведет к решительному успеху противника; командованию же будет нечего противопоставить охватывающей группировке. Поэтому я прошу, чтобы ОКХ сделало из направленных мною ранее писем, содержащих оценку обстановки, необходимые выводы или указало на то, в чем командование группы при оценке обстановки на ближайшее время ошибается. Если, однако, к нашим предложениям, сделанным на основе выводов, к которым пришло командование группы армий, исходя из доступных ему данных, Главное командование не только не будет прислушиваться, но и по-прежнему будет молчать, тогда вообще о взаимодействии командных инстанций не может быть и речи» [423].

Когда и на это письмо не последовало никакого ответа, фон Манштейн направил письмо лично Гитлеру. В нем он еще раз изложил обстановку, сложившуюся в полосе группы армий «Юг», оперативные возможности, которыми располагает командование Красной Армии, а также то, в каком состоянии находятся свои войска. Фон Манштейн особо подчеркнул настоятельную необходимость сосредоточения в ближайшее время крупных сил за северным флангом группы армий «Юг», чтобы предотвратить ясно намечающийся обход этого фланга, который будет иметь далеко идущие последствия. В связи с этим, а также опасностью, угрожающей вслед за тем окружением южного фланга группы армий в Днепровской дуге, фон Манштейн в заключение подчеркнул: *«Я позволю себе, мой фюрер, закончить следующими словами: для нас сейчас речь идет не о том, чтобы избежать опасности, а о том, чтобы встретить неминуемую опасность так, чтобы преодолеть ее»* [424].

Однако Гитлер снова не прислушался к советам фон Манштейна. Возможно, потому, что об их разногласиях знали и в стане союзников по антигитлеровской коалиции. Не только знали, но и подогревали взаимное недоверие Верховного главнокомандующего и командующего группой армий «Юг». 10 января 1944 г. журнал «Тайм» опубликовал передовицу о фон Манштейне. В ней его способности преподносились на

необычайно высокий лад. В статье под заголовком «Немецкий Петэн?» [425]говорилось:

«Способность и стойкость приблизили юнкера Манштейна с его дисциплиной и логическим складом ума к плебею Гитлеру с его психозами и интуицией. Гитлеру следовало бы повнимательнее отнестись к этому верному солдату. Манштейн не желал уделять внимание политическим аспектам его руководства, но относился к нему лояльно, как к главе государства. Но превыше этой лояльности для него стоит лояльность по отношению к государству и офицерской касте. Некоторые очевидцы полагают, что накануне поражения Германии эта каста предаст Гитлера, и кто-то из помощников – возможно, Манштейн – будет вынужден сыграть роль немецкого Петэна. Несмотря на поражение и отчаяние, у немецких граждан нет большего военного идола, чем Манштейн. Прямолинейность Манштейна оправдает эту измену. Так же, как и остальные офицеры, он воспитан в духе бессмертного наказа юнкера [426] *Карла фон Клаузевица кронпринцу Фридриху Вильгельму: “Теория войны искушает нас добиться преимущества за счет увеличения физических сил и материальных средств в решающий момент. Но так как это не всегда возможно, теория учит нас приобщать также факторы морального значения: возможные ошибки врага, впечатление, которое производят смелые действия… и даже наше собственное отчаяние… Мы должны полагаться даже на мысль о честном поражении. Мы должны всегда помнить о нем и полностью привыкнуть к этой мысли. Будьте уверены, всемилостивейший господин, что без этого твердого решения невозможно достичь никакого большого успеха”»* [427].

Фон Манштейн был реалистом и хорошим аналитиком. Он своевременно оценил угрозу, которая могла возникнуть в случае ликвидации войсками 1-го и 2-го Украинских фронтов корсунь-шевченковского выступа. На это и была нацелена директива № 220006, которую советская Ставка ВГК 12 января 1944 г. адресовала командующим войсками обоих фонтов [428]. Они должны были «окружить и уничтожить группировку противника в звенигородско-мироновском выступе путем смыкания левофланговых частей 1-го Украинского фронта и правофланговых частей 2-го Украинского фронта где-нибудь в районе Шполы, ибо только такое соединение войск 1-го и 2-го Украинских фронтов даст им возможность развить удар для выхода на р. Южный Буг». В соответствии с этим от 1-го Украинского фронта требовалось главные усилия 27-й армии, 5-го гвардейского танкового корпуса и части сил 40-й армии направить на овладение рубежом Тальное, Звенигородка с

последующим выдвижением подвижных частей на Шполу. В случае необходимости разрешалось привлечь к этой операции 104-й стрелковый корпус. 2-му Украинскому фронту предписывалось главные усилия 52-й, 4-й гвардейской, части сил 53-й армий и не менее двух механизированных корпусов направить на овладение рубежом Шпола, Новомиргород и в районе Шполы соединиться с войсками 1-го Украинского фронта. Основные усилия авиации обоих фронтов следовало направить на содействие войскам в выполнении этой задачи.

Войска 1-го Украинского фронта должны были перейти в наступление 26 января, а 2-го Украинского – на день раньше. Это обусловливалось разницей расстояний, которые предстояло преодолеть ударным группировкам фронтов до Звенигородки – пункта, где они должны были соединиться. Координация действий войск обоих фронтов была возложена на представителя Ставки ВГК маршала Г.К. Жукова.

Директива Ставки ВГК послужила основой для планирования наступательных операций во фронтах. От 1-го Украинского фронта к операции привлекались 40-я, 27-я, 6-я танковая армии, 11-й гвардейский танковый корпус и 64-я гвардейская танковая бригада 1-й танковой армии, часть сил 2-й воздушной армии, от 2-го Украинского фронта – 52-я, 4-я гвардейская, 53-я, 5-я гвардейская танковая, 5-я воздушная армии и 5-й гвардейский кавалерийский корпус. Кроме того, для участия в операции был выделен 10-й истребительный авиационный корпус ПВО страны.

Замысел операции состоял в том, чтобы силами двух фронтов нанести встречные удары под основание выступа и соединиться в районах Шполы, Звенигородки, окружить и уничтожить группировку противника. Поддержка и прикрытие войск 1-го и 2-го Украинских фронтов с воздуха возлагались на 2-ю и 5-ю воздушные армии. Они должны были содействовать прорыву вражеской обороны, обеспечить ввод в прорыв танковых армий, уничтожать авиацию противника над полем боя и прикрывать боевые порядки своих войск.

При планировании операции командующий 2-м Украинским фронтом генерал армии И.С. Конев учитывал, что после закончившейся незадолго до этого Кировоградской операции район западнее и северо-западнее Кировограда был наиболее плотно занят войсками группы армий «Юг». С учетом этого он решил главный удар нанести севернее Кировограда на правом крыле фронта смежными флангами 4-й гвардейской и 53-й армий (14 стрелковых дивизий) при поддержке авиации фронта. После прорыва обороны противника на 19-километровом участке Вербовка, Васильевка обе армии должны были развивать

наступление на Шполу, Звенигородку. При этом 4-я гвардейская армия нацеливалась на внутренний фронт, а 53-я армия генерала – на внешний фронт окружения.

5-ю гвардейскую танковую армию (218 танков и 18 САУ) планировалось ввести в сражение в полосе 53-й армии [429]. Ей предстояло завершить прорыв обороны противника и, стремительно развивая наступление, к исходу второго дня выйти в район Шполы. В дальнейшем предписывалось овладеть Звенигородкой и, соединившись с подвижными войсками 1-го Украинского фронта, замкнуть кольцо окружения и вместе с 53-й армией образовать внешний фронт.

Кроме главного удара, предполагалось нанести два вспомогательных: один – 5-й и и 7-й гвардейскими армиями в районе западнее и юго-западнее Кировограда; другой – силами 52-й армии в направлении Малое Староселье, Городище. Если удары 5-й и 7-й гвардейских армий предназначались для отвлечения сил и внимания врага от направления главного удара, то наступление 52-й армии проходило в тесном взаимодействии с ударной группировкой фронта. Эта армия должна была принять активное участие в разгроме корсунь-шевченковской группировки.

В свой резерв генерал армии Конев выделил 5-й гвардейский Донской кавалерийский корпус. Его предусматривалось использовать во взаимодействии с 5-й гвардейской танковой армией для удара по тылам корсунь-шевченковской группировки. В связи с тем, что в общевойсковых армиях 2-го Украинского фронта было мало танков НПП, несколько танковых соединений и частей 5-й гвардейской танковой армии привлекалось для прорыва обороны противника в полосе 53-й армии.

Второй удар из района южнее Белой Церкви наносился левым крылом 1-го Украинского фронта (40-я, 27-я и 6-я танковая армии). По решению командующего генерала армии Н.Ф. Ватутина, 6-ю танковую армию впервые в Великой Отечественной войне намечалось использовать совместно с 40-й и 27-й армиями в первом эшелоне оперативного построения фронта. Это было обусловлено сложностью оперативной обстановки и необходимостью создания мощной ударной группировки в короткие сроки. Значительное количество сил и средств фронта было задействовано для отражения сильных ударов войск группы армий «Юг» в районах севернее Умани и восточнее Винницы. Некоторые соединения 40-й армии вели бои в окружении. В ходе предшествующей Житомирско-Бердичевской операции войска фронта понесли значительные потери, а 27-я армия почти не имела танков НПП. В то же время обстановка

требовала незамедлительной ликвидации корсунь-шевченковского выступа, быстрого окружения и уничтожения действовавшей в нем крупной группировки врага. Кроме того, учитывалось, что 5-й механизированный корпус 6-й танковой армии уже находился в непосредственном соприкосновении с противником, оборона которого была недостаточно оборудована в инженерном и противотанковом отношении. Войскам 6-й танковой армии предстояло прорвать оборону противника на участке шириной 4,2 км, имея в первом эшелоне 5-й механизированный и во втором – 5-й гвардейский Сталинградско-Киевский танковый корпуса.

При подготовке к операции генерал армии Конев и его штаб сумели в трудных условиях осуществить перегруппировку значительных сил 2-го Украинского фронта. Их, в том числе 5-ю гвардейскую танковую армию, необходимо было скрытно и быстро перебросить на север и подготовить для нанесения удара. Рано начавшаяся на Украине оттепель и распутица затрудняли маневр войск, подвоз материальных средств и использование авиацией грунтовых аэродромов. Надо отдать должное Коневу: он успешно решил столь сложную задачу. Все перегруппировки по его указанию осуществлялись только ночью, с жестким регулированием движения, по строго определенным маршрутам и графику. Особенно искусно и дисциплинированно совершила перегруппировку на расстояние более 100 км 5-я гвардейская танковая армия. С целью дезинформации противника создавались ложные районы сосредоточения танков и артиллерии, ложные огневые позиции, имитировались ложные передвижения войск и техники. Все это во многом способствовало успеху операции. Большое внимание командующий фронтом уделял организации боевой и политической подготовки войск, отработке вопросов взаимодействия всех родов войск и управления, разведке противника, изучению его обороны и подготовке передовых (штурмовых) батальонов.

Для того чтобы избежать артиллерийской подготовки по частям прикрытия врага и установить истинное положение его главной полосы обороны, командующий артиллерией 2-го Украинского фронта генерал Н.С. Фомин предложил вначале провести мощный, но короткий артиллерийский налет и сразу же начать наступление передовыми батальонами. В случае их успеха ввести в действие основные силы ударной группировки фронта. Такой метод прорыва обороны противника оказался эффективным.

К началу операции на 1-м и 2-м Украинских фронтах было создано превосходство над противником по пехоте в 1,7 раза,

артиллерии – в 2,4, танкам и САУ – в 2,7 раза. По авиации силы сторон были примерно равными. На направлениях главных ударов в результате проведенных перегруппировок было достигнуто более значительное превосходство над противником: в 1-м Украинском фронте – почти двукратное по пехоте и трехкратное по танкам и артиллерии; во 2-м Украинском фронте – более чем трехкратное по пехоте, шестикратное по артиллерии и десятикратное по танкам.

Утром 24 января передовые батальоны 52-й, 4-й гвардейской и 53-й армий 2-го Украинского фронта неожиданно для противника перешли в наступление. Они прорвали его оборону на участке 16 км и к исходу дня на направлении главного удара вклинились в оборону на глубину 2–6 км. 25 января в сражение были введены главные силы 4-й гвардейской и 53-й армий, а во второй половине дня – и 5-я гвардейская танковая армия. Они расширили прорыв до 25 км по фронту и до 16 км в глубину. Соединения 5-й гвардейской танковой армии, оторвавшись от стрелковых частей, преодолели вторую полосу обороны врага, овладели с ходу Капитоновкой и Журовкой и, закрепившись на достигнутых рубежах, развернули левофланговые соединения на юг с целью расширения прорыва в сторону флангов.

С утра 26 января войска 5-й гвардейской танковой армии продолжили наступление на Шполу. Одновременно после 35-минутной артиллерийской подготовки началось наступление ударной группировки 1-го Украинского фронта (40-я армия, сводный отряд 27-й армии, 6-я танковая армия). Противник, опираясь на сильно укрепленные позиции, оказывал упорное сопротивление. В результате 5-й механизированный корпус 6-й танковой армии к исходу дня сумел продвинуться всего на 2–5 км, потеряв 59 танков и САУ, или почти 30 % боевого состава [430]. Несмотря на ожесточенное сопротивление врага, 155-я танковая и 8-я гвардейская танковая бригады 20-го танкового корпуса 27 января освободили г. Шпола.

Чем же было занято в это время военно-политическое руководство нацистской Германии? Гитлера, как ни странно, волновало не положение на фронтах, а проблемы национал-социалистского воспитания в армии. Этой теме он посвятил свое выступление 27 января на совещании с участием всех командующих объединениями Восточного фронта и ряда должностных лиц своей Ставки. С первых же минут фон Манштейн почувствовал, как Гитлер отнесся к его письму. Вот что он пишет:

«Уже по тому, как поздоровался со мной Гитлер во время обеда, предшествовавшего докладу, было видно, что он не простил

мне критику, которая содержалась в моих замечаниях о руководстве военными действиями, сделанных 4 января. В своем докладе он осмелился бросить в лицо высшему офицерскому составу сухопутных сил, имевшему столь большие заслуги, примерно следующие слова: "Если когда-нибудь необходимо будет сражаться до конца, то ведь, очевидно, фельдмаршалы и генералы должны будут последними стать на защиту знамени". Я не имею привычки молча выслушивать оскорбления. Слова Гитлера, однако, должны были восприниматься каждым солдатом как сознательно брошенный высшим офицерам армии вызов, который в форме риторического вопроса ставил под сомнение их мужество и стремление до конца выполнить свой солдатский долг. Все присутствовавшие привыкли, как солдаты, молча выслушивать речь своего начальника, и поэтому молчали. Но я воспринял заключающееся в словах Гитлера скрытое оскорбление так сильно, что кровь ударила мне в голову. Когда Гитлер еще раз повторил свое замечание, чтобы подчеркнуть его, я прервал его, воскликнув: "Так оно и будет, мой фюрер!" Эта реплика, естественно, не имела ничего общего с моим личным отношением к национал-социалистскому режиму или к Гитлеру. Она должна была лишь показать, что мы не позволим бросать нам в лицо подобный вызов даже Гитлеру. Как мне передали уже позже, мои товарищи в этот момент облегченно вздохнули, так как они восприняли слова Гитлера точно так же, как и я. Гитлеру, однако, еще, видно, никогда не приходилось выслушивать реплики во время своей речи, которую он произносил как глава государства, а в данном случае и как Верховный главнокомандующий. Годы, когда он слышал реплики на собраниях, были далеко позади. Он явно потерял нить речи и громко крикнул мне, хотя я и сидел всего лишь в нескольких шагах от него: "Я благодарю вас, фельдмаршал фон Манштейн". На этом он довольно неожиданно оборвал свою речь» [431].

Когда фон Манштейн пил чай у генерала Цейтцлера, раздался телефонный звонок и ему передали, что Гитлер хочет с ним говорить в присутствии Кейтеля. Гитлер встретил фон Манштейна со словами:

– Господин фельдмаршал, я запрещаю перебивать меня во время речи, которую я держу перед генералами. Очевидно, вы сами не позволили бы делать это своим подчиненным.

Фон Манштейн принял слова Гитлера к сведению. Но затем фюрер, очевидно будучи очень рассерженным, допустил ошибку:

– Впрочем, вы прислали мне несколько дней назад докладную записку об обстановке. Она, очевидно, имеет назначение, попав в журнал боевых действий, когда-нибудь позже оправдать вас перед историей.

Это возмутило фон Манштейна:

– Письма, которые я направляю лично вам, естественно, не фиксируются в журнале боевых действий. Это письмо я направил с курьером через начальника Генерального штаба. Я попрошу меня извинить, если я сейчас употреблю английское слово. По поводу ваших слов я могу лишь сказать: «Я – джентльмен».

Наступило молчание. После паузы Гитлер сказал:

– Благодарю вас.

Фон Манштейн вспоминал: *«Во время вечернего разбора обстановки, на который меня специально вызвали, Гитлер по отношению ко мне вел себя снова очень любезно. Он пожелал даже услышать мой совет относительно возможности обороны Крыма, о которой докладывал ему присутствовавший при этом командующий 17 армией генерал Енике. Однако я был уверен, что он не простил мне моего ответа. Впрочем, были вещи, которые меня тогда больше беспокоили, чем то, как ко мне относится Верховный главнокомандующий. В течение февраля в центре нашего внимания находились три участка, которые именовались Никополь, Черкассы и Ровно»* [432].

Еще во время нахождения фон Манштейна в Ставке фюрера штаб группы армий «Юг» принял меры по локализации прорыва войск 2-го Украинского фронта. На его флангах были спешно созданы сильные ударные группировки: на левом – в составе 3-й, 11-й и 14-й танковых дивизий, на правом – в составе 72-й и 389-й пехотных дивизий с полком 57-й пехотной дивизии и частями танковой дивизии СС «Wiking». Они 27 января с севера и юга начали наступление в общем направлении на Писаревку и Оситняжку. На всем участке прорыва развернулись ожесточенные бои. Войска фронта мужественно и стойко отражали следовавшие одна за другой контратаки соединений группы армий «Юг». Особенно сложная обстановка создалась в районе Оситняжка, где действовали части 5-й гвардейской танковой армии. Здесь отдельные группы танков и пехоты выходили на пути 20-го и 29-го танковых корпусов, стремясь внезапным ударом вызвать расстройство в их боевых порядках.

Генерал армии Конев немедленно выехал в 5-ю гвардейскую танковую армию. На командном пункте он переговорил с генерал-полковником танковых войск П.А. Ротмистровым, посоветовав ему ввести в сражение второй эшелон (18-й танковый корпус). Это позволило быстро расчистить прорыв, обеспечить фланги 2-го Украинского фронта и продолжить наступление на Звенигородку. Одновременно 29-му танковому корпусу было приказано перейти к обороне на рубеже Водяное, Липянка фронтом на юг и преградить путь резервам группы армий «Юг» к Днепру.

Одновременно генерал армии Конев ввел на флангах свежие силы из своего резерва. С воздуха действия войск надежно обеспечивала авиация 1-го штурмового авиационного корпуса генерала В.Г. Рязанова и 7-го истребительного авиационного корпуса генерала А.В. Утина.

Командующий 1-м Украинским фронтом генерал армии Н.Ф. Ватутин, стремясь активизировать наступление, передал 27 января в подчинение командующему 6-й танковой армией из 40-й армии 47-й стрелковый корпус (167-я, 359-я стрелковые дивизии). Он должен был атаковать сильный узел сопротивления врага в населенном пункте Виноград, а двумя подвижными группами обойти его с юга и севера.

Одновременно принял меры по наращиванию успеха и командующий 2-м Украинским фронтом. В ночь на 28 января генерал армии Конев решил ввести в сражение 5-й гвардейский Донской кавалерийский корпус генерала А.Г. Селиванова. Ему приказывалось выйти на тылы врага и, наступая в общем направлении на Ольшаны, уничтожить его живую силу и технику, дезорганизовать управление и во взаимодействии с танкистами, а также левофланговыми частями 27-й армии 1-го Украинского фронта не допустить отхода корсунь-шевченковской группировки противника на юг. Словом, создать пока внутренний фронт окружения.

Ввод кавалерийского корпуса оказался делом нелегким. Несмотря на то, что, согласно распоряжениям генерала армии Конева, действия корпуса были обеспечены поддержкой авиации и дополнительно выделенной артиллерией при тесном взаимодействии с танковой армией, все же противнику удалось фланговыми контратаками отрядов пехоты и танков занять рубеж Пасторское, Капитановка, Тишковка и тем самым преградить путь кавалерийскому корпусу. Это вынудило кавалеристов спешиться, чтобы сбить заслоны противника. Совместным ударом второго эшелона 5-й гвардейской танковой армии, стрелковых дивизий 4-й гвардейской армии все фланговые атаки противника были отражены, а Капитоновка и Тишковка вновь заняты войсками фронта.

Ввод в полосе 1-го Украинского фронта в сражение 47-го стрелкового корпуса позволил 28 января прорвать тактическую зону обороны противника. Для наращивания успеха командующий 6-й танковой армией генерал А.Г. Кравченко создал танковую группу под командованием генерал-майора танковых войск М.И. Савельева. В ее состав вошли 233-я танковая бригада, 1228-й самоходный артиллерийский полк, мотострелковый батальон и истребительно-противотанковая

артиллерийская батарея; всего 39 танков, 16 САУ, 200 автоматчиков на автомашинах. Танковая группа, обходя опорные пункты противника, прошла за день с боями 65 км и совместно с 20-м танковым корпусом 5-й гвардейской танковой армии захватила Звенигородку.

В результате был охвачен правый фланг войск группы армий «Юг» в корсунь-шевченковском выступе. Десять дивизий и одна бригада оказались зажаты в кольцо. Они насчитывали около 80 тыс. солдат и офицеров, до 1600 орудий и минометов, более 230 танков и штурмовых орудий [433]. Это вынудило фон Манштейна прекратить контрудары против войск 1-го Украинского фронта восточнее Винницы и севернее Умани, а для деблокады окруженных войск направить 8 танковых и 6 пехотных дивизий.

На правом крыле 1-го Украинского фронта войска 13-й армии и правого фланга 60-й армии 27 января перешли в наступление. Они прорвали оборону 13-го армейского корпуса, а 1-й и 6-й гвардейские кавалерийские корпуса проникли в его тыл на глубину до 40–50 км. Достигнув р. Стырь, они повернули на юго-запад. 2 февраля оба кавалерийских корпуса внезапным ударом овладели Луцком и совместно с войсками, наступавшими с фронта, освободили Ровно.

После завершения окружения корсунь-шевченковской группировки противника на 5-ю гвардейскую и 6-ю танковые армии было возложено образование внешнего фронта окружения. Одновременно общевойсковые армии (27-я, 4-я гвардейская) и 5-й гвардейский кавалерийский корпус образовали сплошной внутренний фронт окружения.

Танковые армии занимали оборону в полосах шириной до 50–60 км каждая, имея в первом эшелоне стрелковый, танковый (механизированный) корпуса, а во втором – танковый (механизированный) корпус. Ширина полосы обороны танковых и механизированных корпусов составляла 18–20 км, а танковых и мотострелковых бригад – 7–8 км. В каждой армии были созданы артиллерийско-противотанковый резерв (самоходная и противотанковая артиллерия) и подвижный отряд заграждения (до двух саперных рот с запасом противотанковых мин). Для повышения устойчивости обороны были созданы противотанковые районы (6–8 на корпус) с использованием в них противотанковой, самоходной и части полевой артиллерии стрелковых соединений. Кроме того, организовывалась система танковых засад, а часть танков и САУ эшелонировалась в глубину. Для отражения ударов вражеских резервов на внешнем фронте привлекались корпуса первых эшелонов, а также вторые эшелоны

и резервы.

Фон Манштейн, прибывший 28 января в штаб группы армий «Юг», быстро оценил сложившуюся обстановку и принял решительные меры для освобождения окруженных корпусов. Войскам 1-й танковой армии генерала танковых войск Хубе было приказано как можно скорее завершить разгром окруженных на ее левом фланге частей советской 1-й танковой армии. При этом 3-й танковый корпус требовалось в самое ближайшее время высвободить с этого участка. Вместе с 16-й, 17-й пехотными дивизиями, дивизией «Leibstandarte-SS Adolf Hitler» и полком тяжелых танков его намечалось перебросить на участок, где теперь наметился кризис. 1-я танковая дивизия при первой возможности должна была последовать за ними. Перед 8-й армией генерала пехоты Велера была поставлена задача снять с занимаемого ею участка 3-ю танковую дивизию 47-го танкового корпуса и сосредоточить ее у места прорыва. Из состава 6-й армии было приказано выделить для усиления этой группировки 24-танковую дивизию. Однако, когда последняя прибыла туда, Гитлер приказал возвратить ее группе армий «А», так как обстановка на никопольском плацдарме становилась угрожающей.

По замыслу фон Манштейна, обоим корпусам предстояло нанести удар во фланг и в тыл советских войск, окруживших 42-й и 11-й армейские корпуса: 3-й танковый – с запада, 47-й танковый – с юга. Задача состояла в том, чтобы перерезать тыловые коммуникации скопившегося здесь большого числа советских соединений и затем уничтожить их концентрическими атаками. Всего на внешнем фронте окружения фон Манштейн сосредоточил 14 дивизий, в том числе 8 танковых. Плотность составляла 8,8 км на дивизию. Танковая группировка, созданная фон Манштейном, насчитывала до 600 танков и штурмовых орудий [434].

Какие же силы противостояли войскам группы армий «Юг»? По данным И.С. Конева, всего на внешнем фронте окружения от Охматова до Канижа протяженностью около 150 км находились 22 стрелковые дивизии, до 2736 орудий и минометов, две танковые армии, имевшие 307 танков и САУ. Общая оперативная плотность составляла 6,8 км на дивизию, 18 орудий, 2 танка и САУ – на 1 км фронта. Соотношение сил по дивизиям было 1,3:1 в пользу войск 2-го Украинского фронта, но по числу танков противник вдвое превосходил его войска. По сведениям генерала армии А.И. Радзиевского, в 6-й танковой армии имелось всего около 100 танков и 20 САУ, а в 5-й гвардейской танковой армии – 250 танков и САУ [435]. Маршал Конев в своей книге «Записки

командующего фронтом» приводит другие цифры: в 6-й танковой армии – 107 танков и САУ, в 5-й гвардейской танковой армии – 173 танка и САУ.

Командующие 1-м и 2-м Украинскими фронтами, учитывая превосходство противника в танках и самоходных орудиях, а также необходимость ведения танковыми объединениями оборонительных действий, приняли меры к их усилению. 6-й танковой армии был придан 47-й стрелковый корпус, а 5-й гвардейской танковой армии – 49-й стрелковый корпус, 34-я истребительно-противотанковая артиллерийская и 5-я инженерно-саперная бригады РГК.

Утром 1 февраля, сосредоточив на участке Юркова, Лысянка четыре танковые дивизии (13, 11, 3 и 14-я), фон Манштейн предпринял удар в направлении Крымки против 5-й гвардейской танковой и 53-й армий. Одновременно навстречу деблокирующей группировке был нанесен удар из кольца окружения силами до двух пехотных дивизий и полка 14-й танковой дивизии в направлении Бурты. Деблокирующей группировке удалось в районе села Водяное потеснить советские части на 5 км к северу и овладеть населенным пунктом Крымки. Удар противника из кольца окружения успеха не имел. Части 52-й и 4-й гвардейской армий отразили все попытки противника и к исходу дня 5 февраля овладели важным опорным пунктом противника Вязовок. В тот же день 5-й гвардейский кавалерийский корпус обходным маневром занял Вербовку и Ольшаны.

Частью сил, в том числе до 100 танков 16-й танковой дивизии, фон Манштейн 4 февраля нанес удар на Павловку и Красиловку. В его отражении принимал участие 11-й гвардейский танковый корпус 1-й танковой армии, находившийся в то время в оперативном подчинении командующего 40-й армией [436]. Он во взаимодействии со 104-м стрелковым корпусом парировал все атаки врага.

Попытка противника прорваться к окруженным войскам в полосе 5-й гвардейской танковой армии также оказалась сорванной. Хотя враг и вклинился на узком участке на 4–5 км, но контратаками вторых эшелонов армии и резервами он 7 февраля был полностью остановлен и на этом направлении.

У фон Манштейна в это время серьезное беспокойство вызвало правое крыло группы армий «Юг», где действовала 6-я армия генерала пехоты Холлидта. Здесь 30 января войска 3-го и 4-го Украинских фронтов под командованием генералов армии Р.Я. Малиновского и Ф.И. Толбухина приступили к проведению Никопольско-Криворожской операции в целях разгрома никопольско-криворожской группировки, ликвидации ее

никопольского плацдарма на Днепре и освобождения Никополя и Кривого Рога. Войска обоих фронтов насчитывали 705 тыс. человек, 8048 орудий и минометов, 390 танков и САУ, 1200 боевых самолетов и 140 самолетов У-2 и Р-5. В 6-й армии имелось 540 тыс. человек, 6420 орудий и минометов, 460 танков и самоходных орудий и 560 боевых самолетов. Армию поддерживал 1-й авиационный корпус 4-го воздушного флота (около 700 самолетов) [437]. Войска 3-го и 4-го Украинских фронтов в 1,3 раза превосходили противника в людях и в артиллерии, в 2 раза в боевых самолетах и уступали ему в 1,2 раза в танках и САУ.

Замысел Ставки ВГК состоял в том, чтобы, наступая по сходящимся направлениям, окружить и уничтожить войска 6-й армии в никопольско-криворожском выступе. В соответствии с замыслом командующий 3-м Украинским фронтом решил главный удар нанести силами 46-й, 8-й гвардейской армий и 4-го гвардейского механизированного корпуса из района Владимировки на Апостолово, Каменку, выйти к Днепру и во взаимодействии с 4-м Украинским фронтом окружить и уничтожить группировку немецкой 6-й армии в районе Никополя и на никопольском плацдарме. Ударная группировка фронта прорывала оборону на участке шириной 21 км, где плотность на 1 км фронта составляла 140 орудий и минометов, 9 танков и САУ. 37-й и 6-й армиям предстояло нанести вспомогательные удары: первой – на Кривой Рог, второй – на Никополь. Наступление войск фронта поддерживала 17-я воздушная армия.

Войскам 4-го Украинского фронта (3-я гвардейская, 5-я ударная, 28-я армии) при поддержке 8-й воздушной армии предстояло наступать против никопольского плацдарма и содействовать 3-му Украинскому фронту в разгроме никопольской группировки 6-й армии генерала Холлидта. В полосе 5-й ударной армии планировалось использовать 2-й гвардейский механизированный корпус генерал-лейтенанта танковых войск К. В. Свиридова.

Удары войск обоих фронтов одновременно на ряде участков должны были привести к дроблению обороны 6-й армии, лишить ее командующего возможности маневрировать своими резервами и обеспечить уничтожение войск армии по частям. Координация действий 3-го и 4-го Украинских фронтов была возложена на начальника Генштаба маршала А.М. Василевского.

Наступление войск 3-го Украинского фронта началось утром 30 января на направлениях вспомогательных ударов. На следующий день в наступление на главном направлении перешли соединения 46-й и 8-й гвардейской армий. Одновременно

приступили к проведению операции войска 4-го Украинского. В 4 часа утра 50-я гвардейская стрелковая дивизия 5-й ударной армии сбила противника с занимаемого рубежа и продвинулась на глубину до 1,5 км. В 8 часов утра перешла в наступление соседняя 54-я гвардейская стрелковая дивизия. В целях содействия успеху 5-й ударной армии по приказу командующего 4-м Украинским фронтом генерала армии Толбухина в 12 часов дня начали наступление 3-я гвардейская и 28-я армии. С самого начала бои приняли напряженный характер. Командующий 6-й армией генерал пехоты Холлидт прилагал все усилия для того, чтобы удержать никопольский плацдарм. Однако войска фронта ударами на ряде направлений взломали оборону войск 6-й армии. В три часа дня в полосе 5-й ударной армии в сражение был введен 2-й гвардейский механизированный корпус, насчитывавший до 30 танков и самоходно-артиллерийских установок. К исходу дня войска 5-й ударной армии продвинулись на 7 км, а 2-й гвардейский механизированный корпус – до 11 км.

1 февраля в полосе 8-й гвардейской армии по решению командующего 3-м Украинским фронтом генерала армии Малиновского в прорыв был введен 4-й гвардейский механизированный корпус. Под напором подвижных сил 3-го и 4-го Украинских фронтов войска 6-й армии 2 февраля начали отход к переправам через Днепр. В тот же день армии были подчинены командующему группой армий «А» генерал-фельдмаршалу Э. фон Клейсту. Это избавило фон Манштейна от необходимости контролировать действия на этом направлении. Все его внимание теперь было сосредоточено на главном направлении, где необходимо было освободить войска, находившиеся в окружении.

9 февраля представитель Ставки ВГК маршал Жуков докладывал Сталину:

«…По показанию пленных, за период боев в окружении войска противника понесли большие потери. В настоящее время среди солдат и офицеров чувствуется растерянность, доходящая в некоторых случаях до паники.

По Корсунь-Шевченковский. Видимо, противник готовился к последней попытке прорваться навстречу танковой группе, наступавшей на М. Боярку. Для обеспечения этого направления к утру 9 февраля в район Лисянки выводим одну танковую бригаду от Ротмистрова(командующий 5-й гвардейской танковой армией. – Авт.) *и в район Красногородка – Мотаевка 340-ю стрелковую дивизию…*

8 февраля в 15.50 наши парламентеры через командующего стеблевским боевым участком полковника Фукке вручили ультиматум окруженному противнику…» [438].

Ультиматум подписали маршал Жуков, генералы армии Ватутин и Конев. Противник ультиматум отклонил. Тотчас же на внутреннем фронте окружения и со стороны внешнего фронта немецкие войска начали ожесточенные атаки. Но все было тщетно. Генерал армии Конев, опасаясь за стык с 1-м Украинским фронтом, решил прикрыть его силами 5-го гвардейского кавалерийского корпуса. В приказе командующего 2-м Украинским фронтом от 8 февраля говорилось:

«Не исключено, что противник из окруженной группировки сегодня ночью попытается прорваться между вами и 4-й гвардейской армией на юго-запад.

Приказываю:

1. 66-й кд по тревоге занять оборону Кличково, высота 234,5, по высотам фронтом на восток, и не допустить прорыва противника в западном и юго-западном направлении.

2. Держать прочно боевую связь с частями левого фланга 4-й гвардейской и 180-й дивизией 1-го Украинского фронта.

3. Главными силами продолжать громить окруженную группировку с задачей: ночью на 9.2 соединиться с частями 52-й армии в районе Завадовка» [439].

Оценивая создавшуюся обстановку и перспективы развития последующих событий, генерал армии Конев 10 февраля принял решение вывести с внешнего фронта окружения в коридор прорыва к району Лисянки 5-ю гвардейскую танковую армию с задачей не допустить выхода окруженной группировки из котла на стыке двух фронтов и соединения ее с танковой группировкой врага, наступавшей с внешнего фронта. Этот маневр был необходимым, но в то же время и рискованным. Дело в том, что к моменту начала вывода войск 5-й гвардейской танковой армии массированные танковые атаки противника на внешнем фронте не ослабевали, а все больше усиливались. Однако генерал армии Конев учитывал следующие обстоятельства. Во-первых, на участке, где действовала танковая армия, были оставлены стрелковые дивизии, усиленные большим количеством артиллерии и средствами инженерных заграждений. Для контроля и оказания необходимой помощи войскам на этот участок направлялись командующий артиллерией фронта генерал Н.С. Фомин и начальник инженерных войск фронта генерал А.Д. Цирлин. Во-вторых, в ходе предшествующих боев наступавшие танковые дивизии противника достигали темпа продвижения не более четырех километров в сутки. Расчеты, следовательно, показывали, что для соединения с окруженной группировкой в полосе фронта противнику потребовалось бы минимум десять суток напряженных боев, так как расстояние

между населенными пунктами Вязовка (котел) и Юрковка (внешний фронт) было в пределах 40 км. Генерал армии Конев предполагал, что за это время его войска сумеют разбить и пленить окруженную группировку противника.

Командующий 1-м Украинским фронтом также принял соответствующие меры и перебросил в район Виноград, Лисянка стрелковые войска и артиллерию. Кроме того, на этот участок из резерва Ставки ВГК выдвигалась не завершившая укомплектование 2-я танковая армия генерала С.И. Богданова. Ее соединения насчитывали немногим более 160 исправных танков, а штабы корпусов были укомплектованы на 40–50 % [440].

Ход последующих действий со всей очевидностью показал целесообразность маневра танковой армии, осуществленного по решению генерала И.С. Конева. Это позволило сорвать попытку командующих 1-й танковой и 8-й армиями выручить свои соединения.

Утром 11 февраля фон Манштейн силами до восьми танковых дивизий предпринял наступление на внешнем фронте окружения, нанося удар на Лисянку из районов западнее Ризино и Ерки. Навстречу им рвались части окруженной группировки. Все атаки на Ерки были отбиты, но в районе Буки противник сумел несколько потеснить войска 1-го Украинского фронта и к исходу дня выйти на рубеж Виноград, Бужанка. Выполняя поставленную задачу, 5-я гвардейская танковая армия к 11 февраля 29-м танковым корпусом сосредоточилась в районе Княжье, Лозоватка, 18-м танковым корпусом – в Михайловке, а 20-м танковым корпусом – в Звенигородке. Одновременно части 18-го гвардейского, 23-го стрелкового и 4-го гвардейского танкового корпусов 60-й армии 1-го Украинского фронта при содействии авиации 2-й воздушной армии заняли Шепетовку.

Фон Манштейн не оставлял надежды на прорыв из котла. Ночью 12 февраля части 11-го и 42-го армейских корпусов, воспользовавшись разыгравшейся пургою, сумели в полосе 1-го Украинского фронта прорваться из района Стеблева в направлении Шендеровки. Известие об этом вызвало гнев у Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина. Он позвонил представителю Ставки ВГК маршалу Жукову и передал ему сообщение генерала армии Конева о том, что на 1-м Украинском фронте противник прорвался из района Шендеровки в Килию и Новую Буду. Жуков ответил, что ничего не знает об этом. Сталин потребовал проверить. Представитель Ставки немедленно связался с командующим 1-м Украинским фронтом генералом армии Ватутиным. Действительно, противник пытался, пользуясь пургой, вырваться из окружения и даже успел продвинуться на

два-три километра, но был остановлен.

В своем донесении Сталину маршал Жуков более подробно осветил сложившуюся обстановку. Он доложил, что в полосе 6-й танковой армии мотопехота противника при поддержке до 160 танков ведет наступление с фронта Ризино, Чемериское, Тарасовка на Лисянку. Им удалось прорвать первую линию 47-го стрелкового корпуса и вклиниться в оборону до 10 км. Дальнейшее продвижение противника было остановлено на р. Гнилой Тикич частями 340-й стрелковой дивизии и 5-го механизированного корпуса, составляющими вторую линию обороны, и резервными полками СУ-85. Маршал Жуков подчеркнул, что у командующего 6-й танковой армией имелось достаточно сил и средств для отражения атак противника, но генерал Кравченко потерял управление своими частями. Части 5-й гвардейской танковой армии отразили атаки до 60 танков противника от Ерков в направлении Звенигородки. По данным разведки, с лебединского направления на звенигородское перебрасываются до 40 танков противника.

Командующему 1-м Украинским фронтом было приказано срочно развернуть в Джурженцы управление 27-й армией и подчинить 6-ю танковую армию в оперативном отношении командующему 27-й армией генералу Трофименко. К утру 12 февраля намечалось сосредоточить главные силы 2-й танковой армии генерала Богданова в районе Лисянка, Дашуковка, Чесновка. На рубеже Хижинцы, Джурженцы предусматривалось развернуть 202-ю стрелковую дивизию и одну бригаду 1-й танковой армии. Командующему 2-м Украинским фронтом предписывалось к утру развернуть в Лисянке две бригады 5-й гвардейской танковой армии и занять оборону по р. Гнилой Тикич на участке Лисянка, Мурзинцы. В район Михайловки (восточнее Звенигородки) к утру 12 февраля выдвигается 18-й танковый корпус, а в район Княжье, Лозоватка – 29-й танковый корпус. Генералу армии Коневу также приказывалось 12 февраля главными силами 52-й и 4-й гвардейской армий нанести удары с востока на Стеблев и в тыл главной группировки окруженного противника, пытающейся прорваться навстречу наступающей танковой группе. В районе Стеблева была задействована вся ночная авиация 1-го и 2-го Украинских фронтов [441].

По решению командующего 2-м Украинским фронтом 12 февраля для занятия обороны по р. Гнилой Тикич на участок Октябрь, Лисянка, Майдановка, Звенигородка выводилась часть сил 4-й гвардейской армии. В район Майдановки генерал армии Конев перебросил 27-ю танковую бригаду, подчинив ее командующему этой армией. Частям 21-го гвардейского

стрелкового корпуса было приказано прочной обороной не допустить прорыва танков противника с юга на северо-восток и восток для выручки окруженных. Все это позволило надежно обеспечить стык 1-го и 2-го Украинских фронтов от прорыва танковой группировки противника к Лисянке из района Рубаный Мост, Ризино. Для усиления направления Стеблев, Шендеровка (внутренний фронт окружения), где действовали войска 27-й армии 1-го Украинского фронта, генерал армии Конев повернул 5-й гвардейский кавалерийский корпус на 180 градусов, т. е. на запад, на Шендеровку.

К этому времени у Сталина созрело решение передать руководство войсками внутреннего фронта по ликвидации корсунь-шевченковской группировки в руки генерала армии Конева. Около полудня 12 февраля Сталин вызвал его по ВЧ (высокочастотная связь. – *Прим. ред.*) и сказал:

– Вот мы огласили на весь мир, что в районе Корсунь-Шевченковского окружили крупную группировку противника, а в Ставке есть данные, что окруженная группировка прорвала фронт 27-й армии и уходит к своим. Что вы знаете по обстановке на фронте у соседа?

По интонации голоса Сталина, резкости, с которой он разговаривал, Конев понял, что Верховный Главнокомандующий встревожен и, как видно, причина этого – чей-то не совсем точный доклад. Пытаясь его успокоить, Конев доложил:

– Не беспокойтесь, товарищ Сталин. Окруженный противник не уйдет. Наш фронт принял меры. Для обеспечения стыка с 1-м Украинским фронтом и для того, чтобы загнать противника обратно в котел, мною в район образовавшегося прорыва врага были выдвинуты войска 5-й гвардейской танковой армии и 5-й кавалерийский корпус. Задачу они выполняют успешно.

– Это вы сделали по своей инициативе? – спросил Сталин. – Ведь это за разграничительной линией фронта.

– Да, по своей, товарищ Сталин.

– Это очень хорошо. Мы посоветуемся в Ставке, и я вам позвоню.

Минут через десять-пятнадцать снова раздался звонок. Конев взял трубку.

– Нельзя ли все войска, – сказал Сталин, – действующие против окруженной группировки, в том числе и 1-го Украинского фронта (27-ю армию), подчинить вам и возложить на вас руководство уничтожением окруженной группировки?

Конев такого предложения не ожидал, но ответил без паузы:

– Товарищ Сталин, сейчас очень трудно провести переподчинение 27-й армии 1-го Украинского фронта мне. 27-я

армия действует с обратной стороны кольца окружения, то есть с противоположной стороны по отношению наших войск, с другого операционного направления. Весь тыл армии и связи ее со штабом 1-го Украинского фронта идут через Белую Церковь и Киев. Поэтому управлять армией мне будет очень трудно, сложно вести связь по окружности всего кольца через Кременчуг, Киев, Белую Церковь; пока в коридоре идет бой, напрямую установить связь с 27-й армией невозможно. Армия очень слабая, растянута на широком фронте. Она не сможет удержать окруженного противника, тогда как на ее правом фланге также создается угроза танкового удара противника с внешнего фронта окружения в направлении Лисянки.

– Не волнуйтесь, товарищ Конев, Ставка обяжет штаб 1-го Украинского фронта передавать все ваши приказы и распоряжения 27-й армии и оставит ее на снабжении в 1-м Украинском фронте.

– В такой динамичной обстановке эта форма управления не обеспечит надежность и быстроту передачи распоряжений, – ответил Конев. – А сейчас требуется личное общение и связь накоротке. Все распоряжения будут идти с запозданием. Прошу вас не передавать армию в состав нашего фронта.

– Хорошо, мы еще посоветуемся в Ставке и с Генеральным штабом и тогда решим, – закончил разговор Сталин.

Верховный Главнокомандующий редко отменял свои решения. Он позвонил маршалу Жукову и сказал, что просьба об объединении войск в одних руках исходит непосредственно от командующего 2-м Украинским фронтом. Руководство же войсками на внешнем фронте намечалось сосредоточить в руках командующего 1-м Украинским фронтом. Маршал Жуков посчитал это нецелесообразным.

И.С. Конев, вспоминая об этом эпизоде, отмечал, что Георгий Константинович в своих мемуарах осветил этот вопрос не совсем точно. *«Я настойчиво уклонялся от подчинения мне 27-й армии еще и потому,* –пишет Конев, – *что, когда план взаимодействия между фронтами нарушен, переподчинение войск серьезно усложняется. Я искренне беспокоился за исход сражения. Ведь передача армии мне не увеличивала ее силы… Каждый поймет, что в такой сложной обстановке напрашиваться самому на переподчинение войск, не зная досконально обстановки на участке соседа, вряд ли целесообразно. В действительности Сталин 12 февраля 1944 года по ВЧ, возлагая на меня ответственность за ликвидацию окруженной группировки, сам настаивал на подчинении мне 27-й армии 1-го Украинского фронта. Я же, изложив свои мотивы, настойчиво отказывался от этого»* [442].

Сталин, недовольный прорывом противника, около пяти часов вечера 12 февраля направил маршалу Жукову весьма неприятную по содержанию директиву за № 220021 [443]:

«Прорыв корсуньской группировки противника из района Стеблева в направлении Шендеровки произошел потому, что:

во-первых, несмотря на мои личные указания, у Вас не было продуманного общего плана уничтожения корсуньской группировки немцев совместными усилиями 1-го и 2-го Украинских фронтов;

во-вторых, слабая по своему составу 27-я армия не была своевременно усилена;

в-третьих, не было принято решительных мер к выполнению моих указаний об уничтожении в первую очередь стеблевского выступа противника, откуда вероятнее всего можно было ожидать попыток его прорыва.

Должен указать Вам, что я возложил на Вас задачу координировать действия 1-го и 2-го Украинских фронтов, а между тем из сегодняшнего Вашего доклада видно, что, несмотря на всю остроту положения, Вы недостаточно осведомлены об обстановке: Вам не известно о занятии противником Хилек и Ново-Буды; Вы не знаете решения Конева об использовании 5 гв. кк и танкового корпуса Ротмистрова с целью уничтожения противника, прорывающегося на Шендеровку.

Сил и средств на левом крыле 1-го Украинского фронта и на правом крыле 2-го Украинского фронта достаточно, чтобы ликвидировать прорыв противника и уничтожить его корсуньскую группировку.

***Требую** от Вас, чтобы Вы уделили выполнению этой задачи главное внимание».*

Не прошло и трех часов, как последовала новая директива Ставки за № 220022:

«Ввиду того, что для ликвидации корсуньской группировки противника необходимо объединить усилия всех войск, действующих с этой задачей, и поскольку большая часть этих войск принадлежит 2-му Украинскому фронту, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Возложить руководство всеми войсками, действующими против корсуньской группировки противника, на командующего 2-м Украинским фронтом с задачей в кратчайший срок уничтожить корсуньскую группировку немцев.

В соответствии с этим 27-ю армию в составе 180, 337, 202 сд, 54, 159 ур и всех имеющихся частей усиления передать с 24.00 12.02.1944 г. в оперативное подчинение командующего 2-м Украинским фронтом. Снабжение 27 А всеми видами оставить за 1-м Украинским фронтом. Командующему 2-м Украинским

фронтом связь со штабом 27-й армии до установления прямой связи иметь через штаб 1-го Украинского фронта.

2. Тов. Юрьева(Г.К. Жуков. – Авт.) *освободить от наблюдения за ликвидацией корсуньской группировки немцев и возложить на него координацию действий войск 1-го и 2-го Украинских фронтов с задачей не допустить прорыва противника со стороны Лисянки и Звенигородки на соединение с корсуньской группировкой противника…»* [444].

Получив директиву № 220022, генерал армии Ватутин позвонил маршалу Жукову, полагая, что тот является инициатором данного решения.

– Товарищ маршал, вам известно, что я, не смыкая глаз, несколько суток подряд, напрягал все силы для осуществления Корсунь-Шевченковской операции, – сказал Ватутин. – И мне непонятно, почему же сейчас меня отстраняют и не дают довести эту операцию до конца?

В этой связи Жуков в своих мемуарах отмечал: *«Я не мог сказать Н.Ф. Ватутину, чье было это предложение, чтобы не сталкивать его с И.С. Коневым. Однако я считал, что в данном случае Н.Ф. Ватутин прав как командующий, заботясь о боевой, вполне заслуженной славе вверенных ему войск»* [445].

Поэтому Жуков ответил Ватутину, что это приказ Верховного, который следует безоговорочно выполнять. Ватутин обиженно отчеканил, что приказ будет выполнен.

Генерал армии Конев, получив директиву Ставки ВГК, немедленно вылетел на командный пункт 4-й гвардейской армии, который находился в коридоре прорыва. Вместе с командармом генералом И.К. Смирновым он обсудил меры, которые следовало принять с целью не допустить выхода противника из кольца. С наблюдательного пункта 4-й гвардейской армии командующий 2-м Украинским фронтом в дальнейшем руководил действиями своих войск.

Для укрепления положения 27-й армии генерал армии Конев выдвинул в район Джурженцы 18-й гвардейский танковый корпус, потребовав от войск армии стойко оборонять занимаемые позиции и отбить атаки противника из Стеблева на Шендеровку. Войскам 4-й гвардейской армии приказывалось перейти в наступление с юга на север, рассечь противника на части и пленить его. На внешнем фронте окружения Конев дал указание оставить маневренный резерв и заслон от наступающей танковой группировки противника со стороны Лисянки. Командующему 5-й гвардейской танковой армией предписывалось оказать помощь 4-й гвардейской армии в рассечении окруженной группировки на части, а также по выполнению роли ударной маневренной группы

в случае прорыва противника из кольца или с внешнего фронта окружения. Войска 53-й армии должны были создать жесткую противотанковую оборону на внешнем фронте, а 5-я гвардейская, 7-я гвардейская и 57-я армии иметь резервы на случай маневра в районах окруженной группировки и перехода в наступление по общему плану фронта. На 5-ю воздушную армию была возложена задача по нанесению ударов с воздуха по танковым частям противника, парализации действий его авиации, стремившейся оказать помощь окруженным дивизиям, а также по надежному прикрытию наземных войск с воздуха. В свой резерв генерал армии Конев вывел 5-й гвардейский кавалерийский корпус.

Задача 5-й гвардейской танковой армии, связанная с маневром на новое направление, была довольно трудной. Непролазная грязь сковывала движение танков. Несмотря на это, соединения армии вышли в указанный район, лишив противника возможности прорыва из окружения. Она в течение 13 и 14 февраля частью сил во взаимодействии с 5-м гвардейским кавалерийским корпусом вела бои с противником в районе Ново-Буды и Комаровки, а основными силами, взаимодействуя с 6-й и 2-й танковыми армиями 1-го Украинского фронта, наносила удары по вклинившейся группировке противника в районе Лисянки. На внутреннем фронте окружения войска 2-го Украинского фронта, продвигаясь вперед, постепенно сжимали кольцо. 14 февраля войска 52-й армии заняли Корсунь-Шевченковский.

Гитлер не оставлял надежды на прорыв окруженных войск. 15 февраля он приказал дивизиям, объединенным в «группу Штеммермана» (командир 11-го армейского корпуса), начать прорыв из кольца окружения. Командующий 8-й армией генерал пехоты Велер в 11 часов дня отдал приказ следующего содержания: *«Боеспособность 3-го танкового корпуса ограничена погодными условиями и снабжением. Группа Штеммермана должна совершить прорыв собственными силами!»* [446]

Фон Манштейн также потребовал от окруженных корпусов осуществить прорыв из кольца, используя для этого всю артиллерию и имеющиеся боеприпасы. Так как во время выхода из окружения войскам пришлось бы передвигаться по бездорожью и глубокой грязи, было приказано бросить орудия после того, как будут расстреляны все боеприпасы. Арьергарды с несколькими орудиями прикрывали выходящие из окружения войска от атак противника с севера, востока и юга.

В ночь на 17 февраля они под руководством своих командиров генералов В. Штеммермана и Либа пошли на прорыв. Удар был нанесен в юго-западном направлении, навстречу 3-му

танковому корпусу, который по приказу фон Манштейна напрягал все силы, чтобы, несмотря на непролазную грязь, бросить навстречу прорывающейся группировке хотя бы несколько танков. В половине второго ночи фон Манштейн получил радостное известие о том, что установлена первая связь между выходящими из окружения корпусами и передовыми частями танкового корпуса. 28 февраля штаб группы армий «Юг» получил донесение о том, что из котла вышло 30 000—32 000 человек. Учитывая, что в котле находились малочисленные шесть дивизий и одна бригада, это составляло большую часть активных штыков [447].

Свидетельства маршала Жукова с этой информацией расходятся:

«Все утро 17 февраля шло ожесточенное сражение по уничтожению прорвавшихся колонн немецких войск, которые в основном были уничтожены и пленены. Лишь нескольким танкам и бронетранспортерам с генералами, офицерами и эсэсовцами удалось вырваться из окружения. Как мы и предполагали, 17 февраля с окруженной группировкой все было покончено. По данным 2-го Украинского фронта, в плен было взято 18 тысяч человек и боевая техника этой группировки» [448].

А вот что утверждал маршал Конев:

«В течение всей этой схватки я несколько раз разговаривал с командирами 69-й, 7-й и 41-й дивизий, которые занимали позиции по берегу реки Горный Тикич на внешнем фронте окружения. Они докладывали, что ни один немецкий солдат не прошел через их позиции. Говорил и с командармами Смирновым, Трофименко, Ротмистровым, Галаниным, внимательно следил за их действиями, донесениями и докладами, и ни в одном докладе и донесении не было сказано, что немцы прошли через какой-либо пункт или рубеж наших войск, занимающих оборону как на внешнем, так и на внутреннем фронтах» [449].

К. Типпельскирх в своей книге «История Второй мировой войны» об этих событиях писал следующее:

«Когда к 15 февраля наступательная сила деблокирующих войск истощилась, окруженные корпуса получили приказ пробиваться в южном направлении, откуда навстречу им должен был наступать танковый корпус 1-й танковой армии. Блестяще подготовленный прорыв в ночь с 16 на 17 февраля не привел, однако, к соединению с наступавшим навстречу корпусом, так как продвижение последнего, и без того медленное из-за плохого состояния грунта, было остановлено противником… В конечном итоге эти бои вновь принесли тяжелые потери в живой силе и технике, что еще больше осложнило обстановку на слишком растянутых немецких фронтах» [450].

Очевидно, когда несколько мнений расходятся, истину нужно искать где-то посередине. В четвертом томе «Военной энциклопедии» (статья «Корсунь-Шевченковская операция») говорится, что около 20 тыс. человек, бросивших тяжелое вооружение и транспорт, просочились мелкими группами под покровом сильного снегопада. Задача надежной изоляции окруженной группировки и ее последующего уничтожения была решена лишь частично. Потери ее (вместе с потерями войск, действовавших на внешнем фронте окружения) достигли 70 тыс. человек.

После завершения боев командующий 27-й армией генерал Трофименко по ВЧ доложил генералу армии Коневу, что при выходе из окружения погиб командир 11-го армейского корпуса генерал Штеммерман. Его труп был обнаружен на поле боя около села Джурженцы. Командующий 2-м Украинским фронтом, отдавая должное мужеству противника, разрешил военнопленным похоронить генерала Штеммермана с надлежащими почестями по законам военного времени.

Каков же был итог Корсунь-Шевченковской операции, проведенной войсками 1-го и 2-го Украинских фронтов? В ходе операции они приковали к себе до половины всех танковых и более двух третей воздушных сил противника, действовавших на Правобережной Украине. Это облегчило 3-му и 4-му Украинским фронтам проведение Никопольско-Криворожской операции. Генерал Ф. Меллентин, комментируя решение Гитлера удерживать корсунь-шевченковский выступ, отмечал: *«Результатом такого решения оказался новый Сталинград, – правда, масштабы катастрофы на этот раз были меньше»* [451].

Фон Манштейну снова удалось избежать окончательного поражения. Он уже не в первый раз ускользал от Конева. Это оставило в душе последнего неприятный осадок, который развеял 18 февраля телефонный звонок из Москвы.

– Поздравляю с успехом, – сказал Сталин. – У правительства есть мнение присвоить вам звание Маршала Советского Союза. Как вы на это смотрите, не возражаете? Можно вас поздравить?

– Благодарю, товарищ Сталин, – ответил Конев.

– Ну, хорошо, отдыхайте, устали, наверное?..

Глава 8
Последнее сражение

В тот день, когда И.В. Сталин сообщил И.С. Коневу о присвоении ему воинского звания Маршала Советского Союза, его противник генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн позвонил по телефону начальнику Генерального штаба Сухопутных войск генералу К. Цейтцлеру.

– Над северным флангом группы армий «Юг» может создаться большая угроза, – сказал фон Манштейн. – Соотношение сил является для нас все еще неблагоприятным по сравнению с другими группами армий.

– Я имел по этому поводу, а также по поводу необходимых в связи с этим мероприятий длительную беседу с фюрером, но опять ничего не добился, – ответил Цейтцлер.

– Как же он думает проводить дальше операции на нашем фронте?

– Он говорит, что когда-нибудь же русские перестанут наступать. С июля прошлого года они непрерывно ведут наступление. Долго это не может продолжаться. Я сказал ему в ответ на это: «Мой фюрер, если бы вы сейчас были в положении русских, что бы вы делали?» Он ответил: «Ничего!» Я возразил: «Я бы начал наступление, и именно на Львов!»

Фон Манштейн из разговора с начальником Генерального штаба понял, что о северном фланге своей группы армий он должен позаботиться сам. Фон Манштейн опасался того, что войска Красной Армии попытаются добиться решительного успеха на этом направлении. Если бы им удалось еще до наступления распутицы осуществить прорыв обращенного на север фронта 4-й танковой армии, то в их руках оказалась бы столь важная для снабжения всего южного фланга группы армий «Юг» железная дорога, идущая из Лемберга (Львов) через Жмеринку в южную Украину. В дальнейшем же, продолжая наступать на юг, войска Красной Армии могли выйти во фланг и тыл южного крыла Восточного фронта. Кроме того, фон Манштейн полагал, что командование Красной Армии использует большое незащищенное пространство, образовавшееся между северным флангом группы армий «Юг» и южным флангом группы армий «Центр», для сосредоточения перед ним новой сильной ударной группировки. Она могла бы совершить глубокий обход левого фланга группы армий «Юг» или нанести удар на Львов. В результате отхода левого фланга группы армий «Юг» ей

пришлось бы отступить на юг, возможно даже и на восток от Карпат.

По мнению фон Манштейна, северный фланг группы армий «Юг» следовало усилить до того момента, пока распутица временно не заставит войска Красной Армии прекратить наступление, а также на тот период, когда возобновятся боевые действия. Он полагал, что войска Красной Армии, безусловно, будут продолжать и дальше наступление на фронте группы армий «А» (6-я армия) и 8-й армии группы армий «Юг». По-прежнему перед ними открывалась перспектива разбить этот далеко выдвинутый вперед фланг, отбросить его до Черного моря или, во всяком случае, захватить переправы через Буг и позже через Днепр. Однако фон Манштейн считал, что на этом фланге в случае необходимости можно применить эластичную оборону и тем самым, благодаря вызванному этим значительному сокращению фронта 6-й армии, высвободить большие силы. Кроме того, он рассчитывал за нижним течением Буга или Днепра (во всяком случае, до бывшей румынской границы) занять крупными силами оборону, чтобы остановить наступление войск Красной Армии.

Когда 22 февраля войска Красной Армии перешли в наступление на южном фланге 8-й армии, фон Манштейн потребовал от Генштаба Сухопутных войск, чтобы ему была предоставлена свобода маневра для отхода. Он не собирался, да и не мог перебросить сюда новые силы, которые на других участках (на левом фланге группы армий «Юг») были гораздо более необходимы. Предпосылкой для отхода 8-й армии было, правда, присоединение к этому маневру 6-й армии, примыкавшей к группе армий «Юг» с юга и выдвинутой еще дальше на восток. В связи с этим фон Манштейн запросил согласия у ОКХ. Но Гитлер не дал его. Наоборот, группа армий «Юг» вынуждена была впоследствии передать 6-й армии еще две дивизии (3-я и 24-я танковые), когда ее слишком далеко выдвинутые вперед силы были разбиты противником.

Фон Манштейн, стремясь избежать такого развития событий, намечал перебросить на северный фланг группы армий «Юг» из состава 1-й танковой и 8-й армий 1-ю и 11-ю танковые дивизии, а также 16-ю танковую дивизию 3-го танкового корпуса. Впоследствии планировалось сосредоточить в районе Проскурова за 4-й танковой армией 17-ю танковую и артиллерийскую дивизии. Кроме того, в распоряжение командующего 4-й танковой армией из 1-й танковой и 8-й армий выделялись 7-я танковая дивизия, дивизия «Leibstandarte-SS Adolf Hitler» и 503-й батальон тяжелых танков. Эти соединения должны были войти в состав 48-

го танкового корпуса и сосредоточиться в районе Тарнополя. Одновременно 3-му танковому корпусу была поставлена задача предотвратить прорыв или остановить прорвавшиеся через фронт советские части севернее Проскурова. Соединения 48-го танкового корпуса должны были не допустить охвата западного фланга войск группы армий «Юг» советскими войсками, наносящими удар на Тарнополь. Три обещанные ОКХ пехотные дивизии (68, 357 и 359-я) также были направлены в распоряжение командующего 4-й танковой армией [452]. Для переброски этих дивизий с участков, занимаемых другими армиями, естественно, необходимо было время. К тому же дороги и транспортные возможности не позволяли произвести эту переброску в короткий промежуток времени. Поэтому их прибытие в районы, находившиеся за северным флангом группы армий «Юг», ожидалось не ранее середины марта.

В начале марта фон Манштейн отдал приказ о значительном расширении и перемещении полос, занимаемых армиями, в сторону северного фланга группы армий «Юг». 4-я танковая армия передала 1-й танковой армии участок полосы, заканчивавшийся в районе Шепетовки, и приняла участок восточнее линии Тарнополь, Дубно. В нем находились пока только формировавшийся 48-й танковый корпус, 13-й артиллерийский корпус, действовавший в районе Дубно, а также полицейская группа в районе Ковеля. В результате командующий 4-й танковой армией получил возможность руководить действиями войск в районе Тарнополь, Дубно, который теперь приобрел большое значение. 1-я танковая армия передала взамен свой участок фронта севернее Умани (7-й армейский корпус) 8-й армии. Правофланговый корпус 8-й армии, в свою очередь, по приказу ОКХ был передан 6-й армии.

В своих мемуарах фон Манштейн отмечал, что для него все же оставалось неясным, достаточны ли будут все эти мероприятия для того, чтобы остановить наступление войск Красной Армии, которое могло развернуться еще до распутицы. Во всяком случае, на тот период, который последует за распутицей, необходимо было, как неоднократно подчеркивал фон Манштейн в своих обращениях в ОКХ, направить в район Львова две армии с общим числом пятнадцать-двадцать дивизий. Это позволило бы предотвратить ожидавшийся со стороны войск Красной Армии обход северного фланга группы армий «Юг» с его уже описанными последствиями. Фон Манштейн понимал, что снятие сил с участков 8-й и 1-й танковой армий представляло большой риск для них. Противник, насколько ему позволят местность и погода, будет продолжать атаки и на их фронте с целью

прорваться в направлении на среднее течение Буга и на переправы через него от Винницы до Вознесенска (на стыке с 6-й армией).

Однако фон Манштейну в данной обстановке пришлось выбирать из двух зол наименьшее. *«Таким наименьшим злом было, безусловно, предоставление противнику возможности продвинуться вперед на левом фланге 1 танковой армии и на участке 8 армии,* – пишет он. – *Оперативных последствий такого продвижения можно было бы избежать отходом нашего соседа на юге – 6 армии – на юг за Буг или в худшем случае за Днепр. В случае решительного успеха противника на левом фланге группы армий его последствий с оперативной точки зрения нельзя было бы никак избежать. Не допустить его, не дать русским выйти глубоко во фланг групп армий "Юг" и "А" или к Лембергу (Львов), – в этом состояла оперативная цель, которую ставила перед собой группа армий на период до наступления полной распутицы. При этом необходимо было примириться с возможностью дальнейшего отхода нашего правого фланга, а тем самым и группы армий "А" на запад. Хотя состояние погоды не давало нашей воздушной разведке возможность установить, предпринял ли противник перегруппировку своих сил и где он их сосредоточивает, командование группы армий оценивало обстановку следующим образом. Появившийся впервые перед нашим фронтом 1 Белорусский фронт* [453] *, очевидно, будет сосредоточивать свои силы для обхода западного фланга группы армий в районе Ровно. 1 Украинский фронт будет наносить удар по обращенному фронтом на север участку по обе стороны от Проскурова, отошедшему теперь к 1 танковой армии. 2 Украинский фронт, как мы предполагали, возобновит удары по правому флангу 1 танковой армии и в полосе 8 армии и, если ему удастся форсировать Буг, продолжит наступление на Черновицы. 3 и 4 Украинские фронты будут продолжать попытки добиться успеха на правом фланге 8 армии и на участке 6 армии»* [454].

Таковы были оценка обстановки, сложившейся к середине февраля 1944 г., а также выводы фон Манштейна о возможном развитии событий. Посмотрим, насколько они совпадали с планами советского командования.

Ставка ВГК планировала нанести мощные удары на черновицком, уманско-ясском, николаевско-одесском направлениях, завершить разгром групп армий «Юг» и «А», освободить Правобережную Украину и выйти к Карпатам. Для достижения этих целей привлекались войска 1-го, 2-го и 3-го Украинских фронтов. Решающая роль отводилась армиям первых двух фронтов.

1-й Украинский фронт должен был наступать в общем направлении на Чортков и отрезать пути отхода основным силам группы армий «Юг» на запад, а 2-й Украинский фронт – нанести удар на Умань и далее к Днестру. Войскам 3-го Украинского фронта предстояло наступать на николаевско-одесском направлении и разгромить группу армий «А».

Перед 1-м Украинским фронтом оборонялись 4-я и 1-я танковые армии группы армий «Юг», поддерживаемые 4-м воздушным флотом. Советские войска превосходили противника в живой силе в 1,6 раза, в орудиях и минометах – в 2,1, в танках – в 1,3 раза; силы сторон в авиации были равными.

Цель и задачи войскам 1-го Украинского фронта были определены в директиве № 220029 Ставки ВГК от 18 февраля [455]. Она легла в основу плана Проскуровско-Черновицкой наступательной операции, разработанного 23 февраля командующим и штабом фронта при активном участии представителя Ставки ВГК маршала Г. К. Жукова [456].

Цель операции заключалась в разгроме группировки 4-й и 1-й танковых армий в районе Кременец, Старо-Константинов, Тарнополь и овладении к исходу двенадцатого дня рубежом Киселин, Горохув, Радзехув, Красне, Золочев, Тарнополь, Проскуров, Хмельники. В дальнейшем намечалось нанести удар в общем направлении на Чертков, чтобы отрезать южной группе войск противника пути отхода на запад в полосе севернее р. Днестр. Главный удар планировалось нанести с рубежа Дубно, Шепетовка, Любар силами 13-й, 61-й, 1-й гвардейской армий, 3-й гвардейской танковой и 4-й танковой армий при поддержке авиации фронта в южном направлении на Проскуров. На правом крыле фронта с рубежа Луцк, Броды планировалось продолжать наступление и главными силами овладеть рубежом Киселин, Радзехув, Красне, Зборов, где и закрепиться с задачей жесткой обороной обеспечить правое крыло фронта от атак противника с запада. По выходе на рубеж Тарнополь, Проскуров, Хмельники войска ударной группы фронта должны быть готовы к продолжению наступления в общем направлении на Чертков.

Танковые армии фронта намечалось использовать следующим образом.

4-я танковая армия вводилась в прорыв с рубежа Садки, Ляховцы с задачей нанести удар в юго-восточном направлении на Ямполь, Святец, Базалия, Черный Остров, Проскуров и во взаимодействии с 3-й гвардейской танковой армией к исходу 6—8-го дня операции овладеть районом Проскурова и выйти в район Черный Остров, Немычинцы, Гречаны. К исходу дня 28 февраля армия должна была сосредоточиться в районе Острог, Спивак,

Комаровка, Кривин.

3-ю гвардейскую танковую армию намечалось ввести в прорыв с рубежа Малая Шкаровка, Воробьевка с задачей, нанося удар в направлении на Старо-Константинов, Проскуров, к исходу второго дня операции овладеть районом Старо-Константинова. К исходу 6—8-го дня операции ей предстояло во взаимодействии с 4-й танковой армией выйти в район Проскуров, Деражня, Ярмолинцы. Войска 1-й танковой армии должны были выйти в район Тарнополя, сосредоточиться восточнее его в полосе 60-й армии в готовности нанести удар на юг, форсировать Днестр и освободить Северную Буковину [457].

На направлениях главных ударов армий предусматривалась следующая плотность артиллерии (с учетом 82-мм минометов) на 1 км фронта: в 13-й армии – 80 орудий, в 60-й – до 150 орудий (с учетом артиллерии 4-й танковой армии), в 1-й гвардейской – до 180–200 орудий (с учетом артиллерии 3-й гвардейской танковой армии). Продолжительность артиллерийской подготовки – 1,5 часа. В связи с необходимостью осуществления перегруппировки значительных сил с левого на правое крыло 1-го Украинского фронта намечалось начать наступление на главном направлении не ранее 3 марта.

Сталин 25 февраля утвердил план операции 1-го Украинского фронта. При этом было указано 3-ю гвардейскую и 4-ю танковые армии использовать с фронта главной группировки 60-й армии с задачей овладения районом Проскурова. 1-ю гвардейскую армию требовалось усилить танками и самоходными орудиями за счет имеющихся во фронте танковых бригад и самоходных полков. Наступление начать 3–5 марта [458].

В полосе 2-го Украинского фронта оборонялась 8-я армия группы армий «Юг» и часть сил 6-й армии группы армий «А». Наиболее сильная группировка действовала на уманском направлении. В первом эшелоне располагались 17 дивизий, в резерве – 5 дивизий, из которых 3 танковые, находившиеся на доукомплектовании, были сосредоточены в 20–60 км от линии фронта к северо-востоку от Умани. Более глубокие резервы располагались на удалении 80—150 км от линии фронта в районах восточнее Брацлава и Тульчина. Всего 8-я и часть сил 6-й армии насчитывала до 400 тыс. солдат и офицеров, около 3,5 тыс. орудий и минометов, до 450 танков и штурмовых орудий и около 500 самолетов [459]. Хотя соединения этих армий были сильно потрепаны в период Корсунь-Шевченковского сражения, они все-таки сохранили боеспособность.

Войска 2-го Украинского фронта насчитывали 691 тыс. человек, 8890 орудий и минометов всех калибров (в том числе

836 зенитных орудий), 670 исправных танков и САУ, 551 самолет [460]. Они превосходили 8-ю армию и часть сил 6-й армии в людях и танках в 1,5 раза, в артиллерии – в 2,5 раза; силы авиации были примерно равны.

18 февраля 1944 г. командующему 2-м Украинским фронтом маршалу Коневу была направлена директива № 220030 Ставки ВГК, в которой предписывалось подготовить наступательную операцию с включением в состав ударной группы фронта 27-й, 52-й, 4-й гвардейской армий, 5-й гвардейской танковой, 2-й и 6-й танковых армий. Этой группе предстояло нанести удар с фронта Виноград, Звенигород, Шпола в общем направлении на Умань с задачей разбить уманскую группировку противника и овладеть рубежом Лодыжин, Гайворон, Ново-Украинка. В дальнейшем приказывалось продолжать наступление с целью выхода на р. Днестр на участке (иск.) Могилев-Подольский, (иск.) Ягорлык. Начало наступления – 8—10 марта [461].

Эта директива легла в основу планирования Уманско-Ботошанской наступательной операции. 26 февраля представитель Ставки маршал Г.К. Жуков и командующий войсками 2-го Украинского фронта маршал И.С. Конев направили И.В. Сталину доклад № 00191/оп плана наступательной операции на уманско-ботошанском направлении [462].

Это весьма объемистый документ, а потому будем его излагать лишь частично. Исходя из задачи, поставленной Ставкой, маршалы Жуков и Конев планировали нанести два рассекающих удара, сосредоточивая основные усилия на уманском направлении. Цель – прорвать оборону войск противника на участке шириной 28–30 км. Вспомогательный удар предусматривалось нанести внутренними флангами 5-й и 7-й гвардейских армий на третий день операции в общем направлении на Ново-Украинку с целью разгромить ново-украинскую группировку противника и тем самым обеспечить проведение операции на главном направлении.

Операцию планировалось провести в два этапа. Первый этап включал подготовку и перегруппировку войск с 23 февраля по 5 марта, а также действия авангардов с 3 по 5 марта с задачей вскрыть оборону противника и улучшить исходное положение. Второй этап (с 6 по 18–20 марта) – прорыв обороны противника и овладение рубежом Ладыжин, Гайворон, Ново-Украинка.

В докладе подробно излагались задачи армий фронта к исходу первого дня, на второй и седьмой дни операции. 2-ю танковую армию намечалось в первый день операции ввести в прорыв на участке 27-й армии с задачей к исходу первого дня форсировать р. Горный Тикич, а на следующий день овладеть

главными силами районом Христиновка, Ягубец, Голяковка, а также выбросить передовые отряды на р. Южный Буг в районы Бершади и Осиевки.

5-я гвардейская танковая армия вводилась в первый день операции в прорыв на участке 4-й гвардейской армии. Ей также предстояло к исходу первого дня форсировать р. Горный Тикич, а на второй день захватить главными силами армии район Умань, Кочержинцы, Громы, Степковка и выбросить передовые отряды на р. Южный Буг в район Юзефполь, Голосково.

6-я танковая армия находилась во втором эшелоне ударной группировки фронта. Ее планировалось использовать для развития успеха в направлениях Ново-Архангельск, Ново-Украинка на соединение с 5-й гвардейской армией или, в зависимости от обстановки, на Умань. В резерв фронта был выделен 5-й гвардейский кавалерийский корпус.

В связи с тем, что фронт имел недостаточное количество авиации (всего 551 самолет), маршалы Жуков и Конев просили Сталина выделить дополнительно 50 самолетов Пе-2, 150–200 штурмовиков, 200 истребителей, 100 самолетов У-2.

27 февраля Сталин утвердил представленный план, но внес в него поправку: 6-ю танковую армию на Ново-Украинку не направлять, а использовать ее для развития удара на правом фланге главной группировки противника в общем направлении на Харитоновку.

В тот же день штаб 2-го Украинского фронта приступил к планированию операции. Одновременно маршал Конев с командующими армиями, начальниками родов войск, командирами корпусов и дивизий провел рекогносцировку на местности для определения наиболее целесообразного применения сил и средств в наступлении.

На главном направлении маршал Конев сосредоточил три общевойсковые и три танковые армии, до 60 % стрелковых дивизий, до 70 % артиллерии, все танковые и механизированные корпуса. На участке прорыва Чемерисское, Ольховец на 1 км фронта приходилось 148 орудий с учетом 82-мм минометов.

Артиллерийская подготовка предусматривалась продолжительностью 1 час 36 минут. Для ее проведения привлекалась артиллерия 40-й, 53-й, 2-й танковой и 5-й гвардейской танковой армий. Для непосредственной поддержки и сопровождения танковых армий было выделено 219 орудий, в том числе 125 для 2-й танковой армии. С целью обеспечения прорыва вражеской обороны 5-й и 7-й гвардейским армиям выделялась артиллерия, находившаяся непосредственно в полосах этих армий. Для стрельбы прямой наводкой в 27-й армии на участке

прорыва шириной 9 км было выделено 273 орудия. Большая часть этой артиллерии была малокалиберной, но наряду с орудиями малых калибров для стрельбы прямой наводкой по танкам, особенно «Тиграм», здесь имелось некоторое количество 152-мм пушек-гаубиц. В 52-й армии было выделено для ведения огня прямой наводкой 182 орудия, а в 4-й гвардейской армии – 197.

План артиллерийского наступления был разработан с учетом особенностей обороны противника. У противника не было сплошных траншей и прочных укреплений на избранном участке прорыва. Оборона в глубине была слабо насыщена огневыми средствами и инженерными сооружениями. Противнику не удалось полностью приспособить к обороне отдельные населенные пункты. Исходя из всего этого, командующий 2-м Украинским фронтом поставил артиллерии задачу мощным сосредоточенным огнем нанести врагу максимальное поражение в опорных пунктах. Часть легкой артиллерии предписывалось привлечь для подавления его батарей. С целью более надежного разрушения оборонительных сооружений на переднем крае маршал Конев приказал использовать тяжелую артиллерию и реактивные установки. Ненастная погода исключала привлечение авиации, поэтому план артиллерийского наступления строился таким образом, чтобы целиком обеспечить успех прорыва за счет артиллерии и танков.

По предложению командующего артиллерией фронта генерала Н.С. Фомина, в отличие от ранее проведенных операций, была исключена пауза между атакой и артиллерийской подготовкой, чтобы противник не сумел определить начало атаки. Артиллерийская поддержка атаки пехоты и танков планировалась методом последовательного сосредоточения огня и велась в течение 40 минут. При этом удару артиллерии должны были подвергаться главным образом опорные пункты врага, уцелевшие огневые точки, очаги сопротивления и инженерные сооружения с постоянным переносом огня в глубину.

5-й воздушной армии маршал Конев поставил следующие задачи: штурмовыми и бомбардировочными ударами содействовать прорыву обороны 27-й, 52-й и 4-й гвардейской армий; уничтожать артиллерийские и минометные батареи, танки и живую силу противника в тактической глубине; не допустить подхода танковых частей противника к участку прорыва от Христиновки и Умани; с началом развития прорыва поддержать штурмовой авиацией наступление 2-й и 5-й гвардейской танковых армий; прикрыть главную группировку войск фронта в районе Шубенный Став, Звенигородка, Лисянка.

По плану командующего 2-м Украинским фронтом,

бронетанковые и механизированные войска предусматривалось использовать следующим образом. Учитывая, что в танковых армиях недоставало 75 % боевых машин [463], маршал Конев решил использовать почти все танки и САУ (631 боевая машина) на направлении главного удара. Для непосредственной поддержки пехоты было выделено всего лишь 29 танков и 22 САУ отдельных танковых полков. Этого количества было явно недостаточно, а потому командующий фронтом приказал выделить из состава 2-й и 5-й гвардейской танковых армий передовые отряды с группами по 20–30 танков, которые действовали в первом эшелоне совместно со стрелковыми войсками.

Фронт располагал немалыми инженерными силами – 48 армейскими инженерными батальонами. На участке главного удара в первом эшелоне было сосредоточено 27 инженерных батальонов. Танковые армии имели по шесть инженерных батальонов. Кроме того, в резерве начальника инженерных войск фронта в районе Звенигородки был сосредоточен целый ряд других специальных частей. В среднем на 1 км фронта приходились один инженерный батальон или три саперные роты, а с учетом корпусных и дивизионных саперов – семь саперных рот.

Особое внимание уделялось подготовке к форсированию водных преград, таких как Горный Тикич, Южный Буг, Днестр, Прут. Все они почти не имели бродов. Их преодоление требовало не только значительных усилий и умения от всех родов войск, но и наличия инженерно-переправочных средств. Трудность заключалась в том, что часть этих средств из-за бездорожья отстала от войск. Поэтому маршал Конев заранее дал указания армиям, чтобы они, не снижая темпов продвижения войск, без инженерных переправочных средств начинали форсирование Горного Тикича и Южного Буга, используя местные подручные средства, а с выходом к рекам немедленно приступали к постройке низководных деревянных мостов. Командующим армиями также была поставлена задача принять все меры к захвату имевшихся переправ и переправочных средств у противника. От войск требовалось, чтобы они подходили к переправам раньше, чем туда успеет подойти противник.

Большое внимание командующий и штаб 2-го Украинского фронта уделяли организации разведки всех видов. В этом деле разведчикам активно помогали партизаны, которые добывали весьма ценные сведения о противнике. Всеми видами разведки удалось установить наличие укрепленных районов на рубеже Тыргу-Няму, Тыргу-Фрумос, а также количество, расположение и

конструкцию дотов. Эти данные подтверждали и пленные. По их показаниям, а также из захваченных документов врага удалось определить направление отхода дивизий и корпусов, подход и ввод в бой 7-й, 3-й, 11-й и 14-й танковых дивизий на уманском направлении, 5-й, 7-й, 8-й и 14-й пехотных дивизий – на могилево-подольском и ботошанском направлениях, 79-й пехотной, 23-й и 24-й танковых дивизий – на направлении Яссы и танковой дивизии СС «Totenkopf» – на кишиневском направлении.

Основным средством связи с началом наступления была радиосвязь, так как сеть постоянных линий связи была полностью разрушена. Тыл под руководством генерала В.И. Вострухова в сложных погодных условиях сумел к началу операции обеспечить потребности войск в основных материальных средствах и, главное, в боеприпасах. Однако танковые армии имели от 2,6 до 5 заправок дизтоплива и от 0,2 до 2,1 заправки автобензина. Этих запасов, конечно, было недостаточно для операции большого размаха.

Первыми в наступление 4 марта перешли войска 1-го Украинского фронта [464]. Одновременно во всей полосе 2-го Украинского фронта была проведена разведка боем с целью уточнения переднего края обороны противника, его огневых средств и улучшения исходного положения для наступления. В результате удалось подтвердить прежние данные о группировке противника, о силах и нумерации его частей, а также выявить ряд дополнительных данных об огневых средствах и системе огня.

5 марта в 6 часов 54 минуты на 2-м Украинском фронте началась артиллерийская подготовка. Погода в этот день была теплой. Утренний туман был настолько плотным, что местность просматривалась не далее чем на 100 м. В этих условиях действия авиации были исключены, а эффективность артиллерийской подготовки была несколько снижена, но вполне достаточна для обеспечения успеха атаки.

Маршал И.С. Конев в это время находился на наблюдательном пункте 52-й армии генерала К.А. Коротеева. После завершения артподготовки ударная группировка 2-го Украинского фронта перешла в наступление. Оно оказалось неожиданным для противника. Его первая позиция была прорвана на протяжении 30–35 км. После этого маршал Конев ввел в сражение 2-ю и 5-ю гвардейскую танковые армии с целью завершения прорыва тактической зоны обороны противника в первый же день операции.

2-я танковая армия была введена с рубежа Рубаный Мост, Рыжановка в полосе 27-й армии. В ее задачу входило совместно с

27-й армией уничтожить противостоящие части противника и в последующем развивать успех на левом фланге в общем направлении Чижовка, Ризино, Березовка, Монастыревка. В полосе 4-й гвардейской армии с рубежа Рыжановка, Ольховец была введена 5-я гвардейская танковая армия с задачей совместно с частями гвардейской армии и во взаимодействии с войсками 2-й танковой и 52-й армий уничтожить уманскую группировку противника. Такое использование танковых армий было обусловлено неглубоким построением обороны противника, низкими плотностями танков НПП, а также условиями весенней распутицы, когда замедление с их вводом могло привести к задержке развития прорыва.

В результате ввода в сражение обеих танковых армий оборона противника была взломана, и к исходу дня 5 марта ударная группировка фронта, продвинувшись на 13 км, вышла на рубеж Рубаный Мост, Ризино, Кобыляки, Гусаково. Соединения 40-й армии, развивая успех 27-й армии, овладели рядом населенных пунктов и окраиной села Кишенцы. Войска 27-й армии вышли на рубеж южнее села Кишенцы.

6 марта маршал Конев ввел в сражение еще одну танковую армию (6-ю) с целью обходным маневром с северо-запада захватить важный железнодорожный узел и опорный пункт противника – Христиновку. В дальнейшем ей предстояло наступать в юго-западном направлении на местечко и станцию Вапнярка, не давая возможности противнику отходить в южном и юго-западном направлениях.

Фон Манштейн предпринял решительные меры, чтобы остановить стремительное наступление войск 2-го Украинского фронта и, прежде всего, прикрыть отход главных сил группы армий «Юг» из района Умани. По его приказу части 13-й, 14-й и 11-й танковых дивизий, усиленные 228-й и 261-й бригадами штурмовых орудий, 7 марта нанесли контрудар. Однако войска фронта успешно отразили этот и последующие удары. К исходу дня соединения 6-й танковой армии совместно с частями 27-й армии овладели селом Кишенцы и завязали бой за Нестеровку. Войска 52-й армии вышли на рубеж западная окраина Попуженцы, Веселый Кут, а 4-я гвардейская армия продвинулась на глубину до 17 км. Войска 5-й гвардейской танковой армии, отразив контратаки 13-й и 14-й танковых дивизий врага, вышли на участке Кардашовка, Дальняя на северный берег р. Горный Тикич и завязали бои за переправы. Соединения 53-й армии, используя успех 4-й гвардейской армии, развернули наступление во фланг противника и, свертывая его оборону, подошли к населенному пункту Стебная. 2-я танковая армия, сломив

сопротивление врага на южном берегу Горного Тикича, вела бой в районе Поташа у железной дороги южнее и юго-западнее Желудькова.

Таким образом, войска 2-го Украинского фронта в течение трех дней на направлении главного удара расширили прорыв до 80 км и продвинулись в глубину вражеской обороны до 50 км. С выходом подвижных соединений на р. Горный Тикич были созданы благоприятные условия для нанесения удара на Христиновку и Умань.

В полосе 1-го Украинского фронта передовые части 60-й армии 7 марта вышли к Тарнополю, создав серьезную угрозу железной дороге Львов – Одесса – главной коммуникации всего южного стратегического крыла противника.

Фон Манштейн, оценив сложившуюся обстановку, сообщил в Генштаб Сухопутных войск, что ему ничего не остается, как попытаться выдержать этот натиск, пока наконец распутица не помешает советским войскам продолжать наступление. В то же время он считал необходимым по окончании распутицы перебросить в район Тарнополь, Луцк, Львов силы, которые смогли бы предотвратить прорыв войск 2-го Украинского фронта на Львов, Люблин или нанести им удар во фланг, если они попытаются наступать на Тарнополь с юга.

Командующий группой армий «Юг», стремясь не допустить захвата войсками 1-го Украинского фронта железной дороги Львов – Одесса, выдвинул на рубеж Тарнополь, Проскуров 9 танковых и 5 пехотных дивизий. Штаб 1-го Украинского фронта сумел заблаговременно вскрыть сосредоточение контрударной группировки противника. 7 марта она нанесла удар. В развернувшемся сражении с обеих сторон участвовало до 1300 танков, САУ и штурмовых орудий. 9 марта войска 1-го Украинского фронта овладели городом и железнодорожным узлом Старо-Константинов, ворвались в Тарнополь, где завязали уличные бои. 3-й Украинский фронт на левом фланге и в центре успешно форсировал р. Ингулец, вышел в район Новый Буг, Казанка и перерезал железную дорогу Долинское – Николаев.

Тяжелые бои в районе Тарнополя и Проскурова истощили главные силы 1-го Украинского фронта, которые 12 марта были вынуждены перейти к обороне. Они в ожесточенных боях, длившихся до 20 марта, отразили все удары фон Манштейна и одновременно вели подготовку к новому наступлению.

8 марта в наступление на Ново-Украинку перешли войска левого крыла 2-го Украинского фронта. Они прорвали оборону противника на участке шириной 12 км и продвинулись в глубину до 7 км. Такое незначительное продвижение объяснялось малой

плотностью артиллерии и почти полным отсутствием танков НПП. На уманском направлении армии фронта к исходу дня 9 марта продвинулись еще до 25–30 км и расширили фронт наступления до 170 км. Соединения 6-й танковой армии в этот же день стремительным ударом с двух сторон овладели Христиновкой.

К исходу дня 10 марта 29-й танковый корпус 5-й гвардейской танковой армии под командованием генерала И.Ф. Кириченко из района Машурова совершил 40-километровый бросок в тыл противника и ворвался на юго-восточную окраину Умани. В тот же день войска 2-й танковой армии во взаимодействии с 5-й гвардейской танковой и 52-й армиями полностью овладели Уманью, захватив свыше 500 исправных танков и более 350 орудий [465].

11 марта Ставка ВГК своей директивой потребовала от командующего 2-м Украинским фронтом, преследуя отходящего противника, не дать ему возможности организовать оборону на р. Южный Буг и овладеть рубежом Мурованно-Куриловцы, Могилев-Подольский, р. Днестр, захватив на реке переправы. Главную группировку фронта предписывалось вывести в район Могилев-Подольский, Ямполь. Одновременно левым крылом фронта предстояло наступать в направлении Ново-Украинка, Первомайск, Рыбница. В дальнейшем предписывалось овладеть районом Бельцы, Кишинев и выйти на р. Прут на государственную границу СССР [466].

В соответствии с директивой Ставки маршал Конев определил задачи войскам фронта. Главная группировка (40, 27, 52-я и 4-я гвардейская армии) должна была с ходу форсировать Южный Буг и развивать стремительное наступление к Днестру. Обеспечение ее действий с юга возлагалось на 53-ю армию, наступавшую после форсирования Южного Буга на Балту. На левом крыле фронта 7-й гвардейской армии предписывалось энергично преследовать отходящего противника, форсировать с ходу Южный Буг, выйти к Днестру в общем направлении на Первомайск, Рыбница и захватить переправы через реку.

Подвижные соединения намечалось использовать следующим образом. 6-я танковая армия должна была переправиться через Южный Буг в полосе 27-й армии, а с утра 14 марта наступать в направлении Вапнярки и к исходу дня овладеть ею. В дальнейшем танковой армии предстояло развивать наступление в направлении на Тамошполь, Боровку и захватить переправу через Днестр у Могилев-Подольского, Яруга. В задачу 2-й танковой армии входило форсирование Южного Буга у Джулинки и, развивая наступление в направлении на Жабокричку, Вапнярку,

овладеть 14 марта совместно с 6-й танковой армией Вапняркой. В дальнейшем 2-й танковой армии предписывалось развивать удар в направлении Дзыговки и захватить переправу на Днестре у Ямполя. От 5-й гвардейской танковой армии требовалось форсировать Южный Буг на участке Гайворон, Юзефполь и, развивая наступление, захватить переправу через Днестр у города Сороки.

В резерве маршала Конева находился 5-й кавалерийский корпус. Его планировалось ввести в сражение на рассвете 14 марта с задачей нанести удар из-за левого фланга 4-й гвардейской армии в общем направлении на Голованевск, Первомайск, разгромить отходящие части противника, перехватить его до отхода врага и выйти не позднее 16 марта к переправам через Южный Буг на участке Первомайск, Константиновка.

Фон Манштейн, стремясь не допустить окружения 8-й и 1-й танковой армий, решил 11 марта отвести 8-ю армию, а двумя днями позже и правый фланг 1-й танковой армии за Южный Буг. 3-му танковому корпусу, действовавшему на левом фланге 1-й танковой армии, была поставлена задача удерживать район Проскурова, чтобы возможно быстрее восстановить связь с 4-й танковой армией и облегчить положение на ее правом фланге. Задача 4-й танковой армии состояла в том, чтобы не позволить подвижным частям 2-го Украинского фронта прорваться восточнее Тарнополя на юг в направлении на Днестр и отбросить тем самым 1-ю танковую армию на юго-восток. Фон Манштейн также рассчитывал вводом в сражение дивизий, обещанных Главным командованием Сухопутных войск, снова восстановить сообщение по линии Львов, Тарнополь, Проскуров. В то же время командующий группой армий «Юг» не имел сил и средств для оказания помощи действовавшему на севере 13-му артиллерийскому корпусу.

Итак, как Конев, так и фон Манштейн ставили перед собой решительные цели. Их достижение теперь зависело от того, кто выиграет гонку за временем, сумеет правильно распорядиться имеющимися силами и средствами. Многое также зависело от того, получат оба командующих усиление или нет.

Сразу отметим, что войска правого крыла 2-го Украинского фронта достаточно уверенно наращивали темпы наступления. В одиннадцать часов вечера 11 марта к Южному Бугу вышел передовой отряд 2-й танковой армии с десантом стрелков и саперов на танках, имевший задачу захватить мост юго-западнее Джулинки. В это время по мосту переправлялись отступавшие части противника. Врезавшись в его колонны и разделившись на

две группы, танки отрезали противника от переправы и завязали бой. Одна группа танков с пехотой занялась уничтожением вражеского гарнизона в районе Джулинки и подходивших арьергардных частей противника, а другая – направилась к мосту для его захвата. Головной танк прорвался к мосту, но мост оказался минированным и был подорван противником. Его удалось восстановить только 13 марта.

В сложившейся обстановке передовой отряд 2-й танковой армии нашел выход из положения. Разведка определила, что в районе Шумилова глубина Южного Буга составляет не более 2 м. Поэтому было решено переправить танки под водой. Место переправы тщательно промерили и оборудовали подъездами и указателями. Выхлопные трубы танков были выведены наверх, все люки наглухо задраены, законопачены и промазаны солидолом. К середине дня 12 марта семь танков, преодолев по дну реку, неожиданно появились перед противником. Он вынужден был отступить, что позволило расширить захваченный плацдарм на участке Шумилово, Березки. Инженерные части незамедлительно приступили к восстановлению разрушенного 60-тонного моста, построенного немцами в Березках. В ночь на 14 марта по нему переправились подошедшие главные силы 2-й танковой армии и начали переправу части 52-й армии. 15 марта в Джулинках началось строительство второго моста, длиной 109 м и грузоподъемностью 10 тонн. В тяжелых условиях во время снежного бурана, разыгравшегося ночью, к утру 18 марта мост был построен. В этот же срок был построен мост в Шумилове, такой же грузоподъемности, но длиной 144 м. Мосты в Березках, Джулинках и Шумилове полностью обеспечили переправу войск 52-й и 2-й танковой армий.

Главные силы 5-й гвардейской танковой армии в связи с разрушением моста у Хощевато были направлены в полосу 52-й армии и переправились через Южный Буг в районе Березки. Успешно преодолели реку и войска 4-й гвардейской и 40-й армий.

К исходу дня 13 марта, на девятый день операции, войска 2-го Украинского фронта на направлении главного удара в основном достигли рубежей, намеченных планом и являвшихся ближайшей целью операции, поставленной первоначальной директивой Ставки. В ряде районов передовые части, переправившиеся через Южный Буг, захватили плацдарм глубиной до 10–12 км, что обеспечивало успешную переправу главных сил. После форсирования Южного Буга танковые армии устремились к Днестру.

В то время как войска правого крыла 2-го Украинского

фронта вели энергичное преследование противника, войска левого крыла (5-я и 7-я гвардейские армии и 5-й гвардейский кавалерийский корпус) продвигались очень медленно. Противник, опасаясь нового окружения, оказывал отчаянное сопротивление. В телеграмме от 15 марта, направленной маршалом Коневым командующим 5-й и 7-й гвардейскими армиями, указывалось:

«Преследование противника Вашими армиями идет медленно. Поймите, что противник бежит. Наши войска фронта уже ведут бой за Вапнярку. Вы оттягиваете левое крыло фронта, идете по сравнению с правым крылом фронта на 200 км сзади. Основной причиной медленных темпов преследования является:

1. Ведете войска равномерно по всему фронту и как гребенкой прочесываете всю местность. Нет смелого маневра с выходом на пути отхода противника. Нет кулака для уничтожения противника при его сопротивлении на основных направлениях. В связи с этим вы даете противнику уводить его живую силу и технику.

2. Отрыв управления армий, корпусов, дивизий от войск. Особо отстают тылы. Войска всегда требуют твердого управления. Крепкое управление обеспечивает высокие темпы, и войска делают чудеса» [467].

Маршал Конев приказал командующим армиями довести до сознания всех генералов и офицеров, что противник поспешно отходит и что задача заключается в том, чтобы смелее маневрировать, выходить на тылы врага, отрезать пути его отхода, захватывать живую силу и технику. От командиров дивизий и корпусов требовалось больше самостоятельности и инициативы. Далее в телеграмме говорилось:

«Создайте на основных направлениях ударные кулаки и подвижные отряды для смелого маневра по тылам врага с задачей уничтожать прикрытие противника, перерезать пути его отхода, уничтожать его живую силу и технику. На второстепенных направлениях выделите такие силы, которые способны будут при сопротивлении противника своими активными действиями сковать его, а при отходе противника освобождать населенные пункты от отдельных вражеских солдат. Главное – на основных направлениях глубже врезаться в расположение противника, не оглядываться назад и дезорганизовывать его план отхода, захватывая живую силу и технику. Не бояться, что противник по углубившемуся нашему боевому порядку способен нанести серьезный удар. Ведите разведку. Установите прочную связь по фронту. Сейчас же подготовьте отряды для захвата переправ противника на реке Южный Буг. Форсирование реки Южный Буг

провести с ходу, как это сделали армии правого крыла фронта. В соответствии с этими моими указаниями, требую решительно покончить с неправильной оценкой возможностей противника. Приказываю развернуть действительно смелое преследование».

Сосед 2-го Украинского фронта справа, 38-я армия 1-го Украинского фронта, 15 марта вышла на Южный Буг в районе Винницы на 60-километровом участке от слободы Мизяковская до Михайловки. Одна из дивизий этой армии форсировала реку и овладела плацдармом южнее Винницы в районе Ворошиловка, Шершни, Гута. Это позволило надежно обеспечить правый фланг 2-го Украинского фронта и ускорить темпы преследования противника войсками 40-й армии. На проскуровском направлении войска 1-го Украинского фронта отбивали контратаки крупных сил пехоты и танков противника, нанося ему большие потери. 3-й Украинский фронт к исходу дня 16 марта, разгромив противника в районе Березнеговатое, Снигиревка, овладел Бобринцом и Новой Одессой. В тот же день соединения 5-го механизированного корпуса 6-й танковой армии ударом с востока и 16-го танкового корпуса 2-й танковой армии с юго-востока освободили Вапнярку.

Фон Манштейн, вспоминая о событиях того времени, задавался вопросом: *«Как могло получиться, что противнику удалось так быстро добиться успеха? Ведь до сих пор все время удавалось регулировать темпы отхода, когда он становился необходимым, а также останавливать прорвавшегося противника либо препятствовать ему выйти на оперативный простор, по крайней мере, ограничить дальнейшее развитие его операций».*

Отвечая на поставленный вопрос, фон Манштейн пишет:

«Кроме подавляющего превосходства сил противника, причиной этому было, естественно, окончательное истощение сил наших войск. Немецкие дивизии в непрерывных боях с середины июля были буквально перемолоты. Численный состав полков достигал лишь незначительной части своей первоначальной величины, оставшиеся силы были также измотаны ввиду постоянного перенапряжения сил. Присланное нам очень небольшое пополнение, не имеющее военного опыта, не могло компенсировать потерь в опытных унтер-офицерах и солдатах. Ядро войск, следовательно, было в значительной степени израсходовано. Как можно было наносить эффективные контрудары, если, например, во всем танковом корпусе насчитывалось всего двадцать четыре исправных танка? Несмотря на это, войска совершали удивительные подвиги. Там, где удавалось собрать вокруг опытных, храбрых солдат и офицеров сколько-нибудь значительную группу, ей удавалось отражать атаки превосходивших ее сил противника. В общем, однако, просто

не хватало людей и техники, чтобы оборонять большие пространства, в которых часто во много раз превосходившему нас по численности противнику удавалось найти брешь для нанесения удара. Войска, во всяком случае, не виноваты в быстрых темпах продвижения противника. Тому, что в очень редких случаях отмечались проявления трусости, в сложившейся обстановке не приходится удивляться.

Если все, сказанное выше, относится ко всему участку группы армий, необходимо все же объяснить, почему именно на ее правом фланге, в полосе 8 армии и правого фланга 1 танковой армии, наступило такое резкое ухудшение обстановки. Командование обеих армий в этом не было виновно. Подобное развитие событий следовало объяснить тем, что на этом фланге группы армий не хватало тех 6 1/2 дивизий, которые после их освобождения из черкасского котла были отведены на пополнение в генерал-губернаторство. Их теперь нечем было заменить.

Кроме того, командование группы армий, как указывалось раньше, забрало у этих армий 2 танковых корпуса с шестью танковыми дивизиями, чтобы использовать их на левом фланге группы армий. Если бы эти силы были оставлены на месте, обстановка на фронте обеих армий, естественно, сложилась бы значительно лучше. Таким образом, командование группы, безусловно, несет ответственность за события на своем правом фланге» [468].

Фон Манштейн все-таки был офицером чести. Он умел признавать свои ошибки, не перекладывая всю вину на подчиненных.

Войска правого крыла 2-го Украинского фронта продолжали наращивать свои усилия. К вечеру 17 марта и на следующий день к Днестру на участок Яруга, Сороки протяженностью 50 км вышли передовые отряды 52-й и 2-й танковой армий. На этом участке противник имел два понтонных моста. Один из них был разобран и большей частью вывезен, а оставшиеся элементы сосредоточены на правом берегу р. Косауц. Второй понтонный мост был взорван противником. В ночь на 18 марта саперы 2-й танковой армии, вышедшие к реке вместе с передовыми отрядами, восстановили понтонный мост. За ночь под вражеским огнем мотопехота передовых отрядов переправилась на правый берег реки, вступила в бой с частями противника и к утру овладела плацдармом. Используя этот успех, саперы захватили понтонный мост и собрали 18 полупонтонов. В 10 часов первый понтон под грузы в 30 тонн стал действовать. На нем началась переправа артиллерии передовых отрядов 2-й танковой армии. С 20 марта саперы приступили к строительству постоянного моста

грузоподъемностью 45 тонн, по которому переправлялись танки, артиллерия и транспорты с боеприпасами.

В ночь на 19 марта в районе Серебрия, Яруга через Днестр переправился передовой отряд 6-й танковой армии. Теперь могилев-подольское направление, как того требовала Ставка ВГК, стало для 2-го Украинского фронта значительно более важным, чем первомайское.

Успешные действия войск правого крыла 2-го Украинского фронта создали реальную угрозу как для 1-й танковой армии группы армий «Юг», так и для группы армий «А», остановившей войска 3-го Украинского фронта на р. Южный Буг. Но надо было активизировать действия левого крыла 2-го Украинского фронта (53-я, 5-я гвардейская и 7-я гвардейская армии). 17 марта маршал Конев приказал им стремительно развивать наступление к Днестру, захватить переправы в районах Рыбницы и Дубоссар, а частью сил двинуться на Бендеры.

В то время как происходили эти события, фон Манштейн был вызван в Оберзальцберг на совещание к Гитлеру. За несколько дней до этого к нему прибыл адъютант вооруженных сил при фюрере генерал Шмундт. Он предложил командующему группой армий «Юг» подписать довольно странный документ, своего рода заверение всех генерал-фельдмаршалов о лояльности, адресованное Гитлеру, в связи с пропагандой, развернутой попавшим в плен под Сталинградом генералом фон Зейдлицем [469]. Так как уже все генерал-фельдмаршалы, кроме фон Манштейна, подписали этот документ, тому ничего не оставалось, как сделать то же самое. Если бы он отказался, это означало бы, что фон Манштейн сочувствует пропаганде фон Зейдлица. Тем не менее фон Манштейн сказал Шмундту, что как солдат считает подобный шаг излишним, немецкие солдаты не будут прислушиваться к пропаганде комитета «Свободная Германия». В этом он, как всегда, был прав.

В Оберзальцберге фон Манштейн 19 августа внес следующие предложения Гитлеру. Во-первых, немедленно отвести 6-ю армию за Днестр. Во-вторых, провести быстрый маневр крупными силами, которые будут высвобождены в 6-й армии, на север, в район между Днестром и Прутом (старая граница Румынии), для того, чтобы предотвратить отход 8-й армии с Днестра на юго-восток. В-третьих, немедленно усилить северный фланг группы армий «Юг» с целью предотвращения его отхода к Карпатам, а также прорыва советских войск на Львов. Фон Манштейн подчеркнул, что при таком решении вопроса придется примириться с тем, что между группами армий «А» и «Юг» останется брешь. Однако на это необходимо пойти, чтобы создать

надежную линию фронта севернее Карпат. В случае, если советские войска предпримут наступление через эту брешь в направлении на Венгрию и далее на Балканы, можно будет нанести по ним удар с севера в тыл, как только поступят подкрепления, которые Гитлер обещал дать в мае [470].

Фон Манштейн вновь заглянул далеко вперед, как ему это подсказывала его интуиция настоящего стратега. Но Гитлер не хотел признавать того факта, что фон Манштейн превосходит его в умении анализировать обстановку и делать правильные выводы. Фюреру необходим был положительный результат быстро и в конкретном месте. Поэтому он решил, что группа армий «А» останется на Буге. Фон Манштейну он лишь обещал провести второстепенные мероприятия для усиления северного фланга группы армий «Юг».

Дальнейший ход событий показал правоту фон Манштейна. К 20 марта войска левого крыла 2-го Украинского фронта наконец-то добились успеха. Соединения 5-й гвардейской армии вышли к Южному Бугу и завязали бои за Первомайск. Передовые отряды и главные силы 27-й армии форсировали реку по десантно-паромным переправам, построенным инженерными частями. 53-я армия двумя дивизиями форсировала в это время Южный Буг в районе Завалье и вела бой в районе Пужайково, Осички. На следующий день к реке подошли войска 7-й гвардейской армии и завязали бои за переправы. Войска правого крыла фронта в это время продолжали форсировать Днестр и вели боевые действия на его правом берегу, расширив захваченный плацдарм до 80 км по фронту и до 40 км – в глубину.

В то время как войска 2-го Украинского фронта развивали наступление, армии 1-го Украинского фронта готовились к операции на черновицком и львовском направлениях. Еще 10 марта командующий фронтом маршал Г.К. Жуков представил И.В. Сталину соответствующий доклад за № 7210 [471]. По выполнении ближайшей задачи фронта, т. е. по овладении Тарнополем, Проскуровом, планировалось после пяти-шестидневного перерыва продолжать наступление с целью выхода на р. Днестр и тем самым отрезать южной группе войск противника пути отхода на запад в полосе севернее Днестра. Главный удар силами 1-й и 4-й танковых армий, 1-й гвардейской и 60-й армий, усиленных артиллерией и при поддержке всей авиации фронта, намечалось нанести из района Тарнополь, Волочиск, Проскуров в общем направлении на Чертков, Каменец-Подольский. При этом 1-я танковая армия должна была к 16–17 марта завершить доукомплектование и сосредоточение в

районе Тарнополя. Из этого района ей предстояло нанести удар в направлении Трембовля, Чертков и овладеть районом Чертков, Цаповка, Торское, Заболотовка. Войскам 4-й танковой армии предписывалось нанести удар параллельно 1-й танковой армии из района Волочиска в направлении на Гусятин, Каменец-Подольска и овладеть районом Каменец-Подольска, Хотина.

Вспомогательный удар наносили 18-я и 38-я армии с рубежа Проскуров, р. Южный Буг до Райгорода в общем направлении на Новую Ушицу, Могилев-Подольский. В резерв командующего 1-м Украинским фронтом выделялись 3-я гвардейская танковая армия, 106-й стрелковый и 11-й танковый (без матчасти) корпуса. Всю операцию планировалось проводить в тесном взаимодействии со 2-м Украинским фронтом. Для доукомплектования 11-го и 31-го танковых корпусов маршал Жуков просил отпустить фронту 250–300 танков. Начало наступления – 20 марта, так как необходимо было подтянуть артиллерию, провести перегруппировку войск, подвезти горючее и боеприпасы.

11 марта Ставка ВГК, рассмотрев представленный план, своей директивой № 220052 приказала изменить направление наступления 18-й и 38-й армий, подняв их к северо-западу и нацелив на Каменец-Подольский в соответствии с новой левой разгранлинией фронта, установленной директивой Ставки [472]. Одновременно требовалось не ограничиваться выходом левого крыла фронта на Днестр, а форсировать его с ходу, развивая удар на Черновицы с целью занятия этого пункта и выхода на государственную границу СССР. После овладения рубежом Берестечко, Броды, Городище, Бучач предписывалось продолжать наступление с целью овладеть районом Львов, Перемышль и выйти правым крылом фронта на р. Западный Буг. В ускоренном порядке приказывалось доукомплектовать 3-ю гвардейскую танковую армию, а находившийся в резерве Ставки 11-й танковый корпус – во вторую очередь [473].

Перегруппировка войск 1-й танковой армии из района Погребище, где она находилась в резерве фронта, в выжидательный район была проведена в два этапа. На первом этапе армия совершила комбинированный 200-километровый марш до Белгородки. Танки и часть грузов перевозились по железной дороге, автотранспорт и артиллерия следовали своим ходом. От Белгородки войска совершили своим ходом 100-километровый марш. Из-за рано наступившей весенней распутицы танки шли со скоростью не более 1–2 км в час. Одновременно им приходилось тянуть на буксире от одной шоссейной дороги к другой колесные машины. Несмотря на все

сложности, главные силы армии к 17 марта вышли в район восточнее Тарнополя. Отстали лишь тылы, понтонный парк и часть артиллерии.

В ночь на 21 марта соединения 1-й танковой армии выдвинулись в первый эшелон 60-й армии и развернули по две бригады. Им предстояло вместе с артиллерией произвести короткий огневой налет по вражеской обороне при поддержке штурмовой авиации. Вслед за танками в атаку должна была перейти пехота.

Утром 21 марта войска 1-го Украинского фронта возобновили наступление. Его 60-я и 1-я гвардейская армии, 1, 4 и 3-я гвардейская танковые армии нанесли главный удар на юг, а 18-я и 38-я армии – на юго-запад и запад. Это положило начало одному из крупнейших в истории Великой Отечественной войны маневру на окружение. *«После нашего первого совместного удара в обороне гитлеровцев образовалась брешь шириной до 10 километров по фронту,* – вспоминал М.Е. Катуков. *– В нее-то и вошли танкисты, пехотинцы и стали преследовать отходившие разрозненные фашистские части. На правом фланге армии наступал 8-й гвардейский механизированный корпус, а на левом – 11-й гвардейский танковый корпус. Затем мы расширили брешь до 60 километров. Фронт 4-й немецкой танковой армии был разорван надвое. Преодолевая сопротивление противника, танкисты в непогоду за трое суток продвинулись на 120 километров и захватили важный узел магистральных дорог – город Чертков»* [474].

И.В. Сталин, ошибочно полагая, что для окружения 1-й танковой армии противника вполне хватит сил 1-го Украинского фронта, директивой № 220054 от 22 марта приказал войскам 2-го Украинского фронта оказать содействие 3-му Украинскому фронту. Его войска, встретив сильное сопротивление противника на нижнем течении р. Южный Буг, отстали от соединений маршала Конева. В директиве говорилось:

«1. 2-му Украинскому фронту своим левым крылом, включая 5 гв. ТА, нанести удар с фронта Кодыма, Песчана, Первомайск на юг, по восточному берегу р. Днестр, с задачей овладеть рубежом Бендеры, Тирасполь, Раздельная, отбрасывая противника к Черному морю и не допуская его отхода за р. Днестр.

2. Правым крылом фронта выйти на р. Прут, нанося одновременно удар силами одной-двух общевойсковых армий с двумя танковыми армиями на юг, по западному берегу р. Днестр, с задачей овладеть рубежом Унгены, Кишинев.

3. 5 гв. кк использовать для развития удара на Кишинев по западному берегу р. Днестр.

4. Наступление на юг, по западному берегу р. Днестр, начать не позднее 24–25.03.1944 г.

5. Наступление по восточному берегу р. Днестр продолжать» [475].

Реализация этого плана позволяла полностью прижать немецкую 6-ю армию к морю.

Командующий 2-м Украинским фронтом, выполняя директиву Ставки ВГК, приказал армиям правого крыла продолжать наступление с тем, чтобы выйти на р. Прут на участке Липканы, Яссы. Армии центра и левого крыла должны были продолжать наступление по обоим берегам Днестра в общем направлении на Бендеры с целью совместно с войсками 3-го Украинского фронта сжать группу противника между Днестровским лиманом и Черным морем. Ближайшая цель состояла в том, чтобы отрезать пути отхода противнику на запад, захватить переправы через Днестр у Рыбницы, Дубоссар, Бендер и овладеть Яссами, Кишиневом, Бендерами, Тирасполем и Раздельной. От войск 5-й гвардейской танковой армии требовалось, развивая всеми силами наступление на юг в общем направлении на Кадым, Слободку, Ставрово, Тирасполь, овладеть к вечеру 28 марта Бендерами и Тирасполем, захватить переправы на Днестре и отрезать пути отхода противнику на запад. На 6-ю танковую армию возлагалась задача по переходу с утра 24 марта в решительное наступление и к исходу дня 26 марта овладению районом Унгены, (иск.) Пырлица, Петешты. В дальнейшем приказывалось развивать наступление на бендерском направлении, а ударом с юга содействовать 2-й танковой армии в захвате Кишинева. С выходом в район Скулян 6-я танковая армия должна была выделить сильный разведывательный отряд на Яссы и Хуши. 2-й танковой армии приказывалось к исходу дня 29 марта овладеть Кишиневом и развить удар на Бендеры с целью отрезать противника от переправ на Днестре.

С утра 22 марта войска 2-го Украинского фронта продолжили наступление. Соединения 5-й гвардейской армии овладели Первомайском, форсировали Южный Буг и вели бои по расширению плацдарма. Части 5-й гвардейской танковой армии развивали наступление на железнодорожную станцию Рыбница. Однако, пройдя с боями до 80 км, ее корпуса к вечеру 23 марта вынуждены были остановиться из-за нехватки горючего. В 20-м танковом корпусе в баках танков имелось всего 20–40 литров дизтоплива, а в 18-м танковом корпусе – 10–15 литров. По распоряжению маршала Конева с самолетов Ли-2 было сброшено на парашютах 15 т горючего. Это позволило танковым частям возобновить наступление.

Однако фон Манштейн не сдавался. 22 марта он направил генералу Цейтцлеру доклад, в котором отмечал, что состояние войск и сложившаяся обстановка не позволяют восстановить сплошной фронт между 1-й танковой и 8-й армиями. Поэтому он предложил переподчинить 8-ю армию командующему группой армий «А», которой следовало прикрыть подступы к Румынии, в то время как группа армий «Юг» должна не допустить продвижения советских войск севернее Карпат на запад. С этой целью намечалось войсками 4-й танковой армии удерживать занимаемый рубеж, выделив для нее дополнительные силы. 1-й танковой армии предстояло, в первую очередь, восстановить связь с 4-й танковой армией и не дать отбросить себя на юг. Между обеими группами армий перевалы через Карпаты должна была прикрыть венгерская армия [476].

23 марта фон Манштейн обратился с просьбой в Генштаб Сухопутных войск срочно перебросить группе армий «Юг» усиление, чтобы выбить советские войска из тылового района 1-й танковой армии. Ответ пришел на следующий день: 1-я танковая армия должна продолжать удерживать свой растянутый фронт, обращенный на восток и северо-восток, удлинить его до Тарнополя, а также выбить советские войска из своего тылового района. В полдень 24 марта фон Манштейн доложил, что если до 15 часов не будет принято соответствующее решение, то он прикажет 1-й танковой армии прорваться на запад. В четыре часа дня командующему группой армий «Юг» сообщили, что Гитлер одобрил это решение, потребовав от войск 1-й танковой армии удерживать участок фронта между Днестром и Тарнополем. Фон Манштейн по телефону доложил генералу Цейтцлеру, что требование фюрера невозможно выполнить. Начальник Генштаба Сухопутных войск ответил, что решения Гитлера продиктованы тем, что он не понимает всей серьезности создавшегося положения. Фон Манштейну было приказано явиться 25 марта в ставку Гитлера для доклада.

Пока фон Манштейн добирался до Ставки, передовые части 1-й танковой армии генерала М.Е. Катукова к исходу дня 25 марта вышли к Днестру. Соединения 4-й танковой армии генерала Д.Д. Лелюшенко заняли 26 марта Каменец-Подольский. 3-я гвардейская танковая армия генерала П.С. Рыбалко, действуя совместно с 1-й гвардейской армией, вышла к городу с севера.

Войска 2-го Украинского фронта 25 марта вышли на р. Прут, а на следующий день передовые отряды 27-й и 52-й армий уже занимали 85-километровый участок вдоль советско-румынской границы. К этому времени танковые армии понесли значительные потери в материальной части, главным образом по техническим

причинам, из-за бездорожья и грязи. Всего в 5-й гвардейской, 2-й и 6-й танковых армиях насчитывалось 85 танков и 25 САУ [477].

26 марта маршал Конев доложил Сталину, что войска 2-го Украинского фронта, прорвав 5 марта западнее Звенигородка оборону противника и разгромив его уманско-христиновскую группировку, с ходу форсировали реки Южный Буг и Днестр, а к исходу дня 25 марта вышли к государственной границе на р. Прут, овладев городом Бельцы. Всего за 21 день в условиях распутицы и бездорожья войска фронта на главном направлении прошли с упорными боями свыше 320 км. При этом были разгромлены и нанесено поражение войскам 8-й и 1-й танковой армий, в том числе 9 танковым, одной моторизованной и 14 пехотным дивизиям. По данным штаба фронта, противник оставил на поле боя свыше 62 тыс. убитыми, в плен взято 18 763 солдата и офицера, захвачено и уничтожено свыше 600 танков, 225 бронетранспортеров, 1275 орудий всех систем и калибров, 775 минометов [478].

Маршалу Коневу было чем порадовать своего Верховного Главнокомандующего. Его противнику, генерал-фельдмаршалу фон Манштейну, оставалось только срочно принимать меры к спасению своих войск.

25 марта фон Манштейн прибыл в Бергхоф, где был принят Гитлером. Командующий группой армий «Юг» доложил, что соединения 1-й танковой армии выбились из сил и испытывают трудности в снабжении, а потому неспособны сдерживать натиск войск Красной Армии. В сложившейся обстановке, по мнению фон Манштейна, выход был лишь один: пробиваться танковыми соединениями 1-й танковой армии на запад, чтобы восстановить ее тыловые коммуникации и связь с 4-й танковой армией. Этим командующий группой армий «Юг» надеялся отрезать тылы обеих советских армий, действовавших в тылу 1-й танковой армии. Фон Манштейн отрицательно отнесся к плану командующего 1-й танковой армией генерала Хубе, который намечал отвести ее на южный берег Днестра. Фон Манштейн считал необходимым сосредоточить 1-ю и 4-ю танковые армии севернее Карпат, а отступление 1-й танковой армии на южный берег Днестра могло привести к ее новому окружению, а затем и к уничтожению. Командующий группой армий «Юг» полагал, что для достижения прорыва 1-й танковой армии на запад необходимо силами 4-й танковой армии нанести встречный удар, приняв меры по ее усилению.

Гитлер быстро остудил пыл фон Манштейна, заявив, что он не имеет возможности выделить необходимые силы для реализации этого плана. Ему приходится считаться с

вероятностью вторжения англо-американских войск на Западе, а потому он не может снимать оттуда ни одного соединения. Кроме того, фюрер считал необходимым дальнейшее пребывание войск вермахта в Венгрии по политическим соображениям. Гитлер не был согласен с тем, что неизбежным следствием прорыва 1-й танковой армии на запад должен явиться соответствующий перенос линии фронта, обращенного на восток.

«После моего доклада произошел резкий спор между Гитлером и мною, – вспоминал фон Манштейн, – *во время которого он попытался свалить на меня вину за неблагоприятное развитие событий на фронте группы армий. Уже несколькими днями раньше генерал Цейтцлер сказал мне, что Гитлер как-то высказался, что штаб группы армий неразумно расходовал выделявшиеся ему силы. Я просил Цейтцлера сказать Гитлеру от моего имени, что штаб группы армий не имел иного выбора, как использовать выделявшиеся нам дивизии по отдельности, так как мы получали их в наше распоряжение только по отдельности и, как правило, слишком поздно. Если бы Гитлер когда-либо – хотя бы и спустя большой промежуток времени – обещал бы нам значительные силы, которые мы все время требовали для северного фланга, или предоставил бы нам свободу действий на южном фланге, ему не пришлось бы теперь жаловаться на то, что выделявшихся нам по частям сил оказалось недостаточно. Генерал Цейтцлер был вполне солидарен со мной. Действительно, это было решающим обстоятельством для всего хода операции "Цитадель"»* [479].

Гитлер заявил:

– Мы хотели всегда придавать боевым действиям только маневренный характер. Осенью мне говорили, что Днепр будет удержан. Но едва я скрепя сердце дал свое согласие на отступление за эту реку, как мне заявили, что надо отступать дальше, так как произошел прорыв под Киевом.

– Так оно и должно было получиться, – отвечал фон Манштейн. – По вашему указанию, мой фюрер, силы нашего южного фланга получили задачу удержать Донбасс, а позже и Днепровский район, в то время как мы могли бы их использовать для усиления нашего северного фланга.

– По данным воздушной разведки, были отмечены всего-навсего отдельные танки противника, от которых бежали целые войсковые части, – стал утверждать Гитлер, – а из-за этого непрерывно отводится назад линия фронта.

– Если войска не могут более держаться на отдельных участках, то это объясняется их чрезмерной усталостью, истощением сил и сокращением численности, – резко возразил фон Манштейн. – Командование группы армий «Юг» достаточно

часто указывало на то, что при таких чрезмерно растянутых фронтах и таком состоянии войск, получающих недостаточное пополнение, должен наступить момент, когда силы войск будут исчерпаны. То, что командование группы армий ни в коем случае не может быть обвинено в мягкости, доказывает факт произведенной нами замены целого ряда командиров среднего звена. Все они являются испытанными и храбрыми войсковыми командирами, которые, однако, не смогли противодействовать ослаблению духа сопротивления в своих войсках. Тот факт, что обе вновь сформированные дивизии, включенные в состав 4-й танковой армии, оказались разгромленными танковыми соединениями противника, насчитывающими 200 машин, объясняется их недостаточной подготовкой и отсутствием боевого опыта. Об этом мы также доносили достаточно часто. Смею полагать, что существует единство точек зрения относительно того, что 1-я танковая армия, сосредоточив свои танковые силы, должна пробиваться на запад: во-первых, чтобы восстановить связь с 4-й танковой армией; во-вторых, чтобы вернуть себе свои тыловые коммуникации. Далее, прочие силы должны прикрывать эту операцию с севера и востока. Где это окажется возможным, покажет обстановка. Но приказ 1-й танковой армии я должен отдать еще сегодня. Успеха можно ожидать только при условии, если 4-я танковая армия будет иметь возможность нанести удар с запада навстречу 1-й танковой армии.

Все доводы фон Манштейна не были приняты во внимание. Гитлер снова отклонил требования командующего группой армий «Юг». Он, выйдя из кабинета фюрера, попросил вызвать генерала Шмундта. Фон Манштейн обратился к нему с просьбой доложить Гитлеру, что считает нецелесообразным для него в дальнейшем командовать группой армий, если фюрер не согласится принять его предложения. Фон Манштейн просил его поручить командование группой армий кому-либо другому, если фюрер считает невозможным поддержать его точку зрения и предложенные мероприятия.

После обеда на квартиру фон Манштейна позвонил начальник штаба группы армий «Юг» генерал Буссе. Он сообщил, что командующий 1-й танковой армией генерал-полковник Хубе настойчиво предлагает не пробиваться на запад, а отступить на юг, за Днестр. Вечером из армии пришла радиограмма, в которой вновь указывалось, что прорыв на запад неосуществим, а прорыв на юг является необходимостью. На первое предложение командующего 1-й танковой армией генерал Буссе ответил отрицательно, но просил у фон Манштейна окончательного решения. Тот сказал, что по-прежнему считает необходимым

осуществить прорыв на запад.

На вечернем докладе настроение Гитлера изменилось коренным образом. Он сказал:

– Я обдумал все еще раз, я согласен с вашим планом относительно прорыва 1-й танковой армии на запад. Я также решился скрепя сердце включить в предлагаемую вами ударную группу 4-й танковой армии вновь сформированный на западе танковый корпус СС в составе 9-й и 10-й танковых дивизий СС, а также 100-ю горнострелковую дивизию из Венгрии и 367-ю пехотную дивизию.

Фон Манштейн доложил:

– Я отклонил новое предложение генерала Хубе прорываться на юг и настоял на прорыве армии на запад. По моему мнению, прорыв на запад увенчается успехом, так как обе вражеские танковые армии, видимо, распылят свои силы в направлении переправ через Днепр.

Используя неожиданную уступчивость Гитлера, фон Манштейн изложил свое видение относительно дальнейшего развития событий на фронте. Задача группы армий «Юг» должна заключаться в том, чтобы создать стабильный фронт в районе между Карпатами и Припятскими болотами. С этой целью было приказано сосредоточить венгерскую 1-ю армию севернее Карпат в районе Стрый для обороны местности между горным хребтом и верхним Днестром. 8-ю армию предлагалось включить в состав группы армий «А» для защиты границ Румынии. Фон Манштейн также внес предложение создать единое командование для всего южного крыла, включая армии союзников. Он, учитывая необходимость защиты границ Румынии, полагал возможным назначить командующим маршала Антонеску, придав ему статус немецкого начальника штаба. Однако Гитлер не захотел обсуждать этот вопрос. Он сказал лишь, что маршал Антонеску по политическим мотивам отклонит подобное предложение.

Утром 26 марта фон Манштейн вылетел обратно в штаб группы армий «Юг». Как и обещал Гитлер, 8-я армия была передана в подчинение командующему группой армий «А». На следующий день фон Манштейн прибыл в штаб 4-й танковой армии, чтобы обсудить вопрос о проведении удара, который армия вместе с обещанными ей Гитлером новыми силами должна осуществить навстречу 1-й танковой армии. Командующий 4-й танковой армией генерал Раусс был уверен, что ему удастся восстановить связь с 1-й танковой армией, хотя и высказывал опасения за удерживаемый им участок фронта. К этому времени был окружен Тарнополь, объявленный Гитлером «крепостью». Такая же угроза нависла над 13-м артиллерийским корпусом на

левом фланге группы армий «Юг» в районе Броды. Однако здесь удалось избежать окружения.

Каковы же были планы советской Ставки?

26 марта командующий 2-м Украинским фронтом маршал Конев получил директиву № 220058 Ставки ВГК, в которой говорилось:

«С выходом войск правого крыла фронта на р. Прут захватить переправы и обеспечить эти переправы занятием на правом берегу р. Прут предмостных плацдармов, каждый протяжением по фронту 15–25 км и в глубину не менее 10–12 км, которые прочно за собой закрепить. Главным силам правого крыла фронта закрепиться на левом берегу р. Прут и организовать оборону, подтянуть артиллерию усиления, тылы и своим устойчивым положением на р. Прут обеспечивать наступление главных сил фронта на юг по обоим берегам р. Днестр. Наступление к западу от р. Прут начинать только по особому приказу Ставки» [480].

В соответствии с этой директивой маршал Конев уточнил задачи армиям фронта. Войска 4-й гвардейской армии, усиленные 75-м стрелковым корпусом, должны были наступать на Кишинев. Для развития наступления намечалось использовать 5-й гвардейский Донской кавалерийский корпус, которому предстояло к исходу дня 30 марта захватить переправы через реки Реут и Оргеев, отрезать противника от переправ на Днестре на участке Рыбница, Дубоссары и не допустить его прорыва на правобережье реки. Войскам 5-й гвардейской танковой и 5-й гвардейской армий приказывалось наступать по левому берегу Днестра.

В ночь на 28 марта войска правого крыла 2-го Украинского фронта форсировали Прут и заняли ближние подступы к Яссам и Кишиневу, где встретили ожесточенное сопротивление противника. Он, сдерживая наступление 3-го Украинского фронта, перебрасывал силы на кишиневское направление, то есть против войск 2-го Украинского фронта, идущих на выручку войскам 3-го Украинского фронта.

В полосе 1-го Украинского фронта передовой отряд 1-й танковой армии (64-я гвардейская танковая бригада подполковника И.Н. Бойко), преодолев за семь часов около 80 км, форсировал Днестр. После этого отряд внезапной ночной атакой овладел железнодорожной станцией Могли, расположенной севернее Черновиц (с 1944 г. Черновцы). Днем 28 марта он преодолел вброд Прут и вышел на подступы к Черновицам с юго-востока. Удар 64-й гвардейской танковой бригады нарастил 11-й гвардейский танковый корпус. Его 45-я гвардейская танковая бригада и приданная корпусу 24-я стрелковая дивизия

форсировали Прут северо-западнее Черновиц и приступили к охвату города с запада. Стремясь предотвратить угрозу окружения, части черновицкого гарнизона начали отходить на юг. 29 марта соединения 1-й танковой армии освободили Черновицы. Пока шла напряженная борьба за город, соединения 8-го гвардейского механизированного корпуса развивали стремительное наступление на Коломыю, Станислав. 28 марта части 1-й гвардейской танковой бригады заняли железнодорожную станцию Коломыя.

Гитлеру, уступившему настойчивым требованиям фон Манштейна, стало в тягость такое сотрудничество с командующим группой армий «Юг». То же относилось и к командующему группой армий «А» генерал-фельдмаршалу фон Клейсту, который добивался отвода своих войск на нижний Днестр. Утром 30 марта фон Манштейн был разбужен неожиданным известием, что самолет Гитлера «Кондор», который уже забрал на борт фон Клейста в его штабе, вскоре должен приземлиться во Львове. На этом самолете обоим генерал-фельдмаршалам предстояло вылететь в Оберзальцберг. В это время начальник штаба группы армий «Юг» разговаривал с генералом Цейтцлером, который сообщил, что Гитлер хочет снять фон Клейста и фон Манштейна с их постов. По прибытии в Берхтесгаден их встретил начальник Генштаба Сухопутных войск. Он сообщил, что Геринг и Гиммлер, а вероятно, также и Кейтель вновь предприняли нападки на фон Манштейна и фон Клейста. По словам Цейтцлера, это способствовало тому, что Гитлер решил расстаться с фон Клейстом и фон Манштейном. Когда Гитлер сообщил Цейтцлеру о своем намерении, тот немедленно потребовал своего увольнения, ибо был полностью согласен с фон Манштейном и не мог оставаться, если он уйдет. Но Гитлер грубо отклонил просьбу Цейтцлера, которая была затем повторена и в письменной форме.

Описание своей последней встречи с Гитлером фон Манштейн сделал в своем дневнике:

«Вечером у фюрера. После вручения мечей [481] *он заявил мне, что решил передать командование группой армий другому генералу (Моделю). На востоке прошло время операций крупного масштаба, для которых я особенно подходил. Здесь важно теперь просто упорно удерживать позиции. Начало этого нового метода управления войсками должно быть связано с новым именем и новым девизом. Отсюда – смена командования группой армий, наименование которой он также намеревается изменить.*

Он, Гитлер, хочет решительно подчеркнуть, что между нами ни в коем случае нет атмосферы недоверия, как это имело место

ранее в случаях с другими фельдмаршалами (имена которых он назвал). Он, Гитлер, по-прежнему вполне доверяет мне. Он также никогда не находил каких-либо недостатков в управлении группой армий, более того, был совершенно согласен с командованием группы. Но ему также ясно, продолжал Гитлер, что в течение полутора лет командование группы армий несло слишком тяжелое бремя ответственности и поэтому отдых кажется вполне заслуженным. Он знает, что я один из его способнейших командиров, поэтому он вскоре снова хочет меня использовать. Но в данное время на востоке для меня нет задач. Для того, что там теперь предстоит делать, наиболее подходящим ему казался Модель, который остановил отступление группы армий "Север", проходившее в тяжелой обстановке. Еще раз заверив меня в полном доверии, фюрер заявил мне еще, что никогда не забудет, что перед походом на запад я был единственным, сказавшим ему, что прорыв у Седана мог и должен был означать не только одно выигранное сражение, но и оказать решающее влияние на ход всей кампании на западе» [482].

Фон Манштейн, выслушав Гитлера, сказал:

– Я, безусловно, ничего не могу возразить, поскольку вы считаете возможным при данной обстановке успешнее решать задачи, работая с другим командующим. Я могу передать командование Моделю без существенного ущерба для дела, так как мною уже приняты решающие меры по спасению 1-й танковой армии. Это, во-первых, ваше решение перебросить с запада танковый корпус СС, а во-вторых, мой приказ армии пробиваться на запад севернее Днестра. Тем самым сделано то, что должно в основном делать в настоящее время командование группы армий. В дальнейшем важно будет только, чтобы командование организовало помощь и моральную поддержку войскам. Модель с этим также справится.

Гитлер с живостью согласился с предложением фон Манштейна.

– Модель будет особенно подходящим для этого человеком, – сказал фюрер. – Он будет носиться по всем дивизиям и выжмет из войск последнее.

На это фон Манштейн ответил:

– Мой фюрер, дивизии группы армий под моим командованием уже давно отдали последнее, и другому не удастся выжать из них ничего более.

Одновременно с должности был снят и уволен в запас командующий группой армий «А» генерал-фельдмаршал фон Клейст, которого сменил генерал Ф. Шернер.

31 марта фон Манштейн вылетел обратно во Львов. В связи с

тем, что его преемника задержала в Кракове метель, фон Манштейн 1 апреля отдал последний приказ по группе армий «Юг» с целью обеспечить взаимодействие обеих танковых армий во время операции по прорыву. После обеда он посетил 4-ю танковую армию, где обсудил с генералом Рауссом вопросы использования прибывающего танкового корпуса СС, а также простился с ним. С командующими другими армиями, находившимися в его подчинении, фон Манштейн смог проститься лишь письменно. 2 апреля вечером он передал командование группой армий «Юг» Моделю, а на следующий день покинул Львов. Но его замыслы были претворены в жизнь.

4 апреля командующий 4-й танковой армией, сосредоточив усилия пяти дивизий на двух участках, где в 40-километровой полосе оборонялись только две ослабленные в предыдущих боях советские дивизии, перешел в наступление. В течение двух дней деблокирующая группа продвинулась на 40 с лишним километров, отбросив эти дивизии за Днестр. Окруженные войска 1-й танковой армии нанесли встречный удар и 7 апреля соединились с деблокирующей группой в районе населенного пункта Бучач.

Э. фон Манштейн в своих мемуарах отмечал, что к 9 апреля 1-я танковая армия была освобождена, не указав при этом, какой ценой обошелся прорыв на запад. По оценке маршала Г.К. Жукова, окруженная группировка понесла огромные потери, от некоторых соединений остались только штабы. *«Сколько гитлеровцев прорвалось из окружения,* – отмечал Жуков, – *ни я, ни штаб фронта точно установить так и не смогли. Назывались разные цифры. Как потом оказалось, вышли из окружения не десятки танков с десантом, как тогда доносили войска, а значительно больше»* [483].

Немецкому командованию в результате прорыва 1-й танковой армии из окружения удалось уплотнить свои войска на львовском направлении. Это не позволило войскам 1-го Украинского фронта прорваться к Львову, как планировал маршал Жуков и требовал Сталин, ибо ни фронт, ни Ставка ВГК не имели в своем распоряжении необходимых резервов. К тому же часть резервных сил фронта (танковый корпус, кавалерийская дивизия и ряд других соединений) была задействована в борьбе с отрядами украинских националистов. 17 апреля войска 1-го Украинского фронта в соответствии с директивой Ставки ВГК перешли к жесткой обороне.

Войска 2-го Украинского фронта продолжали наступление на кишиневском направлении. Но время было упущено. Противник перебросил сюда четыре пехотные (123, 62, 46, 79-я), одну

танковую (24-я) дивизии и ряд частей, отведенных с левого берега Днестра. Они оказали упорное сопротивление войскам маршала Конева. Им, правда, удалось выйти на р. Серет и захватить плацдарм на ее западном берегу. Но соединения 2-й танковой армии, имевшей всего 20 танков, не сумели овладеть Кишиневом, как планировал маршал Конев. Это вынудило войска фронта в середине апреля перейти к обороне на достигнутом рубеже.

На этом завершилась Уманско-Ботошанская операция, в ходе которой была разгромлена 8-я армия, а также частично 1-я танковая армия и рассечен фронт группы армий «Юг». Десять ее дивизий потеряли 50–75 % личного состава и почти все тяжелое вооружение. Войска 2-го Украинского фронта продвинулись на 200–250 км, освободили значительную территорию Правобережной Украины и Молдавии, вышли в северо-восточные районы Румынии.

Фон Манштейн снова ушел от маршала Конева непобежденным, хотя в этом ему помогло не искусство полководца, а неожиданная отставка. *«Что касалось меня лично, то отстранение от командования означало для меня освобождение от ответственности, переносить которую в данных условиях становилось все труднее,* – писал фон Манштейн. – *Это бремя ответственности заключалось не столько в чрезвычайно высоких требованиях, которые предъявляла к войскам и командованию длившаяся беспрерывно вот уже 9 месяцев борьба с противником, имевшим подавляющее превосходство в силах. В этой борьбе мы всегда находили выход из трудного положения, шла ли речь о том, чтобы остановить наступление противника, или о том, чтобы и в обороне наносить ему удары, в результате которых он лишался возможности одержать, казалось, совсем близкую победу»* [484].

Глава 9
Манштейн и Бундесвер

Фон Манштейн, получив от Гитлера право на «отдых», покинул фронт. Теперь у него появилась возможность заняться своим здоровьем. В глазной клинике при госпитале в Бреслау ему сделали операцию, после которой он восстанавливался на природе, недалеко от Дрездена.

Фон Манштейн, отдавший военной службе почти сорок четыре года своей жизни, уже не мыслил себя вне армии. Он втайне надеялся, что его опыт и знания пригодятся вермахту и что Гитлер вспомнит о нем. Но время шло, а отставной генерал-фельдмаршал все находился не у дел. И тогда он решает напомнить о себе. В конце августа 1944 г. фон Манштейн направил генералу Гудериану письмо следующего содержания:

«Когда в конце марта я побывал у фюрера, он сказал мне, что в обозримом будущем хочет подыскать мне применение.

Между тем должности командования на Востоке заняты заново и почти все группы армий получили новых главнокомандующих, мою же кандидатуру не приняли в расчет. Мне приходится сделать вывод, что фюрер пока не рассматривает вопрос моего назначения. Вы понимаете, исходя из вашего собственного опыта, каким безрадостным является для меня это состояние бездеятельности. Мне сейчас, пожалуй, еще хуже, чем было вам, так как сегодня положение куда серьезнее. В это время, когда все хоть сколько-то пригодные мужчины и способные женщины должны подняться на борьбу, вы легко поймете, как невыносимо для меня это состояние вынужденного безделья. В таком маленьком городе, как Лигниц, где в сегодняшних условиях каждый, разумеется, задает себе вопрос, почему кто-то сидит дома без дела, это особенно тяжко. В свое время, так как я очень ценил возможность отдыха в Лигнице, я попросил Шмундта получить у фюрера разрешение на покупку небольшого имения в сельской местности, чтобы получить таким образом какое-то занятие. Как сообщил мне Шмундт, фюрер ответил, что не хочет, чтобы я себя к чему-то привязывал, так как он все еще нуждается во мне. Тем не менее ввиду стольких новых назначений, в которых мне отказано, я должен предположить, что фюрер все-таки не собирается прибегать к моим услугам. Я хотел бы, дорогой Гудериан, попросить вас еще раз передать фюреру мою просьбу. Я хотел бы категорически подчеркнуть, что мне не нужно ни в коем случае делать никаких подарков. Само собой разумеется,

в глазах других фельдмаршалов это рассматривалось бы как прецедент. Я хочу приобрести, насколько мне позволяют мои скромные средства, небольшое поместье – по возможности, в Померании или Силезии. Так как, по общему правилу, подобные сделки ныне не разрешаются и владения не находятся в свободном обращении, то мне нужно получить разрешение фюрера для оправдания такой покупки. Я знаю о нескольких объектах, которые были предназначены к заселению, но, в любом случае, в них возможно сохранение нынешнего статуса. Я знаю также о ряде случаев, когда, вопреки общему запрету, отдельным личностям было выдано разрешение приобрести владения. Есть также целый ряд предприятий, которые из-за отсутствия владельца не управляются должным образом, так что я мог бы заняться ими, если более не предусматривается мое использование в военной области. Я был бы очень благодарен вам, дорогой Гудериан, если бы вы при благоприятном случае доложили фюреру мою просьбу. Никто лучше вас не может понять положения, в котором я нахожусь из-за вынужденного бездействия» [485].

Однако в услугах фон Манштейна, похоже, уже не нуждались. Но разрешение на приобретение имения ему было выдано в октябре 1944 г. министерством снабжения и сельского хозяйства.

В конце января 1945 г. советские войска вышли к Одеру. Фон Манштейн в это время находился с семьей в родном селе жены, неподалеку от бывшей польско-германской границы, куда был приглашен на свадьбу племянницы брата его адъютанта, капитана Штальберга. На следующий день советские танки уже находились в 50 км от села, что вынудило всех быстро его покинуть. Вернувшись в Лигниц, фон Манштейн получил от местного коменданта указание немедленно уехать на запад. В ночь на 27 января фон Манштейн вместе со своей семьей отправился в Берлин, где получил разрешение поселиться в бывшей квартире генерал-полковника барона фон Фрича в Ахтенберге на горном полигоне Люнебургер-Хайде. С приближением английских войск 12 апреля фон Манштейн с женой, пятнадцатилетним сыном Рюдигером и своим адъютантом отправился в Гольштейн. Здесь они с разрешения графа и графини Платен поселились в красивом особняке Вайсенхауз в Остгольштейне.

Неподалеку от Вайсенхауза нашел себе прибежище также отправленный в отставку Гитлером генерал-фельдмаршал фон Бок. Он вместе с фон Манштейном пытался установить контакт с гросс-адмиралом Деницем, который переехал из своей штаб-квартиры в Берлине в Плен и принял командование военно-морскими силами в северном регионе. *«В последние дни апреля*

меня посетили фельдмаршалы фон Бок и фон Манштейн, – пишет Дениц. – *Мы говорили о военной обстановке. При этом Манштейн особенно подчеркнул необходимость постепенно перевести армию с Восточного фронта, чтобы она оказалась недалеко от английского и американского фронтов. Это полностью совпадало с моими намерениями. Поэтому я приказал 1 мая связаться с Манштейном. Я хотел попросить его взять на себя вместо Кейтеля главное командование вермахтом. Тем не менее найти Манштейна не удалось. Итак, управление ОКВ осталось в руках Кейтеля и Йодля»* [486].

Однако фон Манштейна все-таки нашли. На перекрестке во время возвращения в Вайсенхауз из Любека его остановил военный патруль и потребовал немедленно прибыть в штаб-квартиру гросс-адмирала Деница, которая находилась в профессиональной школе подводников недалеко от Плена. Прибыв туда, фон Манштейн узнал от присутствовавших офицеров, что существует план сделать его «сейчас, когда уже слишком поздно, начальником главного управления вермахта». Однако на этом все и закончилось.

Фон Манштейн вернулся в Вайсенхауз, где стал ожидать появления английских войск. 5 мая 1945 г. он послал своего адъютанта Штальберга с личным письмом главнокомандующему английскими войсками фельдмаршалу Б. Монтгомери. Штальберга сопровождал граф Платен. Они прибыли на автомобиле в Гамбург, где их приняли в отеле «Атлантик», ставшем штаб-квартирой англичан. Отсюда в сопровождении капитана английской армии выехали в Люнебург. В южном предместье города был расположен палаточный лагерь – штаб-квартира английского командования. Здесь Штальберг передал Монтгомери письмо от фон Манштейна. Через несколько часов Штальбергу сообщили, что фон Манштейн может оставаться в Вайсенхаузе и ожидать там дальнейших распоряжений.

Вскоре в Вайсенхаузе появился английский отряд, который конфисковал у фон Манштейна все, кроме жилья, машины и личного оружия. Английское командование при определенных условиях разрешило фон Манштейну под его честное слово посещение врача с выездом из «района заграждения». Через некоторое время понадобилось лечение, так как на прооперированном глазу снова началось серьезное осложнение. Из-за использования явно недоброкачественных медикаментов возник крупный, опасный для жизни нарыв, который не был диагностирован вовремя и привел к срочной операции и многонедельному стационарному лечению в военном госпитале Хейлигенхафен. Здесь 26 августа 1945 г. фон Манштейн был

арестован англичанами. Несмотря на протесты лечащего врача, который заявил, что пациент нетранспортабелен, фон Манштейн был вывезен из госпиталя. Он был направлен в лагерь в Люнебурге, а в октябре – в Нюрнберг. При обыске на дому сотрудник американской контрразведки обнаружил и присвоил себе фельдмаршальский жезл фон Манштейна.

О том, какая атмосфера царила в тюрьме, свидетельствует фон Манштейн в своей тайной записке супруге, написанной на туалетной бумаге [487]. Мы не будем ее цитировать полностью, а только выделим некоторые моменты. Фон Манштейн пишет, что охране, состоявшей из солдат 1-й американской дивизии, было запрещено разговаривать с арестованными, которых считали «так или иначе преступниками». Во время допросов соблюдались особые меры предосторожности. Каждого немца сопровождал специальный караул. Особенно сильное впечатление произвело медицинское обслуживание, которое в прессе можно назвать образцовым. Но фон Манштейну было сложно добиться, чтобы его направили к окулисту, для чего потребовался бы усиленный караул.

Генерал З. Вестфаль в своей книге «Германский Генеральный штаб на скамье подсудимых» [488]пишет, что первоначально назначенный обвинитель от США полковник У. Донован обратился через знакомого ему адвоката и защитника на Нюрнбергском процессе доктора П. Леверкюна к генерал-фельдмаршалу фон Браухичу с просьбой составить по возможности скорее сжатое и конкретное описание истории армии в период между подписанием мирного Версальского договора и до поражения в 1945 г. Фон Браухич планировал привлечь к этой работе генерал-фельдмаршала фон Манштейна, генерал-полковника Гальдера, генерала артиллерии Варлимонта и генерала Вестфаля. Фон Манштейн помогал Вестфалю писать о годах с 1920-го по 1938-й и о периоде с 1942 г. по конец войны. Фон Браухич и Гальдер разработали материал с 1939 по 1942 г., а В. Варлимонт занимался командованием вермахта в комплексе. При этом у авторов не было в распоряжении каких-либо документов. 19 ноября 1945 г. пять авторов подписали доклад «Германские сухопутные силы с 1920 по 1945 год» и, приложив введение фон Браухича, вручили текст обвинению. Этот труд использовался авторами с целью защиты Генерального штаба Сухопутных войск и тем самым всего вермахта.

В Нюрнберге с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г. состоялся судебный процесс над главными нацистскими военными преступниками. На процессе фон Манштейн выступал в качестве свидетеля и военного консультанта защиты Генштаба и

ОКВ. *«Душой нашей защиты был фельдмаршал фон Манштейн, наш талантливейший военачальник, инициативный и всегда мужественный,* – пишет Вестфаль. – *Оправдательным приговором Генерального штаба в октябре 1946 года мы обязаны его находчивой и неутомимой деятельности»* [489].

Сам фон Манштейн по этому поводу отмечал следующее: *«Меня очень обрадовало то, что на Нюрнбергском процессе не удалось доказать вину Генерального штаба. Таким образом, работая 10 месяцев над защитой руководства сухопутных сил, бывших делом моей жизни, я смог оказать им последнюю услугу. Эта борьба за нашу честь велась с таким упорством, как никакая другая. По поводу этого приговора следовало ожидать неприятных комментариев – которые в целом ничего не меняли. Разумеется, приговор затронул и меня, и в особенности Йодля* [490] *. Это было связано с переоценкой его должности»* [491].

Фон Манштейн, выступая в качестве военного консультанта защиты, отмечал:

«Внутренняя установка немецкого военного руководства с 1920 года не давала никаких оснований подозревать Германию в стремлении к агрессивной войне. Скромные мероприятия по перевооружению до 1933 года служили целям обеспечения хотя бы минимальной безопасности рейха. Вооружение с 1933 по 1935 г. оценивалось ответственными военными руководителями с той же точки зрения. Масштабы и темпы, определенные Гитлером по собственной воле, во многом шли вразрез с мнениями военных специалистов. Впрочем, все эти мероприятия нельзя назвать преступными ни сами по себе, ни в сочетании с позднейшими войнами. Право каждого суверенного государства – определять объем своих вооружений. Если в Германии они противоречили Версальскому договору, то де-факто эти действия оправдывались всеми – что подтверждалось направлением военных атташе и посещениями высших военных лиц. Кроме того, оправданием де-юре было германо-английское морское соглашение. Впрочем, само собой разумеется, что солдаты обязаны выполнять указания своего правительства, в том числе и в области перевооружения. Ни в одной стране нельзя приговорить солдат за то, что правительство использует их в определенных обстоятельствах. Их долг состоит лишь в том, чтобы наилучшим образом нести военную службу, этим немецкое военное руководство и занималось» [492].

Тем самым фон Манштейн стремился доказать, что военное руководство ни юридически, ни фактически не могло нести никакой ответственности за внешнеполитические решения своего правительства. Гитлер поставил военных перед уже готовыми

решениями. В частности, так произошло, по мнению фон Манштейна, при разработке плана «Fall Weiß» о развязывании войны против Польши. Он также отрицал ответственность военных руководителей Германии за подготовку и развязывание наступательной войны против Англии и Франции и агрессивной войны против Советского Союза. Все сваливалось на Гитлера. Фон Манштейн отмечал: *«На этот случай не было готово никаких планов, не сделано никаких приготовлений. Соответствующие карты в 1939 году простирались только до восточной границы Польши. В 1941 году, например, наступавший на озере Ильмень 56-й танковый корпус для того, чтобы получить необходимые карты, был вынужден перепечатывать добытые им русские карты»* [493].

По мнению фон Манштейна, решение о нападении Гитлер принял, так как боялся удара в спину со стороны Советского Союза. При этом фон Манштейн ссылался на Конституцию и государственно-правовое устройство Германии, по которым решение вопросов войны и мира было исключительным правом Гитлера. Что касается военного руководства, то оно, считает фон Манштейн, не было уполномочено на объявление войны, не призывало и не подталкивало к ней, а, напротив, везде, где возможно, возражало против ее развязывания.

Фон Манштейн, защищая Генеральный штаб и ОКВ, попытался снять с этих органов военного управления и ответственность за преступления против законов войны и преступления против человечности. Он категорически заявлял:

«Немецкие военные руководители… с самого начала и до конца боролись с вооруженными силами противника по законам военного права. Нет ни одного приказа какого-либо из обвиненных военачальников, который предписывал бы нарушить военное право или хотя бы одобрял подобное нарушение. Никем из них не отдавались приказы не давать пощады или расстреливать военнопленных. В отличие от, например, многочисленных русских приказов, которые требовали “уничтожения всех оккупантов”. Также известно, что, несмотря на все ограничения военной юриспруденции приказами Гитлера, обвиняемые всегда вмешивались в случае нарушения военного права. Такие нарушения были единичными и не были вызваны приказами вышестоящего начальства. Они были реакцией ожесточившихся солдат» [494].

Столь же активно фон Манштейн возражал против обвинений об ответственности военного руководства за разрушения, грабежи и борьбу с партизанами, которых именует «бандами». *«Всякое военное руководство вынуждено во время войны жестко предварять восстания в занятой области,* – говорил фон Манштейн, – *если оно не желает проиграть войну. Ни один*

военный руководитель не оставит своих солдат беззащитными, допустив нападения из засады отсутствием репрессалий или наказаний, и не станет ждать, пока противник не нарушит все законы войны и гуманизма. Международное право создано не для того, чтобы одних защищать, а других игнорировать» [495].

Фон Манштейн особо подчеркивал: *«Наверняка Вторая мировая война – с любой стороны – продемонстрировала тягчайшие нарушения военного права. Конечно, в силу своего тотального характера она повлекла ужасающие преступления против гуманизма. Конечно, нормы международного права, которые ни философски, ни технически еще не развиты, были многократно нарушены. Но ни в коем случае не нужно приписывать это какому-то плану немецкого военного командования. Поскольку они должны были повиноваться приказам, которые противоречили традициям прошлого, они оказались в том же положении, что и проводившие бомбардировки военные других стран»* [496].

10 августа 1946 г. генерал-фельдмаршалы фон Рундштедт, фон Браухич и фон Манштейн были вызваны для дачи показаний в качестве свидетелей. При этом речь шла в первую очередь о подготовке наступательной войны, о влиянии военных на ведение войны Гитлером, об убийствах евреев службами безопасности, о приказе об обращении с комиссарами, а также о сопротивлении национал-социалистскому режиму. В своем письме супруге фон Манштейн излагает, как протекал его перекрестный допрос американским и советским обвинителем:

«Они выбрали из нас троих, в том числе меня – так как знали, что я особенно плотно занимался защитой. Кроме того, они знали высказывание руководителя СД в мой адрес о том, что мы [как командиры] знали – по его предположению – о расстрелах евреев. Конечно, это неправда. Они занимались этим тайно. Затем они представили мне приказ 11-й армии. Он должен был доказать недостоверность моих слов. В первой части он был всего лишь пропагандистским приказом, который мне, собственно, и не принадлежал [497] *. Я видел и подписал его, хотя при всем желании не мог вспомнить его содержание. По поводу второй части я высказался позитивно и очень ясно, что в нем не содержится никакого произвола, или варварства, или нарушения солдатской чести, и фактически он был доказательством в нашу пользу»* [498].

Таким образом, фон Манштейн пытался доказать, что изданный по соответствующему образцу приказ определенным образом освобождал от ответственности вышестоящие органы управления.

В начале сентября 1946 г. Браухич, Рундштедт и Манштейн были переведены из английской тюрьмы в обычный лагерь для

военнопленных в Бридженде, графство Уэльс. Там фон Манштейн получил разрешение завести маленький сад, чем занимался с удовольствием. *«Здесь это в порядке вещей, и особенно я наслаждаюсь свободой перемещений по лагерю,* – пишет фон Манштейн своей жене. – *Мы живем в каменных бараках с отоплением! После 10 месяцев в Нюрнберге застеленная постель, удобные стулья, цветы, накрытый стол в общей столовой, нож и вилка на столе, а не только жестяная миска и ложка – это удовольствия, которые сложно переоценить. Питание довольно простое, но в любом случае лучше, чем у вас в Германии. Все это, а также отсутствие атмосферы ненависти, которая царила в Нюрнберге, кажутся настоящим сокровищем. Очень приятно получать все известные английские газеты. В нашем распоряжении и библиотека»* [499].

Весной 1947 г. будущий руководитель федерального ведомства по охране конституции доктор О. Йон по поручению англичан провел в лагере Бридженд так называемую «проверку» семерых пленных, чтобы ответить на вопрос: «можно ли доверять их демократическим заявлениям и соответствуют ли их убеждения настрою остальной массы пленных, либо же их нужно считать опасными нацистами» [500]. Результатом этой «проверки» явился вывод о том, что все военнопленные должны быть освобождены в 1948 г. Действительно, в конце июля того же года английский лагерь был расформирован. Генерал-фельдмаршал фон Браухич и генерал-полковник Штраус, заболевшие к тому времени, были отправлены в Гамбург, в британский военный госпиталь. Генерал-фельдмаршалов фон Манштейна и фон Рундштедта перевели в Нюрнберг. Через несколько дней обоих направили в мюнстерский лагерь. Это было связано с тем, что британское правительство намеревалось провести большой судебный процесс по делам находящихся в его руках высших военных руководителей Германии.

Официально обвинение было предъявлено только в январе 1949 г. Английское обвинение, по существу, приняло материал от американцев, которые передали англичанам свидетельства группенфюрера СС О. Олендорфа, приговоренного 10 апреля 1948 г. к смертной казни вместе с другими руководителями СД. Внезапная смерть 18 октября генерала-фельдмаршала фон Браухича серьезно изменила ситуацию. Когда спустя несколько месяцев у Штрауса началась стенокардия, его и Рундштедта, также больного, неожиданно перевели в немецкую больницу. В результате остался только один реально обвиняемый – фон Манштейн.

На гамбургском процессе фон Манштейну были предъявлены

17 пунктов обвинения в «нарушении законов и обычаев войны», а не в «преступлениях против человечества». Речь шла о событиях в Польше, обращении с военнопленными, «приказе о комиссарах», убийствах евреев оперативными группами СД, расстрелах заложников, уничтожении партизан, привлечении гражданских лиц к военным работам, депортации гражданской рабочей силы в Германию и организации разрушений. Все обвинения опирались на предположение, что фон Манштейн нарушил Гаагские конвенции о ведении сухопутной войны от 1907 г. После возражения представителя защиты мистера Р. Паджета представитель обвинения вынужден был все-таки ограничить свое утверждение тем, что это соглашение содержит оговорку о всеобщем участии в международном договоре. В результате конвенции были признаны не обязательными для исполнения только де-юре. Защита в целом ссылалась не на исполнения приказа, а на исполнения «закона государства».

Обвинение придерживалось той точки зрения, что командующий в пределах своей компетенции ответственен за действия всех военных подразделений – даже тех, кто не подчинялся непосредственно его приказам. Это касается, например, СД и полицейских организаций. Обвинение утверждало, что, согласно Гаагским правилам, долг «оккупационных властей» – поддерживать общественный порядок и безопасность, и командующий армией, так как он осуществлял исполнительную власть, был представителем оккупационного правительства. По мнению обвинения, долгом командующего является защита населения от любого вреда, и он отвечает также и за иные властные немецкие структуры, в том числе и те, на которые не распространяется его власть или о чьей деятельности он осведомлен в самом незначительном объеме. Отдельным пунктом фон Манштейн был обвинен в неисполнении обязанностей.

Фон Манштейн был признан виновным в том, *«что умышленно и неосторожно пренебрег своим долгом командующего, не обеспечив достойного обращения с советскими военнопленными, вследствие чего многие пленные умерли или были застрелены либо переданы службам безопасности и СС и ими убиты»* [501]. Его также обвинили в том, что он санкционировал исполнение приказов Главного командования Сухопутными войсками, согласно которым красноармейцы, которые в штатском оказывались за линией фронта и не докладывали о себе в установленные сроки, рассматривались как партизаны. Кроме того, фон Манштейну предъявили обвинение в том, что он разрешал и санкционировал использование военнопленных на запрещенных и опасных

работах, то есть для строительства укреплений и саперных работ [502]. Его также обвиняли в издании приказов и распоряжений о расстреле захваченных комиссаров Красной Армии.

Пункт 10 обвинения гласил: *«[Подсудимый обвиняется в] совершении военного преступления. Находясь в СССР в период с 13 сентября 1941 года по 24 февраля 1943 года, он нарушил законы и обычаи войны, будучи главнокомандующим 11-й армии и группы армий "Дон", а также свой долг как военного командующего обеспечить общественный порядок и безопасность, уважать семейную честь, права и жизнь частных лиц в пределах его компетенции. Его умышленное и неосторожное нарушение повлекло за собой уничтожение оперативной группой "Д", состоявшей из представителей СС, СД, гестапо и других полицейских подразделений, а также войсками по его приказу, с участием указанной группы "Д", большого количества евреев, цыган, крымчаков и других граждан СССР путем расстрела, повешения, удушения газом, утопления и другими способами в различных местах в пределах его компетенции, что доказывается девятым пунктом обвинения»* [503].

Фон Манштейн был признан виновным и в том, что он издал приказы о принуждении гражданских лиц к труду, в частности к участию в военных операциях и соответственно на работах, непосредственно связанных с этими операциями. Кроме того, он обвинялся в том, что он «издал приказы о депортации гражданских лиц на работу в Германию», что привело к привлечению множества граждан Советского Союза к принудительному труду в рейхе. Ему также было предъявлено обвинение в уничтожении или изъятии запасов продовольствия, разрушении домов и фабрик и уводе гражданского населения.

19 декабря 1949 г. суд приговорил фон Манштейна к 18 годам заключения, в которые не засчитывались годы, уже проведенные в плену. Приговор подлежал утверждению командующим британской Рейнской армией без права обжалования. Гамбургская газета «Альгемайне Цайтунг» в этой связи отмечала:

«Немецкий народ относится к приговору фельдмаршала фон Манштейна, который вчера в первой половине дня был вынесен британским военным судом в гамбургском Дворце правосудия, так же, как и к остальным актам оккупационных властей. Бессмысленно говорить о чувствах в данной связи. Еще более бессмысленно было бы спрашивать, соответствует ли приговор и наказание, которое для 62-летнего полководца означает провести практически всю оставшуюся жизнь в заключении, принципу справедливости. Все, что можно было сказать о базе приговора

Манштейна, вынесенного во Дворце правосудия, всесторонне озвучил британский защитник Паджет. Остается лишь вопрос, умен ли приговор. Как Нюрнбергский процесс, так и производство по делу Манштейна были, прежде всего, политическими актами. В данном случае имеет место не просто обвинение какого-то крупного немецкого офицера, а суд над человеком, которого английские военные обозреватели могли назвать наиболее выдающимся полководцем Второй мировой войны. Сам по себе он был частью того вермахта, чья честь является честью всех немцев, бывших солдатами в собственном смысле этого слова. Миллионы погибли ради этой чести. Еще больше людей остаются заложниками понятия немецкой солдатской чести уже после того, как они сложили оружие. После прецедента Нюрнберга вряд ли стоило ожидать оправдания Манштейна. Но, пожалуй, все немцы, которые наблюдали за процессом Манштейна, надеялись на более мягкий приговор. Подобный политический жест приветствовался бы в Германии. Его отсутствие – это факт, с которым нам придется смириться, чего не может упустить из виду ни один политически мыслящий человек. В своей длинной речи защитник, мистер Паджет, напомнил британским офицерам-судьям, что все, в чем они обвинят Манштейна, в будущем будет применимо и к английской армии. Это утверждение запомнится и немецкому народу. Приговор вынесен в то время, когда среди общественности западных государств встал вопрос о ремилитаризации Германии и положении немецкого контингента в вооруженных силах Североатлантического пакта. И, как нам хотелось бы верить, тот же вопрос обсуждается в Генеральном штабе той армии, чьи офицеры были судьями в Курио-Хаус. В данной связи осуждение Манштейна следовало бы приветствовать прежде всего, если бы, отказавшись от любых показательных процессов, удалось бы избежать выступления восточной народной полиции в хоре, скажем так – предшествующем процессу фельдмаршала Паулюса» [504].

Сам Манштейн после окончания процесса написал своему защитнику:

«Дорогой мистер Паджет,

я не мог написать Вам или высказать Вам свою благодарность раньше, так как из-за моего слабого английского я не мог достаточно хорошо изъясняться. Писать из-за перелома ключицы я не мог, и мне запретили диктовать. Поэтому моя благодарность так запоздала.

Я дважды прочитал Вашу заключительную речь на английском, чтобы лучше изучить подробности, и впоследствии понял, что это настоящий шедевр. Никто, кроме Вас, не смог бы провести мою

защиту подобным образом. Никто, кроме Вас, не смог бы так утвердить истину и справедливость и одновременно возвысить солдатский долг и здравый человеческий разум.

Однако моя благодарность и мое восхищение распространяются не только на тот способ, которым вы вели мою защиту. Они также распространяются на человека, который бескорыстно жертвовал своим временем и не побоялся никаких испытаний, чтобы послужить справедливости. Они посвящаются человеку, которому хватило мужества представить произошедшие события такими, какими они действительно были, и противостоять враждебной пропаганде, которая, надеюсь, вскоре прекратится. Наконец, я хочу поблагодарить Вас за то, что вы так ясно выразили мысли и чувства солдата и непредвзято осветили безусловный воинский долг послушания. Я верю, что все солдаты, в любой стране, будут благодарны Вам за это, и я могу лишь надеяться на то, что они были услышаны в политических и юридических кругах.

Мне совершенно ясно, дорогой мистер Паджет, что Вы взяли на себя эту задачу не ради меня, но из желания содействовать победе справедливости и служить британской юриспруденции. Однако я надеюсь, что в течение процесса Вы не только подтвердили свои убеждения, борясь за достойную цель, но и увезете с собой в свою страну мысль о том, что Вы боролись за человека, который достоин Ваших усилий.

Что касается меня лично, то можете быть уверены, что моя благодарность Вам никогда не иссякнет.

Кроме того, я хотел бы добавить, что Ваша борьба за справедливость и ваши действия по отношению к представителю некогда враждебного Вам народа принадлежат к прекраснейшим и великолепнейшим моментам моей жизни. Это опыт, который я никогда не забуду и который вознаграждает меня за всю горечь прошедшего времени моего заключения. Будьте уверены, что бесчисленные немцы – особенно бывшие солдаты – думают о Вас с благодарностью и восхищением. Вашим участием Вы указали путь преодоления барьеров, разделяющих наши нации.

Остаюсь Вашим благодарный Манштейн» [505].

Вскоре после оглашения приговора фон Манштейн был перевезен в тюрьму Верль в Вестфалии, где находились десять военных преступников, осужденных англичанами, в том числе генерал-фельдмаршал Кессельринг, генерал-полковники фон Макензен и фон Фалькенхорст.

Фон Манштейн снова попал в военный госпиталь для прохождения курса лечения. Здесь он имел возможность встречаться и вести беседы с Кессельрингом и фон Макензеном.

На Рождество фон Манштейн отправил своей супруге письмо, в котором отмечал [506]:

«…Мы действительно не ожидали подобного решения, и тем тяжелее смириться с ним. Приходится снова и снова повторять себе, что бесконечное количество людей пожертвовало еще большим. Нам пришлось принять этот груз и попытаться нести его с честью…

Впрочем, мы желаем верить, что мистер Паджет, который так много для меня сделал, еще добьется перемен. Он, конечно, сделает все, что в его возможностях. В английской прессе приговор был серьезно раскритикован. Также в Бонне партия, со своей стороны, должна обратиться к правительству. Итак, мы надеемся, что разум и справедливость, которые столь прекрасно защищал Паджет, еще раз восторжествуют, и приговор, ставший возможным только потому, что суд следовал за Нюрнбергским решением, будет отменен – чего никто, впрочем, не ожидал. Но мы не должны терять храбрости…

Ты знаешь, я не ропщу на судьбу. Я принимаю ее как испытание, которое я должен с честью вынести ради нашей любимой Германии и ради моих солдат, навсегда оставшихся в моем сердце. Все, что я когда-либо делал, я сделал для тех, кто сражался и умирал по моему приказу. И мне не о чем сожалеть, даже если я и страдаю теперь безвинно. Ежедневно я прошу Господа о том, чтобы мне хватило сил не ожесточиться, и о том, чтобы он оберегал Тебя. Теперь я не могу помогать тебе хотя бы так же незначительно, как в последние пять лет. Единственное, что я еще могу Тебе дать – это моя любовь и благодарность. И, возможно, знание о том, что я безропотно несу свой крест.

Человеческая душа – странная вещь. Зная свой прежний характер, я полагал, что приговор вызовет во мне ярость. Но он меня нисколько не разозлил. Даже когда, услышав об осуждении на 18 лет, я бросил наушники на стол, мной руководила не злоба, а презрение. Не к судьям, которым, как я полагаю, самим не нравился их приговор – но презрение к правовой системе, к тому, как она, возникнув в Нюрнберге, теперь отыгралась на мне. Впрочем, возможно, удар был слишком жесток, чтобы остались силы на взрыв ярости – ведь это сделало бы мою дальнейшую жизнь еще тяжелее. Или Бог дал мне в этот час что-то, чего мне до сих пор не хватало: терпение и покорность, не перед людьми, которые распоряжаются нами… но перед судьбой, которая нам предстоит.

Я также повторяю себе, что многие тысячи наших солдат погибли по моему приказу, отправившему их в сражения. Они не могли поспорить со случаем, заставившим их отдать свои жизни.

Да как мог и я жаловаться, когда пришло время принести мою жертву Германии? Нам пришлось лишиться двоих наших любимых сыновей. И теперь Тебе придется на необозримый срок расстаться еще и со мной. Дело явно не стоит того, чтобы мне расстраиваться еще и из-за собственных невзгод».

После краткого пребывания в военном госпитале фон Манштейн был помещен в одиночную камеру в блоке «Б». В конце февраля 1950 г. в тюрьму Верль прибыл офицер Рейнской армии, который сообщил фон Манштейну, что гамбургским приговором подтверждено сокращение срока заключения до 12 лет. В этой связи адвокат доктор П. Леверкюн в своем письме в газету «Таймс» отмечал:

«Приговор фельдмаршалу фон Манштейну не был утвержден в полном объеме, но лишь со снижением наказания до одной трети. Это интересное изменение. К сожалению, мы знаем его причины не лучше, чем причины вынесения приговора. Нам лишь остается из правовых обоснований юрисконсульта суда сделать заключения о причинах, которые привели суд к его решению. По восьми пунктам фельдмаршал был оправдан. Среди них были и те, которые юрисконсульт обозначил как ключевые моменты дела. Пункты, по которым он осужден, относятся к международно-правовым вопросам, по которым среди наций нет ни одного единого мнения по поводу толкования соответствующих понятий. Они связаны со всем восточным театром боевых действий, а по существу – с толкованием положений Гаагских правил ведения войны и применением этих правил на Востоке. Бросается в глаза разница между взглядами тех, кто по личному опыту знает, как шла война на Востоке, и тех, кто, подобно офицерам западных союзников, знает о данном театре военных действий лишь из сообщений по радио. Огромную роль в обвинении сыграл также вопрос компетентности и ответственности офицеров и гражданских лиц Третьего рейха. Это также проблема, которую лица, жившие в названную эпоху, понимают иначе, чем те, кто знаком с ней лишь теоретически… Ни один из больших политических процессов не был оправдан историей. Надеюсь, нашей эпохе, когда события происходят с такой скоростью, не придется ждать приговора истории, чтобы своевременно дать новую оценку фельдмаршалу Манштейну» [507].

В то время как фон Манштейн отбывал наказание, за стенами тюрьмы проводились различного рода акции с требованием пересмотра приговора. В них принимали участие видные общественные, политические, военные и церковные деятели. Канцлер Федеративной Республики Германии К. Аденауэр предложил смягчить условия содержания фон Манштейна путем

замены тюремного заключения на заключение в крепости. В результате федеральное правительство приняло решение уравнять «арестованных» с военнопленными. Одновременно органы власти приступили к проведению процесса денацификации фон Манштейна, от исхода которого зависело, будет ли выплачиваться пособие его супруге. 5 мая 1953 г. фон Манштейна освободили, а в августе был завершен процесс его денацификации [508].

Освобождению фон Манштейна из заключения было придано большое значение. От канцлера ФРГ он получил личное письмо. Бывшего заключенного пригласили в гости в британскую штаб-квартиру.

Фон Манштейн, обретя свободу, поселился в Альмендингене около Ульма. Позднее он переехал в Эссен, затем в Мюнстер, пока окончательно не остановился в Иршенхаузене под Мюнхеном. Здесь он возобновил свои военно-теоретические и военно-исторические изыскания. К началу 1952 г. он подготовил черновой набросок первой части своих мемуаров, которые в 1955 г. вышли в свет под названием «Утерянные победы» [509]. Основу книги составили личный дневник фон Манштейна, который он вел на фронте, а также сохранившиеся документы, материалы процесса и военно-историческая литература. Материалы об операциях Второй мировой войны из книги «Утерянные победы» использовались в качестве учебного материала в военно-учебных заведениях. Мемуары фон Манштейна неоднократно издавались в различных странах, в том числе и в России [510]. В 1958 г. вышла в свет еще одна книга – «Из солдатской жизни 1887–1939» [511]. Фон Манштейн является автором ряда статей, посвященных проблемам военного строительства, будущего вооруженных сил, использования ядерного оружия.

Фон Манштейн, выйдя из тюрьмы, даже предполагать не мог, что его военные познания и опыт могут быть востребованы в Федеративной Республике Германии. Она была создана в сентябре 1949 г. на территории английской, американской и французской зон оккупации Германии. В том же году западные державы отказались от демонтажа военно-промышленных предприятий ФРГ, которая стала получать помощь по так называемому плану Маршалла 1947 года, что способствовало быстрому восстановлению экономики. В 1950 г. были сняты некоторые ограничения для ФРГ в области судостроения, мореплавания, химии, научных исследований. Она получила право на создание крупных полицейских формирований. 7 августа 1950 г. Федеративная Республика Германия стала

членом Европейского совета, а 18 апреля 1951 г. – членом Европейского объединения угля и стали. В 1952 г. представители США, Великобритании, Франции и ФРГ подписали «Общий договор», который провозгласил суверенитет Федеративной Республики Германии и прекращение оккупационного режима. В 1954 г. были заключены Парижские соглашения, предусматривавшие вступление ФРГ в НАТО и Западноевропейский союз. После их ратификации и вступления Федеративной Республики Германии 9 мая 1955 г. в НАТО началось возрождение военной промышленности, укрепление политических и экономических позиций страны в Западной Европе.

Одновременно в американской, английской и французской зонах оккупации начался процесс создания германских вооруженных сил. В 1946–1947 гг. были сформированы различные подразделения полувоенного характера, «солдатские союзы», группы по «исследованию опыта войны» и др. В сентябре 1949 г. формирование вооруженных сил было возложено на так называемую «группу Шверина» [512], а в дальнейшем – на «ведомство Бланка» [513]. В периодической печати и в общественных кругах велось обсуждение различных концепций организации и структуры будущих вооруженных сил. Весной 1955 г. министр обороны ФРГ Т. Бланк пригласил восемь бывших генералов для обсуждения проекта плана по организации обороны государства. По предложению будущего инспектора Сухопутных сил генерала Г. Реттигера, основу национальных вооруженных сил должны были составить войска, которые по своей мощи и структуре должны были соответствовать вермахту времен Второй мировой войны. Однако Э. фон Манштейн подверг критике этот план и предложил разделить войска на три самостоятельные части. Он исходил из того, что в случае возможного вооруженного столкновения НАТО не обязательно будет располагать преимуществом в воздухе. Кроме того, нельзя было исключать возможность применения тактического ядерного оружия. Поэтому требовалось иметь в своем распоряжении маневренные и легкие в управлении соединения. Идею фон Манштейна поддержали и другие участники совещания. Однако ряд чиновников военного ведомства, занимавшихся детальной разработкой плана, не поддержал это предложение. Несмотря на это, фон Манштейн переработал свое выступление в доклад для министерства обороны и в ноябре 1955 г. представил его генерал-лейтенанту А. Хойзингеру [514].

Мы остановимся лишь на основных положениях этого объемистого документа [515].

Во-первых, фон Манштейн считал, что «количество оперативных соединений вследствие повышения количества подразделений сухопутных сил слишком мало» и совершенно не соответствует, ни сейчас, ни в обозримом будущем, какой-либо оперативной необходимости. Во-вторых, «структура “основных соединений” не соответствует потребностям будущей войны». По мнению автора доклада, предусмотренные на сегодняшний день танковые и пограничные дивизии с тактической точки зрения являются громоздкими, а с оперативной точки зрения они либо неуклюжи, либо недостаточно сильны. Поэтому предлагалось разделить их на более сильные и удобные соединения. В-третьих, деление дивизий на три бригады в каждой приводит к увеличению количества «оперативных соединений», что нецелесообразно. В-четвертых, на период мирного времени нецелесообразно развертывать полностью службы снабжения, транспортировки и военной полиции. В-пятых, в период строительства следует по возможности предусмотреть использование более эффективного ракетного оружия вместо артиллерийских орудий.

Генерал Хойзингер положительно оценил предложения фон Манштейна, хотя и отметил, что следует руководствоваться политической обстановкой, «согласно которой мы по действующим соглашениям предоставляем лишь солдат».

6 марта 1956 г. в ФРГ был принят так называемый «солдатский закон», согласно которому впервые вводится термин «бундесвер» (нем. Bundeswehr – федеральная оборона). Этот закон определял права и обязанности военнослужащих бундесвера [516]. В ноябре того же года фон Манштейн снова поднял вопрос об организационной структуре армии в письме новому министру обороны Ф-Й. Штраусу:

«С особенным удовольствием я приветствую ваши первые шаги по созданию реалистичных основ плана работы, согласно которому вы вместо предполагаемого ранее создания кадров для всех формируемых соединений сначала предусмотрели создание ограниченного числа соединений, которое потом можно увеличить путем деления и повторного восстановления. Я уже год назад предлагал пойти по этому пути, когда направил генералу Хойзингеру предложение по структуре и организации соединений федеральных сухопутных сил. Пропущенные сроки реформы позволяют мне надеяться, что вы также готовы по основному вопросу устройства и структуры новых сухопутных сил прислушаться к свежим идеям – чтобы создать армию, отвечающую вызовам будущего, а не ориентирующуюся на образцы минувшей войны» [517].

Фон Манштейн предлагал: разделить 12 больших дивизий на 36 меньших соединений, максимум по 7000–8000 человек; изменить неудобное количественное соотношение между многочисленными «свободными» войсковыми подразделениями и прочными, хорошо сработавшимися соединениями (дивизии, бригады); исключить из дивизий все, что не является необходимым, для конкретного сосредоточения основных усилий; сократить численность вооруженных сил за счет штабов, частей снабжения и прочих единиц, которые не являются непосредственно боевыми.

Министр обороны принял предложения фон Манштейна, который по этому поводу отмечал: *«Спустя год, в течение которого ничего не происходило, я отправил свой меморандум новому министру обороны. Штраус попросил, чтобы я приехал в Бонн и обсудил с ним мои соображения. И в самом деле, после этого бундесвер перешел к бригадной структуре – причем остается неясным, насколько тот факт, что американцы провели такой же опыт, мог повлиять на его решение»* [518].

Одной из проблем, за решение которой взялся фон Манштейн, было создание органов высшего военного управления. Его предложения сводились к следующему [519]:

– министр обороны должен отвечать за всю внешнюю и внутреннюю оборону государства;

– для совместного планирования обороны необходим совет по обороне, в состав которого следует включить наиболее важных министров правительства и несколько военных;

– для разгрузки министра обороны от политических вопросов необходимо ввести должность политического государственного секретаря;

– главой военной службы следует назначить главнокомандующего (генерального инспектора всех родов войск) или начальника военного планирования;

– все военное планирование следует поручить председателю руководящего совета, а также верхушке военного командования, для чего необходимы штабы и контрольные функции председателю.

Инициативы фон Манштейна нашли поддержку среди социал-демократической партии Германии. В этой связи газета «Ди Вельт» 15 сентября 1956 г. писала:

«Государственный секретарь парламента, существующий до сих пор в Германии, является стержнем социал-демократических представлений о целесообразно организованном министерстве обороны. Он должен быть постоянным представителем министра. Кроме него, министру подчиняется находящийся на

государственной службе государственный секретарь. Под началом парламентского государственного секретаря должен работать начальник Генерального штаба. Этот начальник Генерального штаба должен действовать на основании указаний министра. Ему подчинялись бы отделы управления, организации, образования, снабжения и здравоохранения. Как и федеральное правительство, социал-демократы считают, что необходим руководящий военный совет в качестве группы консультантов министра».

Еще одна проблема волновала фон Манштейна. Она касалась введения в стране всеобщей воинской повинности. 12 мая 1956 г. председатель комитета, вице-президент бундестага доктор Р. Егер, направил фон Манштейну и еще трем бывшим генералам письмо:

«Вскоре комитет бундестага по обороне должен будет заняться вопросом воинской повинности. В рамках этих совещаний планируется пригласить нескольких независимых экспертов по военным вопросам, которые готовы изложить комитету их представление об объеме и форме немецкого вклада в оборону в рамках НАТО. Помимо Вас, соответствующие приглашения одновременно направлены господам генералам Штапфу, Венку и Сиксту. Если Вы желаете вместе с этими господами участвовать в предварительных переговорах, будьте добры связаться с господином министром обороны, который предоставит вам всяческую поддержку» [520].

В связи с тем, что от участия генерала В. Венка пришлось отказаться по профессиональным причинам, а от участия генерала О. Штапфа – по причинам его здоровья, то их заменили генерал пехоты Т. Буссе и генерал-полковник Г.-Г. Рейнгард.

5 июня 1956 г. эксперты собрались в Бонне. На фон Манштейна были возложены обоснование концепции обороны в атомный век и принципиальных вопросов необходимости воинской повинности, а также координация совместной работы. Генерал Буссе отвечал за разработку стратегических и оперативных вопросов в случае вражеского наступления на Федеративную Республику Германии, генерал Рейнгард – организационные вопросы, необходимость и длительность службы в армии, а за генералом Ф. Сикстом – вопросы обучения, наличные силы и длительность службы в армии. Уже 20 июня члены комиссии доложили представителям парламента свою точку зрения. Затем она была подробно рассмотрена комиссией по обороне.

Суть предложений военных экспертов состояла в том, что все военные приготовления ФРГ должны осуществляться на следующих основаниях [521]:

1. Вариант «великой» войны, то есть столкновения блока союзников Советского Союза с НАТО. В данном случае необходимо сделать все для того, чтобы предупредить внезапный удар Советов по Западной Европе.

2. Вариант такого усиления ядерной мощи, при котором мировые державы начнут бояться ее использования и, по крайней мере официально, не станут вступать в военные конфликты.

3. Агрессия может возникнуть в тот момент, когда подразделения всех четырех оккупационных властей выйдут из Германии, и Федеративная Республика Германия поначалу сможет полагаться только на свои силы.

По мнению военных экспертов, Федеративная Республика Германия, как член НАТО, находилась в наиболее угрожаемом положении. Этот вывод был сделан исходя из того, что страна отстала в области военного дела, еще не были устранены последствия войны (разрушения, убытки, депортации и т. п.), а психологический эффект проигранной войны сказывался на готовности граждан нести добровольную службу. Военные эксперты считали, что нельзя отказываться от создания бундесвера в форме «обычных вооруженных сил», несмотря на наличие у ведущих держав атомного оружия. При этом они учитывали, что ни одна страна не позволит себе отказаться от вооруженных сил обычного образца, пока все государства, которые могут ее атаковать, сохраняют свои вооруженные силы. В данном случае военные эксперты ссылались на выступление министра обороны СССР Маршала Советского Союза Г.К. Жукова на XX съезде КПСС, который подчеркивал: *«Будущая война, если она будет развязана, будет характеризоваться массовым применением военно-воздушных сил, разнообразного ракетного оружия и различных средств массового поражения, таких как атомное, термоядерное, химическое и бактериологическое. Однако мы исходим из того, что новейшее оружие, в том числе и средства массового поражения, не умаляет решающего значения сухопутных армий, флота и авиации. Без сильных сухопутных войск, без стратегической дальней фронтовой авиации и современного военно-морского флота, без хорошо организованного взаимодействия их успешно вести современную войну нельзя»* [522].

Далее военные эксперты полагали, что война между двумя мировыми державами (США и СССР) с использованием ядерного оружия «может означать лишь обоюдное самоубийство».

Исходя из этого были высказаны следующие предложения по строительству вооруженных сил ФРГ и их вкладу в оборону «свободного мира». Во-первых, создание полностью боеготовой мобильной армии, рассчитанной на оперативное применение в

рамках вооруженных сил НАТО и приспособленной по своей мощи и структуре к условиям ядерной войны. Во-вторых, с целью усиления местной обороны предусматривалось формирование в каждой области обороны двух смешанных боевых групп численностью до 4 тыс. человек, из которых около 20 % были бы солдатами действительной службы, а остальные – военнослужащими запаса. В-третьих, введение воинской повинности, что было связано с решением о численности бундесвера около 500 тыс. человек и могло придать армии более рациональную структуру. В-четвертых, отказ от сокращения срока воинской службы с 24 до 12 месяцев.

В 1957 г. фон Манштейн подготовил документ под названием «Размышления о безопасности Федеративной Республики» [523]. В нем отмечалось, что «оперативные вооруженные силы», представляемые Федеративной Республикой как для своей обороны, так и для НАТО, являются «силами обороны Родины» с целью защиты немецкой территории на всю глубину. Для достижения этой цели, по мнению фон Манштейна, необходимы были следующие компоненты:

а) подвижные боевые соединения смешанного вооружения, которые способны перехватывать и в случае необходимости уничтожать проникшие в тыл разрозненные соединения противника, защищать оперативно важные пункты, предотвращать слишком глубокое проникновение вооруженных сил НАТО за Рейн, заботясь об их коммуникациях, держать под контролем области, в которых не могут использоваться никакие оперативные вооруженные силы;

б) силы сопротивления, предназначенные для защиты важных военных объектов от воздушных налетов и специальные соединения для служб воздушного оповещения, ремонта и т. п.;

в) защитные силы для охраны населения при воздушных налетах и атомных бомбардировках, защиты наиболее важных учреждений от саботажа и поддержания общественного порядка и порядка на транспорте (вспомогательная полиция), пожарная охрана, санитарная помощь, ремонт и т. д.

При этом силы сопротивления и защитные силы могут быть организованы в форме милиции.

Как же были реализованы предложения военных экспертов, в том числе фон Манштейна?

21 июля 1956 г. был подписан и 25 июля вступил в силу Закон о воинской повинности (Wehrpflichtgesetz) [524]. Он был дополнен 21 апреля 1961 г., 22 марта 1962 г. и 26 марта 1965 г. Продолжительность военной службы увеличилась с 12 до 18 месяцев. В соответствии с законом, принятым бундестагом в

июле 1972 г., с 1 января 1973 г. продолжительность действительной военной службы для лиц призывного возраста была сокращена с 18 до 15 месяцев. 25 марта 1958 г. бундестаг принимает решение об оснащении бундесвера ракетным оружием. Для получения доступа к ядерному оружию ФРГ стала выступать за создание так называемых многосторонних ядерных сил и развернула работы по созданию собственной атомной промышленности.

В 1959–1962 гг. проводится реорганизация всей структуры бундесвера. Основным тактическим соединением стала бригада (пехотная, мотопехотная, танковая). Пехотные дивизии были преобразованы в мотопехотные с резко возросшей огневой и ударной мощью. Основу мотопехотной дивизии составили две мотопехотные и одна танковая бригады. Количество танков в дивизии увеличилось с 80 до 216, орудий калибра 105–155 мм – с 54 до 66, а в состав дивизии впервые введены 203,2-мм атомные гаубицы [525]. Танковая дивизия включала две танковые и одну мотопехотную бригаду, а танковая бригада получила один мотопехотный батальон.

К концу 1967 г. в бундесвере насчитывалось около 468 тыс. человек, в том числе 276,6 тыс. в Сухопутных войсках [526]. В их состав входили 12 полностью сформированных и боеспособных дивизий (семь мотопехотных, три танковые, горнопехотная и воздушно-десантная), которые были сведены в три корпуса. Бундесвер также располагал средствами доставки ядерного оружия: 155– и 203,2-мм гаубицами, неуправляемыми ракетами «Онест Джон», управляемыми ракетами «Сержант». В Сухопутных войсках была создана армейская авиация. Одновременно были сформированы войска территориальной обороны (до 60 тыс. человек), находившиеся в национальном подчинении [527].

В мае 1968 г. принимается решение об объединении сухопутных и территориальных войск в один вид вооруженных сил – Сухопутные силы (Landstreitkräfte). Две мотопехотные дивизии были преобразованы в пехотные, предназначенные для действий в горно-лесистой местности, а одна мотопехотная дивизия – в танковую дивизию.

В 1956 г. был разработан «Организационный закон», определявший структуру высшего военного управления. Этот закон вступил в силу только в 1965 г. Однако его реализация началась с 1 марта 1957 г. Военные отделы министерства обороны были развернуты в штабы (Führungsstäbe) видов вооруженных сил и освобождены от решения задач материально-технического обеспечения, которые передавались в гражданские отделы, укомплектованные чиновниками и служащими.

Одновременно вводились должности генерального инспектора и инспекторов, фактически командующих бундесвером и видами вооруженных сил. На оперативный штаб бундесвера (с начала 70-х годов – оперативный штаб вооруженных сил) возлагались: военное руководство мероприятиями по установлению и поддержанию готовности вооруженных сил к действиям в интересах НАТО; разработка основных принципов управления, организации, боевой подготовки и тыла, касающихся видов вооруженных сил и территориальной обороны.

Фон Манштейн, занимаясь обсуждением актуальных вопросов организации обороны ФРГ, поддерживал тесную связь с политическими, военными деятелями и журналистами как в Германии, так и за рубежом. Он активно переписывался с известным английским военным писателем Лиддел Гартом, с которым познакомился в конце 50-х годов, а также со своим защитником на Гамбургском процессе, активным деятелем Лейбористской партии, а позднее лордом, королевским адвокатом Паджетом Норгемптонским. В Иршенхаузене фон Манштейна посетил начальник Генерального штаба пакистанской армии, который предложил отставному фельдмаршалу обменяться соображениями о прошлом и настоящем. Фон Манштейн принимал активное участие в консультациях при создании учебных пособий и рецензировал присылаемые ему рукописи. Он присутствовал на различных мероприятиях, посвященных встречам ветеранов кадетского корпуса, 3-го полка пешей гвардии, а также бывших сослуживцев по 56-му танковому корпусу и 11-й армии. Фон Манштейн являлся почетным членом Союза немецких солдат (VDS), проявлял интерес к музыке и конноспортивным мероприятиям.

Руководство ФРГ и министерства обороны высоко оценивало вклад фон Манштейна в создание вооруженных сил страны. В приветствии по случаю его 70-летия министр обороны писал:

«Невзирая на вашу тяжелую личную судьбу послевоенных лет, вы всегда проявляли интерес к нуждам бундесвера и понимание их, неутомимо способствуя тому, чтобы освободить народ от понятного недоверия к военному сословию.

Ваша бескорыстная профессиональная помощь весьма содействовала федеральному правительству при создании бундесвера, как и, не в последнюю очередь, ваш богатый опыт…

Я присоединяюсь к выражениям благодарности федерального правительства за неоценимую службу, которую вы оказали при воссоздании бундесвера» [528].

К 80-летию фон Манштейна кёльнское издательство «Маркус» при содействии министерства обороны опубликовало брошюру

под названием «Ни дня без службы». В ней о жизни и деятельности фон Манштейна рассказали генерал Адольф Хойзингер, журналист Вальтер фон Шультцендорф, историк профессор Андреас Хильгрубер, генералы Теодор Буссе и Вальтер Венк. Празднованию юбилея фон Манштейна предшествовала «Grosse Zapfenstreich» в рамках традиционной ежегодной встречи бывших солдат 2-й военной школы танковой и мотопехотной дивизии в лагере Мюнстер [529]. Перед гостями выступил хор военного училища 3-й армии.

Генеральный инспектор бундесвера генерал У. де Мезьер передал имениннику поздравление от имени бундесвера [530]:

«Возможность передать поздравления бундесвера в честь Вашего 80-летия для меня – огромная радость.

Благодарность и уважение – это основные чувства, с которыми старые и молодые солдаты пришли на Ваш праздник и думают о Вас.

Ваша богатая событиями жизнь тесно связана с судьбой нашего народа. Вы принадлежите к поколению, которые выросло в еще сверкающем праздничном мире, но затем порвало с ним во время Первой мировой войны, и вы мучительно пережили смерть Германской империи.

Ваша работа и ваши деяния во время службы в рейхсвере и вермахте означали сохранение государства, и здесь вы, наконец, достигли наивысшего звания для солдата. Однако ваша лояльность никогда не мешала вашему голосу мужественно и четко звучать там, где необходима была ваша компетентность или совесть.

Мы, пожалуй, можем уверенно присоединиться к беспристрастной оценке иностранца Лиддел Гарта, который назвал вас самым талантливым немецким полководцем Второй мировой войны. Не только за знаменитый план "Удар серпом" во французской кампании, но и прежде всего за ваше руководство во время Севастопольской битвы, в борьбе за стабилизацию обстановки на юго-восточном фронте после Сталинграда и за харьковскую победу в марте 1943 года военные историки должны в будущем отметить вас как великого полководца.

После Второй мировой войны вы стали защитником многих солдат на суде победителей, перенесли осуждение и заключение, все его разочарование и несправедливость.

Бундесвер благодарит вас за ценные советы и поддержку, которую вы оказали по просьбе правительства и парламента в годы подготовки и восстановления армии.

Сложно найти слова, господин фельдмаршал, чтобы выразить оценку всего сделанного вами для армии и нашего народа.

Но я рад, что могу передать вам этот скромный юбилейный

сборник. Он поможет пополнить много исторических работ, в которых уже описывались и оценивались ваша жизнь и труды.

Позвольте же мне добавить еще несколько слов от себя.

Чем больше ответственность, которую приходится нести человеку, тем строже и суровее рамки, которые желает наложить на его деятельность исследователь, рассматривающий события ретроспективно.

Но каждый, кому самому приходилось нести ответственность и принимать решения, знает, как тяжело давать оценки и как часто человеку по сравнению с его потомком, историком будущего, не хватает надежной информации, чтобы принять верное решение.

Чем старше я становлюсь, тем лучше понимаю, что не бывает вообще никаких исторических решений, которые не подвергались бы критике в зависимости от той точки зрения, с которой пытаются дать оценку.

Вы, господин фельдмаршал, личность исторического значения. Поэтому и вы подчиняетесь этому правилу.

Но величина ваших военно-исторических свершений из-за этого не преуменьшается…».

В этом приветствии нет ни слова намека на то, что фон Манштейн в определенной степени несет ответственность за расстрелы людей на оккупированной вермахтом территории СССР. Более того, в журнале «Wehr-Wissenschafliche Rundschau» в июне 1968 г. была опубликована статья, в которой отмечалось:

«Понятно, что безукоризненная личность Манштейна и его гениальное мастерство в силу воспитания, традиции и видимой им картины мира пришли в противоречие с исключительной нравственно-политической ситуацией, и потому он попал в неразрешимое сплетение “судьбы и долга”. Генерал-фельдмаршал был особенным и типичным человеком одновременно, его жизненный путь показывает пример того, что самые умные головы и самые чистые души могут сосуществовать с проявлениями национал-социализма, не чувствуя себя при этом преступниками».

Военный корреспондент английской газеты «Таймс» и бывший министр иностранных дел в правительстве Г. Вильсона следующим образом подвели итог военной деятельности фон Манштейна [531]:

«Среди антивоенного настроя семидесятых этих людей часто обвиняют в трагедии, которая началась для Европы в 1939 году. Конечно, им приходится взять на себя часть ответственности за нее. В век тотальной войны ни солдат, ни ученый не может полностью отмежеваться от политического применения его профессионального мастерства. Химик или физик, создающие новое

смертельное оружие, не могут больше ссылаться на то, что они не связаны с тем, как политик использует данное оружие; так же и профессиональный солдат не может сказать, что военно-тактические или технические инновации возникают в политическом вакууме.

В случае Манштейна о вине все-таки можно говорить лишь в очень спорном и неубедительном отношении. Этот хладнокровный, саркастичный и вплоть до самопожертвования верный долгу солдат никогда не боялся спорить с Гитлером; если он считал, что стратегия фюрера неразумна, то так и говорил. Его отказ заключать удобные компромиссы с нацистами, несомненно, привел к его отставке в 1944 году – пусть даже непосредственным предлогом и была болезнь глаз.

Глубокое уважение, которым он пользовался у своих западных врагов, отчетливо проявилось в том факте, что британцы и американцы не выдали его, когда русские захотели представить его перед судом; когда процесс все же начался, англичане составили подписной лист для оплаты его защиты, и первым подписавшимся был сэр Уинстон Черчилль.

Эрих фон Манштейн является архетипом кадрового офицера, со всеми достоинствами и недостатками передовых представителей этой касты. Его собственное отношение к его "sale metier" [532] *выражается в одной фразе из его книги "Утерянные победы": "Основная идея плана кампании должна создаваться человеком, которому предстоит вести поход". Иными словами: несправедливо оставлять другим выполнение грязной работы…»*

24 ноября 1972 г. широко отмечался 85-летний юбилей фон Манштейна. Генеральный инспектор бундесвера адмирал А. Циммерман лично передал юбиляру поздравления от министерства обороны и бундесвера. На торжественном приеме в саду дома играл военный оркестр. Вечер фон Манштейн провел со своей семьей и самыми близкими друзьями. Рядом не было только супруги, которая ушла из жизни в 1966 г.

В ночь с девятого на десятое июня 1973 г. фон Манштейн умер вследствие случившегося незадолго до этого апоплексического удара. 15 июня он был похоронен с военными почестями в присутствии адмирала Циммермана в Дорфмарке, в Люнебургер-Хайде.

В своей прощальной речи на похоронах адмирал Циммерман отметил [533]:

«Солдаты бундесвера прощаются с генералом-фельдмаршалом Эрихом фон Левински, генералом фон Манштейном. Долгая жизнь солдата, обусловленная принципиальным благородством суждений, ощущением собственной ответственности и духом служения

государственному сообществу, подошла к концу.

Жизненный путь генерала-фельдмаршала фон Манштейна привел его из кадетского корпуса империи к высшим руководящим военным позициям немецкого вермахта Второй мировой войны, а из глубины послевоенных обвинений против немецкого военного руководства – к положению военного консультанта федерального правительства по вопросам перевооружения Германии.

Очень важно, что на всех этапах этой насыщенной жизни генерал-фельдмаршал фон Манштейн не плыл по течению исторических событий, но принимал в них участие на самых ответственных позициях. И Эрих фон Манштейн не отказывался от последствий этого. "Свобода и дисциплина тесно переплетены друг с другом, судьбой и долгом", – примером этих слов генерала Хойзингера в адрес высших военных руководителей вермахта был Манштейн. Манштейн нес всю тяжесть принятия военных решений, справляясь с тяжелейшими задачами и невыносимой нагрузкой, перед лицом тяжелой судьбы своего народа вынес он и тяжесть обвинения в соучастии в преступлениях.

Перед лицом неотступного долга фельдмаршал всегда находил решения, за которые мог ответить перед своей совестью и будущими поколениями. При этом признание приоритета политики вновь и вновь содействовало его внутренней свободе, являвшейся основанием взвешенных решений.

Он осмелился не только возражать военным соображениям диктатора, но и храбро защищать немецкий Генеральный штаб и ОКВ в Нюрнберге.

Исторически признанный факт – решения, принимаемые ответственными лицами, с ретроспективной точки зрения демонстрируют массу уязвимых мест. Эрих Манштейн в данном случае не исключение. Неотступная необходимость выбора разрывала немецкий офицерский корпус: продолжить ли службу или восстать против государственного авторитета ввиду неминуемого поражения? Генерал-фельдмаршал фон Манштейн свое решение принял и обосновал. Он встретил как обвинения, так и понимание. И, что имеет особенное значение, понимание он встретил и среди бывших противников.

Уинстон Черчилль и маршал Жуков, так же, как и Лиддел Гарт, дали высокую оценку поведению и действиям фельдмаршала. Так, Лиддел Гарт в личных беседах называл фельдмаршала фон Манштейна одним из самых выдающихся генералов Второй мировой войны.

Говорят, фельдмаршал никогда не уходит со службы. Так и фельдмаршал фон Манштейн служил сначала императорской армии, рейхсверу и вермахту, а после – новому бундесверу. Его

советы по созданию немецкой оборонительной концепции, сторонником которой он был с самого начала, сохранятся в истории бундесвера. Для меня было волнующим переживанием поздравить в прошлом году генерала-фельдмаршала с его 85-летием, передать ему благодарность и поздравления солдат бундесвера.

Солдаты бундесвера склоняются перед скончавшимся генералом-фельдмаршалом фон Манштейном. Память о нем станет нашим драгоценным наследием».

Как мы видим, руководство бундесвера высоко оценивало военное дарование Эриха фон Манштейна. Заметим, что это признавало большинство тех, кто занимал высшие военные посты в вермахте, а также писатели, историки и советские полководцы.

Фон Манштейн считался одной из наиболее ярких фигур в военной элите Третьего рейха, возможно, самым блестящим стратегом вермахта [534]. Английский историк Лиддел Гарт, говоря об отстранении фон Манштейна от должности, отмечал: *«Так окончилась военная карьера самого опасного противника союзников, человека, сочетавшего современные взгляды на маневренный характер боевых действий с классическими представлениями об искусстве маневрирования, детальное знание военной техники с большим искусством полководца… Общее мнение среди генералов, которых мне довелось допрашивать в 1945 году, сводилось к тому, что фельдмаршал фон Манштейн проявил себя как самый талантливый командир во всей армии, и именно его они в первую очередь желали бы видеть в роли главнокомандующего».*

Военное дарование фон Манштейна вынужден был признать и Гитлер, с которым генерал-фельдмаршал постоянно конфликтовал. Фюрер однажды проговорился: «Возможно, что Манштейн – это лучшие мозги, какие только произвел на свет корпус Генштаба». Не исключено, что именно по этой причине Гитлер его и опасался. Вот что пишет английский писатель Д. Ирвинг: «Уважение, испытываемое Гитлером к Манштейну, граничило со страхом».

Генерал-фельдмаршал Ф. фон Паулюс характеризовал фон Манштейна как военачальника, который «пользовался репутацией человека, обладающего высокой квалификацией и оперативным умом и умеющего отстаивать перед Гитлером свое мнение» [535]. Генерал-майор Ф. фон Меллентин отмечал, что подвиги, совершенные фон Манштейном «в начале войны с Россией и затем при завоевании Крыма, принесли ему такую славу, которой мог бы позавидовать любой командующий на Восточном фронте» [536].

Объективно оценивали искусство фон Манштейна и полководцы Красной Армии. Например, Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский отмечал: «Мы ненавидели Эриха фон Манштейна, он был нашим самым опасным противником. Его техническое мастерство и владение ситуацией были великолепны». Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, оценивая ход битвы на Курской дуге в июле 1943 г., писал: «Из анализа действий противника чувствовалось, что в районе Белгорода его войсками руководят более инициативные и опытные генералы. Это действительно было так. Во главе группировки стоял генерал-фельдмаршал Манштейн» [537].

Заметим, что фон Манштейн в целом относился уважительно к своим противникам. Так, рассматривая ход военных действий осенью 1942 г. – зимой 1943 г., он писал: *«Следует сказать, что Советское командование действовало достаточно энергично. Для достижения своих целей оно бросало в бой части, не обращая внимания на возможные потери. Войска русских всегда храбро сражались и иногда приносили невероятные жертвы. Правда, качество русской пехоты значительно снизилось, армия не была еще полностью оснащена артиллерией после потерь 1941 г. Неоспоримо также, что Советское командование многому научилось с начала войны, особенно в отношении организации и использования крупных танковых соединений. Большое количество танков оно имело и в 1941 г., но тогда оно не могло использовать их самостоятельно и в то же время в единых формированиях. Теперь же оно целесообразно организовало их в танковые и механизированные корпуса и одновременно приняло немецкую тактику глубокого прорыва»* [538].

Э. фон Манштейну был присущ свой почерк, свой стиль руководства войсками. Но было в его полководческом искусстве нечто общее с искусством советских полководцев. Фон Манштейн не видел в этом ничего странного. В 1971 г. в предисловии к «Советско-германскому военному словарю» он писал: *«Для меня очевидно, что стратегия, накопленная за время войны, – наша совместная стратегия с русскими. И это несмотря на то, что и мы, и они всегда стремились нанести друг другу как можно больший урон. Это как сложнейшая и многоходовая партия, которую играют великие игроки. Скажу больше – жаль, что эта война поставила наши государства по разные стороны баррикад… Я думаю, что в начале будущего тысячелетия СССР и Германия постепенно придут к новому сближению. Пусть это пока останется лишь моим предсказанием».*

Фон Манштейн, как всегда, оказался прав! Мы наблюдаем сближение, пусть не Советского Союза, а России и Германии.

Фон Манштейн обладал даром предвидения, творчества, новаторства, оригинального мышления. Он умел не только правильно понимать и оценивать сложную обстановку, но и проникать в психологию противника, предвидеть его действия в конкретных условиях боевой действительности.

Для фон Манштейна характерным является стремление к окружению вражеских группировок, их рассечению и уничтожению по частям. Он считал это высшей формой оперативного искусства. Фон Манштейн, учитывая искусство своего противника, в большинстве случаев находил правильное решение, позволявшее ему или избегать окружения, или выходить из него, спасая часть своих войск.

Фон Манштейн всегда стремился массировать силы и средства на избранных направлениях ударов, уделяя большое внимание организации огневого поражения врага. Он обладал умением правильно определять кризисные моменты обстановки, которое сочеталось с настойчивостью и несгибаемой волей в достижении поставленной цели. Хотя, надо признать, не всегда фон Манштейну удавалось склонять чашу весов в свою пользу.

Еще одной из характерных черт полководческого искусства генерал-фельдмаршала фон Манштейна является умение успешно осуществлять маневр имеющимися силами и средствами, в том числе танковыми соединениями и объединениями. Этот маневр осуществлялся с целью остановить продвижение противника, деблокировать окруженные войска, создавать перевес в силах на том или ином направлении. Фон Манштейн, считая внезапность одним из важнейших условий успеха в операции и бою, всегда стремился к ее достижению. Он всегда стремился ввести противника в заблуждение относительно истинных намерений и планов предстоящих действий. С этой целью умело применялись различные приемы маскировки и дезинформации вражеского командования.

Особенность стиля руководства фон Манштейна заключалась и в том, что он считал необходимым приблизить управление к войскам. Обладая мужеством, самообладанием и самоотверженностью, фон Манштейн часто выезжал непосредственно в боевые порядки войск, в ряде случаев рискуя своей жизнью.

Фон Манштейн считался «мастером наступления». Но сложилось так, что он часто выступал в качестве «пожарного» или «Скорой помощи» фюрера. Он с успехом применял тактику «эластичной обороны», чтобы выиграть время для отвода своих войск и занятия ими новых оборонительных рубежей. Гитлер часто ставил фон Манштейну «палки в колеса», сдерживая его

порыв, что в последующем приводило к неудачам, предсказанным талантливым генерал-фельдмаршалом.

Завершая свой рассказ, отметим, что фон Манштейн был достойным соперником советских полководцев. Они относились друг к другу с уважением, как и подобает настоящим мастерам военного дела. Ведь не велика заслуга одержать победу над слабым противником. Фон Манштейн, как показано в книге, к таким не относился. Поэтому победа над сильным врагом в годы Великой Отечественной войны является весомым аргументом в пользу превосходства военного искусства военачальников и полководцев Красной Армии над военным искусством военачальников и полководцев вермахта.

Приложения

Приложение № 1
Основные даты жизни и деятельности генерал-фельдмаршала Э. фон Манштейна

1887, 24 января – Родился в Берлине, настоящие имя и фамилия Фридрих фон Левински.

1894 – Поступил в лицей в Страсбурге.

1900 – Зачислен в кадетский корпус.

1906, 6 марта – После окончания кадетского корпуса назначен в 3-й прусский полк пешей гвардии (Берлин).

1907, 21 января – Присвоено воинское звание лейтенант со стажем с июня 1915 г.

1910, 1 января – Назначен гимнастическим инструктором.

1911, 1 июля – Назначен адъютантом батальона и одновременно офицером суда.

1913, 1 октября – Поступил в Военную академию.

1914, 19 июня – Присвоено воинское звание обер-лейтенант.

2 августа – Назначен адъютантом 2-го гвардейского резервного пехотного полка.

Октябрь – Награжден Железным крестом 2-го класса.

17 ноября – Получил тяжелое ранение в бою у Катовице (Верхняя Силезия).

1915, 17 июня – После выписки из госпиталя назначен адъютантом и офицером Генштаба при командующем армейской группой «Гальвиц», преобразованной 17 августа в 12-ю армию.

24 июля – Присвоено воинское звание капитан.

30 сентября – Назначен адъютантом и офицером Генштаба при командующем 11-й армией.

Осень – В составе 11-й армии фон Манштейн участвует в наступлении в Северной Польше.

Ноябрь – Награжден Железным крестом 1-го класса.

Осень 1915 – весна 1916 – Принимал участие в боевых действиях в Сербии.

1916, март – Назначен офицером Генштаба при Западной группе войск генерала фон Гальвица.

Лето – В составе Западной группы войск фон Манштейн принимает участие в Верденском сражении.

Июнь – Назначен адъютантом и офицером Генштаба при командующем 1-й армией.

Июнь – ноябрь – В составе 1-й армии фон Манштейн участвует в боевых действиях на р. Сомма.

1917, 9 апреля – 5 мая – В составе 1-й армии фон Манштейн

принимает участие в боевых действиях на линии «Зигфрид».

1 октября – Назначен первым офицером Генштаба 4-й кавалерийской дивизии в Курляндии.

1918, 4 мая – Назначен первым офицером Генштаба 213-й пехотной дивизии на Западе.

27 мая – 5 июня – В составе 213-й пехотной дивизии фон Манштейн принимает участие в наступлении на Шмен-де-Дам.

1919, 7 января – Назначен в 3-й прусский полк пешей гвардии.

Февраль – Назначен офицером Генштаба при пограничном командовании «Восток», а затем помощником председателя комиссии по организации будущих Сухопутных войск.

13 августа – Назначен офицером Генштаба при командовании II войсковой группы (Кассель).

1921, 1 октября – Назначен командиром 6-й роты 5-го пехотного полка.

1923, 1 октября – Назначен офицером Генштаба при командовании II военного округа (Штеттин).

1924, 1 октября – назначен офицером Генштаба при командовании IV военного округа (Дрезден).

1927, 1 октября – Назначен офицером Генштаба при IV пехотном командовании (Магдебург).

1928, 1 февраля – Присвоено воинское звание майор.

1929, 1 октября – Назначен офицером Генштаба в отдел T1 (оперативный) Войскового управления.

1931, 1 апреля – Присвоено воинское звание подполковник.

Ноябрь – В составе военной делегации вермахта посетил Советский Союз.

1932 – Прошел переподготовку в Московском и Ленинградском военных округах.

Сентябрь – В качестве гостя присутствовал на маневрах Красной Армии на Кавказе.

1 октября – Назначен командиром егерского батальона 4-го пехотного полка.

1933, 1 декабря – Присвоено воинское звание полковник.

1934, 1 февраля – Назначен начальником штаба III военного округа (г. Берлин).

1935, 1 июля – Назначен начальником I (оперативного) отдела Генерального штаба Сухопутных войск.

1936, 1 октября – Присвоено воинское звание генерал-майор.

6 октября – Назначен 1-м обер-квартирмейстером Генерального штаба, заместителем начальника Генштаба Сухопутных войск.

1938, 4 февраля – Освобожден от должности 1-го обер-

квартирмейстера Генерального штаба Сухопутных войск.

1 апреля – Присвоено воинское звание генерал-лейтенант.

Апрель – Назначен командиром 18-й пехотной дивизии.

Октябрь – В должности начальника штаба армии участвовал в оккупации Судетской области.

1939, 26 августа – Назначен начальником штаба группы армий «Юг».

Сентябрь – В должности начальника штаба группы армий «Юг» участвовал в Польской кампании.

3 октября – Назначен начальником штаба Восточного округа.

22 октября – Назначен начальником штаба группы армий «А».

1940, 27 января – Освобожден от должности начальника штаба группы армий «А».

15 февраля – Назначен командиром 38-го армейского корпуса.

1 июня – Присвоено воинское звание генерал пехоты.

5—22 июня – В должности командира 38-го армейского корпуса участвовал во Французской военной кампании.

19 июля – Награжден Рыцарским крестом Железного креста.

1941, 15 февраля – Назначен командиром 56-го танкового корпуса.

22 июня – август – Под командованием фон Манштейна 56-й танковый корпус совершил рейд из Восточной Пруссии через Двинск (Даугавпилс) до озера Ильмень.

12 сентября – Назначен командующим 11-й армией.

1942, 1 января – Присвоено воинское звание генерал-полковник.

весна – Под руководством фон Манштейна войска 11-й армии разгромили советские войска, высадившиеся в районе Керчи.

1 июля – Присвоено воинское звание генерал-фельдмаршал.

Август – войска 11-й армии под командованием фон Манштейна участвовали в наступлении на Ленинград.

27 ноября – Фон Манштейн вступил в должность командующего группой армий «Дон».

1943, 14 февраля – Группа армий «Дон» переименована в группу армий «Юг» под командованием генерал-фельдмаршала фон Манштейна.

14 марта – Награжден «Дубовыми листьями» к Рыцарскому кресту Железного креста.

июль – Участие войск группы армий «Юг» под командованием фон Манштейна в операции «Цитадель».

1944, 30 марта – Награжден «Мечами» к Рыцарскому кресту Железного креста.

31 марта – Отстранен от должности командующего группой

армий «Юг» и зачислен в резерв.

1945, 8 мая – Арестован британскими войсками и направлен в лагерь в Лунберге.

23 августа – Военнопленный в госпитале Хейлигенхафене.

18 октября – Свидетель и военный консультант защиты Генштаба и ОКВ на Нюрнбергском процессе.

1946, сентябрь – Переправлен в специальный лагерь для офицеров высшего ранга в Великобритании.

1948, 16 августа – Переведен в лагерь Мюнстер (Гамбург).

1949, 23 августа – Процесс против военных преступников в Гамбурге.

19 августа – За «недостаточное внимание к защите жизни гражданского населения» и применение «тактики выжженной земли» фон Манштейн приговорен британским трибуналом к 18 годам тюрьмы, позднее срок был снижен до 12 лет.

19 декабря – Переведен в тюрьму Верль (Вестфалия).

1953, 7 мая – Освобожден из заключения по состоянию здоровья.

1956, лето – Назначен экспертом комиссии бундестага и бундесрата по обороне.

1973, 9 июня – Умер, похоронен в Дорфмарке.

Приложение № 2
Служба в армии (краткая автобиография генерал-фельдмаршала Э. фон Манштейна) [539]

Эрих фон Левински, он же фон Манштейн. Родился 24 ноября 1887 года в Берлине в семье будущего генерала артиллерии и командира 6 армейского корпуса Эдуарда фон Левински. Двойную фамилию получил вследствие усыновления генералом Георгом фон Манштейном. Родная мать и приемная мать – сестры, урожденные фон Шперлинг. Происхождение по линии отца и матери – из старых прусских офицерских семей.

По окончании школы в Страсбурге (Эльзас) воспитывался в кадетском корпусе с 1900 по 1906 год.

После сдачи экзамена на аттестат зрелости поступил в 3 гвардейский полк в Берлине. 1913–1914 годы – учеба в Военной академии.

В Первую мировую войну сначала адъютант 2 гвардейского резервного полка. Бельгия, Восточная Пруссия, Южная Польша. После тяжелого ранения в ноябре 1914 года, с мая 1915 года сначала офицер для поручений, затем офицер штаба в штабах армий генералов фон Гальвица и фон Белова. Наступление в Северной Польше летом 1915 года, кампания в Сербии осенью 1915 года – весной 1916 года. Верден, летнее сражение, весеннее сражение 1917 года на реке Эн. Осенью 1917 года – начальник штаба (и оперативного отделения) 4 кавалерийской дивизии в Курляндии. Май 1918 года – начальник штаба 213 пехотной дивизии на западе. Участие в наступлении в районе Реймса в мае и в июле 1918 года. Затем оборонительные бои на западе до окончания войны.

В начале 1919 года – офицер штаба погранзащиты «Юг» в Бреславле (Вроцлав).

Зачисление в рейхсвер. Служба попеременно в Генеральном штабе и в войсках. (В качестве командира роты в 5 пехотном полку и в качестве командира егерского батальона 4 пехотного полка.)

С февраля 1934 года – начальник штаба 3 военного округа, г. Берлин.

Июль 1935 года – начальник 1 (оперативного) управления Генерального штаба Сухопутных сил.

Октябрь 1936 года – генерал-майор и первый обер-

квартирмейстер Генерального штаба. Одновременно первый помощник и заместитель начальника Генерального штаба генерала Бека.

Февраль 1938 года – в связи с отставкой генерал-полковника барона фон Фрича снят с должности в ОКХ и переведен в Лигниц (Легница) на должность командира 18 дивизии. Участие в оккупации Судетской области в качестве начальника штаба одной из армий.

Мобилизация в 1939 году – начальник штаба группы армий «Юг» (командующий – фон Рундштедт). Участие в польской кампании.

Октябрь 1939 года – переведен с генерал-полковником фон Рундштедтом на ту же должность в группу армий «А» на Западный фронт. Борьба за план наступления, который был принят Гитлером после того, как фон Манштейн был снят ОКХ со своего поста начальника штаба группы армий и назначен командиром пехотного корпуса. В этой должности – участник кампании на Западе в 1940 году. Рыцарский крест.

Участие в подготовительных мероприятиях к вторжению, проводимых на побережье Ла-Манша.

Март 1941 года – командир 56 танкового корпуса: танковый рейд из Восточной Пруссии через Двинск (Даугавпилс) до озера Ильмень. Сентябрь 1941 года – командующий 11 армией. Завоевание Крыма. Зимняя кампания с целью окончательного овладения Крымом. Весна 1942 года – уничтожение советских армий, высадившихся в районе г. Керчь. Затем – завоевание Севастополя, фельдмаршал.

Август 1942 года – задание захватить Ленинград, которое, однако, не удается осуществить. Уничтожение одной советской армии у Ладожского озера.

Ноябрь 1942 года, после прорыва Советов по обе стороны Сталинграда и окончания окружения 6 армии – командующий группой армий «Дон» (позднее – «Юг»). Безуспешная попытка освободить 6 армию. Затем – тяжелые бои по спасению немецкого южного крыла, которые завершаются в марте 1943 года победой под Харьковом. Дубовые листья [540].

Лето 1943 года. Участие в последнем немецком наступлении на востоке: операция «Цитадель». После неудачи руководил тяжелыми оборонительными боями группы армий «Юг»; отступление за Днепр. Продолжение оборонительных боев до польской границы. В конце марта 1944 года – отстранение от командования группой армий как следствие расхождений с Гитлером по вопросам ведения войны на востоке с одновременным награждением мечами к Рыцарскому кресту.

Далее не был использован по службе.

Приложение № 3
Из акта Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немцев в городе Керчи (документ СССР-63) [541]

Захватив город в ноябре 1941 года, гитлеровцы немедленно издали приказ, в котором говорилось: «Жителям Керчи предлагается сдать немецкому командованию все продовольствие, имеющееся в каждой семье. За обнаруженное продовольствие владелец подлежит расстрелу». Следующим приказом номер 2 немецкая городская управа приказала всем жителям немедленно зарегистрировать всех кур, петухов, уток, цыплят, индюков, гусей, овец, коров, телят и рабочий скот. Владельцам домашней птицы было строго запрещено пользоваться птицей и скотом для своих нужд без особого разрешения немецкого коменданта. После опубликования этих приказов начались повальные обыски по всем домам и квартирам…

Свои чудовищные зверства в городе немцы начали отравлением 245 детей школьного возраста.

Согласно приказу немецкого коменданта, все школьники обязаны были явиться в школы в указанный срок. Явившихся с учебниками 245 детей отправили за город, в заводскую школу, якобы на прогулку. Там озябшим и проголодавшимся детям предложили горячий кофе с пирожками, отравленными ядом. Детей, которым кофе не хватило, немецкий фельдшер вызвал в «амбулаторию» и смазал их губы сильнодействующим ядом. Через несколько минут все дети были мертвы. Школьники же старших классов были вывезены на грузовиках и расстреляны из пулеметов в 8 километрах от города. Туда же впоследствии были вывезены трупы и отравленных детей. Там находился очень большой, очень длинный противотанковый ров.

Вечером 28 ноября 1941 г. по городу был вывешен приказ гестапо, согласно которому жители, ранее зарегистрированные в гестапо, должны были 29 ноября от 8 часов утра до 12 часов дня явиться на Сенную площадь, имея с собой трехдневный запас продовольствия. Явиться было приказано всем мужчинам и женщинам, независимо от возраста и состояния здоровья. За неявку на площадь немцы угрожали публичным расстрелом. Пришедшие на площадь 29 ноября были уверены, что их вызвали

для направления на работу. К 12 часам дня на площади собралось свыше 7 тысяч человек. Здесь были юноши, девушки, дети всех возрастов, глубокие старики и беременные женщины. Всех их гестаповцы отправили в городскую тюрьму. Это злодейское истребление обманом заключенного в тюрьму мирного населения производилось немцами по заранее разработанной инструкции гестапо. Сначала заключенным было предложено сдать ключи от своих квартир и указать точные домашние адреса коменданту тюрьмы. Затем у всех арестованных отобрали ценные вещи: часы, кольца, украшения. Несмотря на холод, у всех посаженных в тюрьму были сняты сапоги, валенки, ботинки, костюмы и пальто. Многих женщин и девочек-подростков фашистские негодяи отделили от остальных заключенных, заперли в отдельные камеры, где несчастные подвергались особым, утонченным пыткам – их насиловали, отрезали им груди, вспарывали животы, отрубали руки и ноги, выкалывали глаза.

После изгнания немцев из Керчи 30 декабря 1941 г. красноармейцами во дворе тюрьмы была обнаружена бесформенная груда изуродованных голых девичьих тел, дико и цинично истерзанных фашистами.

Местом массовой казни гитлеровцы избрали противотанковый ров вблизи деревни Багерово, куда в течение трех дней автомашинами свозились целые семьи обреченных на смерть людей.

По приходу Красной Армии в Керчь в январе 1942 года при обследовании Вагеровского рва было обнаружено, что он на протяжении километра в длину, шириной в 4 метра, глубиной в 2 метра, был переполнен трупами женщин, детей, стариков и подростков. Возле рва были замерзшие лужи крови. Там же валялись детские шапочки, игрушки, ленточки, оторванные пуговицы, перчатки, бутылочки с сосками, ботиночки, галоши вместе с обрубками рук и ног и других частей тела. Все это было забрызгано кровью и мозгами.

Фашистские негодяи расстреливали беззащитное население разрывными пулями. На краю лежала истерзанная молодая женщина. В ее объятиях находился аккуратно завернутый в белое кружевное одеяло грудной младенец. Рядом с этой женщиной лежали простреленные разрывными пулями восьмилетняя девочка и мальчик лет пяти. Их ручки вцепились в платье своей матери.

[…]

Двадцатилетний Анатолий Игнатьевич Бондаренко, ныне боец Красной Армии, показал: «Когда нас подвезли к противотанковому рву и выстроили возле этой ужасной могилы,

мы еще думали, что нас привезли сюда для того, чтобы заставить засыпать ров землей или копать новые окопы. Мы не верили, что нас привезли на расстрел. Но когда раздались первые выстрелы из наведенных на нас автоматов, я понял, что расстреливают нас. Я моментально кинулся в яму и притаился между двумя трупами. Так невредимым я в полуобморочном состоянии пролежал почти до вечера. Лежа в яме, я слышал, как некоторые раненые кричали жандармам, расстреливающим их: «Добей меня, мерзавец», «Ох, не попал, негодяй, еще бей!». Затем, когда немцы уехали на обед, один наш односельчанин из ямы крикнул: «Поднимайтесь, кто живой». Я встал, и мы вдвоем стали раскидывать трупы, вытаскивать живых. Я был весь в крови. Над рвом стоял легкий туман и пар от остывающей груды тел, крови и последнего дыхания умирающих. Мы вытащили Науменко Федора и моего отца, но отец был убит наповал разрывной пулей в сердце. Поздней ночью я добрался к своим знакомым в деревню Багерово и там дождался прихода Красной Армии».

Свидетель Каменев А. показал:

«За аэродромом шофер остановил машину, и мы увидели, что у рва немцы расстреливали людей. Нас из машины вывели и по десять человек стали подгонять ко рву. Я с сыном встал в первом десятке. Дошли мы до рва. Нас поставили лицом к яме, а немцы стали готовиться расстреливать нас в затылок. Сын мой обернулся и крикнул им: «За что вы расстреливаете мирное население?» Но раздались выстрелы, и сын сразу упал в яму. Я бросился за ним. В яму на меня стали падать трупы людей. Часа в три дня из груды трупов поднялся мальчик 11 лет и стал кричать: «Дяденьки, кто живой, вставайте, немцы ушли». Я боялся подняться, так как думал, что мальчик кричит по приказанию полицейского. Мальчик второй раз стал кричать, и на этот крик отозвался мой сын. Он поднялся и спросил: «Папа, ты живой?» Я не мог ничего сказать и только качал головой. Сын и мальчик вытащили меня из-под трупов. Мы увидели еще живых людей, которые кричали: «Спасите!» Некоторые из них были ранены. Все время, пока я лежал в яме, под трупами, слышны были крики и плач детей и женщин. Это после нас немцы расстреливали стариков, женщин и детей»…

Приложение № 4
Из документов Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях в городе Керчи (документ СССР-63/6) [542]

…Гр-ка Булычева П. Я., 1894 года рождения, уроженка города Керчи, показала:

«Я была свидетельницей того, как неоднократно гнали наших военнопленных красноармейцев и офицеров, а тех, которые из-за ранений и общего ослабления отставали от колонны, немцы расстреливали прямо на улице. Я несколько раз видела эту страшную картину. Однажды в морозную погоду гнали группу измученных, оборванных, босых людей. Тех, кто пытался поднять куски хлеба, брошенные проходящими по улице людьми, немцы избивали резиновыми плетками и прикладами. Тех, кто под этими ударами падал, расстреливали… В период второй оккупации, когда немцы снова ворвались в Керчь, они с еще большим остервенением стали расправляться с ни в чем не повинными людьми».

…Военнопленные были загнаны в большие здания, которые потом поджигались. Так были сожжены школа им. Войкова и клуб инженерно-технических работников.

Ни одному из них не удалось выбраться из горящего здания. Всех, кто пытался спастись, расстреливали из автоматов. Зверски были замучены раненые бойцы в рыбацком поселке «Маяк».

Другая свидетельница, жительница этого поселка Буряченко А.П., показала:

«28 мая 1942 г. немцы расстреляли всех оставшихся в поселке и не успевших спрятаться мирных жителей. Фашистские изверги издевались над ранеными советскими военнопленными, избивали их прикладами и потом расстреливали. В моей квартире немцы обнаружили девушку в военной форме, которая, оказав фашистам сопротивление, закричала: «Стреляйте, гады, я погибаю за советский народ, за Сталина, а вам, извергам, настанет собачья смерть». Девушка-патриотка была расстреляна на месте».

В районе г. Керчи имеются аджимушкайские каменоломни. Там были истреблены и отравлены газом красноармейцы. Жительница дер. Аджимушкай Дашкова Н.Н. показала:

«…Я лично видела, когда немцы, выловив красноармейцев в каменоломне, подвергли их издевательствам, а потом

расстреляли. Фашисты применяли газы…».

…В клубе имени Энгельса во время оккупации был расположен лагерь советских военнопленных, в котором находилось свыше тысячи человек. Немцы издевались над ними, кормили их один раз в день, гнали на тяжелые изнурительные работы, а тех, кто от истощения падал, расстреливали на месте».

Жительница поселка им. Войкова Шумилова Н.И. показала:

«Я лично видела, когда мимо моего двора вели группу военнопленных. Трое из них не могли двигаться. Они были тут же расстреляны немецким конвоем…»

Гражданка Герасименко П.И., жительница поселка Самострой, показала:

«В наш поселок согнали много красноармейцев и офицеров. Территория, где они находились, была огорожена колючей проволокой. Раздетые и разутые люди умирали от холода и голода. Их держали в самых ужасных, нечеловеческих условиях. Рядом с живыми лежало множество трупов, которые не убирались по несколько дней. Эта обстановка делала еще более невыносимой жизнь в лагере. Пленных избивали прикладами, плетками, кормили их помоями. Жителей, пытавшихся передать пленным пищу и хлеб, избивали, а военнопленных, пытавшихся взять передачи, расстреливали».

В 24-й керченской школе немцы создали лагерь для военнопленных. О порядках, существовавших в этом лагере, показала учительница школы Наумова А.Н.:

«В лагере было много раненых. Несчастные истекали кровью, но оставались без помощи. Я собирала для раненых медикаменты и бинты, а фельдшер из числа военнопленных делал им перевязки. Пленные страдали кровавым поносом, потому что им не давали хлеба, а кормили помоями. Люди падали от истощения и болезней, умирали в страшных мучениях. 20 июня 1942 г. трое военнопленных были избиты плеткой за попытку совершить побег из лагеря. Пленные расстреливались».

Учительница школы им. Сталина Кожевникова лично видела, как была расстреляна группа пленных красноармейцев и офицеров в районе фабрики-кухни и завода им. Войкова.

«В 1943 году немецкие преступники гнали с Кавказа пленных красноармейцев. Вся дорога от переправы до города расстоянием в 18–20 километров была усеяна трупами красноармейцев. Среди пленных было много раненых и больных. Кто не мог идти от истощения или болезней, того по дороге пристреливали».

…В 1942 году фашисты бросили живьем в колодец деревни Аджимушкай 100 пленных красноармейцев, трупы которых впоследствии были извлечены жителями и похоронены в

братской могиле….

Приложение № 5
Из документов Чрезвычайной государственной комиссии, расследовавшей злодеяния немецко-фашистских захватчиков в окрестностях городов Севастополя и Керчи (Документ СССР-6315) [543]

При севастопольской тюрьме немецкое фашистское командование организовало лазарет для больных и раненых военнопленных. В нем массами погибали советские воины.

При организации лазарета больным и раненым в течение 5–6 дней немцы не давали ни воды, ни хлеба, цинично заявляя при этом: «Это наказание за то, что русские с особым упорством защищали Севастополь».

Раненым, доставленным с поля боя, не было оказано никакой медицинской помощи. Бойцов и командиров швыряли на цементный пол, где они и лежали, истекая кровью, по 7–8 суток…

Приложение № 6
Донесение командующего группой армий «Юг» Верховному главнокомандующему вермахтом о ходе строительства оборонительного рубежа по реке Донец [544]

22 марта 1943 г.

По вопросу: оперативный приказ № 5.

Основание: ОКХ, генеральный штаб. Оперативный отдел. № 430163/43. Совершенно секретно. Только для командования. 13.3.1943 г.

В ОКХ, генеральный штаб, оперативный отдел

Во исполнение оперативного приказа № 5 группа армий доносит:

1. Сооружение оборонительных позиций по рубежу р. Донец в восточном и среднем ее течении в соответствии с установками оперативного приказа № 5 идет полным ходом.

Сооружение оборонительных позиций на рубеже Верхнего Донца от Гнилища до Белгорода, а также по линии Белгород – Тамаровка (севернее) – Борисовка начнется тотчас же по выходе наших войск на восточный берег р. Донец по всему его верхнему течению и упрочению переднего края на северном крыле для временной обороны…

2. На рубеже Среднего Донца предусмотрены следующие наиболее существенные улучшения наших позиций:

а) захват излучины Донца южнее Савинцы силами 14-й пехотной дивизии;

б) овладение рубежом от Изюма до колена Донца юго-восточнее Савинцы в связи или во взаимодействии с операцией, указанной в пункте «а». О времени и способе этих действий будет донесено особо.

3. Реорганизация и пополнение пехотных дивизий производится. Масштабы и срок завершения этих мероприятий зависят от подхода личного состава и материалов в целом. От этого зависит высвобождение все еще находящихся на фронте раздробленных частей и соединений и их остатков. Реорганизация в общем закончится к концу апреля, а полностью – к середине мая.

Пополнение подвижных соединений будет организовано так, что все они станут боеспособными, некоторые, конечно, лишь в

ограниченном масштабе (см. пункт 6).

Для оборонительных целей группа армий имеет следующее оперативное построение…

Подвижные соединения. Подвижные соединения перемещены или будут перемещены в нижеприведенной последовательности в следующие районы для отдыха и пополнения…

Создание сильной танковой армии, как требует ОКХ, при использовании управления 4-й танковой армии будет осуществлено в вышеуказанных районах в основном к середине апреля. Готовой к действиям эта армия станет не ранее чем в начале или в середине мая, ибо более полное восстановление боеспособности соединений, которые войдут в состав армии, возможно лишь после их отвода в тыловой район даже при том условии, что ремонт техники начнется ранее и будет производиться систематически.

Предназначенное главным командованием сухопутных войск для 1-й танковой дивизии материальное пополнение, по данным генерал-квартирмейстера, поступит в группу армий не ранее середины апреля.

Сосредоточение этой (4-й танковой) армии для последующей операции, намеченной ОКХ на более поздний срок, из соображений маскировки должно быть произведено непосредственно перед началом действий.

Пока инициатива окончательно не перейдет в наши руки, необходимо оставить по одному подвижному корпусу за фронтом 6-й и 1-й танковой армий.

Части армейского подчинения. Для формирования упомянутой новой танковой армии необходимо освежение или предоставление следующих частей, штабов и т. д…

В заключение считаю своим долгом доложить, что силы группы армий недостаточны для решения поставленных перед ней задач – жесткой обороны всего фронта от Таганрога до Белгорода, равного 650 км, и формирования танковой армии для использования в северном направлении, т. е. за пределами полосы действий группы армий «Юг».

На участке 6-й армии на одну дивизию приходится 20 км, а на участке 1-й танковой армии и армейской группы «Кемпф» – 30 км, причем все пехотные дивизии использованы на оборонительном фронте. Такая плотность не позволяет считать оборону надежно обеспеченной даже при наличии водного рубежа и подвижных резервов в виде двух танковых корпусов: одного для восточного и одного для северного фланга. Если для обороны использовать хотя бы всего пять танковых и моторизованных дивизий, то для наступательных действий

останется лишь восемь подвижных соединений, причем данной армии не будет выделено ни одной пехотной дивизии.

Вынужден указать на то, что группа армий «Юг» при протяженности своего фронта в 650 км располагает лишь 24 пехотными и 13 танковыми и моторизованными дивизиями, в то время как группа армий «Центр» при протяженности фронта 1250 км имеет 69 пехотных и 13 танковых и моторизованных дивизий.

Если принять во внимание, что наибольшему воздействию со стороны противника подвергается группа армий «Юг», то выявляется целесообразность решительного выравнивания сил. Необходимость этого отпала бы в случае наступательных действий группы армий «Центр», которые вынудили бы врага снять крупные силы с фронта группы армий «Юг». Пока же приходится констатировать факты переброски войск из района Кавказа и с участка группы армий «Центр» в полосу действий группы армий «Юг».

КОМАНДУЮЩИЙ ФОН МАНШТЕЙН.

Список использованной литературы и источников

Анфилов В.А. Грозное лето 41 года. М.: Издательский центр Анкил-Воин, 1995.

Бабаджанян А., Кравченко И. 1-я танковая армия в Житомирско-Бердичевской операции // Военно-исторический журнал. 1972. № 9.

Батов П.И. В походах и боях. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. М.: Воениздат, 1974.

Битва под Курском. М., 1946. Кн. 1.

Варфоломеев Н. Ударная армия. 1918 г. на Западном фронте мировой империалистической войны. М., 1933.

Василевский А.М. Дело всей жизни. М.: ОЛМА-ПРЕСС: Звездный мир, 2002.

Василевский А. М. Дело всей жизни. Изд. 3-е. М.: Политиздат, 1978.

Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1989. Т. 1.

Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 2. Происхождение и начало войны. М.: Кучково поле, 2012.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. В четырех книгах. Книга первая. Суровые испытания. М.: Издательство «Библиотека», «Мосгорархив», 1995.

Великая победа на Волге. М., 1965.

Версальский мирный договор. Пер. с франц. М., 1925.

Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 1. М., 1946.

Военная разведка информирует. Январь 1939 – июнь 1941. М.: Международный фонд «Демократия», 2008.

Военные поучения фельдмаршала графа Мольтке. Пер с нем. СПб., 1913.

Война и общество в XX веке: В 3 кн. Кн. 2: Война и общество накануне и в период Второй мировой войны. М., 2008.

Вооруженные силы капиталистических государств. 2-е изд. доп. / Под общ. ред. П.И. Сергеева. М.: Воениздат, 1979.

Вторая мировая война. Материалы научной конференции. Кн. 2. М., 1966.

Гальдер Ф. Военный дневник: Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг.: Пер. с нем. Т. 1. М., 1968.

Гальдер Ф. Военный дневник. 22.06.1941—24.09.1942. / Пер. с нем. И. Глаголева; Предисл. и коммент. канд. ист. наук

Е. Кулькова. М.: ОЛМА-ПРЕСС: Звездный мир, 2004.

Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы. М.: Международный фонд «Демократия», 2001.

Гетман А.Л. Танки идут на Берлин. М.: Наука, 1973.

Год кризиса, 1938–1939: Документы и материалы. В 2 т. Т. 2. 2 июня 1939 г. – 4 сентября 1939 г. / М-во иностр. дел СССР; Редкол.: Бондаренко А. П. и др. М.: Политиздат, 1990.

Глазунов Н.К. Бундесвер и НАТО: история создания и развития вооруженных сил ФРГ (1955–1978). М.: Воениздат, 1979.

Горлов С.А. Совершенно секретно: Альянс Москва – Берлин, 1920–1933 гг. (Военно-политические отношения СССР – Германия). М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.

Грылев А.Н. Днепр – Карпаты – Крым. Освобождение Правобережной Украины и Крыма в 1944 году. М.: Наука, 1970.

Грылев А.Н. За Днепром. М.: Воениздат, 1963.

Гудериан Г. Воспоминания солдата / Пер. с немецкого. Смоленск: Русич, 2003.

Дайнес В.О. Жуков. М.: Молодая гвардия, 2005.

Дайнес В.О. Жуков. Рожденный побеждать. М.: Яуза: Эксмо, 2008.

Дайнес В.О. Советские танковые армии в бою \ Владимир Дайнес. М.: Яуза: Эксмо, 2010.

Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторический очерк. Документы и материалы. Т. 1. М., 1973.

Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Ист. очерки, документы и материалы. В двух томах. М.: Наука, 1973. Т. 2.

Дерр Г. Поход на Сталинград (Оперативный обзор). М.: Воениздат, 1957.

Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937–1939. Т. 2. Янв. – авг. 1939 г. / М-во иностр. дел СССР; Редкол.: Бондаренко А.П., Земсков И.Н. и др. М.: Политиздат, 1981.

Документы о подготовке нападения Германии на Польшу / Военно-исторический журнал. 1969. № 8.

Дриг Е. Механизированные корпуса РККА в бою: История автобронетанковых войск Красной Армии в 1940–1941 годах. М.: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2005.

Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922–1933. Неизвестные документы. М.: Сов. Россия, 1992.

Жадов А.С. Четыре года войны. М., 1978.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3-х т. 10-е изд.,

дополненное по рукописи автора. М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1990. Т. 2.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3-х т. 10-е изд., дополненное по рукописи автора. М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1990. Т. 3.

Замулин В. Курский излом. Решающая битва Отечественной войны. М.: Яуза: Эксмо, 2007.

Игнатьев А.В. Русско-английские отношения накануне Первой мировой войны (1908–1914 гг.). М., 1962.

Известия. 1922 г. 10 мая. № 102 (1541).

Известия ЦК КПСС. 1991. № 7.

История Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1963. Т. 2.

История внешней политики СССР. Ч. I, 1917–1945. М., 1966.

История Второй мировой войны 1939–1945. В 12 т. М.: Воениздат, 1974. Т. 3.

История Второй мировой войны 1939–1945. В 12 т. М.: Воениздат, 1975. Т. 5.

История Второй мировой войны 1939–1945. В 12 т. М.: Воениздат, 1976. Т. 6.

История второй мировой войны 1939–1945. В 12 т. М.: Воениздат, 1976. Т. 7.

История второй мировой войны 1939–1945. В 12 т. М.: Воениздат, 1977. Т. 8.

История дипломатии. Изд. 2-е. М., 1963. Т. 2.

История Первой мировой войны 1914–1918. В двух томах. М.: Наука, 1975. Т. 2.

Кардашов В.И. Рокоссовский. 4-е изд. М.: Молодая гвардия, 1984.

Карел Пауль. «Барбаросса»: от Бреста до Москвы / Пер. с нем. А. Уткина. Смоленск: Русич, 2003.

Катуков М.Е. На острие главного удара. М.: Воениздат, 1974.

Кейтель В. Мемуары фельдмаршала. Победы и поражения вермахта. 1938–1945 гг. / Пер. с англ. П.Ю. Никишова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004.

Кейтель В. Размышления перед казнью. М., 1998.

Ключников Ю.В., Сабанин А. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 1. От Французской революции до империалистической войны. М., 1925.

Командиры второй мировой войны: Часть II / Авт. – сост. А.Н. Гордиенко. Мн.: Литература, 1998.

Конев И. С. Записки командующего фронтом. М.: Наука, 1972.

Конев И. С. Записки командующего фронтом. 1943–1945. М., 1981.

Конев И.С. Записки командующего фронтом. М.: Голос, 2000.

Корум Дж. С. «Корни блицкрига»: Ганс фон Зект и германская военная реформа / Перевод: Евгений Дурнев. @ Военная литература [militera.lib/ru], 2007.

Краснов В.Г., Дайнес В.О. Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт: Документы. Мнения. Размышления. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000.

Краснов В.Г. Неизвестный Жуков. Лавры и тернии полководца. Документы. Мнения. Размышления. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000.

Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. М.: Голос, 2000.

Куманев Г.А. Сталинградская битва (Краткий военно-исторический очерк, документы, материалы). М.: МППА «БИМПА», 2007.

Лелюшенко Д.Д. Москва – Сталинград – Берлин – Прага. Записки командарма. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. М.: Наука, 1975.

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41.

Ленинград выстоял и победил. М., 2004.

Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. М., 1976.

Локарнская конференция: Документы. М., 1959

Лопуховский Л. Прохоровка. Без грифа секретности. М.: Эксмо, Яуза, 2007.

Маношин И.С. Героическая трагедия. О последних днях обороны Севастополя 29 июня – 13 июля 1942 г. Симферополь: Таврида, 2011.

Манштейн Х.Г. Записки Манштейна о России. 1727–1744. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1875.

Манштейн Э. *фон.* Солдат XX века \ Эрих фон Манштейн; пер. с нем. Е.В. Пономаревой. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2006.

Манштейн Э. Утерянные победы / Пер. с нем.; Худож. А. Шуплецов. Смоленск: Русич, 2003.

Меллентин Ф.В. Танковые сражения: Боевое применение танков во Второй мировой войне: Пер. с нем. / М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб: «Издательство «Полигон», 2003.

Мерецков К.А. На службе народу. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.

Мировая война в цифрах. М.: Л., 1934.

Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2002.

Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Док. и материалы. М., 2005.

Митчелл Ф. Танки на войне. Пер. с англ. М., 1936.

На земле Беларуси: канун и начало войны. М.: Кучково поле, 2006.

Надысев Г.С. На службе штабной. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Воениздат, 1976.

Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сб. материалов в 7 томах. М., 1958. Т. 2.

Нюрнбергский процесс. Преступления против человечности. М.: Юридическая литература, 1991. Том 5.

Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1954. Том I.

Оглашению не подлежит. СССР – Германия 1939–1941: Документы и материалы. М., 1991.

Португальский Р. Маршал Конев. Мастер окружений. М.: Яуза: Эксмо, 2007.

Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: Документы и материалы. М., 1987.

Причины второй мировой войны. Документы и комментарии. М., 1988.

Радзиевский А.И. Танковый удар: танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1977.

Рейхсвер и Красная армия: Документы из военных архивов Германии и России, 1923–1933. Кобленц, 1995.

Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М.: Голос, 2000.

Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 4. Оп. 3. Д. 3268. Л. 139; Оп. 15. Д. 72.

Россия и Германия. Вып. 1. М., 1998.

Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.

Ротмистров П.А. Стальная гвардия. М.: Воениздат, 1984.

Ротмистров П.А. Танковое сражение под Прохоровкой. М., 1960.

Русский архив: Великая Отечественная: Курская битва. Документы и материалы 27 марта – 23 августа 1943 г. Т. 15 (4–4). М.: ТЕРРА, 1997.

Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). М.: ТЕРРА, 1996.

Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2). М.: ТЕРРА, 1996.

Русский архив: Великая Отечественная: Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). М.: ТЕРРА, 1999.

Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). М.: ТЕРРА, 1999.

Русский архив: Великая Отечественная: Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1943 год. М.: ТЕРРА, 1999. Т. 23 (12-3).

Самсонов А.М. Сталинградская битва. 3-е изд., доп. М.: Наука, 1983.

Сборник документов Верховного Главнокомандования за период Великой отечественной войны. Т. 3, январь – декабрь 1943 г. М.: Воениздат, 1969.

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 33. М.: Воениздат, 1957.

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 34. М.: Воениздат, 1957.

Смирнов П.С. Прорыв укрепленной полосы. М., 1941.

Советские танковые войска 1941–1945. Военно-исторический очерк. М.: Воениздат, 1973.

СС в действии. М.: Издательство иностранной литературы, 1960.

Сталинградская битва. Хроника, факты, люди. В 2 кн. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Кн. 2.

Типпельскирх К. История второй мировой войны. Перевод с немецкого. М., 1956.

Толанд Д. Адольф Гитлер. М., 1993. Т. 2.

Турнэс Р. Фош и победа союзников 1918 г. Пер. с франц. М., 1938.

Фош Ф. Воспоминания (война 1914–1918 гг.). Пер. с франц. М., 1939.

Хаупт В. Сражения группы армий «Север». Взгляд офицера вермахта. М.: Яуза: Эксмо, 2006.

Хаупт В. Сражения группы армий «Юг». Взгляд офицера вермахта. М.: Яуза: Эксмо, 2006.

Черемисов В. Основы германской тактики. СПб., 1914.

Чистяков И.М. Служим Отчизне. 2-е изд. М.: Воениздат, 1985.

Шеин Д.В. Танковая гвардия в бою. М.: Яуза: Эксмо, 2009.

Шлиффен А. Канны. Пер. с нем. М.: Воениздат, 1938.

Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Bd. 12. Berlin, 1939.

Fall Barbarossa: Documente zur Vorbereitung der faschistichen Wehrmacht auf die Aggression gegen die Sowjetunion (1940/41). Berlin, 1970.

*Meier-Welcker H.*Seckt. Frankfurt a. M., 1967.

Speer A. Erinnerungen. Frankfurt a. M., 1969.

Westphal Siegfried: Der deutsche Generalstab auf der Anklagebank. Mainz, 1978

notes

Примечания

1

Цит. по: *Манштейн Э. фон.* Солдат XX века / Эрих фон Манштейн; пер. с нем. Е.В. Пономаревой. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2006. С. 11.

2

Цит. по: *Манштейн Э. фон.*Солдат XX века. С. 12.

3

См.: *Манштейн Х.Г.* Записки Манштейна о России. 1727–1744. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1875.

4

Цит. по: *Манштейн Э. фон.*Солдат XX века. С. 14.

5

Адъютант (нем. Adjutant из лат. adjūtāns, род. п. adjūtantis – «помогающий») – ранее воинское звание, позднее – должность обер-офицера, который состоял при военачальнике или при штабе в звене батальон – фронт для выполнения служебных поручений или штабной работы.

6

См.: Военные поучения фельдмаршала графа Мольтке. Пер с нем. СПб., 1913. С. 3.

7

См.: *Черемисов В.* Основы германской тактики. СПб., 1914. С. 158.

8

См.: *Шлиффен А.* Канны. Пер. с нем. М.: Воениздат, 1938. С. 366.

9

В 1879 г. Германия заключила военный союз с Австро-Венгрией, направленный против России и Франции. К нему в 1882 г. присоединилась Италия. В результате образовался военно-политический Центральный блок – «Тройственный союз» (См.: *Ключников Ю.В., Сабанин А.* Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях, ч. 1. От Французской революции до империалистической войны. М., 1925. С. 232–233).

10

См.: История дипломатии. Изд. 2-е. М., 1963. Т. 2. С. 559.

11

См.: *Игнатьев А.В.* Русско-английские отношения накануне первой мировой войны (1908–1914 гг.). М., 1962. С. 64.

12

7 августа 1915 г. армейская группа «Гальвиц» была преобразована в 12-ю армию. 30 сентября генерал Гальвиц назначается командующим 11-й армией, предназначенной для военных действий против Сербии, под общим командованием генерал-фельдмаршала А. фон Макензена.

13

См.: *Смирнов П.С.* Прорыв укрепленной полосы. М., 1941. С. 45.

14

См.: Мировая война в цифрах. М.: Л., 1934. С. 23.

15

План операции был разработан под руководством главнокомандующего французскими армиями генерала Р. Ж. Нивеля.

16

Der Weltkrieg 1914 his 1918. Berlin, 1939. Bd. 12. S. 410.

17

См.: История Первой мировой войны. 1914–1918. В двух томах. М.: «Наука», 1975. Т. 2. С. 463.

18

См.: *Варфоломеев Н.* Ударная армия. 1918 г. на Западном фронте мировой империалистической войны. М., 1933. С. 94.

19

См.: *Турнэс Р.* Фош и победа союзников 1918 г. Пер. с франц. М., 1938. С. 94. В этот же день к месту прорыва прибыли только две дивизии, на следующий день еще три.

20

См.: *Фош Ф.* Воспоминания (война 1914–1918 гг.). Пер. с франц. М., 1939. С. 286.

21

См.: История Первой мировой войны. 1914–1918. Т. 2. С. 471.

22

Цит. по: *Манштейн Э. фон.*Солдат XX века. С. 18–19.

23

В исторической литературе употребляются два термина – «Сухопутные силы» и «Сухопутные войска». В ходе дальнейшего повествования речь будет идти о Сухопутных войсках.

24

Фридрих Карл фон Лоссберг (30 апреля 1868 г. – 4 мая 1942 г.) – военный деятель, генерал. Участник Первой мировой войны, начальник штаба армии. В 1927 г. уволен в отставку.

25

Рейхсвер (нем. Reichswehr, от Reich – государство, империя и Wehr – оружие, оборона) – вооруженные силы Германии в 1919–1935 гг.

См.: Версальский мирный договор. Пер. с франц. М., 1925.

27

См.: *Манштейн Э. фон.* Солдат XX века. С. 29–30.

28

Цит. по: *Манштейн Э. фон.*Солдат XX века. С. 40.

29

Подробнее см.: *Корум Дж. С.*«Корни блицкрига»: Ганс фон Зект и германская военная реформа / Перевод: Евгений Дурнев. @ Военная литература [militera.lib/ru], 2007.

30

См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 352–353.

31

Цит. по: Meier-Welcker H. Seckt. Frankfurt a. M., 1967. S. 294–295.

32

См.: *Горлов С.А.* Совершенно секретно: Альянс Москва – Берлин, 1920–1933 гг. (Военно-политические отношения СССР – Германия). М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 126.

33

См.: Известия. 1922 г. 10 мая. № 102 (1541).

34

См.: *Краснов В.Г., Дайнес В.О.* Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт: Документы. Мнения. Размышления. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 390.

35

См.: *Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С.* Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922–1933. Неизвестные документы. М.: Сов. Россия, 1992. С. 16.

36

13 марта 1920 г. генеральный директор Управления земледелия В. Капп при поддержке командующего I войсковой группой генерала пехоты В. фон Лютвица попытался захватить власть в Берлине. Однако капповский путч быстро провалился. 18 марта, получив гарантии неприкосновенности и непреследования властями, генерал Лютвиц объявил о своей отставке, а Капп бежал в Швецию.

37

Цит. по: *Манштейн Э. фон.* Солдат XX века. С. 40.

38

См.: *Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С.* Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922–1933. Неизвестные документы. С. 19–20.

39

Курт Штудент (12.05.1890 – 01.07.1978) – генерал-полковник (1944). Участник Первой и Второй мировых войн. Основатель и первый командующий воздушно-десантными войсками Германии.

40

Гельмут Вильберг (01.06.1880 – 20.11.1941) – генерал авиации (1940), один из ведущих авиационных теоретиков рейхсвера.

41

Ганс Ешоннек (09.04.1899 – 19.08.1943) – генерал-полковник (1942). С 1 февраля 1939 г. начальник Генерального штаба люфтваффе. 18 августа 1943 г. при отражении налета британской авиации на Пенемюнде отдал приказ частям ПВО открыть огонь по группе из 200 германских истребителей, принятых за англо-американские самолеты. На следующий день, после аудиенции с Гитлером, Ешоннек застрелился.

РККФ – Рабоче-Крестьянский Красный Флот.

43

См.: *Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С.* Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922–1933. Неизвестные документы. С. 104.

44

Барон Курт фон Хаммерштейн-Экворд (26.9.1878 – 25.04.1943) – генерал-полковник (1934). В начале Второй мировой войны командовал группой армий «А», затем VIII районом обороны в Силезии. За свое отрицательное отношение к нацизму по указанию Гитлера освобожден от должности. Умер от рака в Берлине.

45

Войсковое управление – замаскированное наименование Генерального штаба рейхсвера.

46

Вильгельм Адам (1877–1949) – генерал-полковник (1938). В 1931 г. сменил генерала К. фон Шлейхера на посту начальника Войскового управления. С октября 1933 г. командовал VII военным округом, с 1935 г. – начальник академии Сухопутных войск. 1 апреля 1938 г. назначен командующим 2-й армейской группой, а в ноябре уволен в отставку за плохую подготовку «Западного вала» и пессимизм в отношении возможного конфликта с западными державами.

47

Вильгельм Кейтель (22.09.1882 – 16.10.1946) – генерал-фельдмаршал (1940). Участник Первой мировой войны, затем служил в рейхсвере. В 1935 г. с должности командира дивизии назначен начальником управления военного министерства, а в феврале 1938 г. – начальником штаба Верховного главнокомандования вооруженных сил. Кейтель разработал и издал ряд директив и приказов, в том числе директиву «Об особой подсудности в районе “Барбаросса”» и приказ «О комиссарах», в соответствии с которыми войска вермахта в ходе Второй мировой войны совершили военные преступления и преступления против человечности. После неудавшегося покушения на Гитлера в июне 1944 г. Кейтель входил в состав назначенного Гитлером «офицерского суда», вынесшего смертные приговоры участникам заговора. 8 мая 1945 г. Кейтель подписал Акт о капитуляции вооруженных сил нацистской Германии. Как один из главных немецких военных преступников приговорен Международным военным трибуналом в Нюрнберге к смертной казни и повешен.

См.: *Манштейн Э. фон.* Солдат XX века. С. 58.

49

Самбия (нем. Samland, лит. Semba, польск. Sambia) – историческая область Восточной Пруссии, ныне – в составе Калининградской области. Название происходит от прусского племени самбов.

50

См.: *Горлов С.А.* Совершенно секретно: Альянс Москва – Берлин, 1920–1933 гг. (Военно-политические отношения СССР – Германия). С. 260–261.

51

См.: Командиры второй мировой войны: Часть II / Авт. – сост. А.Н. Гордиенко. Мн.: Литература, 1998. С. 120.

52

См.: *Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С.* Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922–1933. Неизвестные документы. С. 128.

53

См.: Рейхсвер и Красная армия: Документы из военных архивов Германии и России, 1923–1933. Кобленц, 1995. С. 126.

54

РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 3268. Л. 139; Оп. 15. Д. 72. Л. 417.

55

Речь идет о договорах, парафированных 16 октября 1925 г. на Локарнской конференции и подписанных 1 декабря в Лондоне. Они предусматривали сохранение территориального статус-кво (включая Рейнскую демилитаризованную зону) и неприкосновенность германо-французской и германо-бельгийской границ, как они были определены Версальским договором 1919 г., а также обязательство Германии, Франции и Бельгии не нападать друг на друга и разрешать возникающие споры методом мирного урегулирования – путем арбитража или судебного решения. (См.: Локарнская конференция: Документы. М., 1959). Договор вступал в силу после того, как Германия становилась членом Лиги Наций (сентябрь 1926 г.). Кроме того, были подписаны также франко-польский и франко-чехословацкий гарантийные договоры, по которым Франция обязалась оказывать этим двум странам помощь в случае нарушения их границ.

56

Густав Штреземан (1878–1929) – лидер немецкой народной партии, рейхсканцлер Германии с августа по ноябрь 1923 г., министр иностранных дел с августа 1923 г.

Цит. по: *Манштейн Э. фон.* Солдат XX века. С. 44–45.

58

См.: *Горлов С.А.* Совершенно секретно: Альянс Москва – Берлин, 1920–1933 гг. (Военно-политические отношения СССР – Германия). С. 290.

59

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы / Пер. с нем.; Худож. А. Шуплецов. Смоленск: Русич, 2003. С. 83.

60

Гитлерюгенд (нем. Hitllerjugend, сокращение HJ, прозвище «коричневорубашечники») – юношеская военизированная национал-социалистическая организация Германии.

61

СА (нем. SA, Sturmabteilungen) – штурмовые отряды, военизированные формирования НСДАП.

См.: *Манштейн Э. фон.* Солдат XX века. С. 74.

63

Цит. по: *Манштейн Э. фон.*Солдат XX века. С. 134.

Цит. по: *Манштейн Э. фон.*Солдат XX века. С. 81.

65

Снискание расположения (лат.).

СС (нем. SS, Schutzstaffel, охранные отряды) – вооруженные формирования НСДАП.

67

Цит. по: *Манштейн Э. фон.* Солдат XX века. С. 85–86.

См.: Россия и Германия. Вып. 1. М., 1998. С. 297.

69

Цит. по: *Манштейн Э. фон.*Солдат XX века. С. 99.

См.: Причины второй мировой войны. Документы и комментарии. М., 1988. С. 274.

71

ОКВ – нем. Oberkommando der Wehrmacht – Верховное главнокомандование вермахта.

Цит. по: *Кейтель В.* Размышления перед казнью. М., 1998. С. 75, 102.

Цит. по: *Гудериан Г.* Воспоминания солдата / Пер. с немецкого. Смоленск: Русич, 2003. С. 418.

См.: Война и общество в XX веке: В 3 кн. Кн. 2: Война и общество накануне и в период Второй мировой войны. М., 2008. С. 106.

75

См.: *Кейтель В.* 12 ступенек на эшафот… Ростов н/Д.: Феникс, 2000. С. 126–137.

Цит. по: *Манштейн Э. фон.*Солдат XX века. С. 108.

77

Цит. по: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 2. Происхождение и начало войны. М.: Кучково поле, 2012. С. 447.

См.: Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Док. и материалы. М., 2005. С. 20–21.

79

В 1937 г. к Антикоминтерновскому пакту присоединилась Италия.

См.: *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторический очерк. Документы и материалы. Т. 1. М., 1973. С. 125–127.

81

См.: *Манштейн Э. фон.* Солдат XX века. С. 120.

Там же. С. 144–146.

83

См.: *Манштейн Э. фон.* Солдат XX века. С. 123.

См.: *Кейтель В.* Мемуары фельдмаршала. Победы и поражения вермахта. 1938–1945 гг. / Пер. с англ. П.Ю. Никишова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. С. 50.

85

Аншлюс – нем. Anschluss – присоединение, союз.

86

Население Судетской области Чехословакии встречало солдат вермахта цветами.

87

Подробнее см.: Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937–1939. Т. 2. Янв. – авг. 1939 г. / М-во иностр. дел СССР; Редкол.: Бондаренко А. П., Земсков И. Н. и др. М.: Политиздат. 1981. С. 167–243, 324–325; Год кризиса, 1938–1939: Документы и материалы. В 2 т. Т. 2. 2 июня 1939 г. – 4 сентября 1939 г. / М-во иностр. дел СССР; Редколл.: Бондаренко А. П. и др. М.: Политиздат, 1990. С. 168–174.

88

Год кризиса, 1938–1939: Документы и материалы. В 2 т. М.: Политиздат. Т. 2. 2 июня 1939 г. – 4 сентября 1939 г. С. 319–321.

89

См.: Оглашению не подлежит. СССР – Германия 1939–1941: Документы и материалы. М., 1991. С. 57–59.

90

См.: Причины второй мировой войны. Документы и комментарии. С. 273.

91

См.: История Второй мировой войны 1939–1945. В 12 т. М.: Воениздат, 1974. Т. 3. С. 17.

92

См.: Документы о подготовке нападения Германии на Польшу / Военно-исторический журнал. 1969. № 8. С. 68–71.

93

См.: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 32. В дальнейшем состав сил вермахта и польской армии, а также планы германского командования будут излагаться по мемуарам Э. фон Манштейна.

Легкие дивизии представляли собой моторизованные соединения, имевшие в своем составе 70—130 бронеавтомобилей и до 90 танков.

95

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 20–21.

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 38.

Там же. С. 29.

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 30.

См.: На земле Беларуси: канун и начало войны. М.: Кучково поле, 2006. С. 33.

100

См.: На земле Беларуси: канун и начало войны. С. 214–215.

101

Там же. С. 33.

Там же. С. 215–216.

103

Там же. С. 216.

См.: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 53.

105

См.: На земле Беларуси: канун и начало войны. С. 220–224.

См.: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 58.

107

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 58.

См.: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 63.

109

История внешней политики СССР. Ч. I, 1917–1945. М., 1966. С. 356.

См.: Вторая мировая война. Материалы научной конференции. Кн. 2. М., 1966. С. 222.

111

См.: *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны. Перевод с немецкого. М., 1956. С. 28.

См.: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 64.

113

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 68.

114

См.: *Гальдер Ф.* Военный дневник / Пер. с нем. М., 1968. Т. 1. С. 132, 137.

115

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 113.

116

См.: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 115–117.

Эта группа действовала в составе группы армий «Б».

118

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 121.

119

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 107.

120

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 134.

121

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 135.

122

См.: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 138.

123

«Dyle-Plan» – стратегический план войны Франции против Германии, разработанный в 1939 году.

124

См.: История второй мировой войны 1939–1945. Т. 3. С. 81, 89.

125

В 1940 г. в вермахте не существовало штатных танковых и моторизованных корпусов. Корпуса, в которые входили танковые и моторизованные дивизии, продолжали называться армейскими. В книге дается наименование корпусов по их фактическому составу.

126

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 186–187.

127

Speer A. Erinnerungen. Frankfurt a. M. 1969. S. 188.

128

Гальдер Ф. Военный дневник: Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг.: Пер. с нем. Т. 1. М., 1968. С. 492.

129

См.: Военная разведка информирует. Январь 1939 – июнь 1941. М.: Международный фонд «Демократия», 2008. С. 440–441.

130

См.: Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: Документы и материалы. М., 1987. С. 42–46.

131

Fall Barbarossa: Documente zur Vorbereitung der faschistichen Wehrmacht auf die Aggression gegen die Sowjetunion (1940/41). Berlin, 1970. S. 157–161.

132

См.: Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 132.

133

Цит. по: Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сб. материалов в 7 томах. Т. 2. М., 1958. С. 674.

134

См.: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. В четырех книгах. Книга первая. Суровые испытания. М.: Издательство «Библиотека», «Мосгорархив», 1995. С. 88.

135

См.: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. В четырех книгах. Книга первая. Суровые испытания. С. 94.

В ряде работ он именуется то моторизованным, то танковым корпусом.

Фон Манштейн называет ее иногда моторизованной.

138

См.: Нюрнбергский процесс. Преступления против человечности. Том 5. М.: Юридическая литература, 1991.

139

См.: *Манштейн Э. фон.* Солдат XX века. С. 588–590.

140

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 194.

141

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 196–198.

142

Цит. по: *Анфилов В.А.* Грозное лето 41 года. М.: Издательский центр Анкил-Воин, 1995. С. 120–121.

143

См.: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 34. М.: Воениздат, 1953. С. 85.

144

См.: *Дриг Е.* Механизированные корпуса РККА в бою: История автобронетанковых войск Красной Армии в 1940–1941 годах / Евгений Дриг. М.: АСТ Москва: Транзиткнига, 2005. С. 343–344.

145

См.: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 33. М.: Воениздат, 1957. С. 19.

146

См.: *Краснов В.Г.* Неизвестный Жуков. Лавры и тернии полководца. Документы. Мнения. Размышления. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 189–191.

147

См.: *Хаупт В.* Сражения группы армий «Север». Взгляд офицера вермахта. М.: Яуза: Эксмо, 2006. С. 34.

148

См.: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 33. С. 49.

149

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 211.

150

Майор Ниман – адъютант командира 56-го танкового корпуса.

151

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 209.

152

Цит. по: *Лелюшенко Д.Д.* Москва – Сталинград – Берлин – Прага. Записки командарма. Издание 3-е, исправленное и дополненное. М.: Наука, 1975. С. 24.

153

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). М.: ТЕРРА, 1996. С. 27.

154

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 30–31.

155

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 354–355.

156

См.: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 34. С. 91.

157

См.: *Гальдер Ф.* Военный дневник. 22.06.1941 – 24.09.1942. / Пер. с нем. И. Глаголева; Предисл. и коммент. канд. ист. наук Е. Кулькова. М.: ОЛМА-ПРЕСС: Звездный мир, 2004. С. 71.

158

Цит. по: *Гальдер Ф.* Военный дневник. 22.06.1941 – 24.09.1942. С. 76.

159

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 214.

160

Цит. по: *Гальдер Ф.* Военный дневник. 22.06.1941 – 24.09.1942. С. 182.

161

Центральный фронт был создан 24 июля 1941 г. в результате разделения Западного фронта. Управление Центрального фронта образовано на базе полевого управления 4-й армии. В состав фронта вошли 13-я, 21-я, а 1 августа – 3-я армии.

162

См.: *Гальдер Ф.* Военный дневник. 22.06.1941 – 24.09.1942. С. 197.

163

Северо-Западное направление было образовано постановлением ГКО от 10 июля 1941 г. с целью координации действий фронтов и флотов на северо-западном ТВД. Главнокомандующим направлением был назначен маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов.

См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1963. Т. 2. С. 80.

165

10 июля 1941 г. постановлением Государственного Комитета Обороны № 83 Ставка Главного Командования была преобразована в Ставку Верховного Командования, которая 8 августа переименована в Ставку Верховного Главнокомандования под председательством И.В. Сталина.

166

Цит. по: *Гальдер Ф.* Военный дневник. 22.06.1941 – 24.09.1942. С. 242.

167

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 222.

168

Речь идет о реке Северский Донец.

169

См.: *Гальдер Ф.* Военный дневник. 22.06.1941 – 24.09.1942. С. 249.

В ряде изданий он именуется армейским корпусом.

171

См.: *Батов П.И.* В походах и боях. Издание 3-е, исправленное и дополненное. М.: Воениздат, 1974. С. 27.

172

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 115.

173

Думитреску (Dumitrescu) Петре (12.02.1882–1948 или 1950) – румынский военный деятель, генерал армии (18.07.1942). С марта 1941 г. командовал румынской 3-й армией. Награжден Рыцарским крестом с дубовыми ветвями. В августе 1944 г. переведен в резерв. После войны арестован и в 1946 г. осужден за военные преступления. Умер в тюрьме.

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 236.

175

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 206–207.

176

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 212.

6 октября 1941 г. была переименована в 1-ю танковую армию.

178

См.: *Карел Пауль.*«Барбаросса»: от Бреста до Москвы / Пер. с нем. А. Уткина. Смоленск: Русич, 2003. С. 390.

179

А в плен было захвачено 65 тыс. человек. (См.: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 242.)

180

Антонеску (Antonescu) Ион [02(14).06.1882 – 01.06.1946] – румынский государственный и военный деятель. С 1933 г. начальник румынского Генштаба, с 1938 – министр обороны Румынии. В сентябре 1940 г. стал диктатором Румынии. Решением руководящего центра антифашистского вооруженного восстания, начавшегося во время продвижения Красной Армии в глубь Румынии, 23 августа 1944 г. был арестован как военный преступник и 1 июня 1946 г. по приговору народного трибунала казнен.

181

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 256.

182

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 244.

183

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 276.

См.: Известия ЦК КПСС. 1991. № 7. С. 195.

Цит. по: Известия ЦК КПСС. 1991. № 7. С. 195.

186

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 395.

187

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 291–292.

Цит. по: Известия ЦК КПСС. 1991. № 7. С. 199.

189

См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 310.

190

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 256.

191

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). С. 401–404.

Там же. С. 406.

193

Цит. по: *Кузнецов Н.Г.* Курсом к победе. М.: Голос, 2000. С. 182.

194

Последующие годы генерал граф фон Шпонек провел в крепости Гермерсгейм. Попытки фон Манштейна добиться его полной реабилитации остались безуспешными. По приказу Гиммлера граф фон Шпонек был расстрелян после 20 июля 1944 г.

195

Согласно директиве № 006144 Ставки ВГК с 12 часов 30 декабря 1941 г. Закавказский фронт был переименован в Кавказский фронт.

196

Цит. по: *Манштейн Э. фон.*Солдат XX века. С. 259–260.

197

Цит. по: *Манштейн Э. фон.* Солдат XX века. С. 261.

См.: СС в действии. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. С. 517–518.

199

Цит. по: *Манштейн Э. фон.*Солдат XX века. С. 631–632.

200

См.: Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Том. I. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1954. С. 469–470.

201

См.: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 1. М., 1946. С. 202–214.

202

См.: Нюрнбергский процесс. Преступления против человечности. Том 5. М.: Юридическая литература, 1991.

203

См.: *Манштейн Э. фон.* Солдат XX века. С. 630.

Цит. по: *Манштейн Э. фон.*Солдат XX века. С. 631.

205

Служба безопасности внутри рейха.

См.: *Манштейн Э. фон.* Солдат XX века. С. 635–636.

207

См.: *Маношин И.С.* Героическая трагедия. О последних днях обороны Севастополя 29 июня – 13 июля 1942 г. Симферополь: Таврида, 2011. С. 193.

208

См.: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М., 1989. Т. 1. С. 206; История Второй мировой войны 1939–1945. В 12 т. М.: Воениздат, 1975. Т. 5. С. 121, 143.

209

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2). М.: «ТЕРРА», 1996. С. 15.

Там же. С. 15.

211

См.: История Второй мировой войны 1939–1945. В 12 т. М.: Воениздат, 1975. Т. 5. С. 124.

212

См.: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 281.

213

См.: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 288.

214

См.: История Второй мировой войны 1939–1945. В 12 т. М.: Воениздат, 1975. Т. 5. С. 132.

215

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 305.

Цит. по: *Мерецков К.А.* На службе народу. / К.А. Мерецков. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 310.

217

См.: *Хаупт В.* Сражения группы армий «Север». Взгляд офицера вермахта. М.: Яуза: Эксмо, 2006. С. 185.

См.: Ленинград выстоял и победил. М., 2004. С. 300.

219

См.: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 320.

220

Гитлер по-прежнему продолжал непосредственно управлять действиями 6-й армии через связного офицера Генштаба.

221

Цит. по: *Дёрр Г.* Поход на Сталинград (Оперативный обзор). М.: Воениздат, 1957. С. 73–74.

222

Цит. по: *Дёрр Г.* Поход на Сталинград (Оперативный обзор). С. 75.

223

Там же. С. 78.

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 573.

225

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 571.

226

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 363–364.

227

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 380.

См.: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 381.

229

См.: *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. В 3 т. Т. 2. 10-е изд., дополненное по рукописи автора. М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1990. С. 341–342.

230

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2). С. 465.

231

См.: История Второй мировой войны, 1939–1945. В 12 т. М.: Воениздат. Т. 6. С. 64.

232

См.: История Второй мировой войны, 1939–1945. В 12 т. М.: Воениздат. Т. 6. С. 64.

233

См.: *Самсонов А.М.* Сталинградская битва. 3-е изд., доп. М.: Наука, 1983. С. 433–434.

234

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2). С. 466–467.

235

19 декабря 1942 г. 6-я армия была передана в состав Юго-Западного фронта.

См.: Великая победа на Волге. М., 1965. С. 317–318.

237

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2). С. 467.

238

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 390.

239

См.: *Манштейн Э. фон.* Солдат XX века. С. 214–215.

240

См.: *Василевский А. М.* Дело всей жизни. Издание третье. М.: Политиздат, 1978. С. 261.

241

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2). С. 469.

242

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 413.

243

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2). С. 568–569.

Полк РС – полк гвардейских минометов.

245

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т. 16 (5–2). С. 475.

См.: *Куманев Г.А.* Сталинградская битва (Краткий военно-исторический очерк, документы, материалы). М.: МППА «БИМПА», 2007. С. 110. Численность личного состава показана только в боевых войсках. Количество орудий и минометов показано от 76-мм и выше.

247

См.: *Надысев Г.С.* На службе штабной. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Воениздат, 1976. С. 91.

См.: Сталинградская битва. Хроника, факты, люди. В 2-х кн. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Кн. 2. С. 319–320.

249

См.: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 411.

250

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 451–452.

251

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). М.: ТЕРРА, 1999. С. 255.

252

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 21.

253

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 417.

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 424.

255

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 258–259.

256

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 29.

257

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 263–264.

258

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 271–272.

259

См.: Советские танковые войска 1941–1945. Военно-исторический очерк. С. 100.

260

Армейская группа под командованием генерала Х. Ланца была создана в районе действий группы армий «Б» у Харькова. На усиление этой группы был придан танковый корпус СС.

261

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 35.

См.: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 468.

263

Цит. по: *Кардашов В.И.* Рокоссовский. 4-е изд. М.: Молодая гвардия, 1984. С. 309.

См.: *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. М.: Голос, 2000. С. 229.

265

Цит. по: *Кейтель В.* Мемуары фельдмаршала. Победы и поражения вермахта. 1938–1945 гг. / Пер. с англ. П.Ю. Никишова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. С. 227.

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 474.

267

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 478–479.

268

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 277–278.

269

Там же. С. 74.

270

13 февраля 1943 г. группа армий «Дон» была переименована в группу армий «Юг».

См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 313.

См.: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 493.

273

В связи с тем, что генерал Кемпф сменил генерала Ланца на посту командующего армейской группой, она стала именоваться армейской группой «Кемпф».

См.: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 500.

275

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Курская битва. Документы и материалы 27 марта – 23 августа 1943 г. Т. 15 (4–4). М.: ТЕРРА, 1997. С. 419.

Там же. С. 421–422.

277

Цит. по: *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Ист. очерки, документы и материалы. В двух томах. М.: Наука, 1973. Т. 2. С. 410–413.

278

Генерал К.К. Рокоссовский командовал Центральным фронтом.

Генерал Н.Ф. Ватутин командовал Воронежским фронтом.

280

Цит. по: Сборник документов Верховного Главнокомандования за период Великой отечественной войны. Т. 3, январь – декабрь 1943 г. М.: Воениздат, 1969. С. 351–353.

281

Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2002. С. 301.

282

Цит. по: *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. В 3 т. 10-е изд., дополненное по рукописи автора. М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1990. Т. 3. С. 23.

283

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 527–528.

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 530.

285

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 531.

Там же.

287

Цит. по: *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Т. 3. С. 31.

См.: *Хаупт В.* Сражения группы армий «Юг». Взгляд офицера вермахта. М.: Яуза: Эксмо, 2006. С. 283.

289

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 533.

290

Фон Манштейн отмечает, что к 3 июля 1943 г. всего на фронте «Цитадель» был 1081 танк (из них почти половина танков типа T-III) и 376 самоходно-артиллерийских установок.

291

См.: *Замулин В.* Курский излом. Решающая битва Отечественной войны. М.: Яуза: Эксмо, 2007. С. 54.

292

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Курская битва. Документы и материалы 27 марта – 23 августа 1943 г. Т. 15 (4–4). М.: ТЕРРА, 1997. С. 8.

293

Цит. по: *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Т. 3. С. 46.

Цит. по: *Конев И.С.* Записки командующего фронтом. М.: Голос, 2000. С. 108–109.

Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М.: ОЛМА-ПРЕСС: Звездный мир, 2002. С. 309–310.

См.: *Лопуховский Л.* Прохоровка. Без грифа секретности. М.: Эксмо, Яуза, 2007. С. 81.

297

Цит. по: *Чистяков И.М.* Служим Отчизне. 2-е изд. М.: Воениздат, 1985. С. 134.

298

Цит. по: *Катуков М.Е.* На острие главного удара. М.: Воениздат, 1974. С. 220.

299

См.: *Лопуховский Л.* Прохоровка. Без грифа секретности. С. 106.

См.: *Катуков М.Е.* На острие главного удара. С. 225.

301

См.: *Лопуховский Л.* Прохоровка. Без грифа секретности. С. 135, 136.

302

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т 16 (5–3). С. 176.

303

См.: Битва под Курском. М., 1946. Кн. 1. С. 201.

См.: *Жадов А.С.* Четыре года войны. М., 1978. С. 91.

305

Генерал-майор А.И. Рыжов – командующий 47-й армией. Генерал-майор В.Т. Обухов – командир 3-го гвардейского механизированного корпуса.

306

Генерал-лейтенант танковых войск М.Д. Соломатин – командир 1-го механизированного корпуса.

307

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 176.

Цит. по: *Ротмистров П.А.* Танковое сражение под Прохоровкой. М., 1960. С. 86.

309

См.: *Ротмистров П.А.* Стальная гвардия. М.: Воениздат, 1984. С. 186.

Ротмистров П.А. Стальная гвардия. С. 186.

311

См.: *Ротмистров П.А.* Танковое сражение под Прохоровкой. С. 87, 88.

312

См.: *Лопуховский Л.* Прохоровка. Без грифа секретности. С. 485.

313

См.: *Ротмистров П.А.* Стальная гвардия. С. 186.

Генерал В.Д. Крюченкин – командующий 69-й армией.

315

Цит. по: *Лопуховский Л.* Прохоровка. Без грифа секретности. С. 465–466.

См.: *Лопуховский Л.* Прохоровка. Без грифа секретности. С. 548.

317

См.: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 538.

Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 311.

319

См.: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 540.

320

См.: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 540–541.

321

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 178.

322

Цит. по: *Конев И.С.* Записки командующего фронтом. С. 114.

323

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 542.

См.: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 541, 542.

325

См.: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 544.

326

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 554.

327

См.: История Второй мировой войны 1939–1945. В 12 т. М.: Воениздат, 1976. Т. 7. С. 170, 172.

См.: История Второй мировой войны 1939–1945. В 12 т. М.: Воениздат, 1976. Т. 7. С. 170.

329

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1943 год. М.: ТЕРРА, 1999. Т. 23 (12-3). С. 301–302.

330

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 187.

331

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 188.

Цит. по: *Конев И.С.* Записки командующего фронтом. 1943–1945. М., 1981. С. 32–33.

333

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 556.

334

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 189.

См.: *Радзиевский А.И.* Танковый удар: танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1977. С. 189.

336

См.: История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 7. С. 194.

Там же. С. 195.

338

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 302–305.

339

16 августа 1943 г. армейская группа «Кемпф» была преобразована в 8-ю армию под командованием генерала Велера.

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 557.

341

Цит. по: *Конев И.С.* Записки командующего фронтом. М.: Наука, 1972. С. 40.

См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. С. 287, 485.

343

Цит. по: *Меллентин Ф.В.* Танковые сражения: Боевое применение танков во Второй мировой войне. Пер. с нем. М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб: «Издательство «Полигон», 2003. С. 284–285.

Цит. по: *Гудериан Г.* Воспоминания солдата. Пер. с немецкого. Смоленск: Русич, 2003. С. 431.

См.: *Дайнес В.О.* Жуков. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 369.

346

В немецких легендах Вотан – предводитель «дикой охоты», душ мертвых воинов.

347

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 189–190.

Там же. С. 192.

349

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 197.

350

26 августа 1943 г. И.С. Коневу было присвоено воинское звание генерала армии.

351

См.: *Радзиевский А.И.* Танковый удар: танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой Отечественной войны. С. 212.

352

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 305–306.

353

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 193.

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 561.

355

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 562.

356

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 563.

357

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 198.

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 564.

Так в оригинале. По смыслу должно быть: на запад.

360

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 564–565.

361

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 567.

362

Цит. по: *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. В 3 т. 10-е изд., дополненное по рукописи автора. Т. 3. С. 80.

363

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 201.

364

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 568–569.

365

См.: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 576–577.

366

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 579–580.

Цит. по: *Жадов А.С.* Четыре года войны. С. 121–122.

См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. С. 288, 485.

369

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 578.

Цит. по: *Хаупт Вернер.* Сражения группы армий «Юг». Взгляд офицера вермахта. С. 323.

Цит. по: *Португальский Р.* Маршал Конев. Мастер окружений. М.: Яуза: Эксмо, 2007. С. 97.

Цит. по: *Конев И.С.* Записки командующего фронтом. 1943–1945. С. 65–66.

Цит. по: *Лиддел Гарт Б.* Вторая мировая война. М., 1976. С. 467.

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 207.

375

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 208.

Генерал Р.Я. Малиновский командовал Юго-Западным фронтом.

377

Генерал И.М. Чистяков командовал 6-й гвардейской армией.

Генерал Н.П. Пухов командовал 13-й армией.

379

Генерал И.Д. Черняховский командовал 60-й армией.

Генерал П.А. Белов командовал 61-й армией.

381

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 313–314.

382

Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3)..С. 209.

Там же. С. 210.

384

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 210–211.

Там же. С. 316–317.

См.: *Конев И.С.* Записки командующего фронтом. С. 155.

20 октября 1943 г. Степной фронт был переименован во 2-й Украинский фронт.

См.: *Ротмистров П.А.* Стальная гвардия. С. 250.

389

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 589.

См.: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 591.

391

См.: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 592.

392

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 228–229.

393

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 596.

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 595–596.

395

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 236.

См.: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 598.

397

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 231.

См.: *Ротмистров П.А.* Стальная гвардия. С. 253.

399

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 600.

400

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 244–245.

401

Цит. по: *Меллентин Ф.В.* Танковые сражения 1939–1945 гг.: Боевое применение танков во второй мировой войне. С. 220–221.

Там же. С. 222.

403

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 247.

Цит. по: *Меллентин Ф.В.* Танковые сражения 1939–1945 гг.: Боевое применение танков во второй мировой войне. С. 222.

Цит. по: *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Т. 3. С. 98.

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 608.

См.: История Второй мировой войны 1939–1945. В 12 т. Т. 8. М.: Воениздат, 1977. С. 66.

См.: *Грылев А.Н.* За Днепром. М.: Воениздат, 1963. С. 49.

См.: *Шеин Д.В.* Танковая гвардия в бою / Дмитрий Шеин. М.: Яуза: Эксмо, 2009. С. 253–254.

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 609.

411

Цит. по: *Меллентин Ф.В.* Танковые сражения 1939–1945 гг.: Боевое применение танков во второй мировой войне: Пер. с нем. С. 228.

См.: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 609–610.

413

См.: *Бабаджанян А., Кравченко И.* 1-я танковая армия в Житомирско-Бердичевской операции // Военно-исторический журнал. 1972. № 9. С. 27.

414

Д.В. Шеин в своей книге «Танковая гвардия в бою» ошибся, полагая, что Житомир был освобожден 1 января 1944 г.

415

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 615.

14 января 1944 г. передана в состав 3-го Украинского фронта.

417

См.: *Дайнес В.О.* Советские танковые армии в бою / Владимир Дайнес. М.: Яуза: Эксмо, 2010. С. 561.

418

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования: Документы и материалы. 1943 год. Т. 16 (5–3). С. 251.

См.: *Ротмистров П.А.* Стальная гвардия. С. 258.

См.: *Радзиевский А.И.* Танковый удар: танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой Отечественной войны. С. 116.

421

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 619.

См.: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 620.

423

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 621.

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 622.

425

Петэн (Pétain) Анри Филипп (24.04.1856—23.07.1951) – французский военный и государственный деятель, маршал (1918). 17 мая 1940 г. стал заместителем премьер-министра, а 16 июня премьер-министром Франции. 22 июня 1940 г. подписал Компьенское перемирие с нацистской Германией. 10 июля, после переезда правительства в Виши, получил всю полноту власти от французского Национального собрания. В июле 1940 – августе 1944 г. глава государства (до апреля 1942 г. одновременно глава правительства) фашистского режима «Виши». В апреле 1945 г. арестован, в августе приговорен Верховным судом к смертной казни (замененной пожизненным заключением).

426

Юнкер (нем. Junker) – в данном случае крупный землевладелец, помещик.

Цит. по: *Манштейн Э. фон.* Солдат XX века. С. 257–258.

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). М.: ТЕРРА, 1999. С. 31.

См.: *Дайнес В.О.* Советские танковые армии в бою. С. 567.

См.: *Радзиевский А.И.* Танковый удар: танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой Отечественной войны. С. 182.

431

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 622–623.

432

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 623–624.

См.: *Конев И.С.* Записки командующего фронтом. С. 181.

См.: *Конев И.С.* Записки командующего фронтом. С. 180.

См.: *Радзиевский А.И.* Танковый удар: танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой Отечественной войны. С. 168.

После завершения разгрома окруженной группировки противника в районе Корсунь-Шевченковского корпус был выведен из оперативного подчинения командующего 40-й армией.

437

См.: *Грылев А.Н.* Днепр – Карпаты – Крым. Освобождение Правобережной Украины и Крыма в 1944 году. М.: Наука, 1970. С. 109.

438

Цит. по: *Краснов В.Г.* Неизвестный Жуков. Лавры и тернии полководца. Документы. Мнения. Размышления. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 414–415.

439

Цит. по: *Конев И.С.* Записки командующего фронтом. С. 183–184.

См.: *Радзиевский А.И.* Танковый удар: танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой Отечественной войны. С. 213.

441

См.: *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Т. 3. С. 110–111.

442

Цит. по: *Конев И.С.* Записки командующего фронтом. С. 196.

443

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). М.: ТЕРРА, 1999. С. 41–42.

444

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 42.

445

Цит. по: *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Т. 3. С. 113.

Цит. по: *Хаупт В.* Сражения группы армий «Юг». Взгляд офицера вермахта. С. 355.

См.: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 628.

Цит. по: *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Т. 3. С. 114.

449

Цит. по: *Конев И.С.* Записки командующего фронтом. С. 210.

Цит. по: *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны. Перевод с немецкого. М., 1956. С. 354–355.

451

См.: *Меллентин Ф.В.* Танковые сражения: Боевое применение танков во Второй мировой войне. Пер. с нем. С. 334.

См.: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 638.

453

1-й Белорусский фронт был образован решением Ставки ВГК от 17 февраля 1944 г. в результате переименования Белорусского фронта. В состав фронта входили 3, 10, 48, 50, 61, 65-я и 16-я воздушная армии.

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 640.

455

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 47.

Там же. С. 268–269.

См.: *Катуков М.Е.* На острие главного удара. С. 292.

458

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 51.

459

См.: *Дайнес В.О.* Советские танковые армии в бою. С. 317.

Там же.

461

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 47.

462

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 273–275.

463

Во 2-й танковой армии имелось 174 танка и 57 САУ, в 5-й гвардейской танковой – 169 танков и 27 САУ, а в 6-й танковой – 121 танк и 32 САУ. (См.: *Дайнес В.О.* Советские танковые армии в бою. С. 319.)

464

В связи с тяжелым ранением генерала армии Н.Ф. Ватутина командующим 1-м Украинским фронтом 1 марта 1944 г. был назначен маршал Г.К. Жуков.

См.: Советские танковые войска 1941–1945. Военно-исторический очерк. М.: Воениздат, 1973. С. 177.

466

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 57–58.

467

Цит. по: *Конев И.С.* Записки командующего фронтом. М.: Наука, 1972. С. 184.

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 645–646.

469

В. фон Зейдлиц-Курцбах (22.08.1888 – 28.04.1976) – генерал артиллерии (1942), командир 5-го армейского корпуса 6-й армии. 31 января 1943 г. взят в плен вместе со штабом корпуса и помещен в лагерь военнопленных. 11–12 сентября возглавил антигитлеровскую Лигу германских офицеров. Несмотря на поддержку со стороны советского командования, предоставившего в распоряжение Лиги пропагандистские материалы, ее деятельность успеха не имела и влияния на германскую армию не оказала. 26 апреля 1944 г. на заседании военного трибунала в Дрездене Зейдлиц-Курцбах был заочно приговорен к смертной казни. После того как стало ясно, что идея Лиги потерпела провал, его перевели в Ростов. 8 июля 1950 г. военный трибунал войск МВД Московского округа приговорил Зейдлица-Курцбаха к 25 годам заключения в лагерях. В 1954 г. он был переведен в Бутырскую тюрьму в Москве, а затем в Новочеркасск. 4 октября 1955 г. освобожден, а 6 октября передан властям ФРГ.

См.: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 649.

471

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 278–279.

472

В соответствии с директивой № 220051, Ставка ВГК с 24.00 12 марта 1944 г. установила следующие разграничительные линии 1-го Украинского фронта: справа, со 2-м Белорусским фронтом: до Рожище – прежняя и далее Турийск, Любомль, Опалин (все пункты, кроме Турийска, для 1-го Украинского фронта включительно); слева, со 2-м Украинским фронтом: до Жадан – прежняя и далее Немиров, Копай-Город, Китай-Город, Черновицы (все пункты для 1-го Украинского фронта включительно).

473

См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 59.

Цит. по: *Катуков М.Е.* На острие главного удара. С. 296–297.

475

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 60–61.

См.: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 650.

477

См.: *Конев И.С.* Записки командующего фронтом. М.: Наука, 1972. С. 198.

Цит. по: *Конев И.С.* Записки командующего фронтом. М.: Наука, 1972. С. 199–200.

479

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 656.

480

Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 63.

481

Дополнительная награда к ордену «Рыцарский крест». – *Прим. авт.*

482

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 661–662.

483

Цит. по: *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Т. 3. С. 120–121.

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 663–664.

485

Цит. по: *Манштейн Э. фон.* Солдат XX века / Эрих фон Манштейн; пер. с нем. Е.В. Пономаревой. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2006. С. 266–267.

Цит. по: *Манштейн Э. фон.*Солдат XX века. С. 284.

См.: *Манштейн Э. фон.* Солдат XX века. С. 293–296.

Westphal Siegfried: Der deutsche Generalstab auf der Anklagebank. Mainz, 1978.

489

Цит. по: *Манштейн Э. фон.*Солдат XX века. С. 299–300.

490

Альфред Йодль (10.05.1890 – 16.10.1946) – военный деятель Германии, генерал-полковник, начальник штаба оперативного руководства Верховного командования вермахта. Международным трибуналом приговорен к смертной казни.

491

Цит. по: *Манштейн Э. фон.*Солдат XX века. С. 324.

Цит. по: *Манштейн Э. фон.*Солдат XX века. С. 304–305.

493

Цит. по: *Манштейн Э. фон.*Солдат XX века. С. 310.

Цит. по: *Манштейн Э. фон.*Солдат XX века. С. 313.

Там же. С. 321.

Цит. по: *Манштейн Э. фон.*Солдат XX века. С. 321–322.

497

Речь идет о приказе № 2379/41 командующего 11-й армией от 20 ноября 1941 г.

Цит. по: *Манштейн Э. фон.*Солдат XX века. С. 323.

499

Цит. по: *Манштейн Э. фон.* Солдат XX века. С. 325.

Там же. С. 353.

501

См.: *Манштейн Э. фон.* Солдат XX века. С. 381.

502

Под «саперными работами» в данном случае подразумевается использование военнопленных для снятия минных полей.

503

Цит. по: *Манштейн Э. фон.*Солдат XX века. С. 388.

Цит. по: *Манштейн Э. фон.*Солдат XX века. С. 399.

505

Цит. по: *Манштейн Э. фон.*Солдат XX века. С. 399–400.

Там же. С. 404–407.

507

Цит. по: *Манштейн Э. фон.*Солдат XX века. С. 409.

508

Денацификациия (нем. Entnazifierung) – мероприятия по очищению государственной, общественно-политической и экономической жизни Германии от последствий господства фашистского режима с целью проведения демократического преобразования страны.

Manstein E. v. Verlorene Siege, Bonn, 1955.

510

См.: *Манштейн Э. фон.* Утерянные победы. Воспоминания фельдмаршала. М.: АСТ; АСТ, Москва, 2007, 2009; Проигранные победы. Личные записки генерала вермахта. М.: Центрполиграф, 2008, 2009; Утерянные победы. М.: Вече, 2010; Утерянные победы. Воспоминания фельдмаршала / *Э. фон Манштейн.* М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2011; Утерянные победы. Воспоминания фельдмаршала. М.: «Астрель», 2012.

Manstein E. v. Auseinem Soldatenleben 1887–1939. Bonn, 1958.

512

Герхард граф фон Шверин (23.06.1899 – 29.10.1980) – военачальник, генерал танковых войск (1945), кавалер Рыцарского креста с Дубовыми листьями и Мечами. В 1950 г. советник канцлера ФРГ К. Аденауэра по военным вопросам и безопасности.

513

Теодор Бланк (1905–1972) – немецкий политик, министр обороны, труда и общественных дел ФРГ.

514

Адольф Хойзингер (1897–1982) – военачальник, генерал-лейтенант (1943). Во время Второй мировой войны начальник оперативного отдела Генерального штаба Сухопутных войск. С 1950 г. советник по военным вопросам федерального канцлера К. Аденауэра, с 1951 г. – немецкий консультант при переговорах о создании Европейского оборонительного сообщества (ЕОС). В 1952–1955 гг. руководитель военного отдела в «ведомстве Бланка», преобразованного затем в федеральное министерство обороны. В июне 1955 г. вернулся на военную службу, а в ноябре был назначен председателем военного руководящего совета (нем. Militärischer Führungsrat). С марта 1957 г. начальник управления вооруженных сил министерства обороны ФРГ, с июня – первый генеральный инспектор бундесвера. В апреле 1961 г. назначен председателем военного комитета НАТО. В марте 1964 г. ушел в отставку.

515

См.: *Манштейн Э. фон.* Солдат XX века. С. 430–437, 501–523.

516

См.: Вооруженные силы капиталистических государств. 2-е изд. доп. / Под общ. ред. П.И. Сергеева. М.: Воениздат, 1979. С. 321.

517

Цит.: *Манштейн Э. фон.* Солдат XX века. С. 436–437.

Там же. С. 439.

519

Там же. С. 447–448.

Цит.: *Манштейн Э. фон.* Солдат XX века. С. 456.

521

Там же. С. 459–462.

522

См. подробнее: Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы. М.: Международный фонд «Демократия», 2001.

См.: *Манштейн Э. фон.* Солдат XX века. С. 480–482.

См.: *Глазунов Н.К.* Бундесвер и НАТО: история создания и развития вооруженных сил ФРГ (1955–1978). М.: Воениздат, 1979. С. 52.

525

См.: Вооруженные силы капиталистических государств. 2-е изд. доп. М.: Воениздат, 1979. С. 322.

Там же. С. 322–323.

См.: Там же. С. 323.

Цит.: *Манштейн Э. фон.* Солдат XX века. С. 441.

529

«Grosse Zapfenstreich» (торжественная зоря) – существующая в германской армии с 1838 г. особо почетная церемония, которой удостаиваются немногие военные.

Цит. по: *Манштейн Э. фон.*Солдат XX века. С. 492–493.

531

Цит. по: *Манштейн Э. фон.*Солдат XX века. С. 497–498.

Грязное ремесло (*фр.*).

533

Цит. по: *Манштейн Э. фон.*Солдат XX века. С. 498–500.

См.: *Толанд Д.* Адольф Гитлер. М., 1993. Т. 2. С. 93.

535

См.: *Самсонов А.М.* Сталинградская битва. 3-е изд., доп. М.: Наука, 1983. С. 418.

536

См.: *Меллентин Ф.В.* Танковые сражения: Боевое применение танков во Второй мировой войне: Пер с нем. / *Ф.В. Меллентин*. М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2003. С. 215–216.

537

Цит. по: *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. В 3 т. Т. 3. С. 49.

Цит. по: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 505.

539

См.: *Манштейн Э.* Утерянные победы. С. 667–669.

540

К Рыцарскому кресту.

541

См.: Нюрнбергский процесс. Преступления против человечности. Том 5. М.: Юридическая литература, 1991; *Манштейн Э. фон.* Солдат XX века / Эрих фон Манштейн; пер. с нем. Е.В. Пономаревой. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2006. С. 625–627.

См.: *Манштейн Э. фон.* Солдат XX века. С. 637–639.

543

См.: Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Том I. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1954. С. 454.

См.: Русский архив: Великая Отечественная: Курская битва. Документы и материалы 27 марта – 23 августа 1943 г. Т. 15 (4–4). М.: ТЕРРА, 1997. С. 421–422.